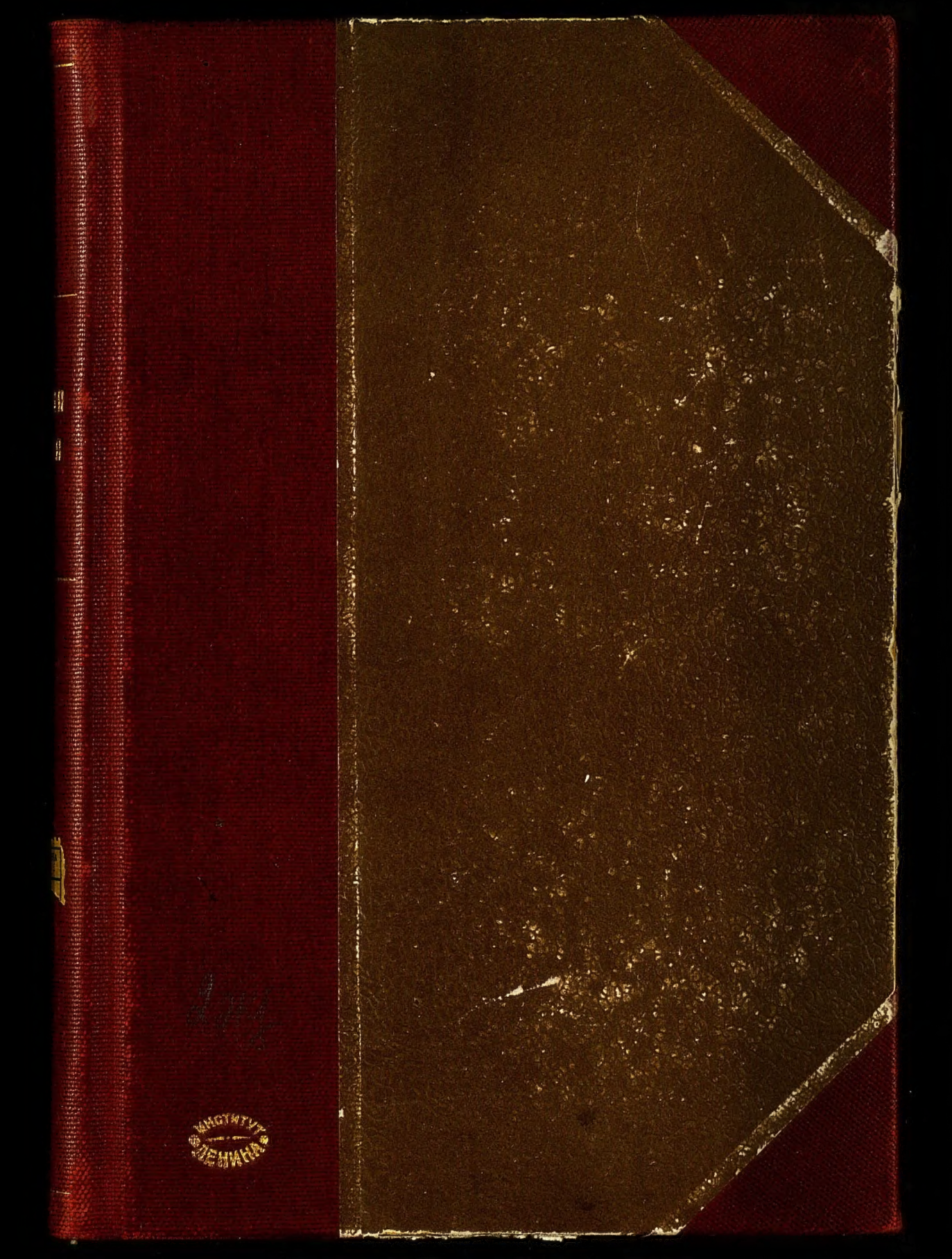
ИНСТИТУТ ЛЕНИНА

BE315
P153

КАРЛ РАДЕК

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ТОМ I

Государственное издательство
МОСКВА

Карл Радек

ЕН 161
Г 392

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Том I

ИМПЕРИАЛИЗМ, ВОЙНА И ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ КОМПАРТИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1925

2ЭКЗ

ЕН161
Г392

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
№ 9346
БИБЛИОТЕКА

(048)1925)
4979 с.1
1058509

Главлит № 26.245 Тираж 7.000 экз.

Типография „Красный Пролетарий". Пименовская ул., дом 1/16.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Рождение германского коммунизма и большевизм VII

Введение 3

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Проблемы империализма перед войною . . . 5

Внешняя политика германской социал-демократии 7

1. Да здравствует война . . . . . —
2. Социал-демократия, как опора международного мира . . . 11
3. Угрожающая внешняя политика Англии и мирная внешняя политика Германии 15
4. Панславистская опасность. Национальное движение на Юго-Востоке 19
5. Критика и тактика 22

Перед партийным съездом 27

1. Через шесть лет . . . . . —
2. Политическое положение и социал-демократия 30
3. Нужно уяснение 35

Германский империализм и рабочий класс 38

1. В эпоху острой опасности военного конфликта . . . . —
   а) Сущность империализма. Попытки капитализма затемнить истину 41
   б) Движущие силы империализма 50
   в) Империализм и буржуазия 57
   г) Первые шаги германской колониальной политики . . 62
2. В фарватере империализма 74
   а) От континентальной политики к политике мировой . —
   б) Германский флот 81
3. 10 лет германской империалистической политики 86
   а) Международное положение и англо-германский конфликт . . . . . —
   б) Роль германского капитала в Китае 95
   в) Германский капитал в Турции 103
   г) Марокканская игра 112
   д) Что же дальше? 117

Стр.

4. Империализм и положение рабочего класса 125
а) Гонка вооружений и ее экономические последствия . —
б) Империалистическая экспансия и положение рабочего класса 127
в) Империализм и социальные реформы 131
г) Империализм и демократия 133
д) Борьба с империализмом 137

Наша борьба против империализма 145

1. Империализм, как политика капитализма . . . . . —
2. С империализмом, не разбивая рамок капиталистического строя, бороться немыслимо 152
3. Социализм против империализма 158
4. Проверка на примере 165

Пути и средства борьбы с империализмом 166

1. Два метода изучения империализма. Два понимания империализма . . . . . —
2. Милиционная система и разоружение 176
3. Ограничение вооружений 189
4. Предпосылки и выводы 192

Капиталистические вооружения, народная армия и социал-демократия 199

1. Опять военный законопроект,—а дальше что? . . . . . —
2. Возникновение современной организации военного дела . 205
а) Наемное войско . . . . . —
б) Армия революции 212
в) Всеобщая воинская повинность в Пруссии в 1813 г. . 218
3. Постоянное войско при всеобщей воинской повинности . 224
4. Буржуазия, милиция и милитаризм 230
а) Буржуазный идеал милиции . . . . . —
б) Буржуазия против милиции 235
5. Тенденции современного милитаризма 240
а) Последствия всеобщей воинской повинности . . . . . —
б) Обособление войска от народа 246
в) Условия современной войны 251
6. Социал-демократические требования милиции 257
а) Милиция, демократия и классовая борьба . . . . . —
б) Милиция и борьба за власть 262

Против демократии 266

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Война 271

За что мы обязаны проливать кровь? 273

1. Развязка близится . . . . . —
2. Кто распоряжается нашей жизнью? 274

Стр.

3. Требуют ли войны „насущные интересы" нации? 274
4. Почему Россия угрожает Австрии? 275
5. Нам приходится проливать свою кровь за интересы капитала 277

Марксизм и проблемы войны 279

Исторические параллели 292

Развитие Интернационала 296

Единство партии или раскол 304

1. Социал-демократия и социал-империализм . . . . . —
2. Раскол в рабочем движении 308
3. Политика 4-го августа 314
4. Да здравствует раскол! 318
5. Левое радикальное крыло и центристы 326
6. Задачи лево-радикального крыла 330

Анархизм и Интернационал 337

В сетях противоречий 345

Государство, нация, империализм и социал-демократия 354

1. Проблемы . . . . . —
2. Образование национальных государств и социал-демократия 356
   а) Объединение Англии и объединение Франции . . . . —
   б) Объединение Германии 358
   в) Государство с пестрым национальным составом и социал-демократия 363
   г) Пролетариат и образование государства 367
3. В период империализма 368
   а) Империалистические задачи государства 373
   б) Национальные проблемы 378
4. Позиция рабочего класса 381
   а) Социал-патриотизм . . . . . —
   б) Социал-империализм 386
   в) Социал-пацифисты 390

Трагедия 21-го октября 397

Против политического террора 402

Под собственным знаменем 407

Партийный центр и проблемы войны 420

1. Перспективы империализма . . . . . —
2. О характере мировой войны 426
3. „Каждый особый случай—по его особым признакам" . . 431

Стр.

Движущие силы русской революции 439

1. Солдатская революция . . . . . —
2. Империалисты-революционеры 441
3. Роль рабочего класса 444
4. Тактика рабочего класса 447
5. Борьба за мир 450
6. Позиция большевиков 455

Гарантии 458

Германская реформация 462

Циммервальдская левая о задачах рабочего класса 466

Введение . . . . . —
Резолюция, предложенная левым крылом 473
Проект манифеста, предложенный левым крылом 475

Вехи революции 479

1. Могильщики революции . . . . . —
2. Социалистические паразиты революции 482
3. Природа русской революции 485
4. Русская революция и европейский пролетариат 490

Циммервальд на распутье 494

Что значит отказ от защиты отечества 503

РОЖДЕНИЕ ГЕРМАНСКОГО КОММУНИЗМА И БОЛЬШЕВИЗМ.

Этот первый том сборника, посвященного вопросам германской революции, охватывает девять лет, которые сыграли решающую роль в истории Германии вообще и рабочего движения Германии в частности. Он охватывает время подготовки войны, время попыток мобилизовать германский пролетариат против приближающейся империалистской грозы и время попыток создания организаций для борьбы с империалистической войной за социализм. Годы перед войной, после поражения первой русской революции я провел в Германии как сотрудник по внешней политике двух руководящих органов левого направления германской социал-демократии — „Leipziger Volkszeitung“ и „Bremer Bürger-Zeitung“. Главная часть перепечатанных здесь за это время статей появилась именно в этих газетах, со столбцов которых полемика против Каутского перешла позже в „Нейе Цейт“, главный научный орган германской социал-демократии. С начала 1915 года я мог помогать пером борющимся германским товарищам только из Швейцарии. Перепечатанные здесь статьи этого периода появлялись сначала в названной уже бременской партийной газете или в журнале, издаваемом тов. Борхардом, „Lichtstrahlen“.

В 1915 году, когда социал-патриоты совместно с центристами отняли у нас ежедневную бременскую газету, нам удалось создать, благодаря энергии бременских рабочих-коммунистов, собственный еженедельник „Arbeiterpolitik“. В этом еженедельнике, который мне пришлось из Швейцарии на добрую половину заполнять собственными статьями (из русских товарищей помогали нам время-от-времени

статьями тт. Бухарин, Зиновьев, Колонтай, Евг. Богдановна Бош), появилась главная часть статей, посвященных вопросам войны и входящих в этот том. Теоретически внешний вид журнала позволял обойти военную цензуру, которая,—надо это вспомнить с благодарностью,—отличалась к тому исключительной провинциальной тупостью. Если теперь пересмотреть комплект нашего маленького бременского журнала, то надо признать, что это, несмотря на внешний теоретический вид, был самый боевой из легальных органов революционного социализма, появлявшихся в воюющих странах. Одновременно я писал по вопросам войны в бернском и цюрихском социал-демократических органах под псевдонимом „Парабеллум“ и собственной фамилией, как и в шведских органах „Политикен“ и „Штурм-Клокан“. Этих статей, которые изо дня в день следили за ходом военных событий и борьбой рабочего класса, я точно так же не включаю в эту книгу, как и статей, посвященных перед войной империалистской политике, внутренней политике Германии и проблемам рабочего движения. Они заполнили бы много томов, но служили бы только иллюстрацией к основным идеям, защищаемым в данной книге. Может-быть, когда-нибудь удастся мне собрать эти статьи. Теперь довольствуюсь переизданием того, что удалось собрать в 1919 году, за время, когда я пользовался гостеприимством г-на Носке. К переводу этих статей, изданных по-немецки в 1920 году: „In den Reihen der deutschen Revolution“, я добавляю только несколько статей из „Интернационала Молодежи“ и листовку, изданную в 1915 году Бюро циммервальдской левой (оно состояло из тт. Ленина, Зиновьева и меня), ибо эти статьи, не считающиеся с цензурой, ставят некоторые точки над i, которых пришлось избегать в других статьях.

Картина, которую читатель этих статей получит,—это картина выработки идеологии левого крыла германской социал-демократии, так-называемых левых радикалов, из которого во время войны создался союз Спартака, руководимый Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, как и организация так-называемых северных левых радикалов, руководимая погибшим в 1919 году тов. Книфом и мною. Как читатель увидит, идейная борьба левых радикалов шла вначале еди-

ным фронтом против Каутского. Позже, во время войны, начинаются разногласия в лагере левых радикалов, и часть статей этой книги посвящена полемике с тов. Розой Люксембург и группой Спартака. Совместно со статьями Розы Люксембург, Паннекука, Тальгеймера этот сборник статей является, таким образом, одним из документов идейного рождения германского коммунизма из недр германской социал-демократии. В последнее время в связи с борьбою в рядах германской коммунистической партии,—борьбою, вызванной заминкой в развитии германской революции, поражениями германского пролетариата, часть наших друзей в Германии поставила вопрос о месте лево-радикального направления германской социал-демократии в истории рабочего движения, а специально—в истории коммунизма. Этот вопрос, формулированный: „Были ли левые радикалы большевиками?" интересен независимо от временных тактических споров, и на нем я хочу остановиться в этих вступительных словах к моей книге.

Лево-радикальное течение в Германии было безусловно самым революционным течением западно-европейского рабочего движения в период перед войной. До появления этого течения спор в лагере II Интернационала шел в области теории о том, развиваются ли общественные отношения согласно учения Маркса по направлению к социальной революции, или нет; в области практики этот спор шел о том, как лучше вести классовую борьбу пролетариата, как накоплять его силы. Этот спор имел громадное значение, и одной из причин полного развала II Интернационала надо считать факт, что левая часть II Интернационала не сумела втянуть в этот спор достаточно широких масс пролетариата и внушить ему, что здесь дело идет не меньше и не больше как о существовании социализма. Но этот спор велся в рамках нереволюционного положения, в объективных условиях, которые не позволяли поставить вопрос о непосредственной борьбе за социализм. Обострение международных отношений с развитием империализма в начале XX столетия, обострение классовых противоречий во всех капиталистических странах поставило перед пролетариатом ребром вопрос о конце реформистской

эпохи, о переходе к борьбе за социализм. Растущая сила трестов и картелей, растущая дороговизна, растущее вооружение, растущая опасность войны,—все это были доказательства коренного перелома в объективных условиях борьбы рабочего движения. Ясно было, что близится время, когда не только будет невозможно завоевание существенных реформ, но когда пролетариат будет подвергнут опасности полного обнищания, опасности сделаться пушечным мясом империалистической войны, если он не порвет не только с реформистской политикой, но и с политикой пассивного выжидания, если не перейдет к революционному массовому действию. Каутские, Гильфердинги развивали эти перспективы в своих ученых трудах, но когда пришло время повернуть руль пролетарских партий налево, развернуть соответствующую агитацию в рабочих массах, обострить борьбу профессиональных союзов, противопоставляя кассам предпринимателей массы рабочих, перейти от парламентской защиты демократических прав к такой борьбе за демократию, которая должна была бы привести к непосредственной борьбе за социализм, противодействовать опасности войны революционной агитацией в армии, агитацией за массовое революционное выступление пролетариата,—самые видные европейские марксисты испугались последствий своего собственного учения и, объединившись с реформистами, скатились до реформизма. Левые радикалы в Германии были единственной группой в западно-европейском секторе II Интернационала, которая поставила ребром вопрос о переходе к революционным массовым действиям и которая теоретически дала бой каутскианству по вопросу о возможностях империалистического развития и его последствиях для рабочего движения. Что касается этого последнего вопроса, то сравнение работы левых радикалов в Германии с партийной русской прессой покажет, что левые радикалы проделали здесь громадную предварительную работу для выработки точки зрения русских большевиков и Коминтерна. Большевистская партия России, загнанная в подполье Столыпиным, должна была сосредоточить свои силы на защите революционных задач и революционной органи-

зации от ликвидаторства. При этом в России большевизм имел позади неоконченную демократическую революцию и перед собой (так можно было думать до 1916 года)—новую демократическую революцию.

Лево радикальное течение в Германии, являющееся, таким образом, кроме русского большевизма, единственным предшественником современного международного коммунизма, страдало в своей постановке вопросов известной ограниченностью, являющейся результатом условий его возникновения. Германские левые радикалы впервые в Западной Европе стремились к проведению тактики, мобилизующей массы к революционной борьбе за социализм. Но очень характерно, что, выдвигая с полной определенностью перспективу этой борьбы и борясь за вовлечение рабочих масс в эту борьбу, они все время говорили не о вооруженном восстании, как пути к завоеванию власти, а о „массовых революционных действиях". Это объясняется тем, что им предстояла сначала громадная работа для того, чтобы увлечь рабочие массы с рельс легалистско-реформистской политики на путь массовых демонстраций, всеобщей забастовки и вообще политики, обостряющей классовую борьбу. Кто ставит левым радикалам в упрек, что в их пропаганде идея вооруженного восстания не играла роли, тот забывает, что и русские большевики поставили вопрос о вооруженном восстании только после поражения царизма на полях Манчжурии, после начала массовых забастовок русского пролетариата, после начала массового крестьянского движения. При отсутствии этих массовых движений в Германии, вопрос о восстании не мог быть поставлен серьезным течением, которое ставило себе целью подготовить революционную борьбу пролетариата, а не сочинять „кровавые" платформы. Из этого вытекает и ответ на вопрос, почему левые радикалы не поставили вопроса о форме пролетарской диктатуры. В книге Ленина „Государство и революция" русский читатель может найти, что вопрос о разрушении государственного аппарата буржуазии, как первой задаче пролетарской диктатуры, был после Маркса и Энгельса в первый раз снова поднят левым радикалом Паннекуком, что вызвало страстный ответ Каутского, являющийся прелю-

дией к его позднейшей канонаде против книги Ленина. Но вопроса о форме диктатуры нельзя было ставить, пока русская революция 1917 года, как первая пролетарская революция, этого вопроса практически не поставила. И русский большевизм в 1905 году, во время первой революции, стремясь к демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, не мог еще поставить вопроса о формах пролетарской диктатуры так, как его поставил Ленин в 1917 году. Но даже после октября 1917 года до возникновения советов рабочих депутатов в Германии, Австрии и Венгрии Ленин считал вопрос о форме диктатуры пролетариата вообще окончательно не решенным. На основе опыта русской революции громадное большинство левых радикалов в Германии сразу стало на почву советской диктатуры, за исключением тов. Люксембург, которая, сидя в тюрьме, отрезанная от непосредственного влияния русского опыта, думала, — как, между прочим, целый ряд видных русских большевиков, — что борьба пролетариата за социализм даже после захвата власти может итти путем сочетания форм буржуазной демократии с советами, являющимися организациями пролетарского нажима. Первый опыт германской революции заставил Розу Люксембург покинуть эту точку зрения.

Еще в одном принципиальном вопросе выражалась западно-европейская ограниченность германских левых радикалов,—это именно в национальном вопросе. В Западной Европе национальный вопрос был решен, национализм был только маской империализма, и поэтому германские левые радикалы считали, что лозунг самоопределения наций, страстно защищаемый Лениным, послужит только лазейкой для социал-патриотической организации. За этим непониманием точки зрения Ленина скрывались две очень существенные ошибки. Первая из них состояла в недооценке громадного значения национального вопроса на Юго-Востоке Европы и на Востоке вообще. Русские большевики, партия пролетариата, борющегося за власть в громадной многонациональной империи, на рубеже Азии и Европы, ощущали значение этого вопроса непосредственно. Вторая ошибка вытекала из недостаточно конкретного понимания эпохи социальной революции. Что социализм будет организовывать человечество

на основе экономически-территориальной,—это не подлежит ни малейшему сомнению, но период социальной революции—это на долгое время еще только борьба за социализм, в которой классу-гегемону—пролетариату приходится считаться с наследием прошлого, с отсталостью масс, с национальными предрассудками и т. д., и т. д. Что мы, пролетарские централисты, будем переходить и через фазу федерации и создания независимых национальных республик,—об этом нам никогда не снилось.

Теоретические недостатки, недоговоренности левого радикализма в Германии, как самостоятельной пролетарской струи, стремящейся к великой реке коммунизма, были с легкостью преодолены под влиянием опыта Октябрьской революции. Труднее обстоит дело с организационными взглядами, унаследованными германским коммунизмом от левых радикалов. Сущность большевистских взглядов на организацию пролетариата состоит в том, что большевизм, родившись в революционной борьбе и гражданской войне, в стране преобладающей мелкой буржуазии, понял, что без самой строгой централизации нельзя создать революционной пролетарской организации, способной к борьбе с царизмом. В пролетарскую революцию большевизм внес эту идею железного демократического централизма. Вырастая на опыте поражения 1905 года, он великолепно понял мысль Маркса, что восстание—это искусство, и что надо уметь его организовать. Когда создавалось германское лево-радикальное направление, оно было течением в громадной массовой рабочей организации германской социал-демократии. Эта организация была строго централизована, но во главе ее стояли сознательные или несознательные оппортунисты. Лево-радикальное течение обращалось к рабочим массам, чтобы агитацией втянуть их в революционную борьбу. Эту задачу рабочие—левые радикалы считали главной, надеясь, что если наступит перелом в настроении рабочей массы, то удастся легко изменить и партийное руководство. К партийному руководству же левые рабочие относились с недоверием. Таким образом, из недооценки значения руководства, глубочайших затруднений, которые оно может ставить революционному движению, из одновременного недоверия к этому руководству родился

организационный нигилизм, связанный с глубоким недоверием к сильному централистическому руководству. Левые радикалы, будучи чересчур слабыми, чтобы поставить себе задачу свергнуть оппортунистическое руководство и чтобы использовать весь аппарат партии, как рычаг для поднятия масс, создали себе кумир из стихийности революционного движения. Из того, что революция является стихийным явлением, они делали вывод, что восстание есть стихийное явление. Всякая подготовка восстания казалась им вспышкопускательством.

Эта недооценка значения организации была источником ошибки Розы Люксембург, Иогихеса и Либкнехта в 1916 году, когда надо было решить вопрос о том, создать ли особую коммунистическую партию, или войти в создаваемую независимую социал-демократию. Та часть левых радикалов, которая группировалась вокруг нашего бременского журнала, боролась уже тогда за создание особой коммунистической партии, выходя, как это увидит читатель моих статей, из большевистского понимания роли партии. Ошибка руководителей союза Спартака имела тяжелые последствия для германского коммунистического движения, которое в дни ноябрьской революции было только политическим направлением, а не было организацией. Характерно, что в Бремене, где издавался наш журнал „Arbeiterpolitik“, и где наша работа создала хороший кадр рабочих-коммунистов, связанных между собой идейно и организационно, коммунистическая партия в ноябрьские дни играла под руководством незабвенного Иоганна Книфа руководящую роль.

Эта традиция организационного нигилизма была одной из причин, почему германской коммунистической партии не удалось хорошо подготовиться к октябрю прошлого года. И — увы! — эта традиция еще не преодолена. Преодоление этой традиции является одной из главных задач германского коммунизма, если он хочет быть лучше подготовленным к новым революционным потрясениям, которые, наверное, не за горами и не за лесами.

Так как же? Были ли германские левые радикалы большевиками, или нет? Когда создавалось лево-радикальное течение, русский большевизм был теорией и организацией

пролетариата, стремившегося к гегемонии в демократической революции. Времена же демократической революции для Западной Европы прошли уже давно. Германский левый радикализм родился, как стремление левых рабочих-передовиков к непосредственной борьбе за социализм. Понятно, что, несмотря на эту разницу в обстоятельствах возникновения обоих движений, немецкий левый радикализм многому мог научиться у большевизма, но большевистским он не мог быть. Но война двинула вперед дело революции в России. В течение 8 месяцев Россия перешла от демократической революции к пролетарской; этому соответствовало развитие большевизма от теории борьбы за демократическую диктатуру к теории борьбы за пролетарскую диктатуру. Одновременно война поставила по всей Европе на очередь борьбу за диктатуру пролетариата. Большевистская партия, проделавшая весь опыт пролетарской революции, сделалась, таким образом, вождем международного пролетариата. Германский левый радикализм должен был проделать путь к большевизму, принять его опыт, или ему оставался только путь назад, к социал-демократии. Диктатура пролетариата в России завоевана в своеобразных условиях преобладания в хозяйстве страны мелкой буржуазии. Быть-может, опыт революции в странах с более развитой промышленностью вызовет те или другие изменения и в структуре, и в политике коммунистических партий. Теория ленинизма, единственно возможная теория международного пролетариата в эпоху социальной революции, не предохраняет ее приверженцев от плохого применения в том или другом случае. Необходимость внимательнейшего изучения опыта западно-европейских пролетарских движений, как и исправления их ошибок в применении ленинизма, являются условием развития Коммунистического Интернационала. Но так как вне ленинизма нет в эпоху пролетарской революции марксизма, точно так же нет вне Коминтерна возможности коммунистической политики. Семьдесят лет со дня рождения Каутского праздновали реформисты всего мира. Каутский, который восстал против Ленина, должен был очутиться в объятиях Бернштейна. Леви, Фроссар, а теперь Зетта Хеглунд, которые пытались вести коммунистическую политику вне Коминтерна, очутились в

объятиях социал-демократии. Германский левый радикализм, родившийся как самостоятельное течение, идущее к коммунизму, должен был влиться в русло ленинизма; это значит— он должен был преодолеть ограниченность своей исходной точки развития, свою ограниченность как германского течения и течения предреволюционного. Он перестал существовать как особое течение. Он был мостом для десятков тысяч рабочих к ленинизму. И мы думаем, что изучение его истории поможет германским рабочим-передовикам и теперь еще в сознательном продумывании теории и практики ленинизма, ибо поскольку левый радикализм именно в своих ограниченностях отражал известные особенности германского развития, которые должны быть преодолены, то преодоление их может быть только облегчено самым внимательным изучением лево-радикального движения, которое было лучшей страницей предвоенной и военной истории западно-европейского рабочего движения.

Карл Радек.

Москва, 7 ноября 1924 г.

ЖЕНЕ МОЕЙ РОЗЕ

ПОСВЯЩАЮТСЯ ЭТИ ИЗБРАННЫЕ ПЛОДЫ

ДЕСЯТИ ЛЕТ СОВМЕСТНОЙ БОРЬБЫ И МЫСЛИ

Берлин, декабрь 1919 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящий сборник заключает в себе избранные работы из числа обращавшихся к германскому пролетариату и подготавливавших его к надвигавшимся революционным боям. Эти работы—один из памятников возникновения Германской Коммунистической Партии. Соображения места заставили меня выключить из их числа множество статей, посвященных вопросам мировой политики, но не имеющих принципиального или тактического характера: они заняли бы несколько томов. Что до русской революции, то в настоящем сборнике нашли себе место только те статьи и речи, которые были рассчитаны на немецких рабочих,—хотя бы они появились впервые и на русском языке. Прочие же работы, напечатанные в органах российской партии и российского правительства—в петербургской и московской „Правде", в „Известиях", в петербургском и московском „Коммунаре"—и служившие прояснению самосознания русского пролетариата, будут собраны в следующем томе—„В рядах русской революции". Так как я уезжаю в Россию и не смогу заняться изданием обоих этих сборников, то эту задачу любезно взяла на себя г-жа Шарлотта Штукке-Корнфельд.

Карл Радек.

Берлин, 5 декабря 1919 г.
Тюрьма Лертерштрассе.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМЫ ИМПЕРИАЛИЗМА ПЕРЕД ВОЙНОЮ

Внешняя политика германской социал-демократии.

1. Да здравствует война!

Утешительное единодушие, с которым вся партийная печать обрушилась на тов. Лейтнера, есть не что иное, как проявление воли к миру, живущей в германском пролетариате. Все совершенно правильно квалифицировали точку зрения Лейтнера, как поддержку немецких алармистов, и этого было достаточно, чтобы сделать эту точку зрения неприемлемой для германской социал-демократии. Социал-демократия есть опора и щит мира, — и это положение является продуктом всего исторического развития со времен Франкфуртского мира или, еще лучше, со времен новой колониальной эры, потому что мир не всегда был лозунгом социал-демократии. Было время, когда она вела пропаганду войны.

Припомним, при каких условиях велась эта пропаганда: это интересно не только с исторической точки зрения. Таким способом мы, во-первых, яснее поймем изменившееся положение, в котором коренится современная позиция социал-демократии, а во-вторых, поможем вскрыть в аргументации товарищей, явно или тайно склонных к войне, немало пережитков тогдашней старой позиции.

Вот в чем она заключалась: в 1848 году Маркс писал в „Новой Рейнской Газете“: „Только война с Россией есть война революционной Германии, та война, в которой Германия смоет с себя грехи прошлого, в которой она возмужает, победит своих собственных самодержцев, в которой она,

как и подобает народу, сбрасывающему с себя цепи долгого, позорного рабства, купит пропаганду цивилизации ценою жертв своих сынов и, освобождаясь извне, добьется и внутренней свободы". В той же газете Маркс приводил следующие аргументы в пользу войны за Шлезвиг Голштинию, ведшейся против Дании, Англии, России и старой Пруссии: „Замирающее немецкое движение нуждается именно в такой войне, в войне против трех великих держав контр-революции, в войне, которая заставляет Пруссию на деле войти в состав Германии, которая делает союз с Польшей неизбежнейшей необходимостью, которая влечет за собой немедленное освобождение Италии, которая прямо направлена против контр-революционных сил союза 1792-1815 годов,—в войне, которая принесет лозунг „отечество в опасности" и спасет это отечество, поставив победу Германии в зависимость от победы демократии".

В июне 1859 года, во время европейского кризиса, закончившегося австро-итальянской войной, Фр. Энгельс писал Лассалю: „Vive la guerre!.. (Да здравствует война!), если на нас одновременно нападут французы и русские, если мы будем близки к гибели; в этом отчаянном положении обанкротятся все партии,—от ныне правящей до Цитца и Блюма,—и чтобы спастись, нации придется обратиться к самой энергичной из партий". (Цитируется в 47-м письме Лассаля к Марксу. „Письма Фердинанда Лассаля к Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу." Штутгарт, 1902, стр. 185).

С этого времени и до девяностых годов прошлого столетия подчеркивание необходимости войны с Россией было неотъемлемой частью внешней политики германской социал-демократии. Но насколько изменился этот лозунг,—мы можем судить хотя бы по следующим словам Либкнехта, особенно бдительно проводящего традиционную внешнюю политику Маркса даже в те времена, когда она уже не вполне соответствовала изменившейся международной конъюнктуре: „Если бы правительства Австрии, Англии и Франции были прямо поставлены перед необходимостью выбирать между казачьим строем и демократией, то они несомненно и без всяких колебаний выбрали бы казачество. Но хотя от современных государств и не приходится ожидать решительного

выступления против России, однако, отсюда еще не следует, что нам остается только фаталистически сложить руки. Несомненно: российское могущество может разрастаться только до определенного предела, за которым последует уничтожающий удар со стороны пробудившихся и созревших народов; но срок этого удара может быть значительно приближен, если народам будет разъяснено все значение восточного вопроса". Либкнехт писал эти слова в 1878 году, т.-е. во время русско-турецкой войны. („К восточному вопросу, или должна ли Европа оказачиться?" Лейпциг. 1873, стр. 49). Не подлежит никакому сомнению, что эти слова лежали в основе всех дальнейших выступлений партии против царизма.

Такова была позиция социал-демократии. Теперь припомним положение, которое обусловливало ее. Это положение распадается на два периода: до Франкфуртского мира 1871 г., и после этого мира, до девяностых годов. Она возникла во время немецкой революции и вполне соответствовала как внутренним отношениям в Германии, так и ее международному положению. Гегемония России над Европой, продолжавшаяся вплоть до русско-японской войны, на каждом шагу стесняла развитие демократии. Война с Россией была бы войной с контр-революцией. Она произвела бы перемену во внутренних германских отношениях. Немецкая мелкая буржуазия была готова после первой же победы революции с радостным воем выдать ее реакции. Война с Россией, в которой этой мелкой буржуазии пришлось бы напрячь все свои силы, вырвала бы ее из сонного состояния, принудила бы ее превозмочь свой малодушный страх перед пролетариатом; война с Россией не только поддержала бы революцию, но и расширила бы ее базис.

К 1859 году положение уже несколько изменилось. В Германии, благодаря слабости буржуазии, восторжествовала контр-революция. Страна замерла; дыхание революции покинуло ее. При этом положении возник конфликт между Италией, стремившейся к своему объединению, и Австрией, которой принадлежала часть итальянской земли. Наполеон III поддержал итальянцев, желая выказать себя защитником популярной идеи и тем самым укрепить свое положение во

Франции. Маркс и Энгельс были твердо уверены, во-первых, в том, что итальянцев поддержит и Россия, а во-вторых, в том, что за боями против австрийцев на реке По последуют бои против немцев на Рейне. Итак, хотя они уже давно и решительно высказывались за освобождение Италии, но теперь они сочли своим долгом выступить против нее, потому что победа Италии была бы победой России, потому что она укрепила бы положение Наполеона III, т.-е. французской контр-революции, потому что она оттянула бы объединение Германии. Помимо того, они агитировали за войну еще и из тех соображений, что война, по их мнению, должна была сломить силу контр-революции в Германии и вызвать революционный взрыв.

Но как ни ошибочны некоторые из положений Маркса и Энгельса и их тактическая позиция (а что они действительно ошибочны, это доказано в гениальном рассуждении Лассаля [1]), дающем удивительное предвосхищение, чтобы не сказать прозрение, будущей внешней политики пролетариата),—как бы ошибочны они не были,—в них нет и тени „патриотических" настроений Лейтнеровского или Мауренбрехеровского типа. Мы думаем, что настоящие побудительные мотивы этой позиции гораздо легче найти в интимных беседах Энгельса с Лассалем, нежели в его брошюре „По и Рейн" (Берлин, 1859, изд. Дункера), которая была издана анонимно, обращалась к буржуазной публике и, по свидетельству Меринга, была принята за произведение одного высокопоставленного и чрезвычайно осведомленного военного.

Могущество новоиспеченной Германской империи и падение либерализма отняли у вождей германской социал-демократии всякую надежду на возможность выступления Германии против России. Наступившая эпоха вооруженного мира изменила политическую обстановку таким образом, что всякая пропаганда войны оказалась бы просто пропагандой военного вооружения. Это обстоятельство, в связи с некото-

---

[1]) См. Письма Лассаля к Марксу, стр. 189—190. Весь спор очень ясно изложен Рингом в примечаниях к их корреспонденции (стр. 206—218), при чем Меринг становится на сторону Лассаля. Статья Гуго Шульца („Kampf" № 8, мая 1909 г. — „Фридрих Энгельс об австрийской войне 1859 г.") не дает надлежащего понятия о сложности вопроса.

рыми иными факторами, о которых мы поговорим ниже, привело к тому, что сочувствие социал-демократии к войне смогло проявляться только в таких формах, какие мы находим в уже приведенных словах Либкнехта. Эти формы превратили агитацию, стремившуюся к непосредственному, немедленному влиянию на внешниюю политику буржуазии, в агитационно-пропагандистскую подготовку грядущих боев. Для правильной оценки этой позиции необходимо учесть еще один момент. Ведь, для той эпохи мы можем говорить только о внешней политике вождей социал-демократии, но никак не о внешней политике пролетариата. От недостатка пролетариата в свое время задохнулась германская революция, и это отсутствие пролетариата толкнуло вождей социал-демократии на путь спекуляции на такие революционные положения, которые могли бы революционизировать мелкую буржуазию. Поэтому они больше думали о буржуазной внешней политике, которая служила бы и интересам революции, нежели о внешней политике пролетариата. После 1848 года они говорили о вопросах внешней политики не с пролетарской трибуны. Приходилось прятаться и анонимно выступать в буржуазных газетах и брошюрах, так что почти никто и не знал, какими революционерами и подстрекателями были авторы соответствующих статей. Все эти обстоятельства сообщали их точке зрения определенную окраску, которой мы не должны терять из виду, если мы хотим не слепо подражать своим учителям, а оценивать их правильно, т.-е. исторически.

2. Социал-демократия как опора международного мира.

После франко-прусской войны вооружения Германии и соседних с нею государств стали увеличиваться с каждым годом. В 1868 году Мольтке утверждал, что объединение Германии есть кратчайший путь к разоружению Европы, а через 20 лет, во время военной шумихи 1887 года, он говорил: „Господа, вся Европа вооружена до зубов. Посмотрим ли мы направо или налево, — мы увидим своих соседей в полном вооружении, в таком вооружении, тяжесть которого

не может долго выносить даже очень богатая страна". И народу, т.-е. рабочему классу, пришлось терпеть дальнейший рост военных издержек, потому что у него еще не было достаточно сил, чтобы завершить дело, упущенное буржуазией в 1848 году. Ему приходилось и не то еще терпеть. Над ним тяготели бисмарковские скорпионы, драконовский закон против социалистов. А классово-сознательные рабочие уже не были ничтожной горсточкой; прошли те времена, когда Лассаль жил в Дюссельдорфе последним могиканом революции. Сотни тысяч немецких рабочих боролись под красным знаменем. Вооружения проходили под лозунгом войны с Францией, так что солидарность с французским пролетариатом получала практическое значение и конкретную форму проявления: она становилась основанием для резкой агитации против вооружений и французоедства, она становилась несокрушимым фундаментом мирной внешней политики, за которую боролся рабочий класс. Правда, когда выдвигалась теоретическая возможность оборонительной войны с Россией, то снова начинались старые песни: на эту войну мы готовы. Но кто вникнет в дух партийной прессы того времени, тот не найдет в нем ни тени воли к войне.

Созданию этой атмосферы войны против буржуазии и миролюбия к заграницe способствовали и иные моменты, кроме указанных выше. Несмотря на вспыхивавшие время-от-времени военные шумихи, которые должны были доставить поводы к новым вооружениям, последние десятилетия XIX века не были военным временем. Границы государств казались не подлежащими изменению. В эти годы возникла известная теория банкира Блоха о невозможности войны. Буржуазия уютно устраивалась в своем новом доме, энергично пользовалась только-что объединенным внутренним рынком, создавала колоссальную индустрию и неуклонно растущий пролетариат. Рабочий класс развивал в своем коллективном сознании антагонизм к капиталистической системе и организовывал борьбу против буржуазии в национальных рамках. И так как буржуазия по существу ни о какой войне не думала, то и миролюбие внешней политики рабочего класса проистекало скорее из оппозиции внутренней политике буржуазии и правительства, из противодействия безум-

ным вооружениям, чем из сознания надвигавшейся военной опасности.

Начавшаяся в восьмидесятых годах эра колониальной политики начинает сказываться на международном положении. Капитализм встретился на внутреннем рынке с серьезным препятствием: железный закон заработной платы, от которого не может уйти капиталистическая система, и который обеспечивает массам пролетариата только предметы первейшей необходимости, сделал невозможным такой рост сбыта, который хоть сколько-нибудь соответствовал бы быстрому развитию производительных сил. Это препятствие становилось тем серьезнее, чем дальше шел процесс пролетаризации населения. Капитал искал новых, отдаленных рынков сбыта—и натыкался там на иностранную конкуренцию. И он обратился за помощью и поддержкой к государственной власти, он потребовал от нее монополизированных рынков. Капиталы, собранные в самое короткое время, взывали о „возможно выгоднейшем" помещении. В старой капиталистической Европе барыши были невелики. И капиталисты, пользуясь государственной властью, стараются создать более выгодные условия: лозунгом дня становятся колонии, т.-е. принадлежащие государству области, в которых можно прокладывать железные дороги, возводить различные сооружения и т. д. Тяжелая индустрия, стальные короли, финансовые бароны, „королевские купцы" стали носителями, а их надежды и опасения—пружинами новой колониальной эры. Это явление интернациональное; исторически сложившиеся особенности той или иной страны только прибавляли к этим общим причинам развития колониальных устремлений особые социально-политические факторы. Но при всем многообразии этих последних результат был всюду один и тот же. Трения между государствами невероятно возросли и обострились, во всех концах мира скоплялся горючий материал. Трансвааль, Фашода, Китай, Марокко, Манчжурия—или какое бы имя ни носили эти отдаленные места—в каждом из них ежеминутно мог вспыхнуть пожар, грозивший превратить Европу в сплошное поле битвы. Само собой разумеется, что это привлекло внимание рабочего класса. Он работал на фабриках и заводах, создавая капиталистам

прибавочную стоимость, но вместе с тем выковывая и оружие против них, а в это время господствующие классы могли ввязаться в конфликт, за который расплачивался бы своей кровью и своим разорением пролетариат. Рабочий класс стоял перед возможностью сделаться пушечным мясом за дело не только чуждое, но и враждебное ему. Франко-прусская война была войной за объединение Германии, так что в ходе этой войны немецкая контр-революция творила дело, которого революция не разрешила; правда, это дело творилось средствами, против которых социал-демократия постоянно боролась, творилось руками ее врагов,—но все-таки при этом разрешалась та задача, разрешение которой социал-демократия считала необходимым с точки зрения интересов рабочего класса. Теперь же пролетариату угрожала война за совершенно, до конца враждебные ему интересы. Пролетариат борется против капиталистической колониальной политики не только потому, что она необходимо связана с варварским угнетением туземцев; пролетариат борется против нее потому, что она оттягивает осуществление социализма. Экономические условия Западной Европы вполне созрели для него. Дело стоит только за низами, ибо рост классового сознания пролетарских масс отстает от экономического развития, которое с каждым годом делает дальнейшее развитие производительных сил на капиталистической основе все более невозможным. Капитализму грозят серьезные потрясения, в ходе которых будет с неверо-ятной быстротой расти самосознание масс. Надвигается социальная революция. И капитализм ищет прибежища и спасения в колониях. Но он найдет там не более как отсрочку,—и это известно рабочему классу. Следует ли, однако, давать капитализму эту отсрочку? Колониальная политика правительств может привести конкурирующие державы к кровавому столкновению, которое ускорит гибель капиталистическаго строя. Рабочий класс знает это и, несмотря на все ужасы войны, не боится ее исхода. Во-первых, он знает, что чем враждебнее настроены массы по отношению к войне, тем сильнее военная опасность двигает пролетарское сознание на борьбу против всей капиталистической системы, за социализм. А во-вторых, он видит, что

его специфическое оружие в борьбе против капиталистического класса, объединяющей пролетариев всех стран, есть классовая борьба, а не война, в результате которой силы рабочего класса могут расколоться, хотя бы на короткое время и против его воли.

Вот почему за последние годы в пролетариате так решительно растет сознательная воля к миру; вот почему его мысль так неустанно работает в поисках средств, которые сделали бы войну невозможной; вот почему его представительство, международный социалистический конгресс, заявляет, что долг пролетариата—помешать взрыву войны, а если это не удастся, то использовать созданное войной положение для мощного наступления пролетарских армий.

Теперь перейдем к исследованию международного положения и конкретных результатов такой политики пролетариата.

3. Угрожающая внешняя политика Англии и мирная внешняя политика Германии.

За последние годы охарактеризованная выше позиция германской социал-демократии в вопросах внешней политики нашла свое конкретное проявление в точке зрения, занятой социал-демократами в мароккском конфликте, а также и в гораздо более важном вопросе об англо-германских отношениях. Если в первом случае поведение партии было встречено в Интернационале всеобщим одобрением, то во втором оно подверглось критике со стороны некоторых товарищей. Оставим в стороне вопрос о том, насколько единообразна эта критика и из каких источников она вытекает. Вместо того, мы совершенно спокойно рассмотрим главнейшие из ее положений. Первым аргументом против позиции германской социал-демократии явилось следующее утверждение: английский империализм опаснее немецкого; внешняя политика германского правительства отличается миролюбием. Рассмотрим этот аргумент поближе.

В чем сущность англо-германских трений? Прежде всего в том, что Англия боится утерять свои внеевропейские владения. Туземное население Индии и Египта волнуется и

требует самоуправления. По мере развития капиталистического хозяйства движение в этих странах будет усиливаться. Мало того, оно начнется и в других колониях. Желая укрепить свое господство над беспокойными колониями, Англия направляет свою политику на прямой или косвенный захват всей турецкой и персидской территории, лежащей между Египтом и Индией. Стало-быть, если мы спросим, опасна ли английская политика для Индии, Египта, Персии и Турции, то на этот вопрос надо будет ответить утвердительно. Но, ведь, для противников нашей позиции существенно не это. Европейскому миру английская политика угрожает лишь постольку, поскольку ее планы сталкиваются с планами немецкой буржуазии.

Товарищи Реннер и Лейтнер считают немецкую буржуазию и ее внешнюю политику миролюбивыми. Если бы эти товарищи думали об одних только планах правящих партий и германского правительства, то и тогда они были бы уже неправы.

Немецкий капитал точно так же рвется к колониям, как и всякий другой, а если немецкое правительство до сего времени смогло кормить его в этом отношении одними крохами, то рабочий класс может благодарить за это только тот факт, что колониальная политика Германии началась сравнительно очень поздно. Но германская буржуазия не теряет надежды: ей совсем было удалось принять участие в ограблении Китая, и даже теперь, когда перед нами проходит возрождение этой страны, она не хочет упустить из своих рук Киао-Чао. Ей нужно иметь опорный пункт на тот случай, если представится возможность действий, т.-е. если и другие великие державы еще возьмутся за грабеж Китая. Даже Пауль Рорбах, который всегда стоял за мирное распространение капитала, теперь выступает против идеи отдачи Киао-Чао („Немецко-китайские этюды", Берлин, 1909), при чем пользуется как-раз только-что приведенными аргументами. Вот каковы мирные планы германскаго правительства. А если мы обратим внимание на его действия, на факты, то миролюбие немецкой внешней политики окажется еще подозрительнее. Возьмем немецкую политику в Турции.

Германский капитал ищет в Турции помещения и рынков. Сильное турецкое правительство сможет гарантировать ему надлежащие прибыли. Поэтому он поддерживал Абдул-Гамида, поэтому он будет поддерживать и младотурков. Он должен заработать на Турции очень много и потому способствовать ее разделу он не станет. Но если бы оказалось, что новый турецкий режим не дорос до стоящих перед ним высоких задач, т.-е. что он не может обеспечить германскому капиталу его прибылей, то эта мирная политика мгновенно превратилась бы в воинственную. В этом случае германское правительство пыталось бы обеспечить доходы германской буржуазии собственными силами, т.-е. с оружием в руках захватить экономически зависящие от Германии части Турции. Таким образом, миролюбивая политика германского правительства может дойти в своем развитии до далеко не мирных результатов. То же самое произойдет и в том случае, если Англия захочет реализовать свои планы в Турции. Чтобы защитить свои интересы, немецкий капитал не остановится ни перед чем. В обоих этих случаях дело может дойти до войны между Германией и Англией. Такова мирная немецкая политика. Как „агрессивная" политика Англии, так и „миролюбивая" политика Германии могут довести эти страны до войны, при чем различие между ними будет состоять в том, что Англии придется только защищать свое традиционное положение, а Германии—завоевывать свою будущую колониальную мощь.

Но что можно было бы возразить против нашей тактики даже в том случае, если бы мы признали, что английская внешняя политика агрессивнее немецкой? Следовало ли бы социал-демократии в этом случае изменить свою тактику? Да никогда! И в этом случае немецкая социал-демократия была бы обязана изо всех сил бороться против колониальной политики и требовать сокращения расходов на флот: во-первых, эти расходы ложатся на плечи рабочего класса непомерно тяжелым бременем; во-вторых, они идут на цели, враждебные интересам пролетариата и социальному развитию; в-третьих, только активность германского рабочего класса может помочь английским пролетариям сломить свой отечественный империализм. Лейтнер отвечает на это: такое

Библиотека Института В. И. Ленина 105809

поведение немецкого рабочего класса приведет только к тому результату, что „сильный" немецкий пролетариат, способный задержать развитие немецкого империализма, расчистит путь империализму английскому, так как „слабый" английский пролетариат не может с ним совладать. Мы не станем сравнивать здесь силы немецкого и английского пролетариата (в этом случае оказалось бы, что дело обстоит не совсем так, как полагает Лейгнер), а выясним принципиальную сторону вопроса. Наш ответ гласит: мы рассматриваем колониальную политику не как какое-то имущество, которое может вызвать у рабочего класса зависть к другим „нациям". Интересы рабочего класса прежде всего требуют, чтобы Германия никакой колониальной политики не вела. Призывать рабочий класс на службу к немецким „господам ташкентцам" из страха перед ростом английской колониальной мощи может только тот, кто не борется с капиталистической колониальной политикой принципиально, как с политикой враждебной рабочему классу.

Ибо считать войну с Англией меньшим несчастием, чем исключительный рост английского колониального могущества, может только тот, кто вообще считает обладание колониями большим счастьем для пролетариата. Если английскому рабочему классу не удастся, действуя параллельно с германскими товарищами, сломить британских джингоистов, если немецкой буржуазии придется с завистью смотреть, как английский капитал захватывает новые колонии, то немецкий рабочий класс от этого ничего не потеряет. Если товары немецкого производства достаточно доброкачественны для конкуренции, то они могут с таким же успехом проложить себе дорогу в английские колонии, как они проложили ее в самую Великобританию. А, ведь, только об этом и может заботиться германский пролетариат.

Словом, во-первых, если даже признать правильность аргументов наших противников, то социал-демократии все-таки ни в коем случае не следует прекращать своей борьбы против германского империализма. А во-вторых, если последовательно продумать эти аргументы, то окажется, что они возможны только в устах сторонников колониальной политики.

4. Панславистская опасность. Национальные движения на юго-востоке.

Нападки на внешнюю политику германской социал-демократии не обходятся без указаний на русскую опасность. В статьях Лейтнера имеются россказни о „походе славянства на Среднюю Европу", о мощи панславизма и т. д. Эти россказни находят отклик даже в более критических умах. Так, например, Реннер пишет: „Пролетарский интернационал не имеет никаких оснований проводить моральные различия, но с точки зрения политической могущественный московитский деспотизм несравненно опаснее для европейского пролетариата, чем императорская романтика Вильтельма II, связанного тремя миллионами социал-демократических голосов. Цензовая Дума и временный союз с Англией нисколько не меняют того факта, что царское самодержавие было, есть и будет злейшим врагом европейского социализма. („Der Kampf", J. II, №4). Если бы даже все эти утверждения были настолько же верны, насколько они ложны, то из них все-таки ни в малой мере не следовало бы, что политика немецкой социал-демократии плоха. Социал-демократия требует превращения постоянной армии в милицию, что является лучшим средством защиты независимости немецкого народа от „московитского деспотизма",—если только такая защита понадобится. Даже Лейтнер еще не „переучился" настолько, чтобы требовать от социал-демократии голосования за милитаризм. Так к чему же все эти утверждения? А вот к чему: они должны представить дело так, будто бы Германии угрожает Россия: в этом случае английская опасность произведет на читателя еще большее впечатление.

Мы показали, как обстоит дело с этой последней опасностью; перейдем теперь к русской. Еще в 1896—97 гг., во время дискуссии по восточному вопросу, Каутский и Роза Люксембург уже боролись против преувеличения опасности России для Европы. В своей поучительной статье по поводу законопроекта о флоте („Schippel, Brentano und die Flottenvorlage", „Neue Zeit", XVIII, I Bd., стр. 771) Каутский доказал, что опасность со стороны России неуклонно умень-

шается. С тех пор перед нами прошла русско-японская война, не только обнаружившая внутреннюю слабость России, но и ускорившая процесс разложения ее внешнего могущества, которое может быть спасено только победой революции. Но так как теперь снова начинаются разговоры о русской опасности, то мы считаем вполне уместным коснуться вкратце причин бессилия России, тем более, что она все-таки еще будет оказывать влияние на международную политику в продолжение долгих лет. Быть-может, наши слова встретят у товарища Лейтнера больше доверия, когда он узнает, что они опираются не на анализ русских условий, произведенный Плехановым, Лениным, Парвусом,—эти проклятые парни переучиваются не так-то скоро,—а на выводы буржуазного политика. Мы можем исходить из глубокого анализа Пауля Рорбаха, одного из тех немногих буржуазно-политических писателей Германии, которые вкладывают в рассмотрение вопросов внешней политики очень много основательных познаний, хотя и они не всегда последовательны со своей буржуазной точки зрения.

В своей ученой книге „Германия в ряду народов мира" Рорбах говорит, что на весь тот период времени, который мы можем охватить, Россию следует совершенно вычеркнуть из числа стран, имеющих возможность вести в современных условиях длительную войну, т.-е. оказывать серьезное влияние на мировую политику (стр. 78). Доказывая это положение, он опирается не только на полное хозяйственное разорение России, но и непрерывное ухудшение ее финансового положения. Конечно, Франция и Англия могли бы пойти на крупные финансовые жертвы и не дать России погибнуть: это спасло бы вложенные ими в Россию капиталы и дало бы им возможность использовать ее против Германии. Но хозяйственный развал России сказывается не только на ее финансах, но и на ее человеческом материале. Военная техника зашла невероятно далеко; современная дальнобойность винтовок и орудий, численность армий, страшно усложненная сигнализация и служба связи, бесконечное расширение фронта, а главное, неизбежное во время боя распадение крупных частей на мельчайшие боевые единицы, вплоть до отдельного солдата,—все это тре-

бует и от рядовых бойцов, и от низшего и среднего командного состава такой степени сознательности и самодеятельности, которая для русской армии совершенно недостижима. Война с Японией доказала, что современные требования к боеспособной армии уже далеко переросли ту степень, которой могут достигнуть средний русский солдат и офицер. Россия совершенно не в состоянии равняться с культурно опередившими ее народами в пользовании теми средствами, применения которых требует современная военная техника.

Мы не можем говорить здесь о других факторах, относящихся к этому вопросу. Из сказанного вытекает с достаточной ясностью, что для царской России спасения нет: Англия и Франция могут помочь ей в том или ином затруднительном положении; она еще может, в качестве паразита англо-германского конфликта, сохранить на время свое положение великой державы,—но поскольку она остается страной абсолютизма, постольку ее песенка в европейском концерте спета. Панславистская агитация и панславистские съезды, которыми пугает нас Лейтнер, могли бы увеличить наступательную силу России... если бы у нее такая сила была. Но так как ее нет, то слабость России, обнаружившаяся в последнем австро-сербском конфликте, явилась холодным душем на разгоряченные головы панславистских идеологов и политических дельцов. При этом весь панславизм основан исключительно на вере в мощь России,—вере, которая отныне погибла. Внутренние раздоры между славянскими народами (угнетение поляков в России, русинов в Галиции, чехизация поляков в Силезии, сербско-хорватские распри), глубокие различия в их политическом и хозяйственном строе,—все это такие факторы, которые вполне убеждают всякого серьезного политика в полной иллюзорности панславистских опасностей.

Падение мощи царизма вносит серьезные изменения в постановку целого ряда вопросов внешней политики. И в первую голову здесь необходимо пересмотреть вопрос о нашем отношении к национальным движениям на Юго-Востоке. Вот уже десять лет, как Бернштейн, Каутский и Люксембург выдвигают против Вильгельма Либкнехта то поло-

жение, что социал-демократия не имеет ни малейших оснований относиться к этим движениям враждебно, так как царизм совершенно бессилен использовать их по настоящему и потому сам выступает против них. За истекшие десять лет это положение стало еще яснее. Мы не станем рассматривать отношения этих национальных движений к турецкой революции, а выдвинем здесь только один пункт: если только что приведенное положение правильно, то опасность войны между великими державами, с которыми связаны эти движения, коренится не в природе самих движений и не в Петербурге, а исключительно в колониальных устремлениях великих держав, в их борьбе за Турцию. Так что если мы хотим действительно избавиться от этой опасности, то нам следует не бороться против стремления балканских народов к самостоятельности и не радоваться резкому выступлению немецкого правительства в Петербурге, а в первую очередь и изо всех сил сопротивляться политике усиления военного флота в Берлине и Лондоне.

5. Критика и тактика.

Мы попытались представить вкратце ход развития внешней политики германской социал-демократии и доказать неправильность выдвигаемых против нее возражений. Пользуясь как примером позицией социал-демократии в англо-германском вопросе, мы доказывали, что поведение партии в вопросах внешней политики вполне соответствует интересам рабочего класса. Конечно, здесь еще можно говорить о многом, но мы связаны размерами статьи и можем позволить себе только еще несколько критических замечаний.

Прежде всего бросается в глаза то обстоятельство, что не только пролетарская масса, но и партия слишком слабо и мало реагирует на события международной политики, в чем, впрочем, можно упрекнуть и иностранных наших товарищей. Причина этого лежит не только в том, что трудно вызвать в рабочем классе, проводящем всю жизнь в тяжелой борьбе за кусок хлеба, интерес к столь „далеким вопросам“; нет, это равнодушие в значительной мере обусловлено и тем, что крупные культурные народы не воевали

между собой со времени франко-прусской войны, вследствие чего массам кажется, что никакой войны и не будет; помимо того, здесь играет свою роль и известная притупленность некоторых партийных кругов, не признающих никакого практического значения за проявлениями воли масс в вопросах международной политики. Нарушение „европейского равновесия" развалом российского могущества, трения и шероховатости, возникающие в разных концах мира,—все это должно привести массы в движение. Дело наиболее просвещенных и энергичных партийных кругов—позаботиться о том, чтобы социал-демократия использовала это движение, осмыслила его и повела вперед. Товарищ М. Шахерль совершенно правильно спрашивает в статье, посвященной выводам военной шумихи в Австрии („Kampf", № 10). „Где был Интернационал во время австро-сербского конфликта"? Нам хочется подробнее остановиться на этом вопросе: он необычайно ярко обнаруживает всю сложность современных международных отношений и всю необходимость активного выступления пролетариата.

Шахерль указывает, что положение австрийской социал-демократии во время конфликта было очень затруднительно выступивши против австрийской военной партии, она могла бы придать духу военной партии сербской. Как бы критически ни относились мы к тактике австрийских товарищей, мы несомненно должны признать, что такая опасность действительно была налицо. Но она значительно уменьшилась бы, если бы в дело вступился Интернационал. Нам не приходится долго доказывать здесь того общеизвестного факта, что сербское правительство могло думать о войне с Австрией только в расчете на прямую поддержку со стороны России и на косвенную—со стороны Англии. Энергичный нажим французского пролетариата мог бы заставить французское правительство,—имеющее серьезные основания не желать войны,—усилить свое миротворное влияние в Петербурге, а в то же время активность английского пролетариата могла бы внушить и британскому правительству известную осторожность в игре с огнем на Балканах. А массовое движение в Германии заставило бы наших властителей с Вильгельмштрассе, так презрительно относящихся к „заячьей" поли-

тике, понять, что подбадривать венских захватчиков брянием оружия в Берлине—дело опасное. Таким образом, активность интернационального пролетариата помогла бы австрийской социал-демократии занять в создавшемся конфликте ясную позицию и развернуть энергичную деятельность, чего она на самом деле не совершила.

Будьте активнее в вопросах внешней политики, выступайте совместно со всем Интернационалом, агитируйте массы во время серьезных конфликтов, не удовлетворяйтесь парламентскими речами,—вот чего требует наше время не только от германской социал-демократии, но и от всего международного социализма.

Далее. В одной из своих статей Мауренбрехер говорит, что, напр., во время марокккского конфликта, французская социал-демократия, борясь со своим правительством, доказывала справедливость германских требований, а немецкая социал-демократия, тоже борясь со своим правительством, подчеркивала, что Франция гораздо больше заинтересована в Марокко, чем Германия, и что это вполне понятно исторически.

Таким образом, французская и немецкая партии выступали не только против своих правительств, но и друг против друга. Факт подмечен Мауренбрехером совершенно правильно, но заключение, которое он выводит из этого факта, по нашему мнению, совершенно ложно. Мауренбрехер естественно требует, чтобы мы поддерживали и защищали „справедливые требования“ германского правительства к иностранцам. Но мы столь же естественно требуем, чтобы социал-демократия не путала своей роли политической партии с ролью историка. Исторически и английская, и немецкая колониальная политика „понятны“ и „оправданы“,—одна больше, другая меньше. Но мы боремся против всякой колониальной политики вообще, мы восстаем против нее в интересах и немецкого, и английского, и французского пролетариата. Так к чему же нам сравнивать степени исторической оправданности империалистических притязаний различных держав? Наши парламентские депутаты склонны заниматься такими сравнениями: они хотят скомпрометировать правительство даже с буржуазной точки зрения. Буржуазных депутатов их

аргументы не убеждают: эти господа вовсе не желают поддаваться убеждениям. А наш депутат достигает следующих результатов: во-первых, он снабжает своими аргументами буржуазию конкурирующей страны, и тем самым затрудняет пролетариату этой страны его борьбу, а во-вторых, рост сознательности своих избирателей,—а это и есть его основная, главная задача, он задерживает. Итак, с колониальной политикой надо бороться принципиально и только принципиально.

Пункт третий. При обсуждении отдельных проблем внешней политики, при выборе тактического отношения к политике правительства, никогда не следует смотреть на его поступки с той точки зрения, что при данной ситуации оно иначе поступить не могло бы. Социал-демократический депутат должен всегда помнить о том, что каждый данный шаг правительства есть звено в той цепи, которую наша политика стремится разорвать во что бы то ни стало и всеми средствами. Если мы вообще осуждаем политику союзов между правительствами, так как она только увеличивает опасность конфликтов, то мы не можем оправдывать соответствующих действий правительства, хотя бы они и действительно были с его точки зрения необходимы. Мы стоим на той точке зрения, что капитализм уже сегодня вполне созрел для своей гибели, что уже сегодня возможна политика, не имеющая целью подготовки к войне. Мы хотим итти с этой мыслью ко всей пролетарской массе, а потому наша партия, определяя свое отношение к вопросам внешней политики, обязана выявлять всю нашу позицию целиком и освещать положение во всех его последствиях.

В четвертых. От времен русской опасности нам остался лозунг „мы защищаем отечество от нападений извне". Если взять этот лозунг абстрактно, то он всегда будет правомерен, ибо всякое чужеземное владычество затрудняет пролетариату классовую борьбу. Но если в свое время опасность со стороны России была вполне реальна, то теперь она стала чистой фантазией. Никто не верит тому, что английское правительство действительно собирается покорить 65 миллионов германского народа, или что германское правительство хочет покорить 45 миллионов народа английского.

Никто не верит в такой вздор, как возможность войны за независимость крупных культурных наций. А повторение таких сказок только запугивает массы несуществующими опасностями и делает эти массы восприимчивыми к агитации алармистов. Опасности покорения Англии Германией (или наоборот) не существует, а вот опасность войны между этими государствами существует. И долг социал-демократии состоит не в том, чтобы выпячивать свою готовность к борьбе за независимость, а в том, чтобы вести массы в бой против империалистов, чтобы активностью своей показать правящим классам, что кидать пролетариат на поля сражений—дело опасное, ибо он, пролетариат,—не безответное стадо баранов. В этом, а не в „патриотических заявлениях" наша задача.

Мы дошли до пятого и последнего пункта. Капиталистические державы не всегда занимаются колониальным грабежом открыто и прямо. Они очень любят делать это под видом защиты вымышленных интересов или „освобождения" всяческих угнетенных народностей. „Попутно" же и в виде награды за труды и беспокойство они хотят расширять свои колониальные владения. Уж, конечно, страдания угнетенных народностей нигде не могут найти более горячего отклика, чем в сердцах рабочего класса, который и сам томится в порабощении. Но рабочие должны бороться против всех „благородных" выступлений своих правительств, они не должны увлекаться своими чувствами и доходить до поддержки вмешательства в чужие дела. Пролетариат должен всегда помнить о том, что он сам порабощен, и что его поработитель использует свою роль „освободителя" заграничных народов только для того, чтобы взвалить на рабочих лишний груз, чтобы еще укрепить сковывающие их цепи. А потому лозунгом рабочего класса должно быть: „Долой вмешательство во внутренние дела Персии, Турции и т. д."! Таковы должны быть тактические принципы внешней политики германской социал-демократии.

(Bremer Bürger—Zeitung,
Июль 1909 г.)

Перед партийным съездом.

1. Через шесть лет.

Нынешний партийный съезд собирается в Иене, в месте, связанном с примечательным событием в истории германской социал-демократии. Шесть лет назад в этом городе была принята резолюция, включавшая в число боевых средств социал-демократии всеобщую забастовку. С этого исторического момента протекло уже шесть лет, но еще ни разу партия не оказывалась в положении, требующем применения указанного ею в Иене средства. И теперь, приветствуя Иенский партийный съезд, мы невольно вспоминаем обстоятельства 1905 года; перед нами сам собою встает вопрос о пройденном с тех пор пути.

Иенское постановление доказывало, что социал-демократия вполне осознала совершившийся факт—наступление такого времени, когда приходится ставить на карту все. Реакция поднимала голову все наглее и наглее, она откровеннее, чем когда-либо, говорила о том, что в один прекрасный день она доберется до демократических выборов в рейхстаг. И рабочий класс, продемонстрировавший свою растущую мощь блестящей победой на выборах 1903 года, ответил на наглость реакции этим постановлением Иенского съезда. „Суньтесь только,—гласит его ответ,—суньтесь только! Мы вам покажем". Значение иенского постановления состояло в том, что немецкая социал-демократия, на протяжении сорока лет ведшая борьбу (как того и требовали исторические условия) в первую голову на почве парламентской, теперь заявила о своей готовности передать дело рабочих в руки

самих рабочих и, в случае надобности, повести непосредственную массовую борьбу.

Иенское решение явилось продуктом обострения классовых противоречий в Германии. Оно было подготовлено Криммичауским локаутом 1903 года и крупной забастовкой горнорабочих 1905 года не в меньшей степени, чем ощущением роста пролетарских сил, показавших себя на выборах 1903 года, и сознанием, что реакция не может равнодушно смотреть на прибой красных волн. Ревизионисты говорят, что иенское решение объясняется просто-напросто влиянием русской революции; но это—легенда, и легенда эта создана для того, чтобы погребсти это решение, как погребена—временно—и якобы вызвавшая его русская революция. Мы с радостью вспоминаем о свежем, вольном ветре, подувшем на нас с Востока и поднявшем волны немецкого рабочего движения; но видеть в русском влиянии главную причину того оживления немецкого движения, которое наблюдалось в 1905 году, явно неправильно. Это оживление явилось, как уже сказано, в результате развития внутренних германских отношений, а влияние русской революции выразилось только в том, что благородный пример славной борьбы русского рабочего класса помог несколько скорее найти те резкие формы в которые отлилось обострение классовых отношений в Германии. А что иенская резолюция соответствовала германским обстоятельствам, это доказывается уже тем, что те формы, в которые она облекает идею всеобщей забастовки, крайне отличаются от форм, имевших место в русском примере, и строго согласованы с психологическими предпосылками, созданными тогдашним состоянием германской классовой борьбы. Массовые забастовки в России показали, что когда угнетающие рабочий класс силы теряют почву под ногами, когда сам рабочий класс возбужден крупными социальными событиями, то этот угнетенный класс может броситься в героическую массовую борьбу даже будучи почти совершенно лишен сознательности и организованности. Иенская же резолюция выдвигает высочайшую степень профессиональной и политической организованности как необходимое предварительное условие всеобщей забастовки, а в самой забастовке видит средство обороны на случай

посягательства реакции на основные права пролетариата. Отсюда видно, что хотя иенское постановление и было принято под впечатлением русской революции, но это не мешает ему быть продуктом немецких условий и отражать современную ему стадию классового движения немецкого пролетариата. Сорок лет мирного и постепенного развития создали такую атмосферу, что мысль о боевом наступлении окрепшего и возмужавшего пролетариата могла пробить себе дорогу только под видом обороны, защиты от нападений. А упорная сорокалетняя работа над созданием и укреплением пролетарских организаций вызвала резкое подчеркивание огромной роли организованности в революционных массовых боях.

Иенское постановление было огромным шагом вперед. Оно заявило реакции: „До сих пор и не дальше". Оно заявило пролетариату: „Судьба твоя в твоих руках: готовься, ибо приближается час, когда она будет решаться".

Обращаясь в этом конкретном случае к массам и показывая им, какое мощное оружие находится в их руках, социал-демократия тем самым расчистила путь для дальнейшей самостоятельной работы мысли. Почему можно применять всеобщую забастовку только для защиты права выборов в рейхстаг? Почему бы не применить ее и для завоевания права выборов в Прусский ландтаг? Разве такое завоевание не стоит того, чего стоит защита? Ну, а если рабочий класс поведут на бойню? Не следует ли ему взяться за то же самое оружие и в этом случае?

Таким образом, всеобщая забастовка становится в глазах все более широких рабочих масс самым сильным средством пролетарской борьбы во всех наиболее серьезных положениях, средством, пределы применимости которого следует продумать и продискутировать, потому что применение его желательно. Кто внимательно следил за жизнью партии за последние шесть лет, и чей взгляд на вещи не затемнен шорами оппортунизма, тому совершенно ясно, что идея всеобщей забастовки, провозглашенная в Иене шесть лет назад, сделала в рабочих массах огромные завоевания. Основная причина этого коренится в развитии политической жизни Германии за последние шесть лет. Поражение на выборах

1907 года показало массам, что буржуазия не собирается мириться с ростом парламентской силы социал-демократии. Кроме того, оно показало, что объединение буржуазии в реакционный блок может преградить дороги к реформам и без нарушения избирательного права. И разве борьба за прусское избирательное право, родившаяся из сознания необходимости перехода в наступление против реакции,—разве эта борьба не доказывает, что без сильнейшего нажима снизу прусский Олимп не уступает ни пяди? По мере того, как буржуазия слой за слоем терпит банкротство и обнаруживает свою реакционную природу (а что может быть показательнее в этом отношении, чем история консервативно-либерального блока 1907—1908 гг. и империалистический угар, охвативший в текущем году все буржуазные партии), тем решительнее гибнут надежды на улучшение положения рабочего класса путем постепенной и мирной эволюции, тем больше мы приучаемся рассчитывать на себя и только на себя. В том же направлении действует и вздорожание жизни: есть ли надежда добиться путем парламентских маневров такого изменения хозяйственной политики, которое могло бы справиться с этим вздорожанием?

Политические события Германии ведут нас к решительному бою, и мы можем быть довольны шестью годами, прошедшими с момента Иенского съезда. Пусть хорошие люди, но плохие музыканты смотрят на иенское постановление, как на бессмысленный фейерверк, выпущенный в пространство: общественные силы, подготовившие это исторически столь важное постановление, не дремлют и неуклонно продолжают свое дело.

2. Политическое положение и социал-демократия.

Развитие немецких отношений ведет нас к разрешению великого противоречия между трудом и капиталом, к решительному бою, в котором нет середины, в котором надо выбирать себе одну из двух сторон баррикады. Рабочий класс чувствует это, и стрелка барометра его настроений показывает бурю. Ничто не воодушевляет его так, как указание на грядущие великие бои, в которых предстоит бурное на-

ступление, а не мелкие маневры. Достаточно ли проявляется это настроение в жизни нашей партии?

Через все ее действия и мысли за последние два года проходит единый лейтмотив: выборы в рейхстаг! Этот лейтмотив звучит призывом к бою и победе, но параллельно ему развивается и вторая мелодия: осторожнее, не портьте прекрасной ситуации! Когда полицейские солдафоны хозяйничали в Моабите, как подобает настоящим вандалам, то первой мыслью руководящих партийных кругов было не наступление, не боевой призыв—„Вставай рабочий! Долой солдатский сапог!“,—а осторожное предупреждение: „Как бы нам не сорваться на этом деле!“. Когда правительство бросилось в марокккскую авантюру, то чтобы справиться с совершенно безосновательным страхом, как бы эта марокккская шумиха не уменьшила наших избирательных шансов,—социально революционному крылу нашей партии потребовались долгие недели, и лишь после этого партия перешла в наступление против империализма. (А насколько это наступление встало реформистским кругам поперек горла, видно хотя бы из того, что одна влиятельная южно-немецкая партийная газета даже не перепечатала целиком воззвания Центральнсго Комитета партии. Она просто-напросто вычеркнула и пропустила абзац, говоривший, что нам не нужны колонии. Даже такой отчаянный реформист, как бывший „молодой“ Макс Шиппель, и тот нашел, что это уже слишком).

Руководящие круги партии рассматривают благоприятную для нас предвыборную ситуацию, как результат борьбы между либералами и консерваторами, а не как результат сплочения всего собственнического класса Германии. Но раз дело обстоит так, что окрепшие пролетарские массы, отброшенные деятельностью всех буржуазных партий и противонародным ультра-реакционным курсом германской политики в лагерь социал-демократии, смыкаются, благодаря принципиальной социал-демократической агитации, вокруг красных знамен,—то для нас, социал-демократов, плохой предвыборной ситуации, особенно после всей работы последнего рейхстага, быть не может. Чем дружней объединяется буржуазия, тем яснее становится положение, тем пло-

дотворнее делается наша агитационная работа. Но если наша победа должна состоять в том, чтобы господа филистеры не рассердились, чтобы они не были отброшены предстоящими великими и принципиальными боями в лагерь реакции, к которому они все равно принадлежат, и чтобы они сегодня голосовали за нас, хотя завтра же они присоединятся к патриотической сволочи,—тогда другое дело! Тогда, разумеется, всем нам надо тихо и нежно ходить на цыпочках и стараться, чтобы ни один свежий звук реальной жизни не спугнул достолюбезного призрака розни между буржуа и помещиками.

Главное основание позиции тех товарищей, которые так боятся потерять драгоценную благоприятную ситуацию на выборах—недооценка той степени, которой достигло развитие классовых отношений в Германии. Так как поборники этой точки зрения усматривают благоприятность нашей избирательной ситуации не в том, что все буржуазные партии все с большей ясностью обнаруживают (и не могут не обнаруживать) свою антинародную природу, то они еще видят более или менее значительные различия в степенях антинародности отдельных слоев буржуазии. Они не выносят всей буржуазии за одну скобку, несмотря на нашу позорную и грабительскую налоговую систему, в которой повинны все буржуазные партии, несмотря на угнетательский характер закона о социальном обеспечении, за который голосовал даже Науманн, несмотря на бряцание оружием, которому предаются опять-таки все эти господа. В тот момент, когда, несмотря на все свои притворные споры, буржуазия всех мастей и оттенков все плотнее смыкается вокруг общих задач, руководители нашей партии объявляют основным политическим правилом марксизма—не ставить всех врагов народа под один ранжир. Но так как эти люди отличаются друг от друга только способами демагогии, то из-этой воли к разграничению возникает необходимость создания иллюзий. Так, нам пришлось прочесть в „Neue Zeit", что при обсуждении вопроса о дороговизне следует делать различия между противниками. Как будто национал-либералы и свободомыслящие не одинаково виноваты в голодном тарифе 1912 года, который сыграл такую колоссальную

роль в возникновении этой дороговизны! Так, за два месяца перед началом империалистической лихорадки, охватившей ныне весь буржуазный мир, мы читали в нашем научном органе, что в части буржуазии наблюдается стремление к миру, и что эту часть нам надо поддерживать.

Эта иллюзионистическая политика руководящих кругов партии есть результат переживаемого нами переходного периода. Решительные бои надвигаются, на нас уже упала тень от них,—но они еще не наступили. Они еще не видны глазам тех организаторов, которые вот уже сорок лет подряд только и делают, что пересчитывают все увеличивающееся число партийных билетов да избирательных бюллетеней, и только эти билеты с бюллетенями считают реальными фактами. Грядущее—это только предположение, и, быть-может, ошибочное предположение теоретика. А теоретик чувствует теперь на себе огромную, большую, чем когда-либо, ответственность. Он десятилетиями говорил о механизме капиталистического общества и об основных линиях его развития. Его учение должно было уяснить рабочему классу, какова его роль в общем и целом, роль, диктуемая ему общей ситуацией. Но изучая историю тактических ходов германского рабочего движения, мы не находим в ней почти ни одного шага, который был бы внушен теорией. Марксистская теория больше разъясняла и предостерегала от ошибок, чем указывала положительные пути. Такое положение вполне соответствовало твердому фарватеру движения, ведшему пролетариат по прямой линии вперед. Ни крутых поворотов, ни водопадов не было. Но теперь фарватер немецкого рабочего движения стал шире и глубже. Теперь приближается такое время, когда можно ставить вопрос о том, какова будет судьба этого движения, когда оно встретит на своем пути запруду: разольется ли оно вширь, или смоет плотину? Но оставим сравнения и образы: немецкое рабочее движение и немецкая реакция стоят друг против друга, и в обоих лагерях с часу на час растет готовность и воля к борьбе. И если они скоро бросятся друг на друга, то не следует ли рабочему классу уже сейчас вести свою повседневную борьбу с расчетом на предстоящий решительный бой? В подобных обстоятельствах руководящие круги пар-

тии чувствуют страшную, невыносимую ответственность за каждый свой шаг, за каждый лозунг. Что созрело,—думают они,—то упадет с дерева само, и упадет в свое время без опоздания. Но опасно рвать с дерева незрелые плоды! Они хотят предоставить инициативу грядущих боев истории, а покачто вести повседневную работу так, как будто она от этих боев вовсе не зависела. Но она даже очень зависит от них. Решительный бой надвигается, потому что вся буржуазия теряет почву под ногами, а играть на междоусобиях внутри ее лагеря больше нельзя. Нельзя бороться против одного черно-синего блока, когда кампания за социальное обеспечение или марокккский инцидент ставят нас лицом к лицу со всем реакционно-буржуазным блоком, а вождям партии, еще вчера воевавшим с черно-синим блоком и, вооружившись Диогеновым фонарем, разыскивавшим в среде буржуазии сторонников мира, приходится клеймить либералов, как союзников прусского юнкерства. Вчера их политика была оппортунистической, а сегодня она стала нерешительной и робкой.

Но социал-демократия не для того выросла на борьбе с изменой буржуазии демократизму, чтобы дать запугать себя таким призраком. Она завоевала доверие масс не дипломатическими увертками, а открытым боем против всего буржуазного мира. Ей не приходится прятаться за спиной филистеров, грозящих юнкерской Бастилии—своему собственному оплоту—кулаком, но благоразумно оставляющих этот кулак в кармане. Теперь перед нами борьба со всей буржуазией целиком, а стало-быть, ни лозунг „тише, приближаются выборы в рейхстаг!“, ни столь же осторожное „долой черно-синий блок!“—не могут быть долговечны. Достаточно было нескольких критических нападок со стороны противников этих полумер, чтобы они, сохранивши, правда, свое формальное положение, утратили почти все практическое значение.

Формула „долой капиталистическую систему“, выдвинутая в качестве актуального боевого лозунга, настолько решительна, она влечет за собой столько последствий для нашей позиции по отношению ко всем актуальным вопросам, что выдвигать ее можно только вполне сознательно, только

после учета всего создавшегося положения в целом. Если же руководящие круги партии выдвигают этот лозунг лишь после долгих колебаний и будучи вынуждены к этому событиями, то он вносит один хаос. А потому он должен быть ясно и отчетливо поставлен на партийном съезде, он должен осветить всю полемику о поведении фракции рейхстага в вопросе о разоружении, о поведении ЦК партии в марокккском вопросе, о поведении „Neue Zeit" в вопросе об избирательных лозунгах,—словом, он должен стать центральной проблемой съезда.

3. Нужно уяснение.

Противоречие между нарастающим революционным настроением масс и во всяком случае недостаточно единодушным Центральным Комитетом, составленным из представителей радикального партийного большинства, разумеется, послужило не к росту престижа радикалов в партии. Та часть радикалов, которая считает настроение масс предвестником боев, предсказываемых ею на основании анализа современной стадии развития политической жизни Германии, была принуждена выступить против руководящих кругов партии в целом ряде вопросов, как, напр., в вопросе о разоружении, об Эльзас-Лотарингской конституции, о недостаточно активном поведении руководителей партии в начале марокккского кризиса, о поведении редакции „Neue Zeit" в вопросе о лозунгах к выборам. Споры, в которых противная сторона, считаясь с близостью выборов в рейхстаг и с целым рядом других обстоятельств, воздержалась от принципиальных и подробных выступлений, вызвали в рядах ревизионистов шумный восторг. Эти последние подумали, что им удастся опереться на таких противников, как Каутский. Центральному Комитету и руководящим товарищам-радикалам приходится больше сражаться налево, чем направо!—ликовали ревизионисты. Мы могли бы не обращать на это внимания и не тратить слов, если бы нам не было выгодно подчеркнуть все сказанное в предыдущих статьях и установить политическое значение споров, происходящих в лагере радикалов. Это тем необходимее, что товарищи-радикалы, с которыми мы сочли своим долгом скрестить оружие, неправильно освещают эти споры. В своем открытом письме к редактору на-

шего „Göppinger Parteiblatt", тов. Тальгеймеру, Каутский опровергает передержку ревизионистов, говоривших, что он, будто бы, обвинил товарищей, группирующихся вокруг „Leipziger Volkszeiutng" и „Bremer Bürger-Zeitung" в синдикалистском уклоне (скажем так вместе с „Schwäbische Tagwacht", хотя наша критика и нашла поддержку в большом количестве партийных газет). Каутский поясняет, что он только предостерегал от уклона в синдикализм. Но такое предостережение, как он писал в майском номере „Neue Zeit", было нелишним, потому что, борясь с ревизионистской политикой, мы, кажется, недооценивали значение мелкой практической работы. Мы не знаем, что склонило товарища Каутского к такому мнению. Мы ни в коем случае не преуменьшали значения повседневной, мелкой, практической работы во всех областях рабочего движения. Без такой работы совершенно немыслима умственная и организационная подготовка пролетариата к решению стоящих перед ним исторических задач. Спор идет вовсе не об этом, а о том, что вся эта мелкая практическая работа должна быть проникнута не только духом общего социал-демократического мировоззрения (что необходимо при всех вообще обстоятельствах), но и специально духом революционной инициативы, духом энергичной борьбы за расширение перспектив немецкого рабочего движения, той борьбы, которую надо выдвигать каждый раз, как наступает момент для действия масс. Опасность уклона в синдикализм нам не грозит, а вот руководящие круги партии — те, действительно, несмотря на свой радикализм, не вывели необходимых последствий из факта непомерного обострения классовых противоречий в Германии. Не мы недооцениваем значения повседневной работы, а большинство радикальных вождей недооценивают возможности революционной агитации в массах и массовой борьбы, которые ныне открываются перед партией.

Но эта нерешительная политика есть лишь продукт переходного времени. Как бы мы ни боролись с ней, мы твердо уверены, что здесь нет таких противоречий, которые имели бы более глубокие корни и могли бы затянуться надолго. Правда, история Интернационала знает и такие случаи, когда направления, теоретически держащиеся за марксизм, практически сводят свою революционную тактику к чистому оппорту-

низму. Таково меньшевистское направление (в российской социал-демократии), во главе которого стоит блестящий марксистский теоретик Плеханов. Но это возможно только при специфически-отсталых русских условиях. В Германии же резкое классовое деление общества и отсутствие сильного промежуточного слоя, который мог бы внушить рабочему классу иллюзию, будто у него есть союзник, когда на самом деле имеется только два стана,—в Германии все это не дает радикалу возможности таких шатаний. Чем ближе надвигается взрыв великих и все нарастающих социальных противоречий, тем теснее смыкается стан радикалов, хотя бы тот или иной из причисляющих себя к нему по старой привычке и переходил в лагерь „государственных людей". Мы можем только пожелать, чтобы при всех спорах внутри радикального лагеря,—а такие споры будут возникать еще не раз,—это обстоятельство имелось в виду. Но еще больше следует желать, чтобы эти споры оценивались по своему истинному значению, чтобы все отдавали себе отчет в абсолютной необходимости дискуссии и чтобы никто не превращал ее в мелочные личные дрязги. Никогда еще не бывало такой колоссальной рабочей армии, какая имеется сейчас в Германии, и никогда еще не бывало у нее такого могучего врага, перед каким она стоит сейчас. Быть-может, близок час, когда рабочий класс рассчитается с этим врагом за всю вековую эксплоатацию и порабощение. Нам предстоят бои еще невиданной жестокости и трудности,—как же в такой момент обойтись без разногласий и вопросов, требующих уяснения?

На партийном съезде будут дискутироваться все частности основной проблемы: как нам завоевать немецкую Бастилию? Может-быть, большинство партийных делегатов хочет слушать уже не дискуссии, а боевые фанфары,—но надо внести ясность во все вопросы, которые станут объектами нашей борьбы. Никогда не бывает ясность так необходима, как перед боем, а парады мы предоставим центру, который живет только маскировкой своей природы. Мы приветствуем партийный съезд — военный совет перед сражением. Пусть он определит в своей серьезной работе боевые лозунги; немецкий пролетариат начертает их на красных знаменах.

(Bremer Bürger-Zeitung, сент. 1911 г.)

Германский империализм и рабочий класс.

1. В эпоху острой опасности военного конфликта.

Бряцание оружия наполняет мир. Прошло сорок лет с тех пор, как богатый столкновениями период образования национальных государств Западной Европы завершился франко-прусской войной. Было провозглашено, что мир,— хотя бы и вооруженный,—наложил на время свою печать. Развивая это положение, многие буржуазные политики позволяли себе утверждать, что война между цивилизованными народами вообще больше невозможна. А между тем, четыре последних десятилетия ознаменованы расширением колониальных завоеваний, порабощением целых народностей во всех частях света. Географ А. Зупан приводит следующие цифровые процентные данные относительно размеров территорий, занятых европейскими колониальными державами, в том числе и Соединенными Штатами:

В Африке	1876 : 10,8	1900 : 90,4	или: + 79,6%
„ Полинезии	1876 : 56,8	1900 : 98,9	„ + 42,1%
„ Азии	1876 : 51,5	1900 : 56,6	„ + 5,1% [1].

Это расширение, выразившееся прежде всего в разделе Африки и нарушении замкнутости Китая, развивалось под знаком непрерывных колониальных войн. В 1873 году русские направляются в Хиву, англичане захватывают острова Фиджи, в 1874 году следует японский

---

[1]) Зупан. „Территориальное развитие европейских колоний". Гота, 1906, стр. 254.

поход на Формозу, в 1876 г. Фергана становится русским владением, а Кетта—английским, в 1877 г. Трансвааль переходит к Британской империи, в 1878 г. вспыхивает война из-за Афганистана, в 1879 г. происходит оккупация Боснии, в 1881 г. Трансвааль становится независимым, Тунис—французским, итальянцы завладевают Массаду, в 1882 г. англичане занимают Египет, в 1884 г. официально начинается эпоха германской колониальной политики, французы ведут борьбу с Китаем, в 1885 году Верхняя Бирма переходит к англичанам, в 1887 г. основывается Родезия и т. д. Чтобы не перечислять всех дальнейших событий, отметим лишь наиболее яркие из них: это—война Японии с Китаем в 1894 г., англо-бурская война 1899 года и, наконец, русско-японская война 1905 г. Но высокомерная капиталистическая Европа, для которой все некапиталистические страны являются только объектом политики, каковым некогда представлял себе в мечтах наглый юнкер Иордан фон-Крейхер и германский рабочий класс,—капиталистическая Европа не переменила своего мнения. Несмотря на эти кровавые войны и на эти потрясающие перевороты, она полагает, что здесь не было конфликтов, могущих столкнуть европейские народы на поле битвы. Этот миф о мирном капитализме продолжал существовать, несмотря на тот факт, что распространение колониальной политики капиталистических стран в Африке и Азии вызывало трения между европейскими державами, как, например, между англичанами и русскими, между французами и англичанами, которые едва не дошли до войны. Вера в нерушимость европейского мира, которому угрожала разве только франко-германская вражда, была поколеблена сознанием, что Европа вступила в период острой военной опасности только тогда, когда Германия, попав в фарватер империализма, стала изо всех сил увеличивать свой флот, и когда старейшая из колониальных держав, Англия, испугалась этой германской опасности. Англо-германский антагонизм, антагонизм сытого капиталистического разбойника с разбойником молодым и изголодавшимся, в одно мгновение ока разрушил глупую сказку о капиталистическом агнце. Когда поражение России в японской войне, подорвав ее наступательные силы, тем самым ослабило про-

тиворечие русско-английских интересов в Азии, то на первое место выдвинулся конфликт англо-германский. С этого момента опасность войны не прекращается ни на одну минуту. Где бы ни возник пожар, где бы он ни угрожал,— будь то в Марокко или в Турции,— сейчас же на авансцену вылезают обе цивилизованные державы, вооруженные до зубов, и каждый раз неизвестно, не закончится ли англо-германским столкновением борьба диких берберских племен с султаном, который торгует ими с заграницей, как старыми брюками, или борьба турок с арабами, которым пытаются доказать высоту младо-турецкой культуры при посредстве высокого качества крупповских пушек. И Германия, и Англия путем широко разветвленной системы союзов стараются, чтобы их конфликт вырос в мировую войну. Австро-германо-итальянский тройственный союз и франко-русско-английское соглашение —вот те два лагеря, на которые делится капиталистический мир, и между которыми в любой день может начаться война. Рассеянные было военные тучи набегают снова, и сверкающие время-от-времени зарницы дают знать о том, что где-то готовится страшная буря. Дважды задерживал марокккский конфликт дыхание Европы, дважды чуть не возник мировой пожар из-за турецких беспорядков, и много есть еще и других очагов войны.

С нескрываемым страхом следит капиталистический мир за опасностями, которые он сам создал, и которых он не в состоянии обуздать. Точно слепой бродит он над безднами. С пламенным и все возрастающим негодованием глядит пролетариат на эту адскую работу, которая грозит еще увеличить его нужду и довести его страдания до крайней степени. Но он не хочет, подобно буржуазии, предоставить событиям итти своим путем. В борьбе с капитализмом он научился сам ковать свою судьбу и пытается сам парализовать угрозу войны. Он вынес из этой борьбы уверенность в том, что победить и подчинить себе можно только те элементы, источники и движущие силы которых не представляют для нас тайны. Поэтому он прежде всего пытается постичь причины этой непрекращающейся военной опасности. Самый поверхностный обзор истории последних десятилетий показывает ему, что причиной конфликтов, угрожающих

миру, является стремление к захвату некультурных стран (колоний), которые, находясь вдали от Европы и будучи населены чуждыми нам народностями, дразнят аппетиты капиталистических правительств. Дело идет не о воссоединении с известными частями родного народа, находящимися под чуждым владычеством, но о подчинении других народностей, о превращении чужих свободных стран в области, в которых мог бы беспрепятственно господствовать европейский капитализм. Чем объяснить это стремление в некультурные страны, эту борьбу из-за них, эту страсть превращать их в капиталистические колонии? Ответ на этот вопрос покажет нам, почему пролетариат должен чуждаться всех этих посягательств и враждебно относиться к ним.

а) Сущность империализма. Попытки капитализма затемнить истину.

Ясно, что эта борьба за колониальные приобретения, борьба, которая ведется беспрерывно и постоянно угрожает нарушить мир, имеет какие-то общие причины. Капитал и его сторонники приводят нам целый ряд таких причин: они говорят о переизбытке населения старых капиталистических стран или о потребности ввоза сырья, без которого не может существовать индустрия. А когда эти причины оказываются неубедительными, то на сцену выступают громкие слова о праве, даже об обязанности прививать некультурным народам высшую цивилизацию.

Достаточно поверхностного рассмотрения этих аргументов, чтобы убедиться в том, что они призрачные, что ими хотят затемнить истинные причины стремления капиталистов к эксплоатации. Когда сторонники капиталистической колониальной политики говорят о росте населения, принужденного эмигрировать, то мы зададим им вопрос: зачем же заводит колонии Франция? Прирост ее населения крайне незначителен, а ее колонии заселены, по большей части, подданными других европейских держав. Франция истратила в Алжире 7 миллиардов франков, и ей удалось пристроить там в общей

сложности 364 тысячи французов. Чтобы достойно оценить всю мизерность такого результата, надо вспомнить, что Франция добилась его путем семидесятилетней колониальной политики, и что значительная часть этих 364 тыс. человек состоит из натурализованных испанцев, итальянцев и туземцев. Еще хуже обстоит дело в Тунисе: там после тридцатилетнего французского господства число французов достигло всего 24.000, в то время как итальянцев там 83.000, а мальтийцев 12.000 [1]). При этом обе страны расположены рядом с Францией. Эти цифры доказывают, что Франция колонизирует, не имея достаточного числа колонистов. При этом надо иметь в виду, что французские милитаристические круги рассматривают каждого эмигрирующего француза с точки зрения ослабления военного могущества Франции, так как население этой страны почти не увеличивается, в то время как в Германии оно растет очень быстро.

Уже одно это доказывает, что причины колониальной политики кроются вовсе не в приросте населения. Но даже если бы все колонизирующие страны имели такой прирост и кроме того, значительную эмиграцию, то все же это не могло бы быть признано побудительной силой современной колониальной политики. Прежде всего, надо спросить себя, так ли уж неизбежно рост населения ведет к эмиграции? Когда Германия была еще преимущественно земледельческой страной, то каждый год за море переселялось по десяти тысяч пролетаризированных немецких крестьян, не находивших в Германия работы; а в то время население Германии было значительно меньше, чем теперь. Немецкая эмиграция исчисляется с 1831 по 1840 гг. в 177.000, с 1841 по 1850 гг. в 485.000, с 1851 по 1860 гг. в 1.130.000, с 1861 по 1870 гг. в 970.000, с 1871 по 1880 гг. в 595.000 чел. [2]). Численность германского населения за это время заметно возросла (в 1871 г. насчитывалось всего 41 миллион, в 1880 г. 45 миллионов, в 1890 г. 49 миллионов, в 1900 г. 56 миллионов и в 1910 г. 64 миллиона), но, тем не менее, за последние десяти-

---

1) М. Шанц. „Алжир, Тунис, Триполитания". Изд. „Прикладная география". Франкфурт н/Майне (стр. 37, 134).

2) Рошер. „Колонии, колониальная политика и эмиграция". Лейпциг 1858, стр. 377).

летия эмиграция идет на убыль: между 1891 г. и 1900 г. она дает 529.869 человек, а в последние десять лет всего 269.441 [1]). Таким образом, начало германской колониальной политики совпадает с той эпохой, когда, несмотря на прирост населения, находящего заработок в быстро развивающейся индустрии, переселение идет на убыль. Уже это одно доказывает, что стремление германского капитала к расширению своей деятельности в колониях не стоит ни в какой связи с ростом народонаселения. Следующие цифровые данные показывают, что германские колонии вообще не имеют никакого отношения к вопросу об эмиграции. Вот данные о том, куда переселялись немцы за последнее десятилетие:

Куда / Год	Великобритания.	Остальная Европа.	Сев.-Амер. Соед. Штаты.	Бразилия.	Остальная Америка.	Австралия.	Африка.	Азия.
1901	1.168	31	19.912	402	282	217	55	6
1902	1.181	2	29.211	807	546	235	114	2
1903	856	1	33.649	693	732	153	226	—
1904	719	—	26.085	355	648	97	78	2
1905	672	—	26.005	333	924	84	57	—
1906	310	—	29.226	182	1.237	86	33	—
1907	153	—	30.431	167	745	163	37	—
1908	157	—	17.951	326	1.240	175	33	1
1909	164	—	19.930	367	4.256	178	26	—
1910	77	—	22.773	353	2.184	128	16	—

Из 269.441 человек, которые эмигрировали из Германии за последнее десятилетие, в колонизируемые страны,

[1]) „Правительственный ежегодник“ за 1911 г. (стр. 29).

т.-е. в Азию и Африку, отправилось всего-навсего 596 человек. И это вполне естественно. Немецкие переселенцы, рабочие и мещане, направляются преимущественно в Америку, где они рассчитывают получить хороший заработок. Немецкие же колонии плохо приспособлены к развитию промышленности; у них нет ни угля, ни железа и, кроме того, климат большинства этих колоний вреден для европейцев. В немецкие колонии выезжают преимущественно более или менее состоятельные элементы, ищущие наживы в качестве плантаторов, фермеров и торговцев.

Как следует вообще относиться к аргументам колонизаторского патриотизма, показывает то обстоятельство, что немецкий капитал ежегодно привлекает $1^1/_2$ миллиона иностранных рабочих, чтобы понизить заработную плату, которой добился германский пролетариат. При этом последний должен стремиться основывать колонии и накликать на себя все опасности войны только для того, чтобы спасти теперешний или будущий рабочий класс от лишений, связанных с эмиграцией в „чужие“ страны. Блажен, кто верует! Но даже в среде буржуазных профессоров, которым принадлежат величайшие заслуги в деле распространения басен о необходимости немецкой колониальной политики, находятся люди, срывающие маску с этого надувательства. Так, кильский профессор Бернгард Гармс, специально занимавшийся вопросами мирового хозяйства, писал по поводу марокканского кризиса, во время которого пытались оседлать заезженную клячу „прироста населения“: „По моему мнению, об этом вообще не стоит говорить, ибо в интересах Германии сохранить всю массу своего населения на континенте, дабы распространять отсюда свое могущество, пользуясь численным перевесом. Наше будущее положение среди других народов в значительной степени обусловливается количеством людей, которых мы можем мобилизовать в каждый данный момент. Если бы уже в настоящее время у нас в Германии было восемьдесят-девяносто миллионов жителей, то, вероятно, никакого марокканского вопроса не было бы. Центральное положение Германии, дающее ей столько экономических выгод, является для нас счастьем до

тех пор, пока наше военное могущество сохраняет за нами безусловный перевес в самом сердце Европы" [1]).

Ссылаясь на прирост населения, сторонники германской колониальной политики притворяются величайшими друзьями народа. Той же цели служит и другой аргумент, которым они стараются доказать необходимость колоний. Немецкая промышленность, якобы, не может существовать без подвоза заокеанского сырья. Сырье и пищевые продукты составляли в 1788 г.—80%, в 1908—83% германского импорта. Это колониальное сырье „мы" могли бы и сами культивировать в колониях, если бы таковые были у нас в достаточном количестве. Таким образом, немецкая промышленность избавилась бы от дани иностранцам, от опасности приостановки импорта и повышения цен на сырье. Мало того, наступило бы удешевление продовольствия и всех тех товаров, для изготовления которых потребно дорогое заграничное сырье. Как это было бы трогательно, если бы только это было верно! Но статистика и политическая экономия говорят совсем не то, что говорят сказки колониальных патриотов.

Прежде всего, как обстоит дело с нашим подвозом сырья? Разве оно приходит главным образом из чужих колоний? Нет, только в незначительной своей части. Статистические данные показывают, что немецкая промышленность получает сырье вовсе не из колоний. В 1910 году немецкий импорт исчислялся в 8934,1 миллиона, из которых на Европу, Америку, Австралийский союз и Новую Зеландию (эти земли тоже нельзя считать колониями, так как они почти самостоятельны и управляются согласно своим собственным интересам) падает 7661,5 миллиона. Из остальных 1272,6 миллионов, которые приходятся на импорт из Африки, Азии и Полинезии, надо вычесть по меньшей мере 36 миллионов японского ввоза, ибо Япония является самостоятельным капиталистическим государством. Итак, из приблизительно 9 миллиардов немецкого импорта, в котором сырье и пищевые продукты составляют 80%, остается только один миллиард

---

[1]) „Deutsche Revue" за октябрь 1911 г.

двести тридцать шесть миллионов, добываемых путем торговли с африканскими и азиатскими колониями. В эту цифру уже включен немецкий ввоз из Китая (свыше 94 миллионов), и мы готовы присчитать сюда же импорт из Турции, ибо, ведь, не исключена возможность, что обе эти страны, ныне, правда, независимые, могут стать объектом колониальной политики. Если же мы к уже полученным 1236 миллионам прибавим еще 67 миллионов ввоза из Европейской, Азиатской и Африканской Турции, то мы достигнем суммы в 1303 миллиона, т.-е. менее $1^1/_2$ миллиарда, менее одной шестой германского импорта. Важнее всего при этом то, что продовольствие и сырье, которое необходимо немецкой промышленности больше, чем что бы то ни было, т.-е. пшеница и хлопок,—ввозятся из колониальных стран лишь в ничтожной своей части. Так, в Египте хлопка покупается на только на 73 миллиона, в Британской Индии—приблизительно 46 миллионов, а в Северо-Американских Соединенных Штатах, т.-е. в капиталистической стране,—на 406 миллионов. Эта зависимость от Соединенных Штатов, обладающих на хлопковом рынке почти-что монополией, зачастую делает европейский капитал жертвой произвольных спекуляций.

Но колонии делу не помогут. Правда, немецкий капитал пытается ввести хлопководство в Того, в Камеруне и в Восточной Африке, но при этом он наталкивается на почти непреодолимые трудности. До сих пор еще неизвестно, не делают ли климатические условия безнадежными все попытки разведения хлопка в немецких колониях; но совершенно достоверно, что ему противятся все социальные условия этих колоний. У негров разделение труда еще так мало развито, что почти немыслимо было бы оторвать их от разведения злаков и убедить всецело отдаться хлопководству. А если бы это даже и удалось, то необходимость ввозить для них продовольствие настолько повысила бы цену колониального хлопка, что хлопководство не окупало бы себя. Еще вопрос, могло ли бы оно развиться даже при поддержке правительства, ибо оно требует гораздо высшей степени культуры, чем та, на которой стоят сейчас негры, несмотря на двадца-

типятилетнее немецкое владычество; кроме того, каждое значительное колебанье цен на хлопковом рынке так обескураживает негров, „что, — как подчеркивает меморандум 1909 г. о развитии немецких колоний, — все эти поощрительные меры и усилия (денежные премии за усердие, гарантии минимальных цен) оказались не в состоянии устранить недоверие туземцев". Еще хуже обстоит дело с плантациями. Негры Восточной Африки владеют землей и еще сохраняют свое родовое устройство. Очень трудно уговорить их, чтобы они разорялись на хлопковые плантации. К тому же живут они, главным образом, в северо-западной части Восточной Африки, а для плантаций удобнее всего береговая полоса. Поэтому уже теперь наблюдается недостаток в рабочих руках. Что же было бы, если бы урожай хлопка покрывал всю германскую потребность (2 миллиона кип), т.-е. требовал бы 200.000 рабочих? Принуждение негров, на котором колониальная литература настаивает в самых различных формах, не подвинуло бы хлопководства, а только вызвало бы восстание. Немецкие колониальные круги вполне усвоили всю безвыходность положения. Это явствует уже из того факта, что правительственный меморандум о хлопковом голоде не в состоянии предложить никакого лекарства. Какое настроение царит в колониальных капиталистических кругах, мы видим из следующих строк известного колониального писателя: „Нельзя отрицать, что интерес к хлопководству в немецких колониях, столь сильный еще два-три года назад и даже в прошлом году, теперь значительно ослабел. Причин следует искать в том, что основанное на работе туземцев хлопководство в Того оказалось неудачным, и заложенные со столькими упованиями плантации не оправдали пылких надежд, возлагавшихся на них два-три года назад" [1]). Если вопрос о хлопке все же поднимается вновь и вновь, если даже немецких рабочих приглашают тратить свои гроши на эти бесцельные эксперименты, то тому есть две причины: во-первых, с помощью хлопковой шумихи создается впечатление, будто бы колониальная политика ведется

[1]) Статья Эмиля Циммермана в „Reichsboten" от 7 янв. 1911 г.

в интересах обще-хозяйственных, а не чисто-капиталистических; а во-вторых, таким образом общественное мнение подготавливается к железнодорожному строительству в дебрях Африки, без которого эти бесцельные опыты хлопководства не могут быть проведены в жизнь. А из железнодорожного строительства, производимого в Африке за счет податей немецкого народа, капиталисты извлекают жирные барыши. Позиция немецкого капитала в этом вопросе еще лучше доказывает лживость аргументации от сырья, чем вышеприведенный пример. Колониальная литература исписывает вагоны бумаги, чтоб показать значение немецких колоний в деле снабжения Германии сырьем, а немецкому капиталу и в голову не приходит принять сколько-нибудь серьезное участие в колониальной сырьевой продукции: „Правда, Бисмарк обдумывал план колониального хлопководства уже в 1899 году,—пишет коммерческий редактор „Berliner Tageblatt“ О. Елингер [1]),—однако, тогда еще не удалось убедить соответствующие круги в его необходимости, и предпринятые правительством шаги на первое время остались бесплодными из-за отсутствия активного содействия со стороны заинтересованных лиц“. А позже? До 1907 года немецкий капитал, за исключением нескольких поставщиков, очень мало заботился о колониях. Согласно правительственному меморандуму, до конца 1909 года он ассигновал на опыты по хлопководству в общей сложности 1,7 миллиона марок. И при этом еще муссируется утверждение, будто бы от решения этого вопроса зависит участь германской текстильной промышленности!

Да иначе и быть не может. Во-первых, даже по вычислениям поборников колонизации [2]), немецкие колонии смогут удовлетворять сырьевые потребности Германии не ранее, как через сто лет. Но капиталисты не любя давать деньги на такой срок,—они хотят немедленных барышей. Во-вторых, они слишком хорошие

[1]) Otto jöhlinger. „Экономическое значение наших колоний“. Берлин, 1910, стр. 81.

[2]) Статья тайного советника Wohltmann'a в „Tropenpflanzer“ (1909 г., № 1).

дельцы, чтобы не знать, что цены на сырье устанавливаются не в Виндхуке или в Дар-эс-Саламе, а на мировом рынке, и что поэтому сырье из немецких колоний будет доставляться им по той же цене, что и из-за границы. Немецкие угольный и чугунный синдикаты достаточно показали на практике, что они умеют повышать цены на сырье не хуже нью-йоркской хлопковой биржи.

Колониальные крикуны говорят и об удешевлении продовольствия благодаря дешовому подвозу из колоний Но вряд ли им удастся поймать на эту удочку хотя бы самого наивного немца: точно нет немецких юнкеров с их хлебной спекуляцией! А то, что немецкие юнкера не собираются держать себя в отношении продовольствия, ввозимого из немецких колоний, иначе, чем в отношении русского или американского, это они вполне доказали своей позицией в вопросах хозяйственного развития Юго-Западной Африки. „Deutsche Tageszeitung“ самым резким образом выступила против всех, желавших использовать немецкую Ю.-З. Африку для вывоза скота.

Хотя оба „аргумента“ колониальной политики и оказались чистейшим обманом, но все же их опровержение потребовало рассмотрения лежащих в основе фактов. Зато третий аргумент поборников колониальной политики, выдвигаемый в особо торжественные моменты, а именно ссылка на права более высокой цивилизации, опровергается легко и быстро. Капиталистическое государство стремится задерживать культурный подъем народа, а не ускорять его. Никто не знает этого лучше, чем немецкий рабочий класс, которому приходилось завоевывать каждый атом культуры в борьбе с капиталистическими культуртрегерами. Рабочий класс прекрасно знает что культура, которую немецкий капитал несет диким народам,—это эксплоатация и гнет. Петерс, Аренберг, генерал Трота—вот носители немецкой культуры в колониях. При таких обстоятельствах ссылка колониальных политиков на право высшей цивилизации звучит для рабочих насмешкой. Такими утверждениями можно обманывать гимназисток, а не немецкий пролетариат, десятилетиями ведущий напряженную борьбу за культуру, и потому знакомый с характером капитализма. Пролетариат знает свое: когда капитал начинает

говорить о культуре, то за этим скрывается особенно хороший гешефт.

Капиталистические любители колоний только затемняют характер колониальной политики. Краткий пересмотр аргументов колониальной политики вообще и германской в частности (в том виде, как ее изображают буржуазные авторы) показывает, что корни колониальной политики надо искать не в интересах всего общества, а тем более не в интересах народных масс. Это невозможно уже по одному тому, что носителями колониальной политики являются именно злейшие враги рабочего класса. Фабриканты-локаутчики и хлебные спекулянты, бюрократы, притесняющие народ на каждом шагу, военные, ежеминутно призывающие к уничтожению революционной сволочи,—словом, сливки капиталистического общества,—вот кто хлопочет в пользу колониальной политики. Не следует ли искать ее корней в интересах этих классов? Чтобы получить ответ на этот вопрос, бросим взгляд на тенденции развития капитализма в его нынешнем расцвете и могуществе.

б) Движущие силы империализма.

Небывалое развитие капитализма, который во второй половине XIX столетия завоевывает одну европейскую страну за другой и постепенно превращает Северную Америку из земледельческой страны в промышленную, покоится на таком развитии производительных сил, пределы которого вообще невозможно предвидеть. Все новые и новые технические изобретения помогают подчинять силы природы производству, и капиталистическая индустрия, вооруженная всеми своими средствами, побеждает ремесло, домашнюю крестьянскую выделку. Она записывает пролетаризированного ремесленника в армию своих рабов, присоединяет к нему пролетаризированного крестьянина, выкорчевывает последние остатки натурального хозяйства и создает для себя внутренний рынок. Капитал торжествует. Нет бога на земле, кроме него, и все прежние силы входят с ним в соглашение и служат ему. Но вскоре оказывается, что алтарь капиталистического Ваала стоит на вулкане, так что его жрецы легко

могут взлететь на воздух. Производительные силы растут быстрее, чем рынок, который должен поглощать продукты капиталистической промышленности, дабы выработанная рабочим классом прибавочная стоимость вернулась в кассы первосвященников капитала в виде чистого золота (а только оно и является предметом капиталистических стремлений). Покупательная сила рабочих, изводящих себя за скудную плату, растет весьма слабо, ибо, несмотря на всю капиталистическую болтовню, положение рабочего класса остается плохим, если не совсем безнадежным. Чем большую часть общества составляет рабочий класс, тем уже становятся пределы расширяемости рынка, пока царит капитализм. Но развитие техники не считается с этим затруднением капитала. Еще не использовано одно изобретение, а на поверхность уже выплывает другое; и горе тому капиталисту, который пользуется старым: производство обходится ему слишком дорого, он торгует себе в убыток. Колоссально выросшие производительные силы наводняют рынок товарами, не находящими сбыта. При этом невозможно предвидеть, какое количество товара рынок способен поглотить и какое количество производится, ибо не существует никакой организации производства, а выработка происходит в темную,—чем больше, тем лучше,—так как в виду растущей конкуренции понижение стоимости продукции наступает лишь с увеличением производства. Результатом всего этого являются кризисы. Производство совершается анархически, в гораздо большем количестве, чем может поглотить рынок; поэтому периоды застоя неизбежны. Товары не находят сбыта; цены падают, кредит дорожает. Уничтожение чудовищной массы ценностей расчищает путь дальнейшему развитию продукции. Разрушение мелких предприятий, не оказавшихся в состоянии вынести кризис, неисчислимые страдания рабочих, не получавших работы и голодавших, пока промышленность не находила сбыта для своих товаров,—все это показывает, что в капиталистическом обществе люди не управляют экономическим развитием, а подчиняются его слепым силам. О страданиях трудящихся капитал совершенно не беспокоится: ведь, рабочий класс еще настолько слаб, малосознателен и неорганизован, что считает свои страдания естественным

явлением, перстом божиим. Но другие последствия кризиса, последствия, чувствительные для карманов самих капиталистов, побуждают их к действиям. Капитал старается провести организацию промышленности, чтобы предупредить перепроизводство и, если это не удается, то во что бы то ни стало поддерживать высокие цены. Он создает объединения, распределяющие рынок между отдельными своими членами, назначающие цены и облагающие высоким штрафом тех фабрикантов, которые осмеливаются продавать дешевле других. Но здесь капиталистический класс наталкивается на серьезное препятствие. Что дадут ему тресты и картели, если в его пределы, благодаря возрастающей дешевизне транспорта, вторгнется иностранный капитал? Если иноземный капитал в состоянии проникнуть на местный рынок, то создание картелей и трестов только облегчит ввоз заграничных товаров. Потому-то капитал постоянно кричит о покровительственных пошлинах, которые должны оградить поле его эксплоатации (он, по старому обычаю, прочувствованно называет его отечеством) от вторжения чужеземных товаров. Где такие пошлины держатся с тех времен, когда они должны были защищать слабо развитую местную промышленность от сильной иностранной конкуренции, там капиталисты требуют их сохранения и повышения, несмотря на то, что местный капитал уже находится во всеоружии против опасности иностранного соперничества. Теперь у пошлин только одна задача: они должны дать капиталу возможность произвольно повышать цены. Таким образом, тресты и картели ведут к установлению и повышению покровительственных пошлин, а эти последние, в свою очередь, становятся крылышком, под которым эксплоататорские организации свободно совершают свои бесчинства. Но и это помогает лишь ненадолго. Техническое развитие и накопление все больших капиталов понуждает к расширению производства и распространению его продуктов. Что делать с этими продуктами? Капитал выбрасывает их на чужие рынки по дешовым ценам, часто без прибыли. Это заставляет его понижать стоимость производства, и высокие цены внутри страны вознаграждают его за бесприбыльное выбрасывание части продуктов за границу. Но и такая политика картелей оказывается недостаточно

радикальным средством. Иностранные капиталисты могут защищать свою шкуру теми же средствами: они тоже умеют окружать себя стеною пошлин и выбрасывать продукт пролетарского пота на чужие рынки. Приходится создавать растущему капиталу большие прибыли другими путями. Решение вопроса видят в экспорте капитала. Финансовые короли одалживают правительствам менее развитых, бедных капиталом стран деньги, чтобы они могли создавать армии, строить дороги, вводить современную систему управления по образцу больших государств. Россия, балканские государства, южно-американские республики, Турция, Китай,—все они пригоршнями черпают из кармана западно-европейского капитала. Они позволяют предписывать себе условия, согласно которым капитал получает сказочные проценты; они обязуются заказывать нужные им для вооружения армий и для постройки железных дорог материалы только у своих кредиторов. Таким образом вывезенный капитал возвращается в карманы европейских капиталистов в виде процентов и заказов, бесконечно расширяя их могущество. Для защиты своих зарубежных интересов, возникших таким путем, капитал обращается к государству. На его помощь он может твердо рассчитывать. Между тем, государства Западной Европы, экономическая жизнь которых проделала этот путь развития, не остались прежними: и они изменились вместе с капиталом. Если прежде они управлялись крупным землевладением и династиями, которые сами были крупнейшими землевладельцами страны, если прежде они пользовались капиталом для своих целей, то теперь они превратились в слуг великого капитала. Ибо теперь капиталу подчинена вся страна. Подавляющая масса населения зависит теперь не от крупного землевладения, а от капитала. Большинство населения работает на его фабриках. От него зависит государство, ибо без его помощи оно не может приводить в движение свою административную машину. Развитие техники, которое из года в год переворачивает вверх дном все орудия производства, влияет и на развитие армии, этого важнейшего орудия государственной власти. Прежние машины убийства должны так же быстро уступать место новым, лучшим и более дорогим, как и все прочие машины, и конкуренция великих держав на этом

поприще еще ожесточеннее, чем соревнование фабрикантов. Расходы, которых требует современное вооружение, все увеличиваются, и самая армия растет таким же темпом, как и население, ибо с тех пор, как французская революция, защищая свои завоевания от феодализма, двинула на поле битвы народные массы, все государства, одно за другим, переходят от системы наемного войска к более или менее последовательно проводимой системе всеобщей воинской повинности. К этому изменению в характере армии присоединяется и перемена во втором мощном орудии капиталистического государства—в бюрократии. Теперь государство залезает во все закоулки общественной жизни. Оно становится подвижным, многогранным; все его отрасли переплетаются между собой и требуют регулировки. Задачи бюрократии бесконечно расширяются. Если она не может справиться с ними, если она не подчиняет себе всей социальной жизни, то власть уходит от нее. Таким образом, общество побуждает ее к постоянному росту, и армия бюрократов непрерывно разбухает.

Расходы по содержанию войска и чиновничества становятся все больше, все недоступнее. Современное государство старается обложить налогами все, что возможно, оно изо всех сил нажимает налоговый пресс, и все таки ему приходится прибегать к займам. Растет государственный долг, а с ним растет и зависимость правительства от капитала, покрывающего займы. Ибо как ни прибыльны для капитала эти кредитования, но он старается выжать из них и кое-что получше простых барышей: он приобретает политическую власть. Как бы феодально ни было правительство, с каким бы презрением ни относились бюрократические круги к буржуазным выскочкам,—они не могут обойтись без этих последних и вынуждаются поступать к ним в услужение. А капитал не стесняется в использовании государственной власти. Она служит для сдержки рабочего класса и принуждена считать своей важнейшей задачей охрану интересов крупного капитала против многочисленных более слабых буржуазных слоев. Исполняя волю капитала внутри страны, государство становится на стражу капиталистических интересов и за границей. Мы уже показали,

как выглядят эти интересы. Какие обязательства берут на себя по отношению к ним западно-европейские капиталистические государства? Эти обязательства зависят от особенностей кредитующегося государства и от условий, при которых совершается его порабощение чужеземным капиталом. Прежде всего, слабо развитое государство, заключающее заем, должно считать священнейшим своим долгом аккуратную выплату процентов иностранному капиталу, даже в том случае, если останутся неисполненными все его обязательства по отношению к собственным подданным. Оно обязано не только до копеечки выплачивать чужому капиталу проценты, но и покрывать у него всю свою потребность в товарах. Если же оно захочет сохранить его расположение, то оно обязано отдавать ему за бесценок все богатства своей страны. Но не всегда правительство полуразвитого государства может выполнить взятые им на себя обязательства: увеличение налогового бремени, эксплоатация со стороны чужестранцев, расползающихся по всей стране и сосущих ее соки,—все это вызывает брожение среди населения, до тех пор спокойно жившего изо дня в день; оно оказывает сопротивление своему правительству, не платит налогов и, наконец, восстает с оружием в руках. Вот тут-то европейский капитал и бьет тревогу; он требует от своего правительства защиты своих интересов в чужой стране и оккупации этой последней.

Есть и другая возможность. Капитал угнездился в слабо развитой стране. Он одолжил ее правительству деньги на ростовщических условиях и теперь чувствует себя там как дома. На эти деньги правительству удалось усилить свою власть, упрочить свое положение в стране. И оно хочет воспользоваться этим. У него открылись глаза, оно поняло, какие чудовищные проценты оно платит чужому капиталу. Чтобы хоть несколько облегчить это бремя, оно начинает чинить иноземному капиталу всяческие препятствия и, по примеру капиталистов, притворяется банкротом, чтобы добиться лучших условий. Тогда душа иностранного капитала опять вскипает негодованием: он требует от своего правительства, чтобы оно произвело давление на бесчестных варваров, чтобы оно внушило им, что цивилизация в первую голову состоит в исполнении принятых на себя обязательств. Или

еще такой случай. Иностранный капитал — это отвлеченное общее понятие. На деле сделки совершаются между правительствами неразвитых стран и национальными группами западно-европейского капитала. Немецкие, английские и французские капиталисты пытаются поместить свои деньги в той или иной стране, жаждущей капитала. Они вступают в конкуренцию, взаимно пытаясь вытеснить друг-друга. Каждая национальная группа капиталистов требует от своего правительства, чтобы оно всею своей мощью выступило на защиту его предложений. Оно должно показать кредитующейся стране, какие неприятности оно может причинить ей в случае отклонения предложений означенной группы. Оно должно обратить внимание этой страны на свои военные силы и на помощь, которую оно может оказать ей против других держав.

Во всех перечисленных случаях правительству капиталистической страны приходится защищать интересы своего капитала против кредитующегося государства. Иногда дело кончается дипломатическим давлением, иногда—военной демонстрацией, а порою и оккупацией страны—ее присоединением к государству-кредитору. Таким образом, экспорт капитала за границу, в мало развитые страны, приводит к так-называемой мирной экспансии, а часто и к оккупации.

Кредитор притягивает к себе должника на золотом аркане и эксплоатирует его; если же тот восстает против ига и оказывается побежденным, то он теряет свою самостоятельность и становится колонией. Капиталист навязывает своему правительству ту роль, которой не могло или не хотело играть правительство чужое. Но это не единственный способ создания колоний. Часто капиталу приходится сначала побудить свое правительство к занятию свободного клочка земли, а уже потом развивать там свою деятельность. Экспортировать капитал—это значит строить в некультурной стране гавани, города и железные дороги. Если же эта страна стоит на такой низкой стадии развития, что вообще не имеет никакой государственной организации или имеет организацию столь слабую, что ей никак нельзя доверить охрану одолженных денег, то капитал должен сначала перенести туда

свою организацию, т.-е. поработить население и присвоить себе страну. Так, например, возникли все немецкие колонии [1]). Теперь мы видим, какие силы управляют завоеванием колоний, т.-е. империалистической политикой. Но чтобы лучше понять ее сущность, необходимо точнее исследовать, какие интересы скрываются за этой политикой и какие слои ее поддерживают.

в) Империализм и буржуазия.

Мы показали, что основание колоний вызывается интересами картелированного капитала и тех банков, которые вывозят капитал в чужие земли. Точнее говоря,—это, в первую голову, интересы магнатов металлургической промышленности и крупных банков. Одолженный малокультурным странам капитал идет прежде всего на закупку пушек и ружей, на постройку крепостей и железных дорог; таким образом, он доставляет заказы магнатам железопрокатного, орудийного и т. п. производств. Так как капиталистическое государство, буржуазия которого экспортирует капитал, должно быть во всякое время готово поддержать ее, то ему следует обладать сильным флотом. А это опять-таки дает занятие тем же отраслям индустрии, создает для них постоянно возрастающий рынок, тем более выгодный, что они могут диктовать ему цены. Как правительства порабощенных чужим капиталом стран должны принимать те цены на заказы, которые установлены фабрикой (иначе они не получат займа), так и местное правительство платит за свои корабли и пушки столько, сколько с него потребуют. Ибо, обратись оно к чужим фабрикам,—свой капитал поднимет крик, будто бы оно подвергает государство опасности. Создавать конкурирующие предприятия нелегко, так как для этого требуются

[1]) Конечно, не во всех капиталистических странах этот процесс происходит одинаково; но сейчас мы говорим не о возникновении империалистической политики в какой-нибудь одной стране (немецкую мы будем рассматривать специально), а о группировке общих двигательных сил империализма. Подробнее трактуют об этом: „Финансовый капитал“ Р. Гильфердинга (Вена, 1910, стр. 374—477), „Национальный вопрос и социал-демократия“ Отто Бауэра (Вена, 1907, стр. 400—490), „колониальная политика и развал капитализма“ Парвуса (Лейпциг, 1907) и „Колониальная политика“ Каутского (Лейпциг, 1907).

чудовищные капиталы, а изготовлять все нужные для милитаризма и маринизма предметы на государственных заводах почти невозможно уже потому, что содержание администрации окажется еще дороже кусающихся цен братьев Крупп. Итак, мы видим в тяжелой индустрии, во владельцах железопрокатных, оружейных и судостроительных заводов сильнейшую группу использователей империалистической политики. Их гигантские обороты поглощают миллиарды марок. Но не это одно составляет их силу, так как эти обороты, несмотря на свои размеры, составляют лишь частицу немецкого капитала: дело в том, что эти люди сплочены, они находятся в давнишней связи с правительствами, в связи, создавшейся в процессе снабжения армии. К этому прибавляется еще и тот факт, что за ними стоит финансовый капитал, в сети которого крепко запуталось правительство с его политикой государственных долгов. Финансовый же капитал стоит за ними потому, что он сам в значительной степени управляет тяжелой индустрией. Объем ее слишком велик для того, чтобы ее можно было покрыть прибавочной стоимостью, создаваемой ее рабочими. Она должна иметь постоянный приток капитала, и этот приток дают ей крупные банки. Таким образом, банки заинтересованы в развитии тяжелой индустрии. Кроме того, и собственные интересы финансового капитала делают его ревностнейшим сторонником империализма. Во-первых, империалистическая политика понуждает капиталистическое государство к постоянным займам, что особенно выгодно для крупных банков. Во-вторых, те же банки являются и посредниками при экспорте капитала в чужие страны. Что́ им при этом попадает в карман, покажут примеры. Теодор Ротштейн [1]) показывает нам, каковы были последние займы египетского хедива, впоследствии приведшие к оккупации Египта англичанами. Заем 1873 г. был заключен, примерно, на 32 миллиона фунтов стерлингов (640 миллионов марок или 320 миллионов рублей из 7% и 1% на амортизацию). Банки, которые провели этот заем, дали хедиву только 20,7 миллионов фунтов и оставили себе остальные 12 мил-

[1]) Т. Ротштейн. „Разорение Египта“ (Egypt's Ruin), London, 1910, стр. 40.

лионов в качестве гарантии риска. Не удовольствовавшись этим, они принудили его принять в уплату на 9 миллионов его собственных сомнительных обязательств по курсу 93 за 100, хотя заем предназначался именно для погашения этого долга, и банки приобрели эти обязательства по курсу 65. Приведем пример из более близкого прошлого. Банки, финансирующие постройку Багдадской жел. дороги, заработали сто миллионов франков на посредничестве и сэкономили 180 миллионов франков на расходах по постройке, за которую они предъявили Турции непомерно высокие счета. Так, по крайней мере, выглядит этот гешефт по английским данным; по исчислению директора Германского банка эта экономия оказывается меньше, но зато куртаж исчисляется в 138 миллионов франков [1]). Из займа, заключенного марокканским султаном в 1909 году в сумме 62 миллионов франков, банки прикарманили 14 миллионов; с займа в 110 миллионов, который они провели в предыдущем году, они „заработали" на посредничестве по 71 франку с каждой 500-франковой облигации. Если учесть, как велика мощь крупных банков, в какой зависимости от них находится буржуазная пресса и буржуазные партии, то можно составить себе понятие и о той энергии, с какой они защищают империалистические интересы и стараются представить их интересами всего капитализма и даже всей нации.

Но за спиной империалистической политики скрываются еще более широкие интересы, чем притязания тяжелой индустрии и финансового капитала. Когда финансовый капитал вооружает войска варварских государств, когда он строит дороги в Анатолии и Китае, то он окружает эти предприятия, обслуживающие в первую голову тяжелую индустрию, сетью других предприятий, в которых принимают участие различные отрасли обрабатывающей промышленности. Он отрывает часть туземного населения от работы на родной ниве и заставляет его строить шоссейные дороги; правда, он дает туземцам некоторое вознаграждение, но на эти деньги население покупает европейские товары. На постройку стекаются

---

[1]) „The Nineteenth Century", июнь 1909 г. Arthur Gwinner: „The Bagdad Railway" („Багдадская жел. дорога").

торговцы, покупающие у крестьян их продукты и втягивающие их в круговорот товарообмена. Так расширяется круг лиц, промышленно-заинтересованных в империализме.

Но у империалистической политики есть сторонники и в более широких кругах. Самые рьяные её поборники находятся в военной среде, перед которой она открывает широкое поле деятельности. Это приближает к ней мелкое дворянство, первоначально враждебное колониям, так как, ведь, колониальная политика в первую голову ведется в интересах крупного капитала. Дворянские сынки-офицеры заинтересованы в империалистической политике: младшие сыновья мелких дворян питают надежду вернуться из колоний, в которые государство загнало целые миллионы, с капитальцем; дома же они могут только дробить родовое имение. Сидя на отцовском участке, много не заработаешь.

Этим исчерпывается круг лиц, заинтересованных в колонизации. Широкие круги обрабатывающей промышленности и торговли, работающие на внутренний рынок или черпающие прибыль из сношений с иностранным капиталом, не принимают в ней никакого участия. Численно они значительно превышают те отрасли индустрии, которые работают на колонии и на нецивилизованные страны. Империалистическая политика только затрудняет их развитие, увековечивая покровительственные пошлины, умножая тяготы военной службы и непрерывно тревожа мировой рынок угрозою войны. Но они не в состоянии оказать ей сопротивления, так как она представляется им политикой, которая будет отвечать их интересам. В настоящее время $^5/_6$ немецкого вывоза направляется в капиталистически развитые государства. Но все слои буржуазии задают себе вопрос, что несет им завтрашний день? Все страны развивают свою собственную промышленность. Вероятно, придется все меньше и меньше считаться с ними, как с рынками. Пусть колонии сейчас мало развиты; разве нельзя их развить, чтобы в будущем они становились все более емкими рынками для отечественной индустрии? Конечно, во имя этих будущих интересов буржуазия на расходы не пойдет, но этого сознания достаточно, чтоб преисполнить ее духом колонизации, тем более, что в главной своей части колониальные тяготы па-

дают не на нее. Большую часть бюджета капиталистических стран покрывают путем косвенных налогов народные массы. Наконец, как может буржуазия обойтись без колониальной химеры? Что может она противопоставить все громче звучащему из народных недр призыву к социализму? Несколько десятков лет назад она могла не обращать на социализм внимания, высмеивать его, как утопию. Но что может буржуазия противопоставить пролетариату теперь, когда обобществление труда все возрастающей властью финансового капитала над промышленностью, когда вытеснение частных предпринимателей безличными акционерными обществами,— когда все это указывает на развитие производства в сторону общественного руководства, т.-е. социализма, когда все усиливающаяся мощь рабочего класса доказывает, что уже созрели и силы, могущие взять на себя выполнение этой задачи? Есть ли у нее какая-либо другая отговорка, кроме той, что на ней еще лежит великая историческая задача—задача внесения капитализма с его чудесами техники в нецивилизованные страны? Что может буржуазия возразить пролетариату, когда он указывает ей, что сужение рынков сбыта поставит старые капиталистические страны перед кризисами и потрясениями, во время которых измученные нуждою рабочие ухватятся за другую организацию производства? У нее нет никакого прибежища, кроме способности колоний к дальнейшему развитию. Поэтому, хотя широкие круги буржуазии и не получают от колоний прямой выгоды, хотя империалистическая политика даже создает для них ряд затруднений, они все-таки будут плестись на буксире этой политики. То же самое относится и к интеллигенции, вообще говоря, не принимающей в производстве никакого участия и живущей только крохами, падающими со стола буржуазии. Когда крупные события выводят ее из обычного безразличия и заставляют принять участие в политической жизни, то единственной приемлемой для нее идеологией оказывается тот же империализм. Поклонение сильной, беззастенчивой личности—вот наиболее распространенное мировоззрение этих кругов, представители которых могут выдвинуться только путем личной деятель-

ности. А где теперь может беззастенчивее всего развернуться буржуазная „личность", если не в колониях? И когда серая мещанская жизнь опротивеет интеллигенту, где найдет он людей, не отступающих перед приключениями, изживающих жизнь полностью, не обращая внимание ни на обычаи, ни на законы, ни на отечественное лицемерие? В колониях! Так империализм захватывает один буржуазный слой за другим, запрягает их в свою колесницу и совершает свое триумфальное шествие по всему миру.

Из стран развитого капитализма — из Англии, Франции, Германии—он проникает в те государства, где капитал еще слаб, где нет простора для его развития. Он покоряет души и в этих странах. Италия, Австрия, даже захиревшая Испания,—все они видят, как старые капиталистические государства занимают в Азии и Африке клочок за клочком. Скоро грабить будет нечего. Неужели же им утешаться тем, что им еще на десятки лет хватит домашних затруднений? Разве впоследствии перед ними не вынырнут те же трудности, которые теперь встают на пути старых капиталистических государств? Империалистическая лихорадка охватывает и их, заставляет и их взваливать на себя совершенно непосильное бремя.

Итак, империализм есть политика, уже сейчас отвечающая интересам тяжелой и отчасти обрабатывающей промышленности, а также интересам финансового капитала,—политика, представляющаяся этому капиталу единственным спасением от затруднений, угрожающих его дальнейшему развитию. В качестве же единого целостного мировоззрения, эта политика привлекает к себе интеллигентные слои буржуазии. Империалистическая политика связана не с интересами народа, а с выгодами капитала в последней стадии его развития.

А теперь, чтобы правильно оценить влияние этой политики и связанные с нею опасности, оглядим пути, пройденные ею в Германии.

г) Первые шаги германской колониальной политики.

Когда в 80-ых годах прошлого столетия волна колониальной политики захлестнула Францию и Англию, то у Германии еще не было ни одной колонии. Отсутствие экономического

единства и централизованной власти не позволили Германии XVI и XVII вв. развить, подобно Франции, Англии и Голландии, колонизаторскую деятельность, продолжением которой могла бы явиться эпоха капиталистической колониальной политики. Когда же, в силу хозяйственной эволюции, а также при помощи железа и крови, Германия, наконец, объединилась, то у имущих классов на первое время оказались более важные дела, чем колониальный грабеж. Буржуазия начала устраиваться в новом государстве по-домашнему; юнкера и правительство заботились о том, чтобы после перестройки им не оказалось слишком тесно. Завоевание колоний тогда еще было для немецкого капитала делом слишком далеким. Для него и в Германии было достаточно простора, была почва, напоенная благодатью французских миллиардов, разрытая жадными руками, настолько вспаханная, что ядовитые ростки барыша всходили в изобилии. И хотя после этой дикой спекуляции наступил кризис, но все же для промышленного развития Германии оставалось широкое поле и внутри страны. После экономического кризиса 1874 года верхи капиталистического мира прежде всего обратились к покровительственным пошлинам, как к первому средству, которое должно было доставить им возможность дать обрабатывающей промышленности повышенную прибыль за счет потребителя. Широкие круги обрабатывающей промышленности, даже перед лицом преодоленного кризиса, считали пошлины излишними; они еще верили в целительные силы капитализма. Так как у них не было никаких интересов в капиталистически неразвитых странах, а торговые сношения их с Англией и Америкой непрерывно возрастали, то вопрос о приобретении колоний был совершенно безразличен даже для той части немецкого капитала, которая работала на экспорт. Еще в 1885 г. Роберт Янаш[1]), один из первых борцов за колониальное расширение Германии, писал: „У нас не насчитывается и нескольких сотен купцов, побуждаемых духом личной предприимчивости и самым характером своей торговли к более подробному ознакомлению с

---

[1]) „Roschers Kolonien", „Современные задачи Германии", Лейпциг, 1885 г., стр. 371.

явлениями, происходящими в области интенсивной культуры, к активному и сознательному участию в ней. Возражение, будто бы немецкий купец и промышленник уже одним своим участием в столь значительном германском экспорте фактически проявляет интерес к интернациональной культурной жизни, не выдерживает критики, если принять во внимание, что это участие не выходит за пределы повседневной рутины спекулятивно-торгашеской деятельности. Разве предприимчивость и капитал нашей биржи и наших больших банков, разве крупный капитал, находящийся в руках частных собственников,—разве все они проявили себя открытием заокеанских рынков, колониальными предприятиями, выполнением первостепенных культурных задач? Если все это имело место в виде исключения, то это совершалось не иначе, как в союзе с иностранными предпринимателями, на службе у иностранных интересов. В то время как английские и даже французские и бельгийские банки при посредстве своих отделений и картельных банков состоят в непосредственных сношениях с большими заокеанскими рынками, нам до сих пор еще не удалось установить прямой банковской связи с австралийскими и многими южно-американскими центрами, так что нам и посейчас совершенно нельзя обойтись без английского посредничества.

Весьма печален тот факт, что кредиты, полученные немецкими военными судами в китайских гаванях в 1870—71 гг., должны были быть реализованы при посредстве тамошних французских кредитных учреждений. Вряд ли приходится доказывать, что при таких обстоятельствах дух предприимчивости немецких промышленников, направленный на завоевание рынков заокеанского сбыта, находится в подавленном состоянии".

В пользу колониального расширения выступило только несколько гамбургских и бременских фирм, имевших отделения на западном побережье Африки и на Индийском океане. Они пытались склонить правительство к поддержке их торговли, ибо знали, что однажды вмешавшись в их дела, оно уже не будет в состоянии от них отречься.

Бисмарк[1]) относился к вопросам капиталистической колониальной политики далеко не так враждебно, как это обычно утверждают. Уже самое сознание власти, особенно усилившееся после победы над Францией, побуждало его подражать в этой области другим капиталистическим державам. Конечно, отстутствие в Германии колониальных традиций, безразличие большинства буржуазии к колониальным предприятиям, полное непонимание юнкерами столь явно капиталистической политики, какова политика колониальная,—все это делало сознательное и дальновидное выступление Германии на путь колониальной политики невозможным. В первое время после основания империи нельзя было говорить об этом уже потому, что внешняя политика[2]) приковывала внимание Бисмарка к Европе. Перемена соотношения сил, непосредственно последовавшая за основанием Германской империи, была так велика, что стремление усилить международное положение Германии и закрепить за собой результаты победы 1870 г. занимало в политике Бисмарка первое место. После франкфуртского мира Россия неожиданно увидела на своей западной границе, вместо слабой и раздробленной Германии, сильную империю, спаянную железом и кровью, а Франция была слабее, чем требовали интересы московского самодержавия. Когда на Берлинском конгрессе Германия не захотела безоговорочно играть в руку царизму (Бисмарк, правда, требовал от России только откровенного изложения ее пожеланий, чтобы ему не приходилось угадывать их по глазам), то российское правительство не скрыло своего негодования. Оно дошло до прямых угроз по адресу своего прежнего берлинского мамелюка: если Германия не поддержит без возражений русских требований по восточному вопросу, то оно грозило враждой не на жизнь, а на смерть. Царь резко заявил об этом в письме к кайзеру. Бисмарк опасался, что отсюда может возникнуть союз между Россией и Францией, который, при не зажившей еще эльзас-лотарингской ране,

---

[1]) Граф Эрнст Ревентлов. „Что сказал бы Бисмарк". Берлин, 1909, стр. 13—31.

[2]) Бисмарк. „Мысли и воспоминания", т. 2, стр. 239—287. Cottalsche Ausgabe 1909.

может привести к войне за реванш. Позиция Австрии тоже беспокоила его. Скрываемое от Германии рейхштадское соглашение, по которому Россия еще до русско-турецкой войны давала свое согласие на аннексию Австрией Боснии и Герцеговины в качестве вознаграждения за нейтралитет во время предстоящей войны, возбуждало в Бисмарке страх, что между Россией и Австрией может состояться соглашение по балканскому вопросу, и что тогда Австрия в союзе с Россией и Францией окажется в состоянии смыть кенигрецский позор. Мучимый коалиционными кошмарами, Бисмарк высказался против союза с Россией, который поссорил бы Германию со всем миром и отдал бы ее на милость российского правительства. После того, как он вскоре после франкфуртского мира позондировал в Вене вопрос о союзе и заручился согласием Австрии, ему пришлось еще преодолеть сильное сопротивление, которое „героический старец" оказывал расхождению с Россией. Семейные интересы (император Вильгельм приходился царю дядей), твердокаменная вера, что только российский кнут сможет в нужное время оказать помощь гогенцоллернской божьею милостью монархии, безграничный страх перед могуществом царизма,—все это вызвало со стороны императора такое противодействие, что вынудить у него согласие удалось только путем угрозы отставкой всего кабинета. После того, как сопротивление императора было сломлено, путь к союзу оказался расчищенным. Буржуазные партии Германии шумно выразили свое одобрение, хотя их вообще никто не спрашивал. В Австрии проявилось только глухое недоброжелательство в среде славянских партий; но страх перед махинациями России в Восточной Галиции и перед столкновением с нею на Балканах имел для австрийского правительства решающее значение.

Так создался австро-германский союз. Он возник, как оборонительное соглашение против России. Обе державы поклялись друг-другу в помощи на случай, если одна из них подвергнется нападению со стороны России, или если Россия будет помогать третьей напавшей на них державе. Германия хотела распространить обязательство поддержки и на случай французского нападения, но на это Австрию уговорить не удалось.

После долгих колебаний к этому союзу примкнула и Италия, хотя у нее имелись разногласия с Австрией из за Романского Тироля и Триеста. Но на присоединение к союзу только-что объединенной и враждующей с Францией Италии повлияли другие важные моменты: то были вопросы римский и тунисский.

Наполеон III, под давлением клерикалов, выступил в качестве защитника светской власти папы. Когда же, после свержения коммуны, во Франции у кормила власти очутилась самая черная реакция, то она, казалось, начала готовиться к крестовому походу против Италии из-за присоединения Рима к Итальянскому королевству. Это вызвало сближение Италии с Австрией и Германией еще до Берлинского конгресса. В 1873 г. Виктор Эммануил посетил Берлин и Вену. Хотя решенное на Берлинском конгрессе присоединение Боснии и Герцеговины к Австрии без всяких компенсаций в пользу Италии и помешало окончательному вступлению Италии в Тройственный союз в 1879 году, но начавшаяся тогда колониальная деятельность Франции привела к тому, что согласие Италии не заставило себя долго ждать.

По тайному соглашению с Англией (это было компенсацией за занятие ею Кипра) и с Германией (Бисмарк был очень доволен тем, что Франция расходует свои силы вне Европы, не сберегая их для реванша) Франция захватила Тунис, на который Италия уже давно точила зубы. Необычайное возмущение итальянской буржуазии и военных кругов окончательно побудило Италию к союзу. Вступление в него оградило страну от Австрии и обеспечило ей поддержку Германии против Франции. Так возник Тройственный Союз.

Хотя он и рассеял опасения Бисмарка, но все же главные цели внешней политики Германской империи и в дальнейшем сосредоточивались на соотношении сил в Европе. Тем не менее, Бисмарк получил возможность действовать в направлении колониальной экспансии. Однако, он хорошо знал, что колониальная политика есть прежде всего коммерческое дело, и что без согласия буржуазии коммерческих дел предпринимать нельзя. „Чтобы вести заокеанскую политику успешно, каждое правительство должно иметь в своем пар-

ламенте (поскольку оно от него зависит, поскольку оно является конституционным правительством) сплоченное национальное большинство, такое большинство, которое не зависит от минутного недовольства отдельных партий. Без такого резерва в тылу мы не можем вести никакой колониальной и заокеанской политики",—так говорил он в 1884 г., при внесении в рейхстаг предложения о субсидировании пароходства. Оппозиция же рейхстага в самоанском вопросе показала ему, что большинство немецкой буржуазии еще не почувствовало сердечной склонности к колониям. Когда в 1880 г. гамбургский торговый дом Годеффруа, занимавшийся торговлей и разведением плантаций на Каролинском архипелаге, попал в затруднительное положение, и некое акционерное общество захотело взять на себя руководство его делами, но только при условии, что правительство даст гарантии уплаты процентов, то Бисмарк был готов пойти на это, чтобы гибелью фирмы не было опорочено „германское имя". Против голосов юнкерства, которое всегда соглашалось прикармливать паразитов из народного кармана, и против части национал-либералов, большинство рейхстага, состоявшее из свободомыслящих, центра, социал-демократов и другой части национал-либералов, отклонило предложение правительства, которое хотело дать акционерному обществу гарантию на уплату от 3 до $4^1/_2\%$. Еще четыре года спустя Бисмарк заявил: „Поражение правительства в самоанском вопросе на долгое время удержало меня от внесения подобных предложений". Но это не соответствовало истине: когда он произносил эти слова, то его мизинец уже попал в лапы колониального дьявола, которому суждено было вскоре захватить и всю руку, хотя тогдашний немецкий капитал еще не был заинтересован в колониях, и его международное положение еще не окончательно укрепилось.

Как уже было упомянуто, некоторые бременские и гамбургские фирмы состояли в торговых сношениях с Западной Африкой. Немецкие миссионеры действовали в Юго-Западной Африке, подготовляя почву для германского торгового капитала, еще с шестидесятых годов. Бременская фирма Людериц воспользовалась этим, чтобы основать там фак-

торию. Она откупила у одного туземного вождя полосу земли около гавани Ангра Пеквена площадью в 900 немецких квадратных миль. Правительство обещало Людерицу охрану с тем условием, чтобы его торговые права не шли в разрез с правами туземцев и с обоснованными притязаниями какой-либо другой державы. Одновременно оно обратилось к английскому правительству с запросом, не предъявляет ли оно каких-либо претензий на купленный Людерицем участок. Английское правительство отвечало, что, не обладая суверенными правами в этой области, оно все же заявляет претензию на береговую полосу между Капландом и португальской колонией Анголой. Так как Бисмарк считал этот ответ необоснованным с точки зрения международного права и рассматривал его как доказательство того, что Англия и впредь собирается препятствовать колониальному расширению Германии, то эти притязания показалось ему несовместимыми с положением, занятым Германской империей после франко-прусской войны. 24-го апреля 1884 г. (эта дата может считаться началом немецкой колониальной политики) он телеграфировал немецкому консулу в Капштадте, что приобретение Людерица находится под германской защитой, после чего в Юго-Западной Африке был водружен германский флаг. Англия уступила и тем придала Бисмарку смелости для новых захватов. Эти захваты казались ему тем более своевременными, что русско-английское соперничество в Средней Азии ослабляло английское противодействие немецким колониальным вожделениям, в случае же дальнейшего откладывания пришлось бы считаться с тем, что в ближайшем будущем уже нечего было бы захватывать. Бисмарк не удовольствовался Юго-Западной Африкой. Он использовал то обстоятельство, что в Камеруне и Того действовало несколько немецких торговых фирм, и что немецкие миссионеры уже приводили черные души в покорность богу и капиталу. Он не стал ждать, покуда фирмы обратятся к правительству, но сам побудил торговые дома Вермана, Янтцена и Торвальдтена к заключению договора с прибрежными вождями Того и Камеруна. Когда этот договор был заключен, то взвился германский флаг и здесь. Образ действий Бисмарка окрылил дерзких авантюристов,—и вот Карл Петерс, изучивший в

Лондоне английскую колониальную политику, основал Немецко-восточно-африканскую компанию, которая купила и выманила у вождей 2500 квадратных миль земли на побережье Восточной Африки. Приблизительно то же произошло и в Новой Гвинее, где утвердились немецкая торгово-плантаторская компания и гамбургская фирма Гернсгейм. Раз оседлавши коня, Бисмарк и здесь помчался рысью. Противодействие Англии подзадоривало его, и он обещал защиту территориальных приобретений и этим частным предприятиям.

Вкратце очерченная здесь история основания немецких колоний [1]) показывает, что оно не вытекало из крупных экономических интересов. Ничтожная кучка капиталистов погналась за выгодами, манившими ее из дальних стран. Она не думала ни о хозяйственных интересах Германии, ни обо всех тех красивых аргументах, которые выдвигаются теперь поборниками колониальной политики. Так как в то время Франция и Англия повели колониальную политику в широком масштабе, то германское правительство стало опасаться, что германскому капиталу, если и он когда-нибудь пристрастится к этой политике, не достанется ни кусочка. Итак, оно принялось за дело без плана, без цели, повсюду, где только малейший интерес немецкого капитала сообщал его поведению какую-нибудь видимость законности. Теперь к этой политике присоединилась и буржуазия, первоначально не испытывавшая никакого желания садиться в колониальную крапиву. Представителям крупного капитала, национал-либералам, стало ясно, что некоторые из них извлекут из этой политики большие выгоды. Центр видел в колониях новое поле деятельности для духовенства. Консерваторов манили чиновничьи места для сынков. Широкие круги буржуазии, тогда еще совершенно не интересовавшиеся колониями, были привлечены к этому вступлению на путь колониальной политики оживленной пропагандой, которая уже в течение нескольких лет велась группою идеологов в лице Фабри, Янаша, Гюбде-Шлейдена. Картины богатств, вывозимых Англией из своих колоний, картины ущерба в людях

---

1) М. Кощицкий. „История немецких колоний", Лейпциг, 1887, стр. 2.

и деньгах, происходившего в то время от массовой эмиграции немцев, достигли своей цели, тем более, что националистический угар, охвативший буржуазию в результате бесплодности закона о социалистах и „культуркампфа“, требовал „национального“ пришпоривания, которое создавалось миражем колониальной экспансии. Насколько, однако, правительство было не подготовлено к выполнению взятой им на себя задачи, явствует из той точки зрения, на которую стал Бисмарк в рейхстаге 26-го июня 1884 года: „Управление колониями должно быть предоставлено заинтересованным в них лицам; только им, европейцам, должна быть дана возможность европейской юрисдикции, а также та защита, которую мы можем оказать им без постоянного гарнизона. Представитель империи, консул, будет охранять престиж государства и принимать жалобы; торговые суды будут разбирать тяжбы. Нам требуется создать не провинции, а суверенные предприятия, находящиеся в ленной зависимости от империи; их дальнейшее развитие должно быть в главнейшем предоставлено предпринимателям“. Но уже ближайшие годы показывают, что логика событий переросла предусмотрительность германского правительства. В Юго-Западной Африке пришлось передать суверенные права „Немецкой компании для эксплоатации Ю.-З. Африки“, на обязанности которой лежало содержание военного отряда. Но компания не захотела нести соответствующих расходов, и государство взяло управление на себя. В Восточной Африке в 1888 году вспыхнуло восстание туземцев, возмущенных повышением пошлин, и империя принуждена была прибегнуть к помощи армии и флота. До 1891 года оно израсходовало на подавление этого восстания $8^1/_2$ миллионов марок, после чего взяло под свое управление и эту колонию. Приблизительно то же самое случилось и в Камеруне. Но вскоре выяснилось, что даже в тех колониях, где не было никаких восстаний, частные компании не имели ни желания, ни возможности нести большие расходы по навязыванью порабощенным дикарям государственного механизма. В 1895 г. директор колоний Кайзер признался в рейхстаге, что бисмарковский план колониальной политики потерпел крушение.

„Мы убедились на опыте, — говорил он 28-го марта 1895 года, — что время привилегированных компаний миновало. Теперь мы можем открыто заявить, что при первых шагах нашей колониальной политики мы пребывали в глубоком заблуждении, думая, что компания — частная организация — в состоянии осуществлять суверенитет. В настоящее время мы требуем даже в нецивилизованных странах, а также в областях, находящихся под нашим протекторатом, известного рода государственной организации с некоторой охраной прав, которой не может дать в полной мере ни одно частное общество". Развитие немецких колоний, естественно отвечало тому способу, каким Германия приобретала их. Только там, где капитал лихорадочно ищет точек приложения сил и мест сбыта, только там, где он долголетним трудом подготовляет почву для своей будущей колонизации, имеется возможность расцвета, поскольку, разумеется, это дозволяют естественные условия. В немецких колониях ни одного из этих факторов развития не было. За исключением Ю.-З. Африки все это были тропические колонии, в которых европейцы могут подолгу жить только на отдельных плоскогориях. Отсутствие почти во всех колониях судоходных рек мешало продвижению белых. Низкая культура туземцев открывала крайне слабые виды на торговые сношения. Если при этих условиях правительство хотело направить туда не только чиновников и войска, но и других колонистов, то оно должно было дать капиталу такие привилегии [1]), которые всецело отдали бы колонии в его руки. В 1885 году Ново-Гвинейской компании было предоставлено исключительное право завладевать „бесхозяйной" землей и распоряжаться ею, равно как и заключать договоры с туземцами относительно прав на земельные участки. Такую же монополию получила и Немецко-восточно африканская компания. Даже в 1890 г., когда суверенные права этой компании перешли к правительству, ей была дарована широкая земельная монополия. Только в 1902 г. она отказалась от этой привилегии, которая, даже по официальному

1) Кебнер. „Введение в колониальную политику". Иена, изд. Фишера, 1909, стр. 210—224. Д-р А. Циммерман. „Колониальная политика", 1905, стр. 361—365.

признанию, только мешала развитию колонии. Почти так же обстояло дело и с горнопромышленной монополией в Ю.-З. Африке, где пяти компаниям было уступлено 32% всей земельной площади этой колонии. Даже если допустить, что вся эта площадь действительно необитаема (что для большей части ее совершенно неверно), даже если позабыть о том, что официальные защитники частной сообственности раздарили землю, принадлежавшую чернокожим, то достаточно напомнить, что Ю.-З. Африка есть единственная колония, сколько-нибудь приспособленная для поселения в ней большой массы колонистов. (Известный кровавый колониальный политик Петерс [1]) определяет емкость этой колонии в сто тысяч поселенцев). В виду этого вышеописанная политика обозначала обложение всех поселенцев, желавших завести фермы в Ю.-З. Африке, податью в пользу скрывающихся за спиной колониальной компании берлинских банков. Колониальные общества охотно принимали миллионные подарки, но им и в голову не приходило открывать дорогу колонистам. Они требовали, чтобы государство предварительно построило железные дороги, без которых будто бы в колониях ничего нельзя достигнуть. Таким образом, колонии оставались на мертвой точке и не служили немецкой индустрии ни источниками сырья, ни рынками. Ничтожная кучка фермеров, искавших в них счастья, несколько факторий, снабжавших туземцев водкой и оружием, импортированные из Германии асессоры, пытавшиеся насадить там прусское искусство всеобщей опеки, кучи офицеров и миссионеров,— вот славные пионеры германской колониальной политики. Немецкие колонии были незрелым плодом с древа германского капитала, и попал этот плод на самую сухую и неплодородную почву. Мудрено ли, что в нем с самого начала завелись черви? На почве этих колоний расцвел пышным цветом только один цветок—одичание. Чиновник Лейст, спровоцировавший в 1894 г. своими жестокостями восстание туземцев в Камеруне; его преемник, асессор Велау, казнивший людей смертью за воровство; Петерс, повесивший свою

---

1) Карл Петерс. „О мировой политике" („Zur Weltpoltik"). Берлин, 1911, изд. Сигизмунда, стр. 154.

черную любовницу, — все эти сменявшие друг-друга колониальные сатрапы яснее самого застоя колоний показали, что германская колониальная политика плодила только хищничество да угнетение. О развитии производительных сил в колониях не было и речи. Можно ли после этого удивляться, что за последние десятилетия XIX в. колониям не сочувствовали даже капиталистические круги, за исключением, конечно, тех элементов, которые были непосредственно заинтересованы в колониальных безобразиях?

2. В фарватере империализма.

а) От континентальной политики к политике мировой.

Первые германские колониальные опыты мало способствовали пробуждению в правительстве колониального энтузиазма. Оно видело, как в Англии росло недовольство германской колониальной политикой. Уже первые шаги Германии вызвали со стороны британского министра иностранных дел лорда Гренвиля заявление, что Германия хочет принудить Англию отказаться от свободы действий в колониальных вопросах. Вместе с тем становилось все яснее, что основание Тройственного союза вызвало, как реакцию, сближение французской республики с русским царизмом. Правда, в 1887 г. Бисмарку удалось пресечь эти попытки путем заключения с Россией договора, по которому Германия и Россия обязывались, в случае нападения с чьей-либо стороны, взаимно соблюдать дружественный нейтралитет. Но аппетиты в Восточной Азии, явившиеся следствием падения русского влияния на Ближнем Востоке, а также необходимость модернизировать военное снаряжение и строить новые стратегические дороги, толкнули Россию в объятия Франции, денежный рынок которой оказался соблазнительнее сравнительно бедной германской биржи. Очевидное сближение России с Францией, равно как и различные военные мероприятия на русско-австрийской границе, значительно охладили отношения между Германией и Россией. Вильгельм II, незадолго до того вступивший на престол, старался утвердить европейское положение Германии путем укрепления

Тройственного Союза (который он в тронной речи назвал „священным“ заветом) и сближения с Англией. Эти старания привели к двоякому результату: в 1890 г. было заключено так-называемое Занзибарское соглашение с Англией, а в следующем году возник франко-русский союз.

Занзибарским соглашением уничтожалось то дело, которое смелые империалистические ушкуйники начали под руководством Карла Петерса: Петерсу удалось при помощи денег и угроз расширить приобретенные им в 1885 г. области далеко на север, так что все земли от Занзибара до истоков Нила принадлежали Германии. Все эти новые приобретения, султанат Уиту, Уганда (в два раза превосходящая размерами Баварию) достались Англии. В качестве компенсации Германия получила остров Гельголанд, с которого англичане до того времени господствовали вад устьями Эльбы и Везера. В настоящее время Гельголанд имеет для германского империализма значение хорошо укрепленного опорного пункта против возможных в случае войны попыток Англии блокировать немецкое побережье. Гельголанд приобрел это значение благодаря развитию подводного флота, беспроволочного телеграфа и минного дела. Но ко времени заключения соглашения с Англией вся эта сделка напоминала, по красочному выражению капиталистического историка А. Вирта[1]), обмен брюк на брючные пуговицы. Гельголанд не имел большого значения для Англии. Это явствовало из замечания английского премьера, что в случае войны Германия может занять этот остров раньше, чем туда прибудет английский флот. Немецкое правительство руководилось при этом обмене не столько высокой оценкой Гельголанда, сколько желанием установить хорошие отношения с Англией, и это ясно видно из меморандума, в котором преемник Бисмарка, Каприви, защищал соглашение от ярых нападок: „Важнее всего для нас было стремление сохранить и укрепить дружеские отношения с Англией, установившиеся благодаря племенному родству и ходу исторического развития, и тем послужить собственным интересам и интересам всеобщего мира“. Эти дружеские отношения, выясняет далее меморан-

1) A. Wirth, „История современного мира“, Wien, 1910, стр. 40.

дум, особенно необходимы потому, что германские колониальные планы вызвали между братскими государствами трения, неблагоприятные для общей политики Германии. Немецкие колониальные владения не стоят того, чтобы ссориться из-за них с Англией. В заключение уступка Англии значительных областей в колониях оправдывалась следующим признанием: „Периоду водружения флагов и заключения договоров должен быть положен конец; пора начать извлекать из приобретенного пользу. Начинается время серьезной, незаметной работы, для которой хватит материала на полстолетия".

Англо-германское соглашение было вызвано тем фактом, что в глазах германского правительства немецкие колонии еще не имели большого значения, что оно в течение десятилетий не хотело думать о новых колониальных приобретениях, и что вопросы колониальной политики казались ему менее важными, чем затруднения в международном положении. Этот характер англо-германского сближения обострил и усилил империалистическое движение в Германии. Из возмущения по поводу уступки Англии многообещавшей в колониально-политическом отношении Уганды возник „всенемецкий союз"— боевая организация немецкой империалистической мысли, развившая оживленную агитацию за империалистическую великодержавную политику и придавшая этой агитации идеологическую окраску грубого национализма. При помощи агитации „всенемецкого союза" империалистические дельцы пытались найти отклик в широких кругах буржуазии и поставить правительство на путь империализма. К такому же результату неожиданно привели и русско-германские отношения. Эти отношения начали портиться с момента основания Германской империи. С одной стороны, германское правительство видело в царизме союзника, наиболее отвечавшего его собственному характеру. С другой же стороны, оно не могло так же безусловно отдаваться во власть царя, как это делалось до объединения Германии. Когда же состоялся франко-русский союз, то германское правительство стало искать случая снова сблизиться с Россией. Несмотря на не-

прерывное увеличение своих военных расходов (эти последние равнялись в 1872 г.—553, в 1875 г.—584, в 1887—88 г.—632, в 1890—91 гг.—854 миллионам марок [1]), оно не могло терпеть, помимо „исконного врага" на западной границе, еще и другого врага на восточной.

Поводом к сближению с Россией, которое должно было облегчить Германии переход к мировой политике, явились дальневосточные неурядицы. Несмотря на победы Франции и Англии над Китаем, пробившие первую брешь в китайской стене, гигантская империя все еще казалась европейским державам таким колоссом, с которым опасно было связываться. Победа Японии в Китайской войне 1895 г. из-за Кореи, показавшая расхлябанность китайской армии и гнилость китайского правительства, выдвинула вопрос о гегемонии на Тихом океане [2]). Россия, со времени 90-х годов все чаще вспоминавшая о том, что она азиатская держава, и стремившаяся к незамерзающему порту на Тихом океане, крайне опасалась японского влияния. Российская позиция поддерживалась Францией, которая в медовый месяц своего союза с царским правительством шла за него в огонь и в воду. Германия воспользовалась случаем, чтобы путем „дальневосточного тройственного союза", т.-е. путем совместного выступления с Россией и Францией, ослабить опасность франко-русского союза для своего международного положения. Поэтому она присоединилась к морской демонстрации Франции и России против Японии и совместно с ними произвела давление на эту последнюю. Следствием этого выступления было то, что Япония вернула Китаю наиболее ценную половину своей добычи — Порт-Артур и полуостров Ляотунь — и удовольствовалась островом Формозой и контрибуцией в 600 миллионов марок. Разумеется, Германия тоже хотела выжать из своего вмешательства в дальне-восточные неурядицы кое-что поинтереснее улучшения своих отношений с Россией. Немецкая дипломатия так же, как и дипломатия других стран, считала, что поражение Китая в войне с Япо-

1) Бебель. „Социал-демократия в германском рейхстаге". Берлин, 1909, стр. 437.

2) Пьер Леруа-Больe. „Китайский вопрос". Лейпциг, 1900, стр. 95—149.

нией было началом конца китайской самостоятельности. В этой уверенности поддерживали ее и внутренние беспорядки, возникшие в Китае после войны. То соображение, что эти беспорядки означали пробуждение таких элементов, которые могли ускорить развитие Китая, было для понимания германской дипломатии слишком глубокомысленно. Немецкое правительство начало свыкаться с мечтой о том, чтобы обосноваться в Китае покрепче. Кусок древней империи, одаренной всеми природными богатствами и трудолюбивым населением, казался буржуазии гораздо привлекательнее какой-нибудь тропической колонии. Правда, при этом нельзя было ссылаться на переизбыток населения в Германии, так как Китай и сам был густо населен, но зато виды на китайский рынок, открывавшиеся для германской промышленности, приобретали в глазах буржуазии большое значение. Ведь, германский экспорт в Китай, исчислявшийся с 1881 до 1885 гг. в 11 миллионов марок, возрос с 1886 по 1890 г. до 19 миллионов марок, а в 1895 г. до 31 миллиона; импорт из Китая поднялся за то же время с 11 до 50 миллионов [1]). А какие перспективы откроются перед банками, если Германия станет твердой ногой в Китае! Железнодорожное и портовое строительство двинулось бы в этой культурной стране совсем другим темпом, чем в песках и болотах Африки. Итак, когда пришло известие, что в провинции Шантунь убито двое немецких миссионеров, то 14 ноября 1894 г. немецкое правительство, из года в год терпевшее убийства германских подданных на русской границе, заняло „во искупление" злодеяния порт Киао-Чао. Оно, как откровенно выражается национал-либеральный историк Эгельгаф [2]), использовало „благоприятный предлог". С момента аренды этой китайской гавани Германия окончательно вступает на путь мировой политики.

Такое же вступление в фарватер империализма произошло и в другом опасном пункте мировой политики — на Ближнем Востоке. В тридцатых годах прошлого столетия

---

[1]) „Nauticus", журнал немецких морских интересов. 1900 г. См статью „Хозяйственные интересы Германии в Китае", стр. 248—273.

[2]) Г. Эгельгаф. „История новейшего времени". Берлин, 1910 год стр. 394.

германо-турецкие торговые отношения новейшего времени [1]), начавшиеся вскоре после континентальной блокады и первоначально шедшие через Вену, значительно ослабли. Появившееся тогда пароходное сообщение, которое всегда было дешевле сухопутного, в первое время находилось всецело в английских руках, что еще усилило давнишние преимущества Англии в торговле с Левантом. Когда впоследствии немецкие корабли стали ходить из Северного моря через Средиземное в Константинополь, то, вследствие политической и морской слабости Германии, они вплоть до 60-х годов подвергались опасности со стороны марокканских, алжирских и тунисских пиратов, которые церемонились с ними гораздо меньше, чем с кораблями французскими и английскими. То обстоятельство, что Германия не играла никакой роли в решении судеб Востока во время Крымской войны и переговоров 1877 г., тоже уменьшало шансы немецкой торговли. Германская промышленность начинает завоевывать свое место в Турции только после Берлинского конгресса. Здесь действовал не только рост престижа немецкого капитала после объединения империи, не только его всеобщий быстрый подъем, но и, главным образом, начатая бароном Гиршем постройка железнодорожных линий в Европейской Турции (с 1874 по 1878 г.), а также железнодорожное строительство немецких банков в Анатолии, благодаря которому Восток познакомился с произведениями немецкой промышленности. Появление различных обществ, специально занимавшихся восточным экспортом, привлекло внимание немецкого капитала к Востоку. При этом сыграл свою роль и подкуп прессы, широко практиковавшийся железнодорожными концессионерами в роде барона Гирша (Гирш истратил 101,8 миллионов франков из 356,4 на рекламу своего турецкого выигрышного займа [2]). Таким образом, оба путешествия императора в Турцию (в 1888 и 1898 гг.) были проявлением повышенного интереса германского ка-

---

[1]) И. Краус. „Германо-турецкие торговые отношения Вена". 1901. В. Кинд. „Будущее нашей морской торговли". „Nauticus" за 1907 г. „Хозяйственная жизнь Турции и ее отношение к немецкому народному хозяйству".

[2]) Пауль Дэн. „Германия и восточные железные дороги". Мюнхен, 1883.

питала к Турции и со своей стороны расчистили ему дорогу путем установления новых политических отношений с Ближним Востоком. Новый курс поддерживал эти намечавшиеся перемены в отношении немецкого капитала к Турции. Император объявил себя защитником абсолютистского режима Абдул-Гамида и поддержал его против Англии в дни армянских ужасов и греко-турецкой войны. Результатом этой политики было предоставление султаном концессии на Багдадскую дорогу (в предварительной форме в 1899 г.) консорциуму немецких капиталистов, группировавшемуся вокруг германского банка. Эта железная дорога, вместе с анатолийскими, должна была стать могучим орудием немецкого экономического влияния на Турцию, а затем и политических притязаний на турецкое наследство в случае раздела Великой Порты. А двенадцать лет назад этот раздел считался настолько близким, что осуществление плана Багдадской ж. д. наталкивалось на большие препятствия, так как эта дорога временно усиливала турецкое государство. Ведь, она давала ему возможность быстрой переброски войск, что, по тогдашнему мнению, могло если не предотвратить распадение Османской державы, то затруднить и замедлить процесс ее раздела. Но это-то и отвечало интересам молодого немецкого империализма, надеявшегося собраться с силами за время отсрочки.

Теперь стремление Германии к расширению имело перед собой определенные цели, которые могли воодушевить широкие круги буржуазии. Это увлечение мировой политикой особенно подстрекалось зрелищем падения прежних колониальных держав и появления новых. В 1898 г. вычеркивается из числа колониальных держав старая Испания, а молодая Америка, которая некогда сама была колонией, протягивает лапу к Тихому океану. В Южной Африке разразилось восстание буров, для подавления которого Англии пришлось пойти на величайшие жертвы. Затруднения Англии в Азии и бурская война создали молодому германскому империализму новые надежды: „Четыре года назад, — говорил Бюлов в рейхстаге 11-го декабря 1899 г.,— китайско-японская, а меньше года назад—испано-американская война сильно подвинули вперед события, повлекли за собой глубокие и важ-

ные решения и создали новые ферменты политического брожения. Никто не может предвидеть, какие последствия может иметь война, вот уже несколько недель бушующая в Южной Африке. Британский премьер-министр уже давно сказал, что сильные государства будут становиться все сильнее, а слабые все слабее. Все последующие события только подтвердили правильность этих слов. Не стоим ли мы перед новым разделом земли, о котором грезил поэт ровно сто лет назад?[1]). Я не верю, я не хотел бы верить этому. Но во всяком случае мы не потерпим, что бы какой нибудь чужеземный Юпитер сказал нам: „что делать, свет уже разделен". Мы не хотим утеснять никакой другой державы, но мы не хотим и того, чтобы какая бы то ни было другая держава наступала нам на ноги или оттирала бы нас в политическом или экономическом отношении".

Цель немецкого империализма была поставлена. Потрясая воздух боевыми кликами, принялся он за работу, чтобы встретить грядущие бои во всеоружии.

б) Германский флот.

Немецкому империализму пришлось создавать себе морскую силу. Для его целей не было достаточно континентального могущества, сильнейшей сухопутной армии в Европе: ему важно было проводить свою волю и в таких странах, до которых его сухопутные войска не могли добраться. Эта задача флота прямо вытекает из самой природы империалистической политики, и в частности из позиции германского империализма. Покуда он владел только несколькими колониями, он удовлетворялся крейсерами малосильной германской береговой охраны, выросшей из прусского флота. Эти крейсеры служили для морских демонстраций, которые должны были показывать молодым колониям мощь германской империи, а также для давления на мелкие „державы", часто осмеливавшиеся недостаточно почтительно обращаться с герман-

---

1) Имеется в виду стихотворение Шиллера „Дележ земли". Прим. перевод.

скими гражданами. Со времени появления миноносцев, большие боевые суда вообще считались в немецких морских кругах излишней роскошью и неудачным опытом. Это мнение изменилось в корне, когда у германского правительства и немецкой буржуазии появилась вера в предстоящий раздел света. Чтобы получить свою долю при предполагавшемся разделе Китая или Турции, немецкий империализм должен был обладать нужыми средствами, которые могли бы внушить другим державам, что без его участия делить наследства нельзя. Итак, немецкий боевой флот, способный успешно представлять волю немецкого капитала и в чужестранных морях, должен был, в первую голову, обеспечить германскому империализму голос в совете империалистических держав. В мирном совете,—если бы дело шло о спекуляции землями и народами; в военном совете,—если бы понадобилось выйти на добычу совместно с другими державами; и, наконец, в открытом море,—если бы более старые империалистические государства внезапно преградили путь эксплоататорским вожделениям немецкого империализма. Последняя задача была выражена парламентским морским проектом 1899 г. в следующих кратких словах: „немецкий военный флот должен быть настолько силен, чтобы борьба с ним была связана даже для более сильного на море противника с такими опасностями, которые могли бы поставить под вопрос его собственное международное положение".

Из этих задач германского флота вытекал дальнейший план [1]); они же несли в себе и опасности, избежать которых немецкий империализм, раз вступивши на путь морского строительства, уже не мог. Новый морской проект ставил во главу угла постройку больших боевых судов, которые могли бы атаковать или отражать неприятеля в открытом

[1]) Для этих и дальнейших рассуждений, поскольку они касаются морского дела, смотри: Foss, „Морское дело", Берлин, 1910; советник адмиралтейства Koch, „История немецкого морского дела", 1906; его же, „Новейшие тенденции в морской политике" (статья в „Zeitschrift für Politik", т. III, (стр. 93-137); граф Reventlow, „Немецкое морское дело" (статья в „Deutschland als Weltmacht", Берлин, 1911), стр. 727-745.

Политические и экономические стремления того времени хорошо изложены в лекциях „светил" немецкой науки, собранных под заглавием „Handels-und Machtpolitik" (Stuttgart, 1900, изд. Cotta, т. II).

море. Крейсерам оставалась разведочная служба, а на крейсерах первого ранга лежала задача сохранять соприкосновение с неприятельским флотом,—хотя бы с опасностью завязать самостоятельное сражение,—и предпринимать самостоятельные действия в отношении мелких государств. Отсюда следовало, что морское строительство должно было приспособляться ко всякому техническому изобретению, ко всякой значительной политической перемене. Ведь, технические изобретения обесценивали старую конструкцию кораблей в смысле быстроты и силы сопротивления, а всякий значительный сдвиг в соотношениях держав создавал для флота новые задания. Таким образом, морской проект немецкого империализма пускал в ход perpetuum mobile. Все его уверения, что рассчитанный на много лет вперед морской план является обязательным для правительства, были сознательной ложью, ибо, если бы правительство из уважения к плану, осталось бы при судах стараго типа, когда в Англии с 1905 года начали строиться исполинские дредноуты,—то оно лишало бы смысла самое существование флота, что, разумеется, было невозможно с точки зрения империалистической политики. Это достаточно ясно показывается быстротой, с какою германское правительство последовало за британским в постройке дредноутов, хотя с этого времени каждое судно должно было и начало обходиться вдвое дороже, чем было указано в плане. Тоже самое случилось и с ростом числа судов, ускорявшимся и замедлявшимся сообразно с тем, насколько правительство и буржуазия верили, что приближаются времена империалистической жатвы. Испано-американская война и китайские беспорядки ускорили принятие второго закона о флоте.

Сказанного достаточно для оценки характера германского флота: он является орудием нападения германского империализма, средством проведения в жизнь его намерений; против кого его применить,—будет зависеть от обстоятельств. Сегодня он может служить для поддержки Турции против Англии, завтра его, вместе с другими флотами, можно направить против Турции. Острая опасность войны порождена не германским империализмом. Но его существование, равно как

и наличность германского флота, создает опасность участия Германии во всех столкновениях, из-за которых может вспыхнуть мировой пожар.

Поборники германского империализма, часто с убедительной ясностью раскрывающие его сущность, порою считают необходимым с видом невинных овечек затушевывать характер германской морской политики. Они проделывают это не ради отвода глаз иностранцам, — это было бы пустым занятием, так как французская и английская империалистическая клика по себе знают все ходы империализма,—а только ради немецкого мещанства, торговой буржуазии и всех тех элементов, которые не связаны с империализмом никакими интересами, но желают быть обманутыми, чтобы вести империалистическую политику. Так, империалисты рассказывают будто бы флот построен для того, чтобы защищать германскую торговлю в случае войны, препятствовать блокаде германского побережья или даже десанту,—словом, что он является лишь средством обороны. Мы обходим молчанием вопрос о том, какие такие причины могут послужить причиной войны между Германией и империалистическими державами, если не тот факт, что Германия сама хочет принять участие в хищнической политике империализма, т. е. нападать на другие государства и народы; иными словами, если она так опасается нападения, то это есть доказательство, что сама она собирается напасть на других. Мы опускаем все это, ибо легко доказать, что даже в том случае, если бы Германия попала в положение оскорбленной невинности,—флот вовсе не был бы в состоянии защитить ее торговлю. У Германии имеется 4675 торговых судов, поддерживающих торговлю со всеми частями света, и всего лишь 56 больших и малых крейсеров; при этом у нее нет на морских путях ни одной угольной станции и ни одной военной морской базы, кроме Киао-Чао. Какую же пользу может принести военный флот немецким торговым кораблям? Немецкие морские политики слишком хорошие специалисты, чтобы серьезно считаться с этим аргументом, и адмирал Плюдеман откровенно заявляет: „нельзя употреблять для защиты торговли ни одного корабля, ни одного матроса, ни одного орудия, которые могут понадобиться для борьбы с неприятельским флотом.

Придется представить колониям и торговым судам выпутываться из беды собственными средствами" [1]).

Что до блокады немецкого побережья с целью отрезать подвоз, то в случае войны такая блокада будет вовсе не нужна неприятельским державам (здесь прежде всего имеется в виду Англия),—ненужна уже потому, что они могут просто переловить немецкие торговые суда в открытом море. Но если бы блокада и понадобилась для их целей, то проведение ее оказалось бы весьма трудным: чтобы быть действительной, она потребовала бы большого количества судов. Кроме того, ее проведение затронуло бы интересы нейтральных государств и в такой мере повредило бы торговле самого блокирующщего государства, что то значение, которое приписывают ей официальные морские политики, становится совершенно невероятным; тем более, что при возникновении войны промышленность будет в значительной степени парализована, а торговля прекратится и без блокады. Что же до пищевых продуктов, получаемых Германией по большей части из-за границы, то их можно будет продолжать подвозить через пограничные нейтральные государства. Третий бессильный аргумент — опасность десанта — есть уже прямое надувательство: во-первых, немецкое побережье крайне неудобно для высадки иностранных войск, а во-вторых, современная стратегия знает и более дешовые средства береговой обороны: мины и подводные лодки.

Конечно, во время войны германский флот может служить средством защиты, но строится он не для того. Всякое орудие власти больших государств проникнуто духом агрессивности. Да и как может быть иначе в государстве, которое слишком поздно вступило в ряды империалистических держав и должно на полных парах наверстывать пропущенное! В три года немецкая буржуазия достигла того, что Германия, величайшая сухопутная держава Европы, одним прыжком очутилась в рядах первостепенных морских держав.

17 марта 1898 года рейхстаг, против голосов рабочего класса и части мелкой буржуазии, установил следующий состав флота, не считая миноносцев, учебных судов, специ-

---

[1]) Плюдеман, „Современное военно-морское дело", 1907.

альных судов и канонерских лодок: а) в боевой готовности: сдно флагманское судно, две флотилии по 8 линейных кораблей, две дивизии по 4 береговых броненосца, 6 крейсеров первого ранга, 16 крейсеров второго ранга в качестве разведочных судов местного флота, 3 больших и 10 малых крейсеров для военной службы; б) в резерве: два линейных корабля, три крейсера первого и 4 крейсера второго ранга. Но уже 14 июня 1900 г. состав был резко повышен следующим образом: два флагманских судна, 4 флотилии по 8 линейных кораблей, 8 крейсеров первого и 24 крейсера второго ранга в качестве разведчиков; флот внешней службы должен был состоять из трех больших и 10 малых крейсеров; резерв из 4 линейных кораблей, 3 больших и 4 малых крейсеров.

Оружие немецкого империализма ковалось при помощи невиданной до сей поры агитации в буржуазной прессе. Флотский союз, учрежденный для пропаганды флота, в короткое время приобрел $^1/_4$ миллиона членов. Немецкие профессора, самый аполитичный народ в мире, объезжали страну в качестве агитаторов и снабжали империализм „научным оружием". Германский флот был спущен на воду под ликующие клики всей буржуазии. С тех пор протекло уже 10 лет. Постройка флота поглотила 5 миллиардов марок. Каковы же результаты германского империализма?

3. Десять лет германской империалистической политики.

а) Международное положение и англо-германский конфликт.

Вступление Германии в фарватер мировой политики, ссздание ею флота, предназначавшегося не для охраны берегов, а для участия в решении заокеанских вопросов,—все это, разумеется, должно было в корне изменить международное положение. Правда, переход Германии от континентальной политики к политике мировой совершился на-ряду с другими однородными явлениями, каково, напр., вмешательство Северо-Американских Соединенных Штатов в восточноазиатские дела, возвышение Японии и т. д. Но тот факт,

что Германия обладает сильнейшей сухопутной армией в Европе (а Европа все еще остается центром политики империалистических государств), тот факт, что Германия есть сильнее и быстрее всех развивающееся промышленное государство на континенте,— все это должно было придать особую важность ее вступлению в мировую политику, ее стремлению принимать участие во всех делах мира.

Прежде всего, включение Германии в число империалистических государств отразилось на ее положении в Европе. Прежде балканские столкновения русских империалистических стремлений с австрийскими оставляли Германию безразличной, ибо она не могла пользоваться ими для укрепления своей дипломатической позиции. Теперь же ее политика в Турции создала ей самостоятельные интересы в ближневосточном вопросе. Она уже не может довольствоваться использованием русских и австрийских аппетитов на Балканах только для того, чтобы усиливать страх Австрии перед столкновением с Россией, и тем самым вынуждать дунайскую монархию к верности германскому союзу. Она должна добиваться, чтобы ни Россия, ни какая бы то ни была другая держава не затрагивала Турцию в ее жизненных интересах; иначе турецкий вопрос может быть поставлен в порядок дня и решен раньше, чем Германия достаточно укрепится экономически, чтобы получить достаточно лакомый кусок в случае раздела турецкого наследства. Таким образом, ближневосточный вопрос, который казался Бисмарку не стоющим ни одной кости померанского гренадера, превратился в один из важнейших вопросов германской мировой политики. Если непосредственно после франко-прусской войны внешняя политика Германии определялась отношением к Франции и России, то теперь она в значительной степени определяется отношением к Турции.

Но не один турецкий вопрос начинает приобретать большое значение во внешней политике Германии. Если прежде она приветствовала все французские стремления к эксплоатации колоний, дабы отвлечь внимание Франции от идеи реванша,—печального последствия франко-прусской войны,— то теперь у нее появились самостоятельные интересы во всех вопросах заокеанской политики. Она стала вмешиваться в

северо африканские, южно-американские, восточно-азиатские дела,— и вмешиваться не только там, где немецкий капитал уже был в значительной степени заинтересован, но и повсюду, где этот капитал мог найти поле действия в будущем.

Немецкий капитал стремится к монополии везде, где только возможно; но там, где на территориальное закрепление надежд не было, германское правительство настаивало на „свободе экономической деятельности". Там же, где уже имелись налицо сильные, исторически создавшиеся интересы других империалистических держав, оно старалось путем вмешательства добиться компенсаций в других областях, или путем отказа от этих компенсаций устранить те препятствия, которые ставились или могли ставиться другими державами активной германской политике в главных точках ее приложения—в Китае и в Турции. Хотя эта политика вмешательства во все мировые пререкания и вовлекала германский империализм в новые и новые конфликты, однако в то же время она давала ему в руки козыри, которые он мог использовать для укрепления своей европейской позиции или для поддержки своих главнейших притязаний в мировом масштабе. Мы покажем далее, что нити этой сложной политики часто грозили порваться, и зачастую Германия стояла перед возможностью войны из-за таких вопросов, которых нельзя было назвать существенными не только с национальной, но и с империалистической точки зрения.

Но помимо разнородных конфликтов с Россией, Францией, Америкой и т. д., в которые Германия ввязалась за 10 лет своей империалистической политики, эта политика вызвала к жизни англо-немецкий антагонизм, принимавший все большие размеры, ставивший на пути немецкого империализма трудно преодолимые препятствия и, наконец, вылившийся в острую опасность войны [1]).

Интересы Англии страдают от роста империалистических

---

[1]) Относительно экономической подоплеки англо-немецкого конфликта см. коротко, но хорошо информирующую книжку Schulze-Gävernitz'a „Германия и Англия", Берлин, изд. Hilfe, 1911, а относительно политической стороны вопроса—сравнительно объективную и спокойную книгу Paul'я Rohrbach'a „Германия среди народов мира", Берлин, 1911, (3-е издание).

тенденций во всех странах. До восьмидесятых годов включительно английская индустрия господствовала надо всем мировым рынком, а английский флот—над мировыми путями сообщения, надо всеми морями. Правда, Англии грозило феодальное распространение России в Азии и империалистическое расширение Франции в Северной Африке, но ни один из этих противников не мог стать для нее опасным. Основы российского распространения,—господство русской феодальной бюрократии, интересами которой диктовалось это распространение,—эти основы уже подтачивались червем общественного развития: капитализм разъел социальный покой самодержавия, лежавшего в основе завоевательной политики царизма. Стремясь справиться с внутренними неурядицами, этот последней порой бросался во внешние авантюры. Но в конечном счете он не мог не выдохнуться. К тому же опасность уменьшалась и тем, что у России не было флота; когда же Россия принялась за его постройку, то одновременно возникла сила, освободившая Англию от расхлебывания англо-русского конфликта. То была обновленная Япония.

Колониальное соперничество Франции временами создавало серьезные ситуации, но вследствие слабого прироста населения и медленности экономического развития Франции опасности для Англии оно не предоставляло. Но в германском империализме Англия нашла противника, с которым приходилось серьезно считаться. Развитие германской промышленности угрожало английскому капиталу в его собственном доме, а это могло стать для него тем опаснее, что Англия успела перешагнуть кульминационный пункт своего развития и уже не была на высоте современных научно-промышленных методов [1]). Прибавим к этому брожение внутри британской империи, отдельные части которой, как, напр., Ю. Африка, Австралия, Канада, вступили на путь самостоятельного экономического развития, результаты которого легко могут стать опасными для английского капитала [2]). При своей гео-

[1]) Th. Rotstein, „Падение английской промышленности". „Neue Zeit", 1905. По английски вышла отдельной книгой.

[2]) Об этом см. Schulze-Gävernitz'a „Британский империализм", Лейпциг, 1907; Leutsahau „Великобритания", Галле, 1907. Критическая

графической разбросанности, эти части могут быть прикреплены к метрополии только крепкими узами экономического интереса. Но разве эти узы не ослаблены зарождением самостоятельной колониальной промышленности? Английская буржуазия осознала эти тенденции, ведущие в конечном счете к распадению британской империи. Она ищет новых форм отношений с колониями, — форм, способных устранить эту опасность. Мысль о сплочении империи путем общей таможенной политики, общих парламентских учреждений и содержимого на общий счет флота,—эта мысль пролагает себе дорогу, но наталкивается на сильное сопротивление со стороны английской торговой буржуазии, нежелающей отказаться от лозунга: „весь мир — моя лавка", а также и со стороны самих колоний. Прежде, чем сможет в какой бы то ни было форме осуществиться мечта английского империализма, — если ей вообще суждено осуществиться, что весьма сомнительно, принимая во внимание социологические и географические различия между Англией и ее колониями,— должны пройти долгие годы осложнений и кризисов. Тут-то и возникает вопрос: не воспользуется ли этим опасным периодом голодная империалистическая Германия, не создаст ли она себе опасного для Англии положения за счет английского мирового могущества, или за счет более слабых держав? Нападения на более развитые колонии с белым населением опасаться не приходится, ибо ни Канада, ни Австралия не потерпят чужого владычества; но нельзя не считаться с возможностью расширения Германии за счет африканских или азиатских владений Англии и за счет других более слабых колониальных государств, как Голландия, Бельгия, Португалия. Германии уже удалось использовать затруднения в английских колониальных делах и приобрести опорные пункты на морских путях, дотоле подвластных Англии. Это—угроза для английской гегемонии над миром. Во время бурской войны Германия оставалась нейтральной. Она удовлетворилась векселем на Португальские колонии в Африке и предоставлением ее китайскому фор-

---

социал-демократическая точка зрения—в соответствующих главах цитированной выше книги Парвуса о колониальной политике.

посту свободы движения. Но в это время сооружение германского флота только еще начиналось. В будущем немецкий империализм может стать еще опаснее.

Эти соображения вызвали в Англии большое беспокойство; империалистические круги заявляли, что необходимо побороть немецкую опасность. Они стали совать палки в колеса немецкого империализма и дали ему почувствовать мощь Англии; в то же время они пытались войти с ним в соглашение. Понятно, что эти попытки сближения, предпринятые в начале века главой английского империализма, лордом Чемберленом, не могли привести ни к каким положительным результатам.

Сближение Германии с Англией нарушило бы русско-немецкие отношения,—а эти отношения как-раз стали особенно „сердечными" в результате дальневосточной авантюры и позорной услуги, оказанной царизму немецким юнкерским правительством в борьбе с русским революционным движением. Немецкое правительство очень дорожило этими отношениями, так как видело в царизме передовой отряд европейской реакции, и в своем поклонении грубой силе верило в победу России в дальневосточном кризисе. Помимо того, входя в дружеские отношения с Россией, оно собиралось отнять всякую надежду на поддержку со стороны царизма у своего французского противника. Но не только эти соображения удерживали германский империализм от сближения с Англией: он прекрасно знал, что при таком сближении ему придется удовольствоваться чаевыми. Он был еще слаб; только овладевши всеми своими силами, мог он надеяться получить голос в капиталистических распрях и принудить как союзные, так и враждебные государства считаться с его интересами.

Таким образом, англо-немецкий конфликт сделался хроническим. Германский империализм почувствовал его сначала в Турции, на чем мы подробнее остановимся впоследствии; но вскоре он понял, что Англия может угрожать ему и в Европе. В 1904 г. английский империализм, убедившись, что о соглашении с Германией не может быть и речи, сговорился по северо-африканским вопросам с Францией. Эта последняя признала положение Ан-

глии в Египте, а та дала свое согласие на французские планы в Марокко. Это соглашение положило начало франко-английскому сближению, направленному против германского империализма. Такое сближение было тем более необходимо, что поражение России в японской войне освобождало Германию от опасностей на восточной границе и увеличивало ее агрессивную силу. Чтобы держать ее в узде, Англия, освобожденная от восточно-азиатских забот союзом с Японией 1902 года, и имевшая возможность сосредоточить все свои силы на разрешении германского конфликта, начала политику окружения Германии. В этих целях она заключила соглашение с Россией, которая после манчжурского поражения и потрясений революции уже перестала быть опасной для английских планов в Азии,—соглашение, по которому северная Персия была признана русской сферой влияния. Эта подачка помешала сближению ослабленной России с Германией и бросила царизм в объятия Англии. Так, в противовес Тройственному Союзу, возникло Тройственное Согласие. Теперь у Англии развязались руки. Она пыталась, с одной стороны, запутать Россию в конфликт с Австрией по Балканскому вопросу, а с другой—углубить разногласия между Францией и Германией. В первом случае должна была произойти война между Россией и Австрией, в которую должны были быть вовлечены и союзники воюющих государств, Германия и Франция. Независимо от того, на чьей стороне оказалась бы победа, силы Германии оказались бы если не уничтоженными, то на долгие годы прикованными к Европе. Германский империализм был бы надолго лишен возможности причинять Англии какие бы то ни было неприятности. Во втором случае Англия была бы принуждена сама вмешаться в войну Франции с Германией; но ей предстояла бы легкая задача: пока немецкие сухопутные силы мерились бы с французскими, Англия успела бы использовать свое превосходство на море для уничтожения германского флота.

Европа трижды стояла на краю войны: во время русско-австрийского конфликта 1909 г. и во время марокканских кризисов 1905 и 1911 г. Однако, каждый раз оказывалось, что ни Россия, ни Франция не проявляли желания довести свои разногласия

с Германией до войны, чтобы рассеять тревоги английского империализма. Россия, помня о своей слабости, избегала конфликта с Австрией, а в 1910 г. в Потсдаме обязалась не принимать участия ни в каких махинациях, направленных против Германии. Годом позже Франция сговаривается с Германией по марокккскому вопросу, вследствие чего временно исчезает всякий конкретный предмет спора между французским и германским империализмом.

Германский империализм не дает запереть себя. Он вооружался годами и теперь готов померяться с английским! Пусть силы их еще не равны, но все-таки военное разрешение англо-германского конфликта может оказаться небезопасным для Англии. Немецкий и английский империализм непрерывно находятся под угрозой столкновения. И так как оба они чувствуют, какая ужасная ответственность падзет на них, то оба изо всех сил стараются обморочить народ по ту и по сю сторону канала, чтобы, таким образом, взвалить ответственность за свою политику на его плечи.

Читателю ясно, кому был нужен англо-германский конфликт. Мы позволим себе прибавить к этому сжатый деловой обзор важнейших моментов, данный Карлом Каутским в 1910 г. в майском номере английского партийного журнала „Justice“:

„Поборники германских морских вооружений оправдывают их тем, что Германия должна быть сильной на море, должна защищать свою внешнюю торговлю, без которой не может существовать ее промышленность. С другой стороны, защитники британских морских вооружений утверждают, что Англии необходимо господство над морями, ибо иначе в случае войны может быть отрезан подвоз припасов. Кроме того, Германия, якобы, является страной политического рабства, так что Англии, если она не победит на море, грозит опасность немецкого вторжения и лишения свобод.

„И англичане, и немцы, говорящие так,—неправы. Конечно, всякая война вредит торговле и промышленности. Но британское морское могущество никогда не будет в состоянии подорвать основ коммерческого расцвета Германии. В худшем случае оно могло бы помешать германскому мореходству, но пресечь германскую торговлю, хотя бы на время

войны, оно не в состоянии, ибо у Германии слишком много таких границ, которые недоступны для английского флота. Торговый расцвет Германии базируется на преимуществах ее промышленности, а эта последняя зависит частью от немецких природных богатств, частью от географического положения, и в особенности от культурности и работоспособности германских рабочих. Подорвать промышленность и торговлю Германии может только ее собственная пагубная внутренняя политика, а никак не политика Англии, с какой бы силой она себя ни проявляла.

„Англия тоже не имеет оснований бояться Германии. Чтобы обеспечить себе подвоз съестных припасов, Англия не нуждается в господстве над морями. Для этого было бы достаточно изменения в существующем международном морском законодательстве, внесения в него пункта, запрещающего воюющим сторонам реквизицию предметов продовольствия. Если только Англия захочет, она, несомненно, добьется такого изменения.

„О том же, чтобы Германия оторвала кусок Англии или угрожала английским свободам, не может быть и речи даже в случае немецкого вторжения. Германия не в состоянии справиться и со своими поляками, которые сидят у нее бельмом на глазу. Германское правительство не нуждается в иноплеменных подданных, которые будут для него источником слабости, а не силы. С другой стороны, нет ни одной страны, которая составляла бы столь неразрывное целое, как изолированная на острове Англия. Несмотря ни на какие превратности военного счастья, со времени римских цезарей ни один клочек Англии не находился под чужим владычеством. Великобританией можно завладеть только целиком.

„Покушаться на свободы самостоятельного народа посредством внешней силы в XX веке невозможно. Этого нельзя было делать уже 40 лет назад. Франция была совершенно раздавлена Германией; тем не менее, Вильгельм и Бисмарк не смогли навязать французам монархического строя. Именно война принесла Франции республику. В настоящее время немецкому правительству едва удается удержать в узде свой собственный народ, требующий все больше прав. Со

стороны Германии свободе английского народа не грозит никакой опасности".

Центр тяжести англо-германского антагонизма лежит не в интересах народа, а в интересах стремящегося к расширению своей деятельности капитала. Впрочем, это относится и ко всем другим конфликтам, в какие вступал германский империализм за 10 лет своего существования. Обзор этих конфликтов на фактическом материале позволит нам не только установить самые факты, но и выяснить, в дополнение к этим общим замечаниям, силу германского империализма и размеры его достижений; только по разрешении этих вопросов станет возможным выяснение остальных тенденций его развития.

б) Роль германского капитала в Китае.

В конце прошлого столетия история, казалось, работала в руку немецкому капиталу, оперировавшему в Китае [1]). Японско-китайская война потрясла Срединную империю до самого основания. Китайские бюрократы и те круги, из которых они выходили, потеряли прежнее спокойствие духа. Им стало ясно, что опасность надвигается. Молодые силы, влиявшие на императора, требовали немедленного проведения широких социально-политических реформ; они поставили на очередь вопросы о централизации государства и о постепенном введении парламентаризма. Против этих требований, разумеется, энергично боролись все, кому была выгодна старая система, т.-е. высшие бюрократические круги Пекина, равно как и почти независимые губернаторы провинций. Во главе реакционной клики встала вдовствующая императрица. Но и эта клика чувствовала, что старыми методами управлять больше нельзя. Руководитель китайской политики Ли-Хун-Чанг, посетивший Германию в 1896 г., обратился к Бисмарку с вопросом: „что делать Китаю, чтобы прочно стать на ноги?"—„Образовать армию и укрепить с ее помощью государственную власть. Другого средства не су-

---

[1]) Проф. H. Franke, „Восточно-азиатские новообразования", Гамбург, 1911. Относительно этого периода см. стр. 20—96.

ществует... Но сперва надо подумать о дорогах, по которым войска могли бы передвигаться",—гласил ответ [1]). Но никто не может перепрыгнуть через свою тень, и китайская бюрократия не могла в противность собственным интересам укреплять центральную государственную власть и вводить Китай в колею современности. Вместо того, чтобы приняться за дело, она завязала борьбу со сторонниками реформ,—борьбу, которая окончилась поражением этих последних. Вдовствующая императрица взяла в руки бразды правления и заперла либерального императора в гареме. В это время. вспыхнули народные волнения. Занятие Киао-Чао Германией, Порт-Артура—Россией, Вей-Хай-Вея—Англией, начало железнодорожного строительства и все более наглые выступления христианских миссионеров,—все это вызывало возбуждение в китайских массах. В столице Китая начались беспорядки, окончившиеся убийством германского посланника и осадою европейцев. Великие державы тотчас же послали войска; окончательно дезорганизованная и устарелая армия была разбита на-голову; двор принужден был бежать из Пекина. Но желаниям германского империализма, мечтавшего о занятии области Киао-Чао и провинции Шантунь, не суждено было сбыться: великие державы считали китайский плод еще не достаточно зрелым для раздела. Все же поход дал известные результаты. Немецкие войска в точности исполнили приказ Вельгельма II: „пощады не давать, пленных не брать", — и таким образом приобрели германскому империализму право на участие в грабежах, поджогах и убийствах.

Развитие дальневосточных отношений не допускало дальнейшего вмешательства с целью территориальных приобретений. Через 4 года после китайской экспедиции вспыхнула русско-японская война. Опасность, перед которой старые капиталистические государства и идущая с ними в ногу Россия поставили Китай, угрожала и японским видам на будущее [2]). В молодой дальневосточной империи еще не было

---

[1]) Из дневника Ли-Хун-Чанга, опубликованного Франке. Ч. I, стр. 111.

[2]) D-r. Hans Plehn, „Мировая политика", Берлин, 1909, стр. 1—74 и 167—202; Fritz Wertheimer, „Японская колониальная политика". Гамбург, 1910; Franke—цит. соч., стр. 136—137.

стремления к капиталистической экспансии. Промышленность была молода и бедна капиталом; ей еще не удалось завоевать крестьянского рынка, косневшего в натуральном хозяйстве. Но именно слабая емкость внутреннего рынка и заставляла японскую промышленность, выращенную правительством по тепличному способу при помощи всяческих пошлин, стремиться к внешним рынкам. К этому присоединялись и опасения японских руководящих кругов, которые боялись, как бы в будущем Японии не пришлось замкнуться на своих маленьких островках (уже прокармливающих 50 миллионов душ), как бы японский капитал не задохся на родине. Поэтому в Японии с первых же дней ее европеизации всплывала мысль—стать твердой ногой на противоположном берегу Японского и Желтого морей. Наступление России с севера, виды Германии на провинцию Шантунь, английские мечты о провинции Ян-Цзе, американская база на Филиппинах,—все это побуждало Японию выступить пока не поздно. И дело дошло до русско-японской войны, окончившейся полным разгромом России и укреплением Японии на дальне-восточном материке. Русско-японская война ускорила зарождение нового Китая [1]). Но было бы ошибкой думать, что она породила его. Под влиянием этого потрясения кристаллизовалось все то, что зародилось в ходе социального развития Китая со времени китайско-японской войны. Китайский импорт, в 1890 г. равнявшийся 640 миллионам марок, в 1909 г. составлял 1 миллиард. С 1890 по 1909 гг. китайский экспорт возрос с 400 до 800 миллионов. Еще важнее то, что он состоял уже не из одного только сырья, но и из продуктов молодой китайской промышленности, которая покрывает все большую часть внутреннего потребления. У Китая уже есть своя буржуазия, верхи которой, путешествуя по Европе, Америке и Японии, познакомились с формами капиталистического строя. Они уже не довольствуются борьбой с завоевательными планами европейского капитализма; они хотят захватить в руки собственное правительство. Они развивают оживленную пропаганду, чтобы ввести в оборот богатства, лежащие, по старому обычаю,

[1]) A. Paquet. „Восточно азиатские трения". Мюнхен, 1910.

втуне. Они требуют во имя национальной промышленности, чтобы строительство дорог было передано им; они настаивают перед правительством, чтобы при разделе концессий между иностранцами, работа предоставлялась китайским инженерам; они посылают своих сыновей в Европу, Америку и Японию для получения технического образования. Нет ни одного исследователя, который, вернувшись из Китая, не констатировал бы, что самостоятельность китайской буржуазии возрастает с каждым днем, с каждым месяцем. Для борьбы с бюрократией она с колоссальной быстротой создала огромную прессу, проповедующую ненависть к манчжурской власти с ее разгильдяйством и кумовством. Вокруг буржуазии группируется не только молодая китайская интеллигенция, образующая ее левое крыло, но и городское население, которое, как и во времена европейских революций прошлого столетия, видит в буржуазии не класс, борющийся за собственную гегемонию, а представительницу общих интересов. Пока левое крыло интеллигенции образует тайные террористические сообщества и проповедует народное восстание, сама буржуазия пытается достигнуть власти легальным путем. Оппозиционное буржуазное движение вынуждает правительство итти на уступки. После страшного унижения, которому Китай был подвергнут в 1900 г., оно уже начало проводить некоторые реформы. Губернатор провинции Чи-Ли, Юаншикай, этот китайский Бисмарк, организовал в своей провинции войско по европейскому образцу и впоследствии, ставши во главе правительства, сделал первые попытки централизации финансового и военного управления. При этом ему на каждом шагу приходилось преодолевать сопротивление 19 губернаторов, которые прежде царствовали и правили за свой страх и риск, как владетельные князья. Однако, даже опасность раздела Китая не смогла заставить бюрократию добровольно отказаться от такого источника дохода, как феодальная независимость провинций. В тот момент, когда раздираемая камарильями бюрократия окончательно оказалась не в состояния совершить дело обновления Китая, началось давление снизу. Насколько оно было сильно, видно уже из того факта, что правительство, первоначально назначившее созыв парламента на 1915 г., было вынуждено

сократить срок и предпринять предварительные шаги к его открытию. Оно созвало провинциальные сеймы и подготовительные собрания, которые должны были образовать первые ступени китайского парламентаризма. Правда, они состоят частью из назначенных чиновников и только частью из депутатов, выбранных на основе податного ценза, но, тем не менее, они играют роль рупора оппозиции и энергично требуют созыва парламента. Они трижды посылали депутации для передачи императору этих требований, и, наконец, депутации образовали в Пекине постоянно действующую лигу „камеры по созыву парламента".

Но ускорение работ по созыву народного представительства не смогло остановить революционного движения. Это последнее черпало все новые силы из разложения старого Китая, из неурожая, из стремления китайской буржуазии возможно скорее положить конец современным порядкам, дающим преобладание иностранному капиталу и, наконец, из желания военной молодежи быстрыми мероприятиями предотвратить опасности, угрожающие империи. После ряда мелких восстаний, в октябре 1911 года в южном Китае вспыхнула революция; она наносит правительственным войскам одно поражение за другим, распространяется все дальше и дальше, свергает владычество манчжурцев и вновь поднимает китайский вопрос во всем его объеме.

Этот процесс, начавшийся в 1900 г., воспрепятствовал вмешательству великих держав в китайские дела, казавшемуся в конце прошлого столетия вполне возможным. Все возраставшее брожение в Китае требовало большой осторожности, так как можно было натолкнуться на совершенно немыслимое 10 лет назад противодействие. При этом различные правительства держались различных мнений относительно предстоящего перерождения Китая. Часть западноевропейской и американской буржуазии указывала на все возрастающее участие Китая в мировом торговом обороте (в 1901 г.—1376,1, в 1909 г.—2077,2 миллионов марок) и делала отсюда тот вывод, что ускорение этой эволюции соответственно увеличит участие европейского капитала в эксплоатации Китая. Отсюда опять-таки заключали, что в интересах капитала будет не совать палок в колеса развитию Китая, и во

всяком случае бросить мечты об его разделе. Другая часть буржуазных политиков указывала на то, что жизненные интересы Японии побуждают ее к занятию южной Манчжурии, и что России приходится думать о расширении в сторону северной Манчжурии, Монголии и Китайского Туркестана, ибо, при экономическом соревновании с европейским капиталом на рынках свободного Китая, она обязательно останется на последнем месте. Если же не удастся обуздать завоевательных вожделений России и Японии, то вмешаются другие державы,—и в первую голову Соединенные Штаты,—так что в результате китайский вопрос вернется к тому же поворотному пункту, на котором он стоял в 1900 г. К этому присоединялось и стремление быть наготове, поддерживаемое как страхом европейского капитала перед китайским, так и тем соображением, что, раз всколыхнувшись, китайские народные массы могли бы погрешить против безопасности иностранного капитала. А так как это вполне возможно,—ведь, китайский народ не может не видеть в европейском капитале эксплоататора и утеснителя, — то этот капитал примет меры, чтобы при случае быть в состоянии вмешаться в китайские дела вооруженной рукой. Таким образом, корабль европейского империализма плавал в китайском вопросе без определенного курса.

Что касается немецкого империализма, то и он обнаруживает в своей китайской политике такую же неопределенность целей, как и остальная Европа. „Арендованный" в 1897 г. порт Киао-Чао должен был сделаться базой немецкой экспансии в Китае. На оборудование и администрацию этого опорного пункта было, без каких-либо серьезных результатов, истрачено 150 миллионов марок. От военного оборудования пришлось отказаться, чтобы не колоть глаза все усиливавшемуся Китаю, в качестве же экономической бреши этот порт приобрести особого значения не мог, т. к. передовые в промышленном отношении провинции расположены на юге Китая. Правда, общий торговый оборот Киао-Чао возрос до 130 милл. марок, но немецкий вывоз в этот порт был ничтожен, и притом все уменьшался по мере того, как заканчивалась постройка гавани и германских правительственных зданий. В 1909 г. немецкий импорт в Киао-Чао исчислялся

в 3,3 миллиона марок, а экспорт в 147 тысяч марок. Таким образом, результаты первого шага Германии на пути территориального укрепления в Китае были ничтожны до смешного.

Тем не менее, немецкая буржуазия и немецкий капитал не могли примириться с мыслью об отказе от Киао-Чао. Они все еще считались с возможностью провала попыток обновления Китая и, следовательно, возрождения политики раздела. Поэтому немецкий капитал удерживает за собой политическое право участия в будущем разделе Китая. Он участвует в соревновании капиталистических держав во всех областях китайской экономической жизни, но конкуренция держав, обладавших преимуществами на китайском рынке,—благодаря ли давним сношениям с Китаем (подобно Англии), или географическому положению (подобно Японии и Соед. Штатам),—не позволяла германскому капиталу достигнуть значительных успехов на этом поприще. Правда, за последнее десятилетие немецкая доля в торговом обороте Китая абсолютно возросла. Она исчислялась: в 1901 г.—в 82,4, в 1902 г.—в 93, в 1903 г.—в 79, в 1904 г.—в 92, в 1905 г.—в 118, в 1906 г.—в 124, в 1907 г.—в 119, в 1903 г.—в 121, в 1909 г.—в 122, в 1910 г.—в 161 миллион марок. Но относительно эти цифры не дают роста: в 1901 г. участие Германии в китайской торговле равнялось в процентном отношении 5,99%, а в 1909 г. только 5,87%. Если даже принять во внимание, что часть германского экспорта идет через Англию и, стало-быть, включается в английскую торговую статистику, то все же о поступательном движении немецкой торговли в Китае говорить не приходится. Точно так же обстоит дело и с участием германского капитала в создании на китайской территории банков и промышленных предприятий. На-ряду с основанным в 1909 г. Немецко-азиатским банком (правление в Шанхае, капитал в 20 милл. марок), делающим сравнительно хорошие дела и платящим пайщикам 8% дивиденда, в Китае работают германское Шантауское горно-промышленное товарищество с капиталом в 12 милл. марок, Китайское экспортно-импортное и банковское товарищество с $1^1/_2$ милл. марок и Шантуньское железнодорожное об-во с 54 милл

марок капитала. К этому надо прибавить участие Германии в покрытии кредитных потребностей Китая, выражающееся в частичном помещении китайских государственных займов на германских биржах. Участие немецкого капитала в этих займах, достигавших до 1909 года 2.400 милл. марок, не может быть точно установлено; во всяком случае, оно не должно быть особенно значительным, ибо иначе оно увеличило бы роль Германии в китайском торговом обороте. Если сравнить эти результаты экономического распространения немецкого капитала в Китае с ростом китайско-японского и китайско-американского торговых оборотов, то следует признать, что немецкий капитал не имеет никаких оснований гордиться своими достижениями в этой стране. Немецкая буржуазия не скрывает этого факта; но она делает из него тот вывод, что необходимо приступить к завоеванию китайского рынка с удвоенной энергией. Культурные потребности немецкого народа удовлетворяются лишь в самой незначительной степени, а германская империя основывает в Китае высшую школу для подготовки китайских агентов немецкого капитала. В Германии свирепствует дороговизна, и правительство резко отвергает все требования народа об уничтожении экономической политики, в которой виновато и оно, а в Китае то же самое правительство любовно заботится о голодающих шантуньских крестьянах, чтобы подготовить почву для будущей завоевательной политики. Вспыхнувшая китайская революция с ее не поддающимися предвидению последствиями воскрешает старые аппетиты германского империализма. „Помните о Китае и стройте новые военные суда!"—вот лозунг, раздающийся на собраниях общества судостроительной техники. Империалистическая пресса держится того мнения, что Китай опять может стать ареной европейского империализма. Немецкий капитал снова чует запах жаркого. Он желает захватить насильственным путем то, чего он не мог достигнуть путем мирной экспансии. Будущий год уже может застигнуть германский империализм в круговороте новой китайской авантюры. Случится это или нет,—зависит только от хода событий на тихоокеанском побережьи.

в) Германский капитал в Турции.

Немецкий капитал натолкнулся на втором участке, привлекшем его деятельное внимание,—а именно в Турции,—на столь же значительные трудности, как и в Китае. Его первое большое предприятие,—постройка Багдадской железной дороги,—затронуло важные интересы Англии. Во-первых, оно усиливало позицию молодого конкурента, т.-е. Германии, что было особенно неприятно для английского флота, так как он и без того наталкивался на этого конкурента во всех концах света. Во-вторых, оно усиливало Турцию, что с тех пор, как Россия перенесла центр своей завоевательной деятельности на Дальний Восток, никак не входило в интересы английского капитала. Кроме того, эта дорога шла вразрез с некоторыми английскими планами, каковы: план дороги, которая должна была соединить Египет с Индией через южную Аравию и Персию, или проект населения Южной Мессопотамии египетскими земледельцами, что должно было подготовить присоединение этой области к Англии. К противодействию Англии присоединяются и затруднения со стороны ее тогдашней среднеазиатской конкурентки—России. Со времени урока, полученного Россией в деле освобождения Болгарии, с того момента, как она убедилась, что на пути к Константинополю она встретится с сильным сопротивлением не только западных держав, но и пробуждающихся славянских „братушек", она открыла в себе азиатскую душу и обратилась по линии наименьшего сопротивления к побережью Тихого океана, где она ожидала встретить со стороны Китая совершенно ничтожный, а со стороны Японии слабый отпор. Постройка Дальневосточной дороги началась в том же году, в котором обществу Багдадской железной дороги была дана предварительная концессия. Поэтому не следует удивляться, что русская политика, направленная к сохранению на Ближнем Востоке status quo, отнеслась к постройке Багдадской дороги, как к серьезной помехе,—тем более, что Россия еще не отказалась от своих планов на завоевание подступов к Персидскому заливу. Возможное появление турецкого, или, что считалось более

вероятным, немецкого флота в той гавани Персидского залива, до которой должна была доходить Багдадская дорога, могло стать настолько же невыгодным для положения России в каком-нибудь южно-персидском порту, насколько и угрожающим для Англии. Но России, которая добивалась нейтралитета Германии в предстоящих столкновениях на Дальнем Востоке, пришлось ограничиться двумя мероприятиями: во-первых, она связала Турцию обязательством, что все черноморские железные дороги будут строиться либо Россией, либо самим турецким правительством, а во-вторых, произвела давление на французское правительство с целью не допустить акций Багдадской железной дороги к официальной котировке на парижской бирже; это должно было не только повредить Багдадской дороге, но и способствовать проведению бесчисленных русских займов. Французское правительство тоже отнеслось к проекту Багдадской ж. д. враждебно,— и это не только под влиянием России. Промышленная слабость Франции, ее слабая способность к конкуренции заставляли парижское правительство опасаться усиления немецкого экспорта в Турцию. Фактически этот экспорт с 35 000.000 в 1901 г. возрос к 1905 году круглым счетом до 67.000.000, а французский экспорт поднялся за тот же период с 35 до 40.000.000,—и это несмотря на то, что помещенный в Турции французский капитал исчислялся в те годы в два слишком миллиарда, а немецкий—всего только от 300 до 500 миллионов марок. Но несмотря на враждебное отношение своего правительства, несмотря на опасности, грозившие французскому влиянию в Турции, французский капитал все же принял большое участие в финансировании Багдадского железнодорожного предприятия (в настоящее время ему принадлежит от 30 до 40% основного капитала). Крупные барыши, манившие банки и отдельных рантье, перевесили интересы французской внешней политики.

Турецкое правительство не испугалось всех этих затруднений. Абдул-Гамид, мысливший в хозяйственных вопросах вполне по-современному, прекрасно понимал значение железнодорожной сети, как важнейшего условия государственной централизации. Он знал, что только Багдадская железная дорога сделает его настоящим властителем Мессопотамии

и Вавилонии, которые в настоящее время служат только ареной бедуинских набегов. Краткий опыт анатолийских дорог показал ему, насколько железные дороги поднимают податную способность населения. Но так как турецкое правительство не было в состоянии самостоятельно приступить к постройке железных дорог, то ему приходилось передать ее группе капиталистов, за которой стояло государство, больше прочих заинтересованное в отсрочке раздела Турции. Этому условию отвечала Германия,—и вот, в 1902 году Абдул-Гамид дал ей концессию на 200 километров дороги Кония—Эрегли, по которой 25-го октября 1904 года и открылось движение.

Но противники не дремали. Они пользовались финансовыми затруднениями Турции, чтобы помешать дальнейшей постройке. Как известно, Турция, согласно международным договорам, не имеет права самостоятельно устанавливать пошлины. Для повышения таможенного тарифа необходимо согласие держав, которые, по удачному замечанию Гальстера [1]), у себя на родине подымают таможенные заграждения все выше и выше, а в Константинополе выступают убежденными сторонниками свободной торговли. Так, в 1906 году западные державы согласились на повышение некоторых пошлин с 8 до 11% под условием, что вырученные деньги пойдут только на проведение реформ в Македонии. Они хотели убить этим камнем двух зайцев: парадируя перед балканскими народами в качестве их покровителей, они в то же время воображали, что наносят смертельный удар предприятию немецкого капитала. Хотя по прежнему договору таможенная выручка и была обещана обществу Багдадской дороги, но все же Германия, чтобы не создавать затруднений для Турции, доверие которой ей надлежало завоевать, не протестовала против условий западных держав. Немецкое правительство и Германский банк могли позволить себе такую уступчивость, так как дальнейшая, хотя и медленная, постройка дороги обеспечивалась другими доходами. В 1903 году состоялась унификация четырех серий турецких государственных долгов. Замена

---

1) Galster. „Die Türkei im Rahmen der Weltwirtschaft". Greifswald, 1917 г. Стр. 63.

этих займов, заключенных в трудные времена на тяжелых условиях, одним консолидированным обязательством освобождала некоторые статьи дохода, до сих пор уходившие на уплату процентов по государственному долгу. После долгой борьбы с представителями западных держав, не желавших предоставления известной части этих доходов обществу Багдадской дороги для покрытия километрической гарантии, Абдул-Гамид выдал обществу новую гарантию на 800 километров пути до деревни Эль-Хелиф в верхней Мессопотамии. Эти 800 километров являются труднейшей частью постройки, ибо на них лежат горные хребты Тавра и Амана.

Постройка этого участка еще не начиналась, когда режим Гамида рассыпался, как карточный домик, под давлением младотурецкого движения. Казалось, что с появлением младотурок западные державы получат в Константинополе перевес над немцами. Младотурки, пользовавшиеся в качестве политических эмигрантов гостеприимством Англии и Франции (а немецкая почва жгла ступни крамольников и заговорщиков), встали у кормила правления полными симпатий к западным державам и вражды к приятельнице Абдул-Гамида—Германии. Но интересы Англии требовали ослабления и раздела Турции, но Россия пыталась при помощи неославянского движения подать балканским государствам новые надежды, а после средне-азиатского соглашения с Англией она, казалось, грозила Турции и со стороны Персии. Все это очень скоро ввело турецкую политику в прежнюю колею. Постройка линии от Бургурлы возобновилась весной 1909 года. Англия принуждена была убедиться, что срыв постройки Багдадской дороги будет делом нелегким. И вот, она пытается, по крайней мере, устранить насколько возможно опасность, грозящую английской мировой политике со стороны этой дороги. Она потребовала, чтобы линия шла от Аданы вдоль Александрийского залива, на что, впрочем, не получила согласия, хотя этот участок дороги и оказался бы одним из самых выгодных с экономической точки зрения. После некоторого колебания турецкое правительство осталось верным прежнему проекту, так как, по мнению военных специалистов, принятие английского плана дало бы британским судам возможность в случае войны

отрезать перевозку войск в Аравию и Мессопотамию. Но к выгоде германского империализма послужил не только рост сопротивляемости Турции, которому отчасти содействовала и Германия. Большую услугу оказала ей становящаяся все очевиднее слабость внешней политики реакционной России. Со времени краха своей неославянской политики на Балканах, Россия снова обращается от Ближнего Востока к вопросам средне-азиатской дальне-восточной политики. В последнем десятилетии прошлого века ей удалось обеспечить за собой нейтралитет Австрии на Ближнем Востоке и, основательно запугавши Германию союзом с Францией, заручиться ее поддержкой на Дальнем Востоке после японско-китайской войны; теперь же реставрированному царизму приходится считаться со своей слабостью и с усилением позиции германского империализма. И вот, он заявляет в Потсдаме, что не будет ничего иметь против продолжения Багдадской железной дороги. Более того, он соглашается на немецкий проект проведения ветки к персидской границе (до Ханикина), которая не только становится (благодаря перевозке персидских паломников к Кербельской святыне) одной из прибыльнейших линий этой сети, но и открывает германскому капиталу персидские рынки. Изменившаяся, таким образом, позиция России дала турецкому правительству возможность не только разрешить постройку дальнейшей линии 1435 километров от Хелифа до Багдада, но и поднять вопрос о прокладке последних 650 километров от Багдада до Персидского залива. Относительно этого последнего участка в настоящее время ведутся переговоры между Турцией, Англией, Францией и Россией. Для осуществления постройки Багдадское общество согласилось на аннулирование концессии, согласно которой оно могло провести дорогу до Персидского залива, и теперь ведутся переговоры о том, как построить эту последнюю линию без ущерба для английских интересов, которых Турция не может игнорировать, не вызывая Англии на агрессивную политику.

Поведение Англии в этих переговорах совсем иное, чем в 1903 году. Во время последних дебатов в Верхней палате представитель правительства лорд Морлей прямо заявил, что резко отрицательная позиция Англии „ни в какой мере не

была оправдана позднейшими событиями". Тем не менее, пока дело дойдет до окончательного соглашения, будет еще не мало пререканий. Это соглашение задерживается не только конфликтом внутри английского финансового мира, но и, главным образом, стараниями Англии спасти все, что возможно, несмотря на поражение.

Багдадская дорога имела большое политическое значение еще в то время, когда вырабатывался ее план. Это значение состояло, во-первых, как сказано выше, в создании для германского капитала крупных экономических интересов на турецкой почве,—интересов, позволяющих ему в случае раздела Турции заявить притязания на ее наследство и, во-вторых, в военном усилении Турции. Укрепление германского империализма, первым и не легко завоеванным успехом которого является Багдадская дорога; победа революции в Турции; появление современного революционного движения в Индии, движения, которое, разумеется, нужно расценивать совсем иначе, чем прежние сепаратные восстания отдельных племен; возникновение националистического движения в Египте; начало возрождения Персии,—все это усилило политическое значение Багдадской дороги. К тем моментам, которых мы касались до сих пор, присоединяются и другие, и прежде всего,—значение для англо-германского конфликта Багдадской дороги и ускоренного ею усиления Турции в Аравии и Мессопотамии, на что указывает Пауль Рорбах в недавно вышедшей вторым изданием работе „Багдадская железная дорога". Вот что говорит Рорбах:

„В сущности, у Германии имеется только одна возможность противостоять нападению Англии: это—усиление Турции. Англия может подвергнуться опасному нападению со стороны Европы только в одном месте—в Египте. Вместе с Египтом Англия потеряла бы не только господство над Суэцким каналом и связь с Индией и Азией, но, вероятно, и свои владения в Центральной и Восточной Африке. Кроме того, завоевание Египта Турцией, т.-е. магометанской державой, могло бы опасно отразиться на 60 миллионах мусульманских подданных Англии в Индии, а также на Персии и Афганистане. Турция же может мечтать об Египте только в том случае, если в ее распоряжении будет готовая сеть же-

лезных дорог в Малой Азии и Сирии, если она сможет, путем продолжения Анатолийской дороги, отразить нападение Англии на Мессопотамию, если ей удастся увеличить и укрепить свое войско, если улучшится ее общее экономическое и финансовое положение...

С другой стороны, для того, чтобы Англия отказалась от мысли напасть на Германию, быть-может, достаточно уже одного сознания, что Турция сильна в военном, крепка в экономическом отношении и обладает удовлетворительной железнодорожной связью. А, ведь, именно к такому отказу Англии от агрессивных планов и направлены германские стремления. Политика поддержки, которой Германия держится по отношению к Турции, не имеет иной цели, кроме попытки застраховать себя от угрожающей со стороны Англии военной опасности" [1]).

Рассуждения Рорбаха развертывают перед нами широкие политические перспективы, которые могут стать действительностью только при условии дальнейшего усиления Турции. Еще несколько лет тому назад возможность турецкого наступления на Англию показалась бы не только предметом, стоящим обсуждения разве что в пивных, но и прямо-таки плодом расстроенного воображения. Но в настоящее время следует признать некоторое значение и за этим моментом, пока еще очень слабо затронутым при рассмотрении вопроса о Багдадской железной дороге. Ибо, хотя державы еще и посейчас считаются с возможностью краха младотурецкого правительства, но, кроме того, они принимают во внимание и другую возможность, а именно ту, что Турция как-нибудь перебьется и еще будет играть в мировой политике известную роль. Особого рассмотрения заслуживают внутренние перевороты в Средней Азии, и в особенности в Персии. Тут политика Англии сводится к задержке процесса реорганизации Персии. Но это возможно только при условии замедления ее экономического развития. Труд о, конечно, определить, хочет ли Англия превратить Юго-Восточную Персию в пустыню или аннексировать ее, но во всяком случае усиление Турции в Мессопотамии и экономическое раз-

---

1) Rohrbach. „Багдадская железная дорога". Берлин, 1911 г., стр. 19.

витие этого очага древней культуры явилось бы величайшей помехой для английских планов. Поэтому неудивительно, что теперь, когда прекращение постройки уже невозможно, когда попытка поставить дорогу под контроль пушек, плавающих на британских военных кораблях по Александрийскому заливу потерпела крушение,—Англия все-таки делает все возможное, чтобы приобрести решающее влияние на железнодорожную линию от Багдада до Персидского залива.

Какие же козыри имеются у Англии? На-ряду с главнейшим,—ее морской и финансовой силой, не позволяющей Турции открыто перейти на сторону Тройственного союза,—сюда относится и ее положение в Ковейте, наиболее удобной конечной станции Багдадской дороги у Персидского залива. Так как сооружение конечной станции в Бассорском порту потребовало бы очень дорогих работ, то для Турции было бы весьма важно вывести дорогу к Ковейту. Формально Ковейт с 1638 г. является подвластным Турции султанатом, и с тех пор, как в семидесятых годах прошлого столетия Мидхат-паша, действуя из Багдада, утвердил турецкое владычество над Персидским заливом, сама Англия смотрит на него таким образом. Однако, с тех пор как вопрос о Багдадской дороге обратил внимание Англии на опасность усиления Турции в Персидском заливе, Англия изловчилась так укрепить свое положение в Ковейте, что Турция была вынуждена—согласно документу, попавшему в руки известного дипломатического писателя Люсьена Вольфа („Daily Graphik" от 20-го марта 1911 года),—признать положение, по которому ни Турция, ни Англия не имели права вводить в Ковейт войска. Это значит, что без согласия Англии Багдадская дорога не может кончаться в Ковейте, если только Турция не желает ввязаться в военный конфликт с Англией. Второй козырь Англии, на который недавно весьма недвусмысленно указал в парламенте сам Эдуард Грэй,—это невозможность для Турции провести без согласия Англии давно желанное повышение пошлин с 11 на 15%.

Какие требования собирается Англия предъявить при помощи этих козырей? Во-первых, передача управления линией от Багдада до Ковейта в руки англичан, а во-вторых, преимущественное участие английского капитала в

финансировании этой линии. С другой стороны, Турция домогается интернационального управления линией и такого участия турецких и иностранных капиталистических групп, чтобы ни одна из них не получала перевеса. Переговоры стремятся найти среднюю линию между этими крайними точками зрения, и международное положение ближайших годов решит, за кем останется победа. Пангерманская пресса утверждает, что если решение вопроса будет хотя бы приблизительно соответствовать требованиям Англии, то немецкий империализм окончательно проиграет свою игру, ибо тогда Багдадская дорога разделит судьбу Суэцкого канала. Если даже на время совсем отвлечься от экономического значения Багдадской дороги, то все же следует рассматривать это толкование Дена, Плена и К-о исключительно как попытку поддержать германское правительство в этом вопросе: ведь, одно то обстоятельство, что Турция укрепит свою власть над Мессопотамией до самого Багдада, уже сильно затруднит Англии всякую попытку какого бы то ни было наступления с юга. Кроме того, при этом совершенно уничтожаются английские расчеты на постройку дороги, которая соединяла бы Египет с Индией, и на задержку экономического развития на берегах Персидского залива.

Таким образом, Багдадская дорога является победой германского империализма даже в том случае, если при постройке ее последнего участка английские интересы будут приняты во внимание более, чем можно ожидать при теперешнем положении вещей. Но современный империализм есть не погоня за призраком, за платоническим господством над миром, а политика капитализма в самой зрелой его фазе,—капитализма, ищущего точек приложения для своих капиталов, которым грозит понижение прибыльности. И с экономической точки зрения постройка Багдадской железной дороги является огромным успехом германского капитала. Как сказано еще в первой главе, руководители предприятия показали 138 миллионов франков одной только прибыли, не говоря уже об „экономии“, сделанной ими на ассигнованных Турцией для постройки суммах. Эта экономия, согласно вычислениям английских специалистов, равняется 160 миллионам франков. То, что Багдадская дорога благо-

творно влияет на торговые сношения Турции с Германией, явствует из повышения цифры оборота, повышения не только абсолютного, но и по сравнению с торговлей других государств. Германский ввоз в Турцию с 1902 по 1910 гг. возрос с 36 до 37 миллионов марок, а немецкий вывоз из Турции с 43 до 105 миллионов марок.

г) Марокканская игра.

Во вступлении к этой главе мы уже упоминали о том, что концентрация германской внешней политики на двух важнейших задачах—на завоевании положения в Турции и Китае—никоим образом не исключала и продвижения в других направлениях. Немецкий империализм пользовался всяким случаем захватывать новые позиции; так, например, купленные у Испании после испано-американской войны Каролинские острова помогли округлить немецкие владения в Индийском океане. Он пытался укрепить влияние немецкого капитала и в тех областях, которых этот последний, вследствие их географического положения или исторического развития, не мог втянуть в сферу своих действий. Ибо впоследствии он мог бы ценою отказа от политических притязаний на эти области, лежащие вне его круга, добиваться политических или территориальных компенсаций в других областях, которые опять-таки могли бы послужить к округлению и объединению прежних владений.

Целый ряд действий немецкого империализма, кажущийся на первый взгляд вспышками бесцельной, непостоянной политики, при ближайшем рассмотрении оказывается планомерной политикой создания вспомогательных средств для поддержки главнейших целей этого империализма. Такова немецкая политика в Персии, которая, на-ряду с торговыми соображениями, имела целью дать германскому империализму козыри против России, и которая, между прочим, помогла Германии удержать Россию от чрезмерного сближения с английским империализмом. Сюда должна быть отнесена и марокканская политика германского правительства, если исследовать ее ретроспективно, по завершении марокканского кризиса.

Весь ход северо-африканской истории за последние три десятилетия указывал на то, что если эта способная к развитию страна не сможет защитить свою независимость, то она достанется Франции [1]). Политика Германии не могла преследовать целей закрепления за собою Марокко; это окончательно раздробило бы ее силы и создало бы трения с Францией, которые связали-бы немецкому правительству руки в других, более важных областях. Германия вмешалась в марокканский вопрос, когда в 1904 г. Франция и Англия пытались решить судьбы Марокко за ее спиной. Протестуя против этого, немецкий капитал заявлял о своем праве участия в переделе земли. Целью этого протеста была попытка по возможности спасти независимость Марокко и сделать его объектом эксплоатации интернационального, а не только французского капитала. Если бы действия Германии против французских притязаний на Марокко в 1905 г. увенчались успехом, то немецкий капитал сразу убил бы двух зайцев: он обеспечил бы себе лишнюю область эксплоатации и мог бы парадировать перед Турцией в роли защитника свободы Ислама. Эти мечты не осуществились, хотя немецкое правительство и поддерживало свои требования громким бряцанием оружия: содействие Англии, России и Италии на Алжезирасской конференции 1906 г. дало Франции в Марокко такие функции, выполнение которых при одновременной обработке почвы французским биржевым капиталом, должно было постепенно отдать Марокко во власть Франции. Немецкому империализму пришлось отказаться от своих прежних целей в марокканской политике, ибо дипломатическая борьба против владычества Франции в Марокко могла окончиться только войной, а воевать из-за Марокко, лежащего в стороне от главных целей немецкого капитала, не стоило. Теперь дело шло только о том, чтобы извлечь из признания французских аппетитов в Марокко политические выгоды и одновременно выжать побочную колониальную прибыль. Эту политику немецкое правительство и проводило

1) Из обширной, но во многих случаях фантастической литературы об экономических отношениях Марокко следует указать на объективно написанную статью в „Nauticus“ за 1909 г. „Марокко и его отношение к народному хозяйству Германии“ (стр. 270—296).

как в февральском соглашении 1909 г., так и в ноябрьском соглашении 1911 г. В 1909 г. оно признало за Францией политические интересы в Марокко, а для себя требовало только признания торговых интересов. В результате этой уступки Франция не присоединилась к попыткам Англии превратить боснийский кризис, в котором Германия и Австрия действовали против русско-французско-английской коалиции, в мировую войну. Таким образом, уступки в марокккском вопросе помогли Германии отразить нападения Антанты, а это повело к разрыву кольца, в которое Англия хотела замкнуть свою соперницу, чтобы положить германский империализм на обе лопатки.

За последние два года марокккский вопрос настолько развился, что созрел для окончательного разрешения. Международная ситуация не позволяла германскому правительству сойти с прежнего пути своей политики и присвоить себе кусок марокккской территории. С весны крайне ухудшилось положение Турции: албанское и арабское восстания, падение престижа младотурок, брожение на Балканах,—все это давало пищу для всяческих опасений. Турция же, как мы уже неоднократно указывали, составляет очень важный пункт в расчетах германского империализма, направленных против Англии. К тому же англо-немецкая борьба за окончание Багдадской дороги близилась к концу. При такой ситуации германская дипломатия (если даже оценивать ее ниже обыкновенного, хотя и здесь преувеличение затемняет истину) никак не стала бы вести такую политику, которая упрочила бы союз между Францией и Англией. Напротив, ее деятельность сводилась к продолжению потсдамских начинаний. В Потсдаме была ослаблена связь России с Антантой. Ликвидация марокккского вопроса должна была освободить Францию от необходимости платить за английскую помощь в Марокко поддержкой английских требований на Ближнем Востоке, где собственно французские интересы не требовали ослабления Турции. Эта общая цель последних ходов марокккской политики Германии отчасти освещает нервное и иначе необъяснимое вмешательство английского правительства в франко-германские переговоры, выразившееся в речи Ллойд-Джорджа от 21 июля прошлого года. Дело

шло о том, чтобы вызвать во Франции впечатление, будто бы германские действия преследовали, кроме официально признанных, еще и другие цели; нужно было внушить всему миру впечатление, будто Германия остается в рамках требования компенсаций только под давлением могущественного слова Англии. Потому-то Германия и старалась, чтобы переговоры между ней и Францией происходили наедине, с глазу на глаз. Второй причиной, в силу которой Марокко не могло являться настоящей целью немецкой политики, было то, о чем мы уже говорили, а именно, что захват части Марокко без согласия Франции (даже если бы он, что мало вероятно, не привел к войне) вынудил бы Германию держать там большие морские и сухопутные силы, т.-е. значительно ослабить себя в Северном море на весь ближайший период, столь критический для всей мировой политики. Даже если бы члены рейхстага без разговоров согласились на значительное увеличение флота, то постройка новых судов потребовала бы многих лет, в течение которых военные суда стояли бы в Агадире, а родное побережье оставалось бы обнаженным. Наконец, надо было считаться и с опасностью войны, которая, в качестве войны наступательной, с самого начала протекала бы при весьма неблагоприятных для Германии дипломатических условиях. Уже одни эти соображения вполне могли бы удержать немецкий империализм от всяких территориальных вожделений в Марокко. А между тем, к ним присоединялись и отсутствие крупных капиталистических интересов в Марокко, участие немецких капиталов в тамошних французских предприятиях и все усиливавшееся противодействие пролетариата, с которым правительству не было оснований не считаться, т.-к. Марокко не представляло жизненных интересов для немецких капиталистов. Поэтому и последние мароккские мероприятия германского правительства преследовали в первую голову те же цели, что и в 1909 г., т.-е. ослабление позиции Англии путем устранения причин конфликта, вызывавшего все новые трения с Францией и толкавшего эту последнюю в объятия английского империализма. Далее, Германия пыталась добиться колониальных компенсаций за полное признание французских видов на Марокко. Уступленная Францией

часть Французского Конго [1]) — это лесистая и болотистая местность, дающая барыши одному только финансовому капиталу (потому что, ведь, понадобится строить на гроши немецких рабочих новые колониальные железные дороги), но зато она дает немецкому империализму возможность попытаться путем дальнейших сделок с Бельгией и Португалией установить связь между немецкими колониями в Африке. Достигнет ли соглашение первой цели, вызовет ли оно в Англии впечатление, что она так же мало может рассчитывать на французскую поддержку, как и на русскую — вот вопрос, на который в настоящее время трудно ответить. С точки зрения общей империалистической политики обе эти цели дают марокканской дипломатии немецкого правительства известный смысл, хотя она и привела к потере Марокко для германского капитала и к „компенсации" в Конго, мало заманчивой даже для широких кругов промышленников и торговцев. То обстоятельство, что германское правительство не стремилось ни к каким территориальным захватам в Марокко, и, стало-быть, не хотело начинать из-за него войны, никоим образом не устраняет военной опасности. Так как французское и английское правительства тоже были хорошо осведомлены о характере немецкой политики в Марокко, то они могли итти в своей неуступчивости далее того, что германский империализм мог претерпеть без ущерба для своего престижа. Это легко могло бы повести к захвату Марокко со всеми его последствиями; кроме того, некоторые волнения в южном Марокко во время стационирования военных германских судов в Агадире могли вывести Германию из заранее намеченной колеи.

Марокканская политика немецкого империализма могла зажечь мировую войну, как может зажечь эту войну и всякий другой его шаг, по существу стремящийся сломить или согнуть кого-нибудь из противников. То же самое следует сказать и о других империалистических предприятиях, служивших ему второстепенными козырями в главных набегах. В нашу эпоху величайшего политического напряжения не существует ни одного империалистического выступления, за

[1]) См. Werner Stahel, „Французское Конго в свете официальных французских данных последнего десятилетия". Берлин, 1911.

которым не следовала бы по пятам опасность мирового пожара. Поэтому тот факт, что Германия в том или ином вопросе не проявила территориальных вожделений, не лишает ее действий (если только они серьезны) империалистического характера, не делает их менее опасными для мира. То же самое, конечно, относится и к вмешательствам Англии или Франции в главные действия германского империализма. Империалистические столкновения легко могут вспыхнуть и в таких пунктах, которые вовсе не являются основным предметом внешней политики Германии.

д) Что же дальше?

Из года в год усиливается власть немецкого капитала; он распоряжается все большей армией пролетариев. На внутреннем рынке он покончил со старым, самостоятельно продуцировавшим мелким мещанством. С каждым годом он становится все сплоченнее, концентрируясь в картели и акционерные общества, все теснее и теснее объединяющиеся под командой полудюжины банков. Только Северо-Американские Соединенные Штаты и могут тягаться с германским капиталом по быстроте развития. С гордостью взирает он на ряды цифр, иллюстрирующие этот эволюционный процесс. Производство угля и железа, которым всегда измеряется экономический прогресс, выражалось за период с 1890 по 1910 гг. в следующих цифрах [1]):

Добыча угля (в тысячах метрических тонн).

Годы:	1890	1900	1909
Великобритания	184.529	228.795	268.007
Соединенные Штаты	143.127	244.653	397.000
Германия	89.291	149.788	217.446
Франция	26.084	33.405	37.116

Добыча чугуна (в 1000 метрических тонн)

Годы:	1890	1900	1909
Великобритания	8.031	9.103	10.547
Соединенные Штаты	9.350	14.011	27.737
Германия	4.658	8.521	14.794
Франция	1.962	2.714	4.001

[1]) „Nauticus“ за 1910 г., „Десять лет закона о флоте“, стр. 15—42.

Опираясь на этот рост продукции, германский капитал за последние двадцать пять лет более, чем удвоил свою внешнюю торговлю. С 6,5 миллиардов марок в 1899 г. она возросла к 1908 г. до 14,1 миллиардов марок. По темпу развития она уступает только Соединенным Штатам. Внешняя торговля выражалась в миллионах марок следующим образом:

Годы:	1898	1908	Рост в %%
Германия	8.837	14.062,6	60
Великобритания	13.142	18.170,2	38
Соединенные Штаты	7.549	12.834,1	70
Франция	6.497	9.090,4	41

В 1905 году немецкий капитал, помещенный в ценные бумаги, официально оценивался в 16 миллиардов. Несмотря на отсутствие позднейших оценок, целый ряд данных указывает на то, что количество ценных бумаг в Германии растет гораздо скорее, чем прежде. Ибо с тех пор, как Германия стала на путь империализма, немецкий капитал старается использовать созданную империалистическими средствами позицию в неразвитых странах, и правительство побуждает его к экономической подготовке своих завоевательных актов [1]). Самоуверенность немецкого капитала сильно возросла. Он больше не желает отправляться за границу под видом просителя, высматривающего, не перепадет ли и ему кусочек со стола старших капиталистических государств, как это было перед основанием империи. К возрастающему сознанию власти внутри страны присоединяется и возможность этой власти за границей. Немецкий капитал с завистью глядит на мировое положение капитала английского, он видит, как французский капитал, не опирающийся ни на прирост населения, ни на быстрое развитие промышленности, создал огромную мировую империю. Немецкий капитал видит, что его торговля с собственными колониями после 25 лет их существования исчисляется в 100 миллионов ма-

[1]) Французский экономист Blondel вычислил в „Дипломатических и колониальных вопросах“ (лето 1911 г.), что экспорт немецкого капитала 15 лет назад равнялся 10, а 10 лет назад—16 миллиардам; для 1908 г. он определяет повышение в 744, для 1909 г. в 977 миллионов. „Frankfurter Zeitung“ исчислял прирост за 1910 г. в 20 проц.

рок,—и это при 16 миллиардах оборота германской внешней торговли; даже эксплоатация немецкого народа при помощи этих колоний удается крайне слабо. В течение двух десятилетий приходилось прямо таки вырывать у рейхстага все ассигновки на колонии, ибо в ответ на каждое требование денег на постройку колониальных ж. д., приносивших капиталу жирные дивиденды,—даже буржуазные партии заявляли, что это значит просто выбрасывать миллионы в грязь. Партии, которые, подобно свободомыслящим или центру, имели за собой голоса части рабочих и мелких собственников, боялись ответственности за явное вышвыривание миллионов податных грошей на колониальные расходы, от которых даже широкие круги буржуазии не получали никакой пользы.

Жажда новых завоеваний, послужившая 12 лет назад причиной вступления Германии в фарватер империализма, усиливается с каждым годом. Оказавшись на коне, империализм тащит за собою и те слои буржуазии, которые сначала оказывали ему сопротивление. Мелкое мещанство, враждебно относившееся к колониальной политике, возлагавшей на него все новые тяготы, торговая буржуазия, сравнивавшая ничтожные прибыли от немецких колониальных владений с огромными барышами от торговли с капиталистически развитыми странами,—все эти слои подпали под влияние империализма, когда он открыл перед ними перспективы новых завоеваний. Мещанство было опутано националистической фразеологией, которой империализм имеет обыкновение окружать свои гешефты, а торговая буржуазия была ослеплена видами на наживу. Империализму удалось добиться коренного сдвига в настроении немецкой буржуазии, ее позиция по отношению к колониям стала гораздо дружелюбнее. 10 ноября 1905 „Freisinnige Zeitung“, руководящий орган партии свободомыслящих, представляющей известную часть мелкого мещанства и торговой буржуазии, писал: „Колонии не дают эксплоатировать себя, но, нуждаясь в субсидиях, сами эксплоатируют метрополию“. В декабре 1906 г. эта партия вступает в предвыборную кампанию в союзе с консерваторами и национал-либералами под знаком колониальной политики, а во время марокккского

кризиса 1911 г. она шагает в ногу с ними под знаменем империализма. Ту же эволюцию проделал и центр. С победой над этими партиями, империализму—поскольку дело касается буржуазных групп —открылась свободная дорога внутри страны. Иначе обстоит дело в тех областях, где приходилось вести борьбу за обладание новыми колониями. Здесь германский империализм наталкивается на препятствия на каждом шагу. Сильнейшие из них ставит ему старейшая из империалистических держав, Англия. Захочет ли он эксплоатировать турецких крестьян, выговорив себе от турецкого правительства гарантии при постройке дороги и жирные цены за поставки,—он может достигнуть этого, только убрав с дороги многочисленные камни, которые навалил ему английский капитал. Ни на минуту не может он быть уверен, что Англия не прирежет его турецкую дойную корову. Захочет ли он использовать аппетиты французского капитала в Марокко, чтобы вырвать у него кусок Средней Африки,—опять он наталкивается на английский капитал, который поддерживает французов, чтобы немцы не получили слишком крупной доли. Германский империализм очень хорошо знает, что имеет дело отнюдь не с преходящим явлением. Как ни велик мир, но английский капитал имеет экономические или стратегические интересы всюду, где можно завоевать что-нибудь. Ибо он—мировая держава. Он противодействует стремлениям немецкого капитала объединить свои колонии путем новых приобретений в Средней и Южной Африке, т. к. это отняло бы у Англии возможность связать все дороги, проложенные от Каира до крайнего юга Египта и от Капштата в глубину Родезии, в единую магистраль, пересекающую с севера на юг всю Африку. Захочет ли германский империализм приобрести опорные пункты для флота, без которых он не может воевать в далеких океанах,—британский капитал опять заступает ему дорогу, видя в нем своего опаснейшего врага.

Таким образом, англо-немецкий конфликт есть конфликт капиталистический, он не может быть устранен, пока английский капитал претендует на мировую гегемонию, а немецкий домогается для себя части этой гегемонии. После столкновений, которые, например, во время Марокккского

кризиса, чуть не довели заинтересованных государств до войны, они теперь стараются вступить друг с другом в соглашение. Не исключена возможность, что именно сейчас немецкий и английский империализм предпринимают или предпримут такую попытку. Возможно, что английский империализм сделает германскому некоторые уступки, чтобы хоть временно разрядить атмосферу. Но ни один из них ни на иоту не доверяет другому, ни один не верит, чтобы через их разногласия можно было перебросить мост,—и оба будут вооружаться и впредь, чтобы в час, когда идиллия соглашений придет к концу, быть во всеоружии. Поэтому можно быть совершенно уверенным, что то же самое немецкое правительство, которое ныне явно стремится к соглашению с Англией по средне-африканскому вопросу, после выборов в рейхстаг потребует новых кредитов на флот. Одна война, даже прерываясь перемирием, порождает другую. Вооружения на перегонки не прекращаются, и ближайшие же дни могут принести с собой столкновение германского империализма с английским. Опасность такого столкновения усиливается еще и тем, что несколько лет назад на Востоке началось движение, способное вообще парализовать всякую империалистическую политику. В Индии, из которой Англия тянет все соки уже в течение ста лет, постепенно развились элементы, начинающие бороться против британского ига современными средствами. Молодая индийская буржуазия и интеллигенция не желают оставаться в рабстве у английского капитала. В значительном слое фабричного пролетариата уже начинается социальное брожение, сливающееся с брожением общенациональным. Народные волнения и террористические акты показывают Англии, что в один прекрасный день она будет вынуждена защищать свою власть над Индией с оружием в руках. Это вносит некоторую долю беспокойства в английскую внешнюю политику, живущую под постоянным кошмаром, что индийския затруднения могут быть использованы другими державами, и под влиянием этого страха усиленно готовящуюся и стремящуюся к борьбе. Французы наблюдают те же признаки пробуждения восточных народов в Индо-Китае. Персидская революция говорит о том же, а турецкий и китайский

вопросы вступают в такую фазу, последствия которой вообще невозможно предвидеть.

Весь империалистический мир стоит перед такими тенденциями развития, которые грозят схватить его за глотку. Тут-то каждое государство и начинает испытывать желание еще раз выйти на добычу, пока не заперты все двери, пока другие державы не опередили его и не отрезали от всех возможностей колониального развития. Россия домогается раздела Персии, чтобы это государство не усилилось и не вступило в ряды капиталистических держав; Австрия, Болгария и Италия спешат закрепить за собой свою добычу, прежде чем турецкая революция превратит Турцию из объекта империалистической политики в могучую державу другие только выжидают момента, чтоб сделать то же самое. На Дальнем Востоке Россия и Япония совсем было собрались укрепиться на северо-востоке и северо-западе китайской империи, а тут китайская революция поставила перед всеми другими державами вопрос, не лучше ли поскорее поделить Китай, пока это не стало еще совершенно невозможным.

Брожение в странах, уже давно облюбованных империализмом, усиливает брожение внутри самих капиталистических государств. Никто не знает, что с ним будет завтра, чего ему добиваться сегодня. С одной стороны, опасности, грозящие из пробуждающихся колоний, указывают на необходимость соглашения между старыми капиталистическими государствами. Так, Англия изъявляет готовность вступить с Германией в такой договор, который открыл бы перед немецкой колониальной политикой новые пути в Африке; так, Англия, Германия, Франция и Соединенные Штаты пытаются вторгнуться в Китай общими силами. Но на-ряду с этими тенденциями к соглашению, которое создало бы из старых империалистических государств единый фронт хищников против стран пробуждающегося Востока, действуют другие силы, не только стремящиеся пресечь эти тенденции, но и грозящие уже создавшимся группировкам держав, расшатывающие все устои. Если страх перед осложнениями на Востоке побуждает империалистические государства к сделкам между собою, то страсть к быстрым захватам влияет на эту тенден-

цию разлагающе. Чтобы задержать развитие Персии, Англия и Россия вступили в 1907 г. в соглашение, сближавшее эти государства и на почве европейской политики. Но Россия хочет не только задержать персидское развитие, но и как можно скорее прибрать к рукам Северную Персию, а к этим планам Англия не питает ни малейшего сочувствия уже потому, что она не желает вступать с Россией в непосредственное соседство, из которого могут произойти одни только раздоры. Поэтому Россия сближается с Германией, чтобы развязать себе руки против Англии в персидском вопросе. Тогда Англия тоже дает ей большую свободу действий в Персии, чем то было предусмотрено соглашением 1907 г.; ясно, однако, что это растягивание договора не может содействовать солидарности действий Англии и России в Европе,— той самой солидарности, которая является базисом всех международных отношений. Англия, Россия и Франция принадлежат к одному и тому же политическому лагерю; но в то время, как Англия стремится поставить на очередь турецкий вопрос, т. к. ее план постройки железной дороги между Египтом и Индией, равно как и вся ее позиция на Востоке, не терпят усиления Турции,—Франция и Россия желают сохранить на Востоке status quo, потому что у Франции достаточно дела в Марокко, а у России—в Персии и на китайской границе; они еще не чувствуют себя достаточно сильными, чтобы померяться с Австрией на Балканах, а с Турцией в Малой Азии. Так ход событий непрерывно создает конфликты внутри этого империалистического лагеря. Как же обстоит дело в противоположном лагере? Аннексия Боснии и Герцоговины в 1907 г. поставила на некоторое время под вопрос позицию германского империализма, который в качестве союзника Австрии считался ответственным за политику дунайской монархии. Такие же последствия повлек за собой и итальянский захват в Триполи. Еще неизвестно, не соблазнит ли продолжение итало-турецкой войны Австрию на новые выступления на Балканах. Таким образом, и Тройственный союз, возникший как орган континентальной политики, готов лопнуть из-за вопросов политики империалистической.

Что же дальше? Менее всего могут ответить на этот вопрос правительства. Империалистические силы растут во

всех государствах. Условия империалистической политики ухудшаются для всех. Раз не все одинаково сильны, то возникает опасность, что некоторые предпримут выступления на Ближнем и Дальнем Востоке за свой страх и риск. А к тому же в Африке предстоят перетасовки, поставленные на очередь франко-немецким соглашением относительно Конго и слабостью Португалии. В этой ситуации, чреватой возможностями конфликтов, у правительств нет никакой организующей, руководящей мысли. Каждое преследует свои собственные задачи, и если сегодня они объединяются ради достижения той или иной общей цели, то завтра они разойдутся из-за другой цели, выдвинутой новой политической ситуацией. Темный поток увлекает империалистические государства и сталкивает их друг с другом. Кто знает, к чему приведут завтра эти столкновения? Капиталистический строй покорил природу до невиданной степени, но зато он создал новый вид стихийных сил, захвативших и бурно устремляющих его все вперед и вперед. Он привел человечество к такому общественному порядку, который сделал опасность войны постоянным социальным явлением. Основным условием капиталистического развития является уверенность и спокойствие экономического прогресса. Но оно само создало такое положение, при котором экономическая жизнь ежеминутно находится под угрозой насильственного разрушения.

Недавно британский статс-секретарь по иностранным делам, сэр Эдуард Грей, говорил о состоянии политического алкоголизма. Но ни буржуазия, ни правительство не знают средства прекратить это состояние. Так кидаются они из одного конфликта в другой, пока не столкнутся друг с другом на поле битвы, или пока железная рука пролетариата не схватит их за горло, чтобы положить конец этому безобразию.

Громыхание подвозимых орудий, грозящих превратить цивилизованный мир в груду развалин и трупов, не может заглушить гулкой поступи рабочих батальонов, вступающих на арену мировой политики. За острой военной опасностью следует опасность уличных революционных боев,—опасность для капитала и луч надежды для человечества.

4. Империализм и положение рабочего класса.

а) Гонка вооружений и ее экономические последствия.

Империализм есть политика насилия над слабыми народами; поэтому он невозможен без орудий насилия, без армии и флота. Империализм порождает борьбу всех против всех; поэтому он немыслим без вооружений на перегонки. „Важнее всего быть готовым". Вот лозунг всякого империалистического государства, и каждое из них напрягает все силы, чтобы держать свои орудия власти на той технической и количественной высоте, которая соответствует его стратегическим и дипломатическим нуждам. Чего достигли расходы на вооружения, показывает приведенная ниже таблица, составленная нами по подробным данным „Nauticus'a" за 1911 г. В течение девяти лет военные налоги на душу населения возросли в Германии на 4 с лишним марки, а на семейство из 5 человек—на 20 марок. Эти бесконечные вооружения разрушают финансы одного государства за другим и толкают их на все новые „финансовые реформы", т. е. заставляют их все крепче нажимать налоговый пресс. Даже в тех странах, где не все нужды покрываются косвенными налогами, вооружения усиливают протест имущих классов против повышения прямых налогов и отнимают у рабочего класса надежду на успех в борьбе с понижением тяготящих его налогов косвенных. В тех же странах, где все государственное хозяйство держится на косвенных налогах, все возрастающие расходы на империализм увековечивают систему покровительственных пошлин, без которых он не может существовать. Увеличение же косвенных налогов приводит к росту дороговизны на все съестные припасы. Их цена возрастает не только на сумму взимаемых государством пошлин: под охраною таможенных заграждений местный капитал, освобожденный от иностранной конкуренции, объединяется для зверской эксплоатации внутреннего рынка; он взвинчивает цены на товары почти на всю сумму пошлин. По Граднауеру, это повышение цен на предметы первой необходимости и продукты промышленности в Германии в 1908 г. равнялось 46 маркам на душу населения, т. е. по 230 марок на семью [1]).

[1]) См. Gradnauer, „Избирательная борьба".—Дрезден, 1911, стр. 50.

Таблица.

Год.	Германия.		Англия.		Франция.		Россия.		Австрия.		Италия.		Соед. Штаты.		Япония.	
	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).	На армию и флот (в тысячах марок).	На душу населения (в марках).
1902	874.536	15,08	1.218.300	29,07	827.202	21,18	958.015	6,94	401.604	8,69	282.573	8,64	860.164	10,87	180.113	3,92
1903	872.598	14,84	1.370.808	32,48	808.730	20,68	1.004.091	7,19	410.215	8,81	327.290	9,95	928.413	11,54	174.305	3,73
1904	853.633	14,30	1.340.069	31,45	770.682	19,68	1.048.360	7,41	420.598	8,95	344.287	10,40	1.019.759	12,47	68.673	1,46
1905	928.609	15,32	1.257.263	29,24	857.290	21,87	1.068.705	7,37	515.773	10,88	342.920	10,30	972.740	11,69	72.484	0,52
1906	998.113	16,23	1.208.437	27,84	940.254	23,93	1.034.501	7,16	441.073	9,23	370.726	11,03	964.862	11,41	272.477	5,60
1907	1.097.714	17,59	1.178.308	27,00	910.127	23,21	1.065.631	7,30	442.737	9,18	371.298	9,87	1.085.572	12,61	416.464	8,46
1908	1.165.167	18,70	1.204.429	27,25	932.844	23,68	1.106.013	7,49	427.564	8,77	359.918	10,59	1.174.551	13,57	448.106	9,00
1909	1.279.329	19,70	1.284.588	28,80	975.056	24,70	1.245.607	8,31	459.081	9,00	376.900	10,99	1.375.614	15,07	335.860	6,65
1910	1.241.268	19,13	1.394.619	30,99	998.180	25,27	1.227.989	8,10	463.895	9,01	434.725	12,60	1.214.522	13.16	337.826	6,61
1911	1.259.029	19,16	1.452.483	32,14	1.052.111	29,56	1.285.328	8,37	548.800	10,55	472.583	13,58	1.094.020	11,18	387.245	7,49

б) Империалистическая экспансия и положение рабочего класса.

Империализм вызывает рост налоговых тягот рабочего класса и дороговизну предметов первой необходимости. Отрицать этот факт не решаются даже самые рьяные поборники империализма. Поэтому они пытаются ослабить его значение, утверждая, что империалистическое расширение создает для рабочих больший спрос на труд и, стало-быть, поднимает заработную плату. Это утверждение безусловно списано с потолка. Во-первых, увеличение продукции и усиление товарообмена далеко еще не означают повышения спроса на труд. Если расширение продукции идет рука-об-руку со введением экономящих рабочие руки машин, то может наступить даже уменьшение спроса на труд. То же самое бывает и в тех случаях, когда капитал привлекает массу некультурных работников из завоеванных и пролетаризированных им стран. Английский капитал, поработивший Южную Америку, пользуется для эксплоатации своих золотых приисков китайскими кули, с которыми он обращается почти как с рабами. Немецкие пароходчики тоже нанимают китайцев в матросы, так что и германский капитал не гнушается эксплоатацией китайских кули, оторванных от сохи капиталистической экспансией. Из сказанного ясно, что расширение сбыта еще не улучшает положения рабочего класса. Но мы знаем, что сбыт продуктов немецкой промышленности лишь в незначительной части своей направляется в страны, захваченные империалистической экспансией немецкого капитала; мало того, мы знаем, что эти страны с мало развитым крестьянским населением и в будущем не обещают больших рынков сбыта, а если бы капиталу удалось развить там промышленность, то они стали бы вырабатывать нужные им продукты сами. Правда, это произойдет не сразу, и процесс индустриализации Китая на некоторое время открывает европейской промышленности обширные рынки, так как этот процесс создает большую потребность в машинах и текстильных товарах. Однако, здесь можно говорить только о временном оживлении европейской промышленности. Ибо если промышленное разви-

тие отсталых стран и повышает их товарообмен со старыми капиталистическими государствами, то это повышение ограничивается замедлением роста покупательной способности этих стран, в которых пролетариат с каждым годом составляет все больший процент населения.

Империалистическое расширение Германии до сих пор не дало германскому рабочему классу даже увеличения спроса на труд, если не считать ничтожной группы, работающей непосредственно на поставщиков флота. Итак, если бы повышение спроса на некоторые группы рабочих даже давало им возможность найти лучше оплачиваемую работу, то пролетариат в целом все таки не получил бы от этого никакой выгоды. Несмотря на все свои усилия, поборники империализма не в состоянии привести никаких фактов, могущих доказать, что 12 лет империалистической политики вызвавших к жизни дороговизну и повышение налогов, дали хоть какие-нибудь результаты, благоприятные для рабочего класса. В упомянутой выше статье „Десять лет закона о флоте", которую официозный „Nauticus" [1]) опубликовал в 1910 г. со специальной целью восхваления закона о флоте и его результатов, указывается только на то, что потребление на душу населения увеличилось следующим образом:

	1901—1902 г.	1907—1908 г.
Рожь	137,7 кгр.	142,4 кгр.
Пшеница	85,0 „	90,7 „
Ячмень	72,1 „	86,3 „
Сахар	11,6 „	17,1 „
Южные фрукты . . .	2,57 „	3,07 „

Мы оставляем открытым вопрос о том, какая часть этого повышенного потребления действительно падает на рабочий класс, и какая на имущие слои населения. Мы не касаемся и вопроса о том, каково было бы положение рабочего класса, если бы профессиональные союзы и социал-демократия, вызывающие к себе величайшую ненависть империалистов, не вели бы стойкой борьбы за интересы рабочих. Достаточно того, что иллюстрируя благодатное влияние импе-

[1]) „Nauticus", Jahrbuch für Deutschlands Seeinteressen, 1910, стр. 40.

риализма на положение рабочего класса, правительство ничего не может показать, кроме 5 кгр. ржи и пшеницы, $5^1/_2$ кгр. сахару и 14 кгр. ячменя. Тот факт, что эта прибавка пищевых продуктов, якобы потребляемых рабочим классом, может быть отнесена за счет империализма только в воображении официальных писак,—это вопрос особый. Ибо, если бы мы даже не были обязаны ею самоотверженной борьбе наших союзов и социал-демократии, то ее можно было бы просто напросто приписать повышению спроса на труд, проистекающему из торговли с капиталистическими государствами Европы, а не из торговли с мало развитыми странами, на которую может благоприятно влиять могущество военного флота.

В ответ на подобные возражения империалисты обыкновенно указывают на улучшение положения английских трудящихся классов, якобы вызванное английской колониальной политикой. Это положение опроверг еще Парвус [1]), доказавший, что время повышения заработной платы в Англии совпадает со временем относительного уменьшения колониального экспорта, и что, стало-быть, улучшение положения рабочих в Англии должно быть приписано совсем другим факторам. То, что Парвус теоретически доказал для прошлого, подтверждается колоссальными рабочими беспорядками, вспыхнувшими в Англии в нынешнем году. Каким причинам следует приписать этот подъем английских рабочих, которых буржуазные социологи восхваляли, как пай-мальчиков вот уже пятьдесят лет? Ответ на этот вопрос дает поучительная статья голландского писателя Ф. М. Вибаута („Neue Zeit“ от 16 июля 1911 г.) „Поколение капитализма“, в которой на основании английских официальных данных доказывается, что положение английского рабочего класса за последние 30 лет (1875—1907 гг.) не улучшилось, а ухудшилось. „Только в первой половине рассматриваемого периода“,—таков вывод из его исследования,—„наблюдается значительное увеличение реальной заработной платы, но и оно, главным образом, объясняется падением цен на припасы“. Напротив того, во

---

[1]) Парвус, „Колониальная политика и развал“, Leipzig, 1907, стр. 126—127.

второй половине периода, т. е. с 1895 г., реальная заработная плата падает: уменьшение покупательной способности превышает повышение денежного вознаграждения. Обеспеченность существования тоже не увеличивается; колебания в спросе на труд не уменьшаются. За период с 1891 по 1901 гг. сузились и возрастные границы, в которых рабочая сила находит сбыт. Эти слова исследователя можно дополнить следующими цифрами: в период с 1875 г. по 1905 гг. заработные ставки показывают среднее повышение в 13%; но к 1905—1908 гг. цены на припасы, по сравнению с временем между 1895 и 1899 гг., повышаются больше, чем заработная плата, а именно на 18%. Итак, положение английского рабочего класса абсолютно ухудшилось, и это произошло в то время, когда производительность труда английских рабочих и благосостояние капиталистов сильно возросли. Английский ввоз в течение последних 28 лет возрос на 92%, вывоз—на 808%, а население—только на 29%. Прибыли капиталистов от торговли и промышленности повысились за этот период на 92%. Итак, рабочий давал обществу гораздо больше, чем прежде: капиталисты увеличили свой доход на 92%. Если бы положение рабочих улучшилось, если бы даже абсолютно они жили лучше, чем прежде, то относительно им все-таки было бы хуже. Но на самом деле нет даже и этого. В то время, как благосостояние капиталистов чудовищно возрастает, английский рабочий не может сказать, чтобы и его „благосостояние" возрастало не только в той же степени, но и вообще хоть какой-нибудь. Положение английского рабочего класса фактически ухудшилось. Кто не хочет верить марксисту Вибауту, который может быть ослеплен легендарной теорией выжиманья пота, тот пусть прочтет статью либерального статистика Chiozza-Money в лондонском либеральном еженедельнике „The Nation" (от 30 апреля 1911 г.) на тему о заработной плате и прибылях за последние 15 лет. Там можно найти подтверждение выводов Вибаута. Все это показывает, что колониальная политика Англии,—самая успешная, какую только знает история,—не смогла защитить английский рабочий класс от самой горькой нужды. В виду этого, разумеется, теряют всякую цену все указания на то,

что германская колониальная политика еще только зарождается. Никакая колониальная политика не может улучшить положение рабочего класса; она всегда ведет к его ухудшению.

в) Империализм и социальные реформы.

Империализм ухудшает положение пролетариата, перегружая бюджет рабочего все возрастающими налогами в пользу государства, юнкеров и промышленных магнатов. Он не дает пролетариату спроса на лучшую, более благодарную работу. Одного этого было бы уже достаточно, чтобы видеть в империализме силу, препятствующую подъему пролетариата и пытающуюся парализовать его усилия, направленные на завоевание улучшенных условий существования. Но вредное влияние империализма на положение рабочего далеко не исчерпывается этим. Он подрывает корни социальных реформ, государственной защиты рабочей силы от хищнического хозяйничанья капитала. Как известно, 4-го февраля 1890 года императорский указ объявил о реформах, „направленных к охране здоровья, нравственности и экономических потребностей рабочих, а также их права на равенство перед законом"; 5-го декабря 1894 года в тронной речи было заявлено, что первейшая задача государства—защита слабых классов и помощь им в движении к высшим ступеням хозяйственного развития. И когда несколько лет спустя, в Германии началось империалистическое движение, то буржуазные реформаторы стали надеяться, что оно пойдет рука-об-руку с ускорением социально-политического развития. „Таким образом, экономический прогресс и социальные реформы взаимно подгоняют друг-друга, как две сцепленных зубчатки",—писал в то время редактор „Sociale Praxis", проф. Франке.—„А потому успешная международная и великодержавная политика требует в качестве необходимого корелата (дополнения) столь же энергичного продолжения социальных реформ внутри Германии... Мировая политика и социальная политика—вот два полюса, в которых проявляется одна и та же сила. Национальному стремлению во вне должен соот-

ветствовать социальный прогресс внутри... В XX столетии Германская империя должна вести мировую политику, если она хочет сохранить свое место под солнцем, и должна продолжать свою социальную политику, чтобы внутренняя сила давала содержание внешнему блеску" [1]).

Эти добрые люди, но плохие музыканты, не замечали только того, что кредиты на флот шли рука-об-руку с кредитами на тюрьмы. И с тех пор, как Германия мчится на всех парах по империалистическому пути, с тех пор, как она из года в год увеличивает свои вооружения,—германский рейхстаг не принял ни одного законопроекта, который был бы в состоянии действительно улучшить положение широких слоев пролетариата. Даже слепому ясно, что между этими явлениями (полным отказом от социальных реформ и непрерывным вооружением) существует известная связь. Но если бы мы утверждали, будто бы эта связь заключается только в том, что расходы по вооружению поглощают деньги, потребные для социальных реформ, то такая трактовка вопроса была бы крайне поверхностна. На самом деле связь гораздо глубже. Вооружения не только поглощают деньги; они являются выражением того самого политического курса, который обрекает социальные реформы на застой. Эти реформы либо рождаются из борьбы между различными слоями буржуазного общества, которой искусно пользуется рабочий класс, либо являются результатом убеждения господствующих партий, что путем уступок можно удержать рабочий класс от революционных выступлений. Именно такого рода спекуляции рабочий класс и обязан тем, что в девяностых годах немецкое правительство проявило столь высоко социальный дух, и что эти социальные чувства еще усилились после того, как кнут закона о социалистах оказался бессильным. Вскоре, однако, выяснилось, что за немецким пролетариатом не даром числилось 30 лет классовой борьбы. Стало совершенно очевидным, что правительство, заложившее фундамент „нового курса", не было в состоянии провести его, так как те классы, волю

---

[1]) „Handels- und Machtpolitik", Cotta, 1900. Доклад проф. Франке о мировой политике и социальной реформе.

которых оно должно было творить, не дали на это своего разрешения. Высокой степени пролетарского самосознания соответствовала в Германии и ежегодно растущая мощь капитала, который не только хотел быть полным хозяином у себя в доме, но и стремился распространить свое владычество далеко за море. Сила, дающая капиталу возможность приостановить новый курс, позволила ему и предписать правительству империалистический курс. Эксплоатация малоразвитых иноземных народностей при помощи империалистической политики идет рука-об-руку с порабощением трудящихся Германии. Появление империализма и охраны рабочих из одного и того же официального места еще не доказывает, что империалистическая политика не усиливает давления на трудящихся. Она в значительной мере достигает этого уже тем, что буржуазия, которая в колониях обращается с туземцами, как с рабами, приобретает склонность применять свои колониальные приемы и к пролетариату родной страны. Но еще в большей степени империализм ускоряет реакционное движение от охраны рабочих к их утеснению, приостанавливая эволюцию государства в сторону демократии.

г) Империализм и демократия.

Империализм ухудшает положение рабочих масс и одновременно затыкает источники социальной политики. Обременяя рабочий класс все большими и большими тяготами, он в то же время налагает на него цепи, чтобы тот не мог защищаться. Империализм прежде всего лишает всякого смысла парламентаризм, являющийся для рабочего класса орудием борьбы, способом будоражить народные массы; он достигает этого тем, что ставит в центр буржуазных интересов такие вопросы, которые не подлежат публичному обсуждению. Буржуазия охотно соглашается с этим, ибо в парламентаризме она видит не такую форму правления, в которой должен проявлять свою власть народ, а такую, в которой она может наилучшим образом защищать свои классовые интересы. Если, таким образом, буржуазия считает выгодной для себя политикой стремление к завоеванию чужих малокультурных стран для эксплоатации их при помощи

экспорта капитала и товаров, то парламент становится оружием империализма, и та степень, до которой этот парламент сохранит в своих руках руководство внешней, отныне империалистической, политикой, становится в зависимость от мировой международной ситуации. Буржуазия знает из исторического опыта, что не в ее интересах всецело оставлять внешние сношения на усмотрение бюрократии. Бюрократия олицетворяет собою рутину, неспособность приспособляться к новым потребностям и зачастую халатность. Она не служит порукой не только за наилучшее управление, но даже и за хорошее знание дела. В деле знакомства с колониальной политикой, с хозяйственной и политико-экономической деятельностью в чужих странах, бюрократ, прикованный к письменному столу или ограничивающийся короткими путешествиями, всегда уступает купцу, журналисту, ученому, которые в свободном общении гораздо лучше могут изучить страну и людей. Поэтому-то печать, наука и парламенты империалистических государств так много занимаются вопросами империалистической политики. Но ее проведение, как и все прочие официальные акты, находится в руках бюрократии. Однако, в то время как при введении новых законов, касающихся внутренней политики, буржуазия тщательно рассматривает в парламенте намеченные пути и в полной мере оставляет за собой контроль над исполнительной властью,—в области внешней политики она избегает публичного обсуждения мероприятий, даже когда эти мероприятия уже осуществлены. В этой области буржуазный парламент приступает к осуществлению своего права надзора с крайней осторожностью.

В Англии, где широко развит парламентаризм, и где буржуазные круги, благодаря широко распространенной торговле и другим причинам, сравнительно хорошо знакомы с условиями внешней политики,—палата депутатов узнает о планах своего правительства, вышедшего из парламентского большинства, большей частью лишь post factum, когда эти планы уже могут быть восстановлены по самым правительственным мероприятиям. В большинстве случаев правительство „сообщает“ парламенту относительно направления внешней политики лишь общие места (т.-е. то, что можно представить себе на основании соответствующих фактов и без „сообщения“),

или же дает такие объяснения, которые должны только усилить за границей впечатление от действий правительства. Правящие классы охотно отказываются от непосредственного вмешательства в иностранную политику. Они, ведь, очень хорошо знают, что зависящее от них правительство представляет не свои собственные, а их интересы, и что прикрываясь покровом тайны, оно действует именно в этом смысле. Ибо, хотя кабинетам лишь очень редко удается скрыть свою стряпню от любопытных взглядов иностранной дипломатии, хотя игра между дипломатами различных государств фактически большей частью ведется в открытую, но все же сами противники заинтересованы в том, чтобы широкие массы народа не знали ни ставок, ни козырей этой игры. Если бы она велась открыто перед всем миром, то было бы гораздо труднее прикрывать политику грязнейшего барышничества пышной мантией национальных интересов. Если же политика правительства идет вразрез с выгодами какой-нибудь буржуазной группы и эта последняя пытается путем публичных дебатов разбить планы своих противников, то парламентское большинство вообще не допускает прений, объявляя открытое обсуждение вопроса в этой стадии недопустимым „в интересах отечества“. Особенно легко сделать это в том случае, если интерпелляция исходит от кучки идеологов, наталкивающихся со своим абстрактным мировоззрением на конкретную грязь, или от представителей рабочего класса. Достаточно напомнить о результатах различных интерпелляций английской рабочей партии или тов. Жореса. Если можно возразить, что рабочей партии не хватало уменья, что она ослабляла свою позицию предварительными переговорами с правительством, то относительно Жореса этого сказать нельзя. Наш французский товарищ проник в самую суть дипломатии и как бы мы ни относились к его принципиальным взглядам на проблемы иностранной политики, надо признаться, что в конкретных делах он провести себя не давал. Но чтобы ему хоть когда-нибудь удалось припереть правительство к стене и узнать от него больше, чем оно хочет сказать,—этого мы, при всем своем желании, утверждать не можем. Интересы буржуазии не дают парламенту стать оружием против империализма даже в тех странах, где демократия осуществляется

в гораздо большей мере, чем в Германии, и где имущие классы обладают большим самосознанием и отнюдь не рассматривают себя, как объект бюрократического управления.

В Германии, где парламент никогда не обладал самостоятельной силой, где правительство и Союзный совет могли просто засовывать его постановления под сукно,—в Германии не было надобности в ограничении власти парламента. Империализм только выставил бессилие парламента в правильном свете и показал, что это бессилие вполне одобряется буржуазией. Когда правительство, не спросившись рейхстага, растрясло огромные суммы на китайскую авантюру, то рейхстаг с радостью отпустил ему этот грех. В прошлом году, когда правительство вмешалось в марокканский кризис и вызвало опасность войны, не обмолвившись ни звуком народному представительству,—это последнее не протестовало ни словом. Когда в 1908 году единоличный режим страшно скомпрометировал себя саморазоблачениями императора в „Daily Telegraph“, то возмущения буржуазных партий хватило только на то, чтобы обратиться к единоличной власти с просьбой впредь лучше блюсти свои интересы. И когда в прошлом году в буржуазной среде распространилось мнение, что немецкая дипломатия не способна достаточно настойчиво отстаивать ее выгоды, то пожелания выразились не в призыве к демократии, а в просьбе замещать дипломатические посты буржуазными элементами, которые умели бы бороться с иностранными дипломатами из-за прибылей лучше, чем борются юнкера. Империализм подтачивает власть парламента и одновременно укрепляет могущество бюрократии. Это происходит не только потому, что бессилие парламента создает всемогущество бюрократии, но и потому, что империализм, ежегодно вздувая бюджеты и статью вооружений, поощряет усиление орудий бюрократической власти. Поэтому не следует удивляться, если бюрократия не только проявляет свою окрепшую власть в области иностранной политики, но и все энергичнее сковывает рабочий класс. Когда со вступлением Германии на путь империализма иссякли источники социальной политики, то рабочий класс

вынужден был примириться с тем, что его жалкие права на самоуправление в больничных кассах, которые он, хотя и с трудом, но все-таки мог использовать на благо страдающих пролетариев, были переданы в руки бюрократии.

д) Борьба с империализмом.

Империалистическая опасность растет с каждым годом. Она уничтожает результаты многолетней борьбы рабочего класса за улучшение своего положения и грозит вывести постепенно объединяющихся пролетариев всех стран на кровавые поля битв. Чем больше растет размах империализма, чем чаще он, едва преодолев опасность войны, пугающей даже буржуазию, вновь начинает свою бессовестную работу,—тем яснее обнаруживается, что за этим безумием скрывается система, тем очевиднее становится, что нет ни одного слоя буржуазии, который мог бы противостать ему. Что делать? Как усмирить это необузданное бесчинство? Как положить конец этому безумию?

Буржуазные пацифисты думали, что можно устранить опасность войны, не уничтожая капитализма. Они даже полагают, что преодолевши империализм своими невинными домашними средствами, капитализм расцветет еще пышнее. Поскольку они ничего не имеют против эксплоатации некультурных народов и протестуют только против непрерывных вооружений, против возможности войны между цивилизованными государствами, постольку они видят свою цель в совместных действиях капиталистических держав и рассчитывают найти силы для осуществления этой цели в самом капитализме. Как утверждают буржуазные апостолы мира, количество общих экономических интересов цивилизованных стран, (т.-е. буржуазии капиталистических государств),—непрерывно растет. Немецкий капитал вложен в английские колониальные предприятия, а французский—в немецкие промышленные предприятия. Торговый оборот все теснее связывает эти страны между собой; война между ними, чем бы она ни кончилась, нанесет тяжкие раны всем. В виду этого, правительства цивилизованных стран должны были бы притти к соглашению относительно спорных коло-

ниальных вопросов, сговориться относительно дележа добычи и научиться совместным выступлениям в странах экономического распространения европейского капитала (напр., в Китае, Турции и т. д.) Если это объединение будет достигнуто, то наступит конец гонке вооружений, и останется только поддерживать сравнительно небольшие войска для усмирения строптивых варваров. Все могущие возникнуть пререкания будут разрешаться мирным путем в общеобязательном международном судилище.

Развитие восточных народов, крайне ускорившееся за последние годы, открыло новые поводы для вооружений, которых нельзя устранить никакими капиталистическими соглашениями. Теперь дело идет о восстании народов Востока против интернационального капитала. Указанные соглашения могли бы временно ослабить опасность столкновения конкурирующих капиталистических держав, но они не в состоянии удержать их от вооружений против пробуждающегося Востока. Но разве соглашения могут уничтожить скачку вооружений и побудить капиталистические государства на длительные совместные действия? Это более чем сомнительно, хотя до известной степени интересы капитала различных стран и на самом деле переплетаются все теснее. Однако, тресты и акционерные общества, питаемые все более интернационализирующимся финансовым капиталом, имеют и свои „национальные" интересы. Эти последние состоят в том, что отдельные национальные группы капиталистов могут обирать какое-нибудь слабое государство тем успешнее, чем меньше влияния оказывают на него другие группы капиталистов. Даже если бы с течением времени они и сговорились относительно раздела этого рынка, то предварительно им необходимо оценить свое сравнительное могущество, чтобы разделить добычу согласно соотношению сил. А если завтра окажется, что одна из „национальных" групп стала слабее, чем была, то вчерашнее соглашение моментально взлетит на воздух, и все конкурирующие группы немедленно постараются увеличить свою долю добычи за счет слабейшего. Дело в том, что для такого дележа нет никакого масштаба, кроме экономической мощи, выражающейся в орудиях политического могущества. Поэтому капита-

листы всех стран будут требовать беспрерывных вооружений даже в случае взаимного соглашения; в вооружениях они видят тот масштаб, которым будет измеряться их доля добычи, гарантию того, что они смогут использовать всякую перемену в соотношении сил. Никакому интернациональному судилищу не доверят они охраны своих важнейших интересов, так что подобные жюри немедленно станут учреждениями для разрешения только таких конфликтов, которые не стоят даже дипломатической борьбы. Капитал очень боится войны, но все же всякое капиталистическое государство утешается тем, что если оно будет очень сильно, то всем прочим придется уступать ему. И вооружения все продолжаются. Рука-об-руку с политическим развитием милитаризма идет и его технический прогресс. Если бы даже между отдельными державами и состоялось соглашение относительно вооружений, то все таки первое же военное изобретение, меняющее соотношения сил, окажется новым побудителем к усилению армий. Ибо какая держава не поддастся искушению возможно скорее использовать находящиеся в ее руках козыри? Завтра изобретение перестанет быть тайной, но сегодня с его помощью можно завоевать большую долю мировой добычи. Наше время протекает под знаком вооружений, а не разоружения.

В этом отношении ни одна держава не отстает от другой. Если Англия сопровождает свои вооружения мирными заявлениями и призывает к морской конвенции, то она делает это только потому, что имеет перевес, обеспечивающий ей владычество над морями, при чем вооружения прочих государств, несмотря на все старания Англии, неуклонно ослабляют этот перевес. Немецкий империализм, проснувшийся очень поздно и успевший оттягать себе одни объедки, надеется при дальнейшем вооружении увеличить свои силы, и поэтому отвечает на предлагаемую Англией морскую конвенцию решительным отказом. Если же, в конце-концов, он, желая добиться колониальных уступок, и сговорится с Англией относительно темпа своего военного судостроительства, то можно быть уверенным, что он использует первую же возможность, могущую представиться в результате новой

политической конъюнктуры, чтобы наверстать пропущенное с удвоенной силой.

Таким образом, поставленная буржуазными пацифистами цель и предлагаемые ими средства „цивилизации" империализма совершенно утопичны. Но если бы эта цель и могла быть достигнута, если бы и удалось создать в хаосе разлагающегося буржуазного общества и раздирающих его противоречий организацию всех капиталистических государств для скорейшей эксплоатации и подавления отсталых народов,—то все же это была бы не такая цель, к которой стал бы стремиться рабочий класс. Будучи сам угнетаем, рабочий класс не может помогать угнетению других, ибо он знает по собственному опыту, что кнут, занесенный с его помощью, опустится на его же собственную спину, да к тому же на него, а не на кого другого, лягут расходы по этой политике притеснения.

Итак, чудодейственные средства буржуазных миролюбцев (союз капиталов, интернациональное судилище) не могут побороть растущей империалистической опасности. Не менее успешно справляется империализм и с остальными препятствиями, которые он встречает на почве капитализма. Парламентскую оппозицию он, как мы видели, обессиливает тем, что с согласия буржуазии лишает парламентаризм всякой силы сопротивления. Если на его пути становится пресса, то он затыкает ей рот, как это было в Германии после гуннского набега, учиненного им на социал-демократическую прессу, когда та стала бичевать действия немецких цивилизованных варваров в Китае. Становится все яснее, что в арсеналах буржуазного общества, нет таких удил, которые могли бы обуздать разбушевавшийся империализм. Но по мере роста империалистической опасности растет и гнев пролетариата. Каждое выступление, создающее угрозу войны, вызывает в капиталистически развитых странах резкий протест пролетариата. Никакие апелляции к национальным инстинктам не помогают против мощно вздымающегося анти-империалистического настроения народных масс, ибо из-под националистического плаща вся яснее выглядывает двигательная сила империализма—капиталистические интересы. В состоянии ли усиливающийся протест пролета-

риата заставить капитализм отказаться от империалистической политики?

Для того, чтобы это было так, перед капитализмом должны были бы открываться новые пути развития, иные, чем тот, на который он вступил. На самом деле этого нет. Это следует не только из того, что все капиталистические государства ведут империалистическую политику, но и из того, что политика свободной торговли, разоружения и демократии (которыми определяется противоположное империализму, но все же буржуазное течение) была бы полной сдачей капитализма на милость социализма. Свободная торговля развила бы такую быстроту производства, что буржуазное общество было бы поставлено перед дилеммой: либо социалистическая регулировка производства, либо задержка продукции при помощи кризисов. А пока имманетное хозяйственное развитие капиталистического общества стояло бы перед этим вопросом,—трудовой народ, окрепший в демократии и вооруженный всеми ее доспехами, оказывал бы постепенное давление на буржуазию, чтобы ускорить разрешение этого вопроса в социалистическом смысле. На этот путь, конечный пункт которого не составляет для капитала тайны, капитализм вступить не может, если только он не желает подать в отставку в пользу социализма. Капитал видит в империализме свое последнее убежище. Тресты и картели дали ему возможность бороться с развитием производительных сил или, по крайней мере, избегать вытекающих из него неблагоприятных для капитала последствий в виде, например, падения цен. Милитаризм и колониальные предприятия заменяют ему сузившийся внутренний рынок. Растущая сила государства дает ему возможность подавлять пролетариат. Капитал не знает, что все это—паллиативы, которые лишь на время помогут ему держаться на поверхности и дадут ему только отсрочку перед казнью. Развивая национализм, пользуясь колоссальными орудиями насилия, которые империализм дает ему в руки, он надеется справиться со всеми опасностями. Перевороты, совершаемые им по ту сторону океанов, повышают в нем веру в некую социальную миссию, которую он должен выполнить. Он всеми силами цепляется за империализм и готов сломить всякое сопротивление, какое только встанет

перед его империалистическими интересами. Таким образом, пролетариат поставлен перед тем фактом, что империализм грозит ему величайшими опасностями, и что нет возможности навязать капитализму другую политику, не выбивши предварительно из его рук политической власти. Это приводит пролетариат к борьбе за социализм, ибо как только он получит в руки власть, у него больше не будет оснований бороться за достижение каких бы то ни было целей, кроме осуществления своей собственной исторической миссии. История уже давно превратила социализм из далекой звезды, указывающей путнику дорогу, в реальный факт, для которого общество экономически созрело. Та степень, до которой технический прогресс уже поднял производительность человеческого труда, допускает полное удовлетворение потребностей всего населения капиталистических государств. Высокая степень обобществления труда, сильная концентрация промышленности, руководство банков,—все это допускает централизованное управление производством. Вопрос о социализме стал теперь вопросом о власти. Если рабочий класс вырвет власть из рук капитала, то у него не будет иной цели, кроме осуществления социализма. Отсюда следует: только окончательное искоренение империализма объединяет рабочих в борьбе за социализм, от которого империалистическая политика должна была бы спасти буржуазию.

Империализм против социализма! Вот лозунг, вытекающий из борьбы капиталистических государств за мировое владычество, из борьбы пролетариата против империализма. Этот лозунг должен быть осуществлен в духе исторического прогресса, все должно окончиться падением капитализма. За это ручается нам высота социального развития, достигнутого капитализмом в его старейших областях. Именно в старейших своих очагах он уже не является фактором экономического прогресса; его империалистическая политика, как уже говорилось выше, в конечном счете вытекает из того обстоятельства, что он стремится не развить производительные силы своей родной страны, а заглушить их. Тем самым уже сказано, что в старых капиталистических странах почва для социализма давно готова и что жатва ждет серпа.

Пролетариат передовых стран пришел к этому сознанию только в меньшинстве, он готов встать на борьбу за социализм только в небольшой своей части. Это дает империализму возможность еще некоторое время угрожать человечеству. Но этим он только ускоряет приближение того часа, когда весь народ услышит призывный набат. Каждый новый разбойничий набег империализма возбуждает все более сильный протест пролетариата,—а в это время растущая дороговизна и без конца увеличивающиеся налоги вводят в ряды бойцов за лучшее будущее все новые батальоны. Если сил пролетариата, борющегося под социалистическим знаменем против империализма, не хватит для предотвращения европейской войны, то ужасы этой войны, неисчислимые бедствия, которые она посеет среди народных масс всех стран, позаботятся о том, чтобы и победители, и побежденные вернулись с кровавого поля пленниками социализма. Пролетариат не может быть побежден в борьбе с империализмом. За это ручается не только тот факт, что капитал не в силах победить рабочий класс, не лишившись основы своего могущества, т. е. производства, его важнейшего двигателя,—рабочей силы. Порукою в этом служит и то, что современное войско, главнейшее орудие власти империализма, все больше пролетаризируется. Как ни сильно влияние военной муштровки и безусловной дисциплины, при помощи которых буржуазия старается оторвать пролетария в мундире от пролетария в рабочей блузе, все же им не удастся осилить потрясающих последствий войны.

Исследовать, в какие формы выльется столкновение между пролетариатом и империалистическими силами, было бы праздным занятием. Во всяком случае, такое исследование выходит за рамки этой работы, стремящейся только изложить ход развития германского империализма и руководящие им интересы. В виду грядущих боев, передовые части пролетариата должны просвещать массы относительно характера империализма и исторических задач рабочего класса. Чем энергичнее будет вестись эта работа, чем скорей с империализма будет сорвана маска, тем меньше жертв потребует борьба. Но пролетариату известно, что их все-таки будет немало. Ведь, дело идет о том, чтобы свергнуть с пре-

стола безраздельно владеющий миром класс, чтобы разбить оковы, превращающие миллионы людей в невольников, и чтобы на место принципа всепокоряющей капиталистической собственности поставить принцип труда. Уже самый интернациональный характер империализма показывает, что предстоящая борьба не может вестись в пределах одной нации. А повышающаяся боевая готовность, с которой рабочий класс маневрирует против империализма, служит доказательством того, что объективные задачи, возложенные на международный пролетариат, уже имеют своих носителей во всем капиталистическом мире. Узы международной солидарности, которые еще 50 лет назад были теоретическим понятием, которые окрепли только в экономической и политической борьбе пролетариата, — теперь, под влиянием все чаще вызываемой империализмом военной опасности, превращаются в железное кольцо, сковывающее рабочий класс всех капиталистических стран в одну боевую колонну. А в предстоящем бою между империализмом и пролетариатом они превратятся в еще более тесное кольцо, которое задушит капитализм.

Пролетариат идет навстречу великой борьбе. Велики будут ожидающие его жертвы, но у него нет причин колебаться или проявлять нервозную поспешность. Рабочий класс радостно встречает грядущие битвы, ибо, что бы ни говорили апологеты капитализма, рабочему нечего терять, кроме своих цепей. Перед ним горит заря социализма. Но если война народов не будет предотвращена пролетарской войной против капитала, то солнце нового строя встанет над кровавыми полями братоубийственной бойни.

(Бремен, 1911 г.)

Наша борьба против империализма.

1. Империализм, как политика капитализма.

Основная причина различий в нашем отношении к империализму сводится к вопросу о его характере. Что представляет собою империализм, каково его отношение к капиталистическому развитию вообще и к экспансии мирового хозяйства в частности? Является ли он внешней политикой трещащего по швам капитализма, или одной из все еще возможных форм нарастания капиталистического могущества? Только в течение последних лет немецкий пролетариат начал понемногу проникаться значением этого вопроса. Долгое время империализм представлялся ему необходимой политикой английского капитала, обусловленной его географическим положением, и ставшей, некоторым образом, его национальной особенностью. Так как английская мировая политика могла сослаться на такой „прогресс", как самоуправление в Канаде, Австралии и Новой Зеландии, то прилагались старания даже к тому, чтобы защищать английскую эксплоатацию Индии от „доктринерских" нападок индусов. И когда, наконец, Бурская война открыла разбойничье лицо английского империализма, то оно вновь было скрыто уступками, которые Англия сделала побежденным, даровавши им самоуправление. Французский империализм всегда оценивался только с одной своей специфической стороны,— со стороны страстного желания подновить на колониальной почве военную славу, поколебленную поражениями 1871 года. Когда германская внешняя политика понемногу начала превращаться из континентальной в мировую, когда она принялась создавать важнейшее средство своего могущества—

флот, то процесс этот, важнейший в истории новой германской империи, казался скорее продуктом нелепой мании, чем исторической необходимостью, которой, конечно, можно противопоставить высшую социалистическую необходимость, но которую нужно сначала изучить и понять, и только после этого соответствующим образом вести с ней борьбу. Когда же „безумие" это было возведено в систему и начало вовлекать империю в новые и новые авантюры, когда оно начало поглощать миллиарды и угрожать войной, то, хотя вся партия и уяснила себе общие принципы всей империалистической политики капитализма, в основных чертах правильно определенные Каутским и Парвусом еще 15 лет назад, однако, и по сей день у нас чувствуется недостаток, как в продуманном изучении линий развития германского империализма, так и в последовательном применении анализа действенных сил его к ежедневной агитации партии, к позиции, занимаемой ею по отношению к конкретным вопросам империализма. Силы эти, описанные Каутским и Парвусом в очень интересных, хотя и не во всех своих частях одинаково разработанных брошюрах о колониальной политике, были затем подвергнуты еще более углубленному анализу Гильфердингом и Отто Бауэром [1]).

Теоретики марксизма изображали империализм, как политику капитализма в эпоху финансового капитала. Они объясняли заокеанскую экспансию капитала, как следствие его бегства от уменьшения прибылей в странах развитого капитализма; таким образом, они представляли империализм столь же необходимым следствием экономического развития, как картели, и всегда готовая обслуживать эти картели покровительственная таможенная политика. Заокеанская экспансия капитала приводит в своем развитии к колониальной политике, к стремлению к в известной степени

---

[1]) Тот, кто удосужится перелистать полемику наших депутатов в рейхстаге с министерствами иностранных дел, военным и морским за последние 20 лет,—увидит, что мы действительно имеем дело с постепенно развивающимися стадиями осознания партией истинной природы империализма. Изучение трактовки этих вопросов в наших газетах только подтвердит это положение.

резервированным для национального капитала заокеанским областям, отношение которых к метрополии, т.-е. к империалистической политике, закрепляется в государственно-правовом порядке. В настоящий момент нет такой заокеанской политики, которая не служила бы империализму. Если национальный капитал не может, да и не всегда стремится превратить в колониальные владения все „открываемые" им для экономической эксплоатации заокеанские земли (ведь, и в области мировой политики капиталистические государства должны концентрировать свои силы и не могут преследовать все желательные объекты сразу), то все же во всех странах, которые могут быть обращены в колонии, экономическая экспансия служит империалистической политике.

Распространяя свое экономическое влияние на различные территории, которых оно и не думает заселять, империалистическое государство создает себе экономическую мощь для проведения своих главных целей. По мере возрастания дивидендов и процентов на капитал, империалистическое государство приобретает экономические средства для проведения своей воли в намеченных им территориях и политические козыри для достижения своих целей. Экономический захват Марокко принес германскому финансовому капиталу миллионы, выжатые из марокканских крестьян, и вместе с тем дал германскому правительству возможность предъявить к Франции требование о компенсациях в Конго, с которого и начался весь средне-африканский вопрос. Хотя проникновение германского капитала в Персию еще находится в зачаточном состоянии, но оно уже дало Германии козырь для уничтожения препятствий, чинимых ей Россией в проекте Багдадской железной дороги, и помогло ей испортить отношения между Россией и Англией, что было выгодно для общих целей германской мировой политики. Еще теснее связь между „мирной" заокеанской политикой капитала и его действительной политикой силы, т.-е. империализмом. Иногда цели мирной экспансии, под влиянием тех или иных обстоятельств, превращаются в цели экспансии насильственной: возмущения „мирно" эксплоатируемого населения, столкновения с другими державами, которые хотят овладеть спорной территорией для своей исключительной

экспансии при помощи менее мирных средств,—все это крайне легко приводит к переходу от мирной экспансии к воинственной, приводит даже в тех случаях, когда это и не было заранее предусмотрено программой мировой политики данного государства. В этом, между прочим, и заключалась опасность германского вмешательства в мароккские смуты, хотя германское правительство, по нашему глубокому убеждению, подтверждаемому и более углубленным изучением буржуазной мировой политики [1]), не имело сначала никаких воинственных намерений. Во многих случаях мирная экспансия возможна только, как следствие экспансии насильственной. Но в чем же, собственно, главнейшая цель заокеанской экспансии? Ведь, не в экспорте же продуктов широкого потребления, текстильных товаров и т. д., спрос на которые в нецивилизованных колониальных землях весьма незначителен и может быть развит только в том случае, если на месте имеется какая-нибудь государственная власть, предоставляющая экономическому обороту необходимую безопасность! Такой власти в нецивилизованных странах не существует, а стало-быть,

---

[1]) Профессор Герман Онкен, биограф Лассаля, верно определяет точку зрения, которой нужно держаться относительно этого пункта о всенемецком разоблачении намерений правительства захватить для себя часть Марокко. „Вся эта игра на острее ножа была рискованной с самого начала. Уже одно появление „Пантеры" перед Агадиром было средством, интенсивность которого была скрупулезно вычислена: то был удар достаточной силы и определенности, чтобы вынудить французов к переговорам, и в то же время шаг еще не настолько враждебный, чтобы заставить Францию и Англию, объединившись, ринуться в войну. Рискованность этого шага заключалась и в том, что г-н фон Кидерлен не мог раскрыть своей последней карты: ему нужно было как можно дольше оставлять французов при убеждении, что Германия старается только укрепиться в самом Марокко без каких-либо дальнейших концессий,—и на некоторое время скрыть даже от англичан (изо всех сил старавшихся заставить его открыть эту карту), какую собственно цель преследовала эта символическая форма милитаристического нажима. В то-же время ему требовалось поддержать пангерманцев в том убеждении, что прямой целью является Марокко; этот кричащий диссонанс был необходим для внешнего мира. Словом, он, по рецепту Бисмарка, заставил лаять всех собак, чтобы с исключительным хладнокровием достичь своей цели – принудить Англию к компенсации, наперекор ее положению мирового гегемона". Герман Онкен, „Германия и Англия", Гейдельберг, 1911 г., стр. 27/28.

в них не существует ни упорядоченных правоотношений, ни путей сообщения, которые могли-бы проложить дорогу мирной экспансии. Это делает неизбежным предварительным условием „мирного“ раззития постройку финансовым капиталом железных дорог и других путей сообщения, что в свою очередь вызывает необходимость захвата соответствующих территорий. Экспорт капитала, предназначенного для постройки путей сообщения и ведущего за собою развертывание государственного механизма, это и есть важнейшая часть „мирной“ экономической экспансии.

В виду всего этого, следует самым энергичным образом отвергнуть точку зрения, частью распространенную среди радикалов и гласящую, что социал-демократия, являясь резкой противницей колониальной политики, все же защищает мирную заокеанскую экспансию Германии. Эта точка зрения совершенно неправильна, она не считается со связью между мирной и насильственной экспансией. Можно было бы дать ей спокойно умереть, рассматривая ее, как пережиток влияния фритредерских взглядов на умственную жизнь социал-демократии,—но из нее вытекают важные последствия для всей нашей агитации: она в корне подрывает возможность всякой последовательной борьбы с колониальной политикой и империализмом.

В основе этой точки зрения лежит то положение, что заокеанская экспансия соответствует интересам рабочего класса, который, благодаря ей, получает работу. Если бы социал-демократия признала это положение справедливым, то империалистической прессе оставалось бы только доказать,—а она вполне может сделать это,—что время мирной заокеанской экспансии в колониальных землях уже прошло, и что, следовательно, кто считал заокеанскую экономическую экспансию выгодной рабочему классу, тот должен защищать и те средства, которые обеспечивают ее развитие, т.-е. флот и империализм, как таковой. Так что, кто считает, что мирная экспансия соответствует интересам рабочего класса, тот теряет почву под ногами в борьбе против империализма [1]).

[1]) Само положение, гласящее, что заокеанская экспансия, якобы, соответствует интересам рабочего класса, я думаю, не нуждается здесь в моем опровержении.

Если же он хочет сохранить свою отрицательную позицию по отношению к империализму, то ему остается только один путь: он должен не рассматривать империалистическую политику, как внешнюю политику близкого к краху капитализма, а стремиться доказать, что для капитализма возможна и другая, не империалистическая внешняя политика, которая тоже защитит интересы буржуазного общества. Он должен доказывать, что широкие массы собственников не понимают этого только по бестолковости, которой и пользуется эгоистическая кучка корыстолюбцев, запрягшая в свою колесницу всю обманутую буржуазию.

Этот способ трактовки империализма (он насчитывает целый ряд представителей и в германском марксистском лагере) отодвигает наше понимание империализма на десятки лет назад, подменяя тот империализм, который мы видим теперь, мировой политикой уже давно исчезнувшей эпохи, а именно эпохи английского промышленного капитала. Теоретическое обоснование этой политики можно найти у фритредерских национал-экономистов Англии. Они указывали на то, что колониальные рынки завоевываются не пушками, а качеством товара, и что, следовательно, никакой колониальной политики не нужно. Нужно позаботиться только о взрыве китайских стен, предоставив остальное силе естественного напора капиталистического хозяйственного строя. Если оставить в стороне тот факт, что такая теоретическая пропаганда не привела к отказу ни от одной колонии, то взгляд этот объективно базировался на доминирующем положении английской промышленности и на вере в спасительное действие свободной конкуренции. Мотивировал же известный английский писатель Иошуа Тукер в 1774 году дружественную колониям точку зрения следующими словами: колонии всегда торгуют с тем народом, который дает им больше прибыли. Но никто не даст им такого рынка для сбыта сырья, никто не предоставит им необходимых фабрикатов так дешево, как Англия. Теми же товарами, которые они могут купить или сдать на более выгодных условиях в другом месте, они и теперь располагают по своему усмотрению. Значит, нам не приходится опасаться, что

освобождение Америки повредит морскому могуществу Англии [1]).

С тех пор многое изменилось. Ни одна из национальных буржуазий не обладает монополией на мировом рынке. На нем господствует яростная борьба. И так как эта борьба вызывает стремительное развитие производительных сил, угрожающее выбить капиталистический мир из его колеи, то облегчением для капитала является не свободная конкуренция, а монополия, а также монополизирование внешних рынков путем создания колоний. Если в этих колониях и проводится принцип открытых дверей или ему подобная таможенная политика в отношении того или иного товара (этого часто требуют финансы колонии или международные договоры), то политическая власть, находящаяся в руках буржуазии той страны, которой принадлежит данная колония, дает ей перед конкурентами все преимущества, каких она только может пожелать. Общность языка с колониальными властями, их связи с национальным капиталом, финансовая зависимость от метрополий,—все это приводит к тому, что колония становится монопольно эксплоатируемой добычей колонизующей страны.

Таким образом, кто считает возможным рекомендовать жаждущему монополий капиталу нашего времени мировую политику английского капитала начала прошлого столетия, тот лишает себя возможности понять империалистическую политику, с которой он имеет дело, и победить ее.

Допуская, что финансовый капитал может вести и не империалистическую мировую политику, исследователь впадает в дальнейшие заблуждения. Для агитации против империализма из этого допущения вытекает то, что империалистические аферы изображаются, как продукт мошенничеств ничтожной клики, против которой могут резко выступать широкие круги буржуазии. Но так как они этого не делают, то позиция, занимаемая буржуазией по отношению к вопросам имлериалистической политики, получает характер какой-то комедии ошибок. А для политики партии результатом подобного взгляда является неумение хладнокровно и

---

[1]) А. Циммерман, „Колониальная политика", Лейпциг, 1905 г., стр. 46.

точно оценить причины перехода буржуазии к империалистической политике, что приводит к целому ряду ошибочных общих выводов, особенно в вопросах борьбы с империализмом. Но ко всему этому я еще вернусь.

Если мы хотим, чтобы наша антиимпериалистическая позиция получила твердую основу, то для этого нам нужно вытравить из своего сознания все пережитки старой идеологии, которая когда-то в части своей имела серьезное обоснование, но теперь противоречит действительности и приводит только к заблуждениям.

Империализм является единственно возможной мировой политикой современной капиталистической эпохи. Правда, он приносит пользу лишь ограниченным слоям руководящих капиталистических кругов, банкам и тяжелой промышленности, но за него стоят и широкие круги буржуазии: он открывает им такие горизонты, которые, даже будучи недостижимыми, все же имеют для буржуазии непреодолимую притягательную силу. Он обещает ей создание монопольных рынков, где она будет свободна от тех забот, которых теперь требует от нее мировой рынок. Он обещает ей новую арену для продолжительного развития производительных сил, т.-е. преодоление опасности социальной революции.

В эпоху роста материального могущества и идеологического развала буржуазии он открывает перед ней такие горизонты развития мощи, которые наполняют ее величайшим восторгом.

Для современного капитализма невозможна иная политика, кроме империалистической.

2. С империализмом, не разбивая рамок капиталистического строя, бороться немыслимо.

Описанные различия в трактовке империализма приводят к важным различиям в понимании борьбы против него. Тот, кто видит в империализме не политику капитализма, а лишь политику капиталистических клик, которая уравновешивается антиимпериалистическими тенденциями внутри самой буржуазии или, во всяком случае, при-

нуждена серьезно считаться с ними, тому улыбается надежда, что пролетариат, совместо с антиимпериалистически настроенными кругами буржуазии, сломает империализму все наиболее ядовитые клыки. Эта надежда, казалось бы, время-от-времени подтверждается фактами. В Испании мелкая буржуазия приняла участие в пролетарском восстании против авантюры Рифа, в Англии мелкая буржуазия требует смягчения англо-германской борьбы. Но видеть в этих фактах признаки роста буржуазной оппозиции империализму—можно только при очень поверхностном отношении к событиям. Настоящее восстание мелкой буржуазии против империализма, подобное тому, какое видела Испания, возможно лишь в капиталистически совершенно неразвитых странах, в которых с империализмом еще не связаны интересы и надежды широких буржуазных слоев, в которых империализм действительно является лишь авантюрой придворной клики. Там же, где верхи буржуазии заинтересованы в империалистических делах, где банки владычествуют над прессой, там,—даже в таких сравнительно отсталых странах, еще стоящих у порога перехода от земледельческой стадии развития к промышленной, как Австрия, Япония и Италия,—уже не существует сколько-нибудь серьезной буржуазной оппозиции империализму. Там буржуазия и мелкая буржуазия впрягаются в колесницу империализма и при этом думают, что защищают свои будущие интересы и предотвращают окончательный раздел мира между старыми капиталистическими странами. Аннексия Боснии и Герцеговины не вызвала антиимпериалистической оппозиции мелкой буржуазии, хотя она чуть не довела Австрию до войны и сильно расстроила ее финансы. То же и в Италии. Правда, после такого большого поражения, как абессинское, наступило похмелье, но уже через несколько лет империалистическая идеология снова завоевала общественное мнение. Быть-может, последствия триполитанской авантюры спять вызовут отрезвление мелкой буржуазии, но ясно, что это отрезвление уже не будет иметь никакого значения для запертой за семью замками триполитанской добычи. А пока Италия соберется с силами для новых авантюр, кончится и это отрезвление. Но как обстоит дело с мнимо антиимпериалистическим

движением буржуазии в Англии? Мы оставим в стороне слабость этого движения. Недавно „Daily News“ справедливо спрашивала: какую пользу приносят антиимпериалистические статьи и речи левых либеральных депутатов, если за ними следует империалистическая практика? Видеть в „дружественном Германии“ поведении английской мелкой буржуазии и части английского торгового капитала (смотри позицию „The Economist“) оппозицию британскому империализму—большое заблуждение. Это не что иное, как борьба за сохранение британского мирового могущества более дешовыми средствами, потому что чрезмерные расходы на флот могут лечь тяжелым бременем на мелкую буржуазию. Стало-быть, лозунг—„соглашение с Германией!“ еще не означает „долой империализм!“.

Но надежда на буржуазную оппозицию будет далеко не единственным последствием этой недооценки империализма, и даже не самым важным последствием. Если рассматривать империализм вне связи с организацией картелей в промышленности, с таможенной политикой и т. д., словом, если не рассматривать его, как закономерный результат последней фазы капиталистического развития, то легко поддаться искушению и недооценить империалистические противоречия. Так как империалистические интересы рассматриваются не как интересы буржуазии, а как интересы отдельных ее клик, то появляется надежда на то, что давление пролетарско-буржуазной оппозиции принудит спорящие стороны империалистического лагеря ко взаимным уступкам, к известному урегулированию,—тем более, что, во-первых, правительства, в общем и целом, должны защищать общие интересы буржуазии против отдельных клик, а во-вторых, они должны бояться выступления народных масс во время империалистического столкновения. Эта точка зрения действительно имеет правильную основу: там, где основные экономические интересы капитала не затронуты, а общие цели мировой политики государства требуют временного улажения конфликта,—там кризис разрешается сделкой без столкновений. Конечно, возможность подобного рода соглашений не подлежит сомнению. Здесь неясно только следующее: во-первых, можно ли на основании подоб-

ного рода соглашений говорить о тенденции к смягчению империалистической конкуренции, и, во-вторых, какую позицию должен занять пролетариат по отношению к этой тенденции и к торгашеским сделкам империализма? Если изучить сделки по займам европейского финансового капитала в Китае и Турции за последние годы (история последнего франко-турецкого и только-что распределенного китайского международного займа могут служить классическими примерами), то нам резко бросятся в глаза два обстоятельства: объединение международного финансового капитала для совместных действий крайне затруднительно, во первых, потому, что трудно удержать группировки финансового капитала, имеющие место в пределах отдельного государства, от самостоятельных выступлений против других национальных групп, желающих объединиться для грабительского похода в международном масштабе; а во-вторых, потому, что очень трудно согласовать интересы отдельных национальных группировок. Раздел добычи происходит пропорционально соотношению сил, а это соотношение подвергается изменениям и не легко может быть установлено. Поэтому,—и это второе обстоятельство, с которым нужно считаться,—соглашения между национальными капиталистическими группами для различных заокеанских финансовых предприятий вовсе не является стимулом к смягчению империалистических тенденций и средств господства. Всякая национально-капиталистическая группа стремится справиться со всеми прочими, опираясь при этом на мощь своего государства.

Но если бы даже и были основания для сомнения в возможности подобного рода явлений, то полная непродуманность теперешней нашей позиции по отношению к империализму все-таки заставляет широкие круги партии сочувствовать полюбовным сделкам империалистов. Эти широкие круги видят в них начало сближения народов и завоевание нашей борьбы против империализма,—завоевание, которое нужно приветствовать. Если бы эти сделки даже носили международный характер, а не приводили только к новым

перегруппировкам держав,—т.-е. к замене старых противоречий новыми, как это имело место до сих пор,—то и в таком случае результатом их все-таки явилось бы совсем не то, к чему мы стремимся. Международное соглашение империалистических держав никак не могло бы привести к антиимпериалистическим результатам: как это уже неоднократно случалось, оно закончилось бы разделом всего мира. Такое положение вещей, которое дало-бы полную возможность ведения колониальной политики странам, до сих пор не осчастливленным наличием у них колоний, не может казаться нам целью борьбы пролетариата,—не может уже потому, что мы принципиально восстаем против колониальной политики. Но если рассматривать положение дел не в безвоздушном пространстве абстракции, а на почве действительности, принимая во внимание географические, экономические и политические факторы, от которых зависит ход мировой политики,—то оно окажется еще хуже. Мир распределен между державами далеко не равномерно. Составленная О. Гильдебрандом сравнительная таблица метрополий и колоний крайне резко выявляет это обстоятельство:

	Год переписи.	Населения на 1 кв. киломм. метрополии.	Процентн. отн. колон. владений к метрополии.
Бельгия	1910	255,2	8090
Нидерланды . . .	1909	177	6184
Португалия	1900	58,5	2258
Франция	1906	73,8	1286
Англия	1910	145	9399
Германия	1910	120	491
Австро Венгрия . .	1910	75,8	—
Италия	1910	121	171

Империалистические государства, находящиеся в менее выгодных условиях, могут завоевывать себе свободное место

для экономического развития только за счет третьих. Если это делается путем прямой борьбы между заинтересованными державами, то ясно, что при этом открываются такие новые виды „соревнования", которые далеко оставляют за собой все старое. Но если бы дело даже ограничилось полюбовной сделкой между Англией и Германией в отношении бельгийских и португальских колоний,—сделкой, которая осуществилась бы путем денежной компенсации ограбленным государствам, то все же в мировую политику был бы надолго внесен элемент беспокойства, и паролем как более слабых, так и более сильных держав сделалось бы вооружение до зубов: каждая из этих держав боялась бы нового „примирения" за свой счет. Следствием всяких соглашательских попыток будут только новые тяготы, как колониальные, так и военные. И потому социал-демократия может занять по отношению к таким попыткам только одну позицию: надо сорвать маску с их враждебных народу целей, надо указать, что рабочему классу ждать от них нечего, что его задача заключается в решительной борьбе против всей международной политики империализма.

Часто против этой позиции приводят следующие возражения: нельзя же сложить руки и спокойно смотреть на все обостряющийся англо-германский конфликт; надо постараться смягчить его, надо предовтратить опасность разрешения его путем войны. Кто хотя бы лишь в принципе придерживается этой точки зрения по отношению к полюбовным сделкам империалистических государств, тот может достигнуть всего, чего угодно, только не поставленной им себе цели. Ведь, сила нашего противодействия империалистическим сделкам увеличивается пропорционально росту недоверия народных масс к руководителям империализма, пропорционально росту антиимпериалистических тенденций в тактике рабочего класса. Только страх перед пролетариатом усиливает осторожность правительства в защите своих империалистических интересов. Что может так ослабить действенную силу рабочего класса, как надежда—к тому же, как это было нами доказано, совершенно необосно-

ванная—на полюбовные сделки империалистических держав? Что может так усыпить противодействие пролетариата империалистической политике, как тактика, которая,—считаясь с мнимым смягчением империалистических соревнований и с замедлением темпа вооружений, достигаемым торгашескими колониальными сделками,—стремится ослабить борьбу против новых колониальных приобретений? Мы ставим вопрос о нашем отношении к полюбовным сделкам, как таковым, и не считаем нужным описывать здесь современный фазис англо-германской конкуренции, роль, которую играет в ней вопрос о вооружениях, и освещение, которое эти вопросы нашли в нашей прессе. В настоящий момент дело сводится лишь к установлению принципиальных точек зрения, на которых можно построить тактику пролетарской борьбы против империализма.

Поскольку империализм является политикой современного капитала, поскольку в капиталистически развитых государствах он увлекает за собой все слои буржуазного общества, поскольку он создает стимулы для все новых и новых противоречий и столкновений между государствами,—*постольку длительное устранение империалистической опасности не лежит в пределах возможного.* Случайные попытки ее смягчения, которые предпринимаются великими державами, дают чисто империалистические результаты, т. е. сдвиги в колониальных владениях империалистических государств,—сдвиги, которые, будучи вызваны изменениями в их политической мощи, приводят к все большему развитию империализма. Поэтому социал-демократия должна видеть свою задачу не в поисках целебного бальзама от ран, наносимых империализмом, а *в принципиальной* борьбе против этого империализма, в отказе от всех его комбинаций и в победе над ними.

3. Социализм против империализма.

Борьба против империалистических авантюр усиливается во всем пролетарском мире. Во время марокканского кризиса она достигла в Германии таких размеров, каких никто не мог ожидать. Прекрасно удавшееся выступление социал-

демократии указывает на то, что империалистической агитации не удалось скрыть от масс настоящего лица капиталистических целей империализма, не удалось выдать их за национальные цели. И кому во время предвыборной агитации посчастливилось хотя бы в маленьких местечках говорить о германской мировой политике, тот мог с радостью установить отсутствие в рабочих массах националистических настроений. Этот факт требует особенно внимательного рассмотрения вопроса о границах нашей борьбы против империализма. Особенно необходима беспрерывная агитация, расширяющая и углубляющая пропасть между империализмом и рабочим классом, раскрывающая объективное противоречие империалистической политики с интересами пролетариата. Из этих фактов само собой явствует, что в тот решительный момент, когда начнется последний бой,—рабочий класс не поддержит империализма.

Большая часть ошибок, совершаемых в борьбе против империализма даже его принципиальными противниками, является результатом специфических особенностей германского империализма. Географическое положение Германии заставило германский империализм крепко врасти всеми своими корнями в континентальную политику. Он вынужден считаться с тем, что в решительный момент борьбы за политическое главенство кости будут брошены на континенте, так что всякое дипломатическое выступление Германии необходимо предполагает благоприятное для нее положение вещей в Европе. В конце-концов, это привело германскую буржуазию к убеждению в необходимости объединения континентальной и мировой политики, в необходимости создания и армии, и флота. Борьба обоих течений в германской политике не закончена и посейчас, раньше же направление, защищающее мировую политику, прокладывало себе дорогу с большим трудом. С ним боролись и юнкера, видевшие в нем следствие индустриализации Германии, и завистливое сухопутное офицерство, всегда бывшее ветвью юнкерского дерева. Да и либеральные буржуа тоже не слишком благоволили к мировой политике. Германская торговая политика уже давно развивалась под крылышком покровительственных таможенных тарифов, а либералы,

вплоть до принадлежащих к национально-либеральному лагерю (смотри позицию Бамбергера в вопросах колониальной политики) [1]) держались в отношении мировой политики фриттредерской точки зрения, т.-е, просто считали такую политику ненужной. Германский империализм встречал холодное отношение к себе даже в среде буржуазии; мог ли рабочий класс отнестись к нему иначе, чем как к экзотическому растению, в борьбе с которым всегда можно рассчитывать на союзников? И то, что борьба с империализмом велась спустя рукава, что в нее не вносилось необходимой принципиальной остроты,—все это тоже в значительной мере следует приписать особенностям германского империализма.

Германская колониальная политика на долгие годы погрязла в тине, а это обстоятельство меньше всего подзадоривало к принципиальной борьбе с ней, как с последним убежищем капитала перед лицом социализма. Гораздо легче было бороться с ней, оперируя цифрами колониального торгового оборота и колониального бюджета, и при этом рассчитывая на поддержку большей части буржуазной прессы.

В том же направлении, что и разложение германской колониальной политики и колониальная усталость буржуазии, действовали на нашу борьбу с империализмом и его методы определения своего фарватера. Теперь, когда германская империалистическая политика насчитывает уже 20 лет, можно, основываясь на ее изучении, точно определить ее основные черты [2]). Но они не являются результатом заранее обдуманного поведения германского правительства: направление империалистической политики подвергалось многочисленным колебаниям; прежде чем оно приобрело, наконец, устойчивость, его заставляли отклоняться в разные стороны. Эти постоянные колебания производили такое странное впечатление, что руководители политики казались лишенными твердой и продуманной линии и, естественно, под-

---

1) Интересный материал об этом—в недостаточно глубокой, хотя и хорошо обоснованной работе д-ра Курта Геррфурта—„Князь Бисмарк и колониальная политика", Берлин, 1903.

2) Я пытаюсь описать их в статье „Германский империализм и рабочий класс".

вергались ряду резких нападений со стороны буржуазии. И хотя буржуазная критика внешней политики Германии приводила к новым зигзагам и виляниям, и потому казалась продуманной еще меньше, чем правительственная политика, которая, в конце-концов, вошла под влиянием объективных условий в правильную с империалистической точки зрения колею, тем не менее буржуазное недовольство первыми шагами империалистической политики повлекло за собой надежду на буржуазию. Это перенесло борьбу социал-демократии из плоскости принципиальной борьбы против империализма, как политики капитализма, в плоскость борьбы против него, как против плохой капиталистической политики.

Хаотическое развитие германского империализма, прикрывавшее собою „нормальные" тенденции его развития, вызвало в нашей тактике еще одну ошибку, о которой мы еще не упоминали. Дело в том, что поскольку цели империалистической политики других государств были ясны, а цели немецкой империалистической политики, казалось, висели в воздухе, постольку бессмысленность германского империализма часто противопоставлялась осмысленности империализмов английского и французского, их относительной обоснованности. От этой ошибки страдала принципиальная борьба с империализмом, эта ошибка открывала ударам противника наши слабые места и затрудняла борьбу наших заграничных товарищей против империалистической политики их государств.

Все это может быть подтверждено документально. Если причины целого ряда недочетов нашей антиимпериалистической борьбы коренятся в особенностях германского империализма, то причина других ошибок лежит в плоскости умственной жизни партии, отставшей от темпа капиталистического развития. В то время как это развитие бурно подготовляло Германию к социализму, создавая необходимые материальные предпосылки социальной революции,—социалистическое воспитание масс далеко не соответствовало достигнутой степени зрелости материального базиса. Массы еще не прониклись сознанием того, что империализм является последней картой капитализма. Мало того, что широкие массы, стоящие вне влияния социал-де-

мократии и бессильно стонущие под капиталистическим ярмом, еще не знают ничего о социализме, но и широкие круги социал-демократии считают явления империализма доказательством того, что социализм является вопросом далекого будущего. То обстоятельство, что социал-демократия сможет победить только тогда, когда она станет движением громадного большинства народа, закрывает этим товарищам глаза на другое обстоятельство: они забывают, что только в процессе решительной борьбы социал-демократического пролетариата и могут беспартийные рабочие стряхнуть с себя безразличие и недоверие к своим собственным силам и стать социалистами. Таким образом, путь к власти и возможность борьбы за власть открываются гораздо раньше того момента, когда под стягом социал-демократии соберется подавляющее большинство населения. У нас не понимают, что достигнутая Германией степень резкости классовых противоречий, уже ввела нас в эпоху массовой борьбы, что первый толчок к решительному бою с равным успехом может быть дан как экономическими или политическими, так и империалистическими столкновениями реакционных сил с рабочим классом, и это непонимание имеет целый ряд последствий для нашей борьбы с империализмом. Так как социализм не является для широких кругов партии „актуальным“ вопросом, то эти круги и не могут считать его конкретным ответом на выдвинутые империализмом вопросы. Не социализм выставляют они как ответный лозунг на империалистический боевой клич; нет, они ищут реально-политических ответов. Никто не думает о том, что ответы эти совершенно иллюзорны и при том чисто-буржуазны, что они являются лишь формой заступничества за чисто-империалистические комбинации, в роде „англо-германского соглашения“ и т. д. Эти ответы имеют то преимущество, что они не выходят из рамок капиталистического строя. А кто доказывает, что это „преимущество“ уравновешивается тем вредом, который они приносят, являясь для империализма не уздой, а крепкой основой, тому отвечают: Ведь, это—давно заброшенная партией политика „все или ничего“!

При этом забывают только об одном: Все или ничего, социализм или безумие империалистического

пожара,—эта альтернатива не есть альтернатива лозунгов, выдвигаемых „анархо-синдикалистскими" элементами, над которыми смеются реальные политики. Это объективная альтернатива, поставленная капитализмом. Он играет ва-банк, и от этой игры, на которой можно сломать себе шею, его нельзя удержать добрыми советами: вести эту игру он вынуждается всем своим объективным положением. Если он не хочет уступить свое место свободному развитию социальных сил, т.-е. социализму, то он должен стараться оградить себя синдикатами, трестами, покровительственными томоженными пошлинами и колониями, т.-е. империализмом. При этом он создает противоречия и конфликты, которые могут взорвать его на воздух. Но так как пути к отступлению ему уже отрезаны, то нам остается только одно: в борьбе за демократию собираться с силами для борьбы против империализма, и всей своей агитацией, всеми своими действиями подготовлять тот момент, когда стихийный взрыв, наконец, свалит его с ног, и мы сможем сломить ему шею.

В радикальных партийных кругах отвращение к политике „чистого отрицания" империализма черпает свою силу из двух источников. Первый—это традиция внешей политики Маркса, второй—аналогия с нашей реформистской деятельностью в вопросах внутренней политики. Нам часто возражают, что, ведь, отцы научного социализма всегда стояли за конкретное разрешение вопросов внешней политики: они выступали за Италию или против нее, за то или иное разрешение восточного вопроса. Но это возражение упускает из виду, что условия, при которых наши старые мастера придерживались этой точки зрения, изменились во всех пунктах. Ведь, тогда еще не существовало рабочего класса, как класса сознающего за собой особые исторические задачи, и позиция, занятая Марксом, Энгельсом и Лассалем в вопросах внешней политики, ни в какой мере не определяла собою направления тактики пролетариата. Эта позиция была вызвана желанием показать буржуазной демократии, в каком направлении она должна влиять на ход событий. Работы наших основоположников, преследовавшие эти цели, часто появлялись анонимно в буржуазных газетах. Да и самый предмет их обсуждения был иной: во время

борьбы за образование национальных государств средней и южной Европы дело шло не о подчинении других народов, не об обременении рабочего класса, не о создании временной возможности противодействия свободному развитию производительных сил, как это имеет место теперь, в империалистических государствах. Наоборот, дело шло о создании арены борьбы за социализи. И если для нас еще остается вопросом, мог ли бы пролетариат, если бы в те времена он уже существовал в качестве самостоятельной социальной силы, стать носителем выдвинутой Марксом внешней политики (ведь, в таком случае не возникло бы и необходимости выполнения задачи буржуазии, т.-е. задачи создания почвы для развития пролетариата),—то в том, что эта политика не имеет ничего общего с задачами, стоящими в наши дни перед пролетариатом современных капиталистических государств, не может быть никакого сомнения. Как ни интересна внешняя политика Маркса для исторического изучения, она ни в коем случае не может быть образцом для нашей борьбы с империализмом.

Аналогия с социал-демократической тактикой в вопросах внутренней политики еще бесплоднее ссылки на Маркса: она только мешает развитию пролетарской тактики в вопросах внешней политики. Мы боремся за внутренние реформы лишь постольку, поскольку они могут быть проведены в пределах капиталистического строя. Но за неосуществимые в этих пределах реформы мы не боремся даже в тех случаях, когда это могло бы дать нам временный агитационный успех. Социал-демократия не отстаивала ни „права на работу", ни государственного обеспечения минимума заработной платы, потому что она считала эти реформы несовместимыми с существованием капиталистического строя. Если вы хотите избавиться от безработицы и нищеты, то боритесь против капиталистического строя,—вот как отвечала социал-демократия на чудодейственные рецепты, предлагаемые социальными шарлатанами для излечения неизлечимых ран капитализма. Империализм - неизлечимая болезнь капитализма, угрожающая эпидемией всему миру. А ссылка на другие, излечимые болезни не может служить аргументом против тех людей, которые объявили империализму: Jgnis et ferrum sanat („Лекарство—огонь и железо").

4. Проверка на примере.

Правительство снова требует от германской нации грандиозных в о о р у ж е н и й, на которые сегодня понадобится полмиллиарда новых расходов, а завтра полмиллиарда новых налогов, и которые до крайности обострят международное положение. О необходимости похода против этого нового выступления германского империализма много говорить не приходится. В какой форме нужно будет вести его,—это решат ответственные партийные инстанции. Мы хотим только показать здесь на конкретном примере, какое различное с о д е р ж а н и е может иметь этот поход в зависимости от того, будет ли при этом проводиться единая продуманная тактика, или наша позиция останется под влиянием психологических пережитков прошедших эпох.

В первом случае мы показываем массам цели империализма и спрашиваем: хотите ли вы из любви к капиталистическому божку подвергать себя новым тяготам и новым опасностям? Мы показываем им последствия империалистической политики, апеллируем к их воле к освобождению и укрепляем их веру в свободу.

Во втором случае мы пытаемся доказать массам, что новое выступление германского империализма не нужно даже с буржуазной точки зрения, что буржуазная Германия прекрасно могла бы существовать и при условии соглашения с Англией. При этом мы даем империалистам возможность ответить нам,—со своей точки зрения, не без основания: кратчайший путь к соглашению с Англией—это усиление вооружений; острие против острия, нужно принимать дары,—сказано в песне Гильдебранда. Но мало того, мы еще связываем себе руки в вопросах принципиальной агитации против колониальной политики, хотя целью новых издержек на вооружение является расчистка дороги именно к такой политике.

В первом случае мы идем в отрытый бой, во втором мы запутываем себя в лабиринтах противоречий. Мы, партия реальной политики, вынуждаем себя закрывать глаза на реальные факты, мы вступаем в битву с обломанным острием копья и с чужим знаменем в руках.

Выбор, казалось бы, не труден.

(„Neue Zeit", май 1912 г.).

Пути и средства борьбы с империализмом.

Дискуссия в „Neue Zeit" относительно нашей борьбы против империализма уже привела к известным результатам: она резко выяснила наличность двух противоположных пониманий как империализма, так и нашей борьбы против него. Теперь дело идет о том, чтобы по возможности выяснить характер этого разногласия, его источники и следствия: ведь, только полная выясненность фактически существующих различий во мнениях лишает их характера ненужных пререканий и дает возможность оценить их значение для партийной практики. Представляя собою по форме полемику против тов. Каутского, настоящая статья является попыткой законченного изложения той точки зрения в вопросе нашей борьбы с империализмом, которая вот уже несколько лет выдвигается Леншем, Паннекук и мною.

Весь характер разбираемого вопроса, противоречивость заложенных в нем тенденций, индивидуальность наших исходных пунктов,—все это создает ряд разногласий между мною и упомянутыми товарищами в трактовке отдельных частностей вопроса. У нас нет причин скрывать эти разногласия, потому что их выяснение может только укрепить наше принципиальное единомыслие.

1. Два метода изучения империализма. Два понимания империализма.

Каутский считает современное соревнование в вооружениях проявлением политики имущих классов, основанной на интересах очень влиятельных слоев капитала, но все же не безусловно необходимой для капиталистического строя.

Факторы (пишет он на стр. 106/07 „N. Zeit" за 1912 г.), являющиеся теми основными элементами капиталистического производства, без которых оно не может существовать,— такие факторы, само собой разумеется, могут быть устранены только вместе с самим капитализмом. Но считать всякое явление, создавшееся, как следствие капиталистического процесса, жизненным элементом этого процесса, без которого он не может продолжаться, было бы грубой ошибкой. Основной элемент капиталистического способа производства есть получение прибавочной стоимости. Его следствием будет стремление к удлинению рабочего дня, которое, однако, вовсе не является существенным элементом капиталистического строя. Этот последний может (и даже еще лучше) существовать и при сокращенном рабочем времени. Стремление к увеличению прибавочной стоимости просто вводится этим сокращением в другую колею. Чем короче рабочее время, тем, например, сильнее стремление заменять рабочие руки машинами.

Постоянное расширение рынка тоже является для капитализма жизненной необходимостью. На известной ступени его развития самым удобным методом такого расширения оказывается приобретение колоний и сфер влияния, что и ведет к гонке вооружений. Прекращение этого метода означает не крушение капитализма, а лишь необходимость применения других методов экспансии.

Гонка вооружений (милитаризм) часто бывает следствием экономических причин, но не экономической необходимости. Его приостановка ни в малейшей степени не является экономической невозможностью.

Таковы основные принципы товарища Каутского, на которых он строит свои дальнейшие положения. Так как империализм есть лишь один из путей, на которых создаются необходимые условия существования капиталистического строя, то возможна не только борьба против вооружений, как следствия капитализма (с чем никто не спорит), но возможно и разоружение. А так как социал-демократия должна защищать все реформы,

которые облегчают тяготы рабочего класса и улучшают условия классовой борьбы, то она обязана выступить и за разоружение. Чтобы укрепить эту позицию, Каутский не довольствуется тем утверждением, что „наше единомыслие с буржуазными защитниками разоружения покоится на общности интересов буржуазного мира с интересами пролетариата в этом вопросе“,—что было бы уже достаточно утешительным откровением в „новый век революций“. Мало того, он пишет („N. Z.“, XXIX, 2, стр. 101): „Ближайшим нашим делом должна быть поддержка и укрепление мелкобуржуазного и буржуазного движения, направленного против войны и вооружений. Нельзя недооценивать этого движения. Оно вытекает из таких же реальных причин, как и противоположное движение, и мы имеем все основания поддерживать его в силу его противоречия с этим последним... И если из лагеря буржуазии вносятся такие предложения о поддержании мира и ограничении милитаризма, которые частью могут быть проведены в жизнь,—то мы имеем все основания поощрять их и заставлять правительства считаться с ними“.

Так пишет Каутский. Когда год назад, в „Bremer Bürger Zeitung“ от 29 апреля, я пытался выяснить, в каких именно капиталистически развитых странах наблюдается буржуазное движение против войны и гонки вооружений (заметьте: против гонки вооружений), и какие предложения, хотя бы выполнимые лишь отчасти, делались буржуазией для ограничения этих вооружений, то все молчали, и никто не указывал мне на примеры. Напрасно было бы искать подобных примеров и в теперешних высказываниях Каутского, потому что,—да простит нам Каутский,—мы не можем принять в серьез его ссылки („N. Z.“ от 6 сентября) на „внушительное движение английской буржуазии против вооружений“, защищаемое английским правительством, при чем оно „наверно“ встретит такую же защиту и поддержку и у французского правительства. Мы не верим этому не только потому, что сочувствие Франции к мнимому „движению за разоружение“ в Англии есть секрет французского правительства, выданный им только товарищу Каутскому и совершенно неизвестный

никому из прочих смертных, но, (как мы покажем дальше) и потому, что и английское правительство никогда не выступало ни за разоружение, ни за всеобщее ограничение вооружений. Это и есть тот пункт, с которого следует начинать пересмотр каутскианского понимания империализма. Ибо несомненно, что точка зрения, не имеющая за собой ни одного исторического факта, на который она могла бы опереться, — а, ведь, никакого буржуазного движения против войны и вооружений, базирующегося на каком бы то ни было слое общества, не существует, — такая точка зрения есть не что иное, как беспочвенная спекуляция.

Если представлять себе капитализм абстрактно, на основе схемы, остающейся неизменной с начала возникновения капиталистического производства и до сегодняшнего дня, то капитализм знает только одну жизненную необходимость,— необходимость создания прибавочной стоимости и реализации ее в виде прибыли. Но этой схемы недостаточно даже для изложения общих законов капитализма, не говоря уже о понимании его преломлений в отдельных странах и в различные периоды.

Если же изучать развитие капитализма в отдельных странах или его международное развитие в пределах конкретного периода, на протяжении которого глубокие изменения политики капитализма заставляют ставить вопрос об управляющих им законах, то оказывается, что наряду с общими условиями существования для него играют роль еще и условия ограниченного исторического значения, которые, однако, так же важны, как и первые: ведь, общие условия могут найти себе выражение только в той или иной конкретной форме.

В целях экономии места, я должен отказаться от иллюстрации сказанного примерами условий существования и развития капиталистического строя в отдельных странах. Учитывая именно эти условия, австрийская социал-демократия становится противницей требования автономии Чехии, а польская социал-демократия—противницей требования независимости Польши, хотя ни то, ни другое требование не идет вразрез с единственным условием существования капиталистиче-

ского строя, которое абстрактно формулирует Каутский. Я буду вынужден несколько дольше остановиться на международных условиях существования капитализма и на том, как они влияют на его политику при определенной исторической ситуации: дело в том, что именно этот вопрос уяснит нам предмет настоящего спора, т.-е. характер империализма.

Ход доказательств Каутского, приводящий его к тому, что империализм является лишь одним из многих способов, дающих капитализму возможность осуществлять свою тенденцию к распространению, имеет два слабых пункта; один из них лежит в прошлом капитализма, а другой—в его ближайшем будущем, линии развития которого могут быть намечены на основании фактов уже теперь. Что касается прошлого, то очевидно, что капитализм Англии, Франции, Германии, достигнув известной степени развития, обратился к созданию колоний, как к важнейшей форме своего распространения. Я оставляю в стороне вопрос о том, одинаково ли было это необходимо для капиталистического класса упомянутых трех стран в период начала колониальной политики. Но тот факт, что во всех этих странах капитал продолжает придерживаться ее, хотя она и угрожает капитализму большими опасностями,—этот факт все же можно считать симптомом того, что эта политика жизненно необходима для капиталистического строя. Неизбежность этой политики заключается в постоянно обстряющемся, в связи с капиталистическим развитием, противоречии между капиталистическим законом заработной платы и необходимостью увеличения производства, а тем самым и расширения рынка. Ибо если закон заработной платы даже и не может быть назван железным, а реальная заработная плата колеблется вокруг далеко не устойчивого уровня, то, тем не менее, остается верным, что, несмотря на все сопротивление, оказываемое организованным пролетариатом тенденциям капитализма к снижению заработной платы, производительность работы все-же растет быстрее, чем участие рабочего класса в доходах общества. При этом, чем многочисленнее становится пролетариат по отношению к другим социальным классам,

тем настоятельнее делается для капитализма необходимость расширения экспорта товаров в капиталистические страны. Этот исторически неизбежный процесс имеет и дальнейшие последствия: необходимость развертывания государственной организациии в странах, которые таковой не обладают, необходимость борьбы против тех капиталистических стран, которые мешают распространению капитализма, и, наконец, необходимость вооружения против других капиталистических государств, препятствующих стремлению данного государства к экспансии.

Итак, все эти обстоятельства, намеченные нами, разумеется, лишь в общих чертах, так как все они предполагаются известными (лучше всего они разработаны в „Финансовом капитале" Гильфердинга и „Национальном вопросе" Бауэра, хотя анализ империализма, данный в этих произведениях, не может считаться исчерпывающим и должен быть углублен),— все эти обстоятельства приводят нас к тому выводу, что в данной исторической фазе развития капитализма империализм жизненно необходим ему.

Чтобы доказать, что империализм не есть единственный вид политики, соответствующий той жизненно необходимой для капитала тенеденции, которую признает за ним и Каутский, а именно тенденции к распространению,—Каутскому пришлось бы взять на себя задачу, быть-может, и очень привлекательную для любителя внеисторических рационалистических спекуляций, но не имеющую ничего общего с задачами марксиста. Ему пришлось бы доказать, что если бы у упрямой дамы истории был в молодости достаточно благоразумный советчик, то она могла бы избрать и более нравственную дорогу. Но, увы, дело уже непоправимо: с дамой случился ряд несчастий, заставивших ее вступить во многих странах на путь империализма, вступить даже прежде резкого проявления вышеупомянутого противоречия, являющегося основной движущей силой империализма. В других же странах она, будучи гонима рядом второстепенных обстоятельств, несется по тому же пути еще более быстрым темпом. И вместо установленного Каутским антимилитаристического движения мелкой буржуазии и буржуазии, во всех классах капиталистического общества Западной Европы, за исключе-

нием пролетариата, наблюдается нарастание империалистических настроений.

Будущее империализма Каутский исследует точно тем же методом, что и его прошлое. Вместо того, чтобы устанавливать действительные тенденции империализма, которые могут быть доказаны фактами, он сам комбинирует себе эти тенденции.

В майской статье текущего года (последний том „Neue Zeit", стр. 107/108) он пишет:

„Явление, рост которого наблюдается во взаимоотношениях между производствами на протяжении уже двух веков, теперь начинает наблюдаться и в отношениях между капиталистическими государствами. Стремясь к экспансии, они все больше и больше мешают и препятствуют друг-другу, их интересы сталкиваются и потому, увеличивая силы своего сопротивления, они расходуют на него столько, что вся прибыль вылетает в трубу. Тем не менее, все они будут следовать этому методу до тех пор, пока каждое из них не потеряет надежды создать себе такое вооружение, чтобы при его помощи избавиться от конкуренции, монополизировавши мировой рынок. По мере того, как исчезает эта надежда, по мере того, как становится все яснее, что продолжение этой конкуренции только разоряет всех ее участников, приближается наступление того периода, когда эта борьба государств вытеснится их картельными соглашениями. Это ни в малой мере не является отказом от экспансии национального капитала, это означает лишь переход к более дешевому и менее опасному методу такой экспансии.

Так, например, капиталисты Англии и Германии ничего не потеряли бы, если бы эти государства согласовали между собой свою внешнюю политику и таким образом сократили бы свои вооружения.

Объединившись, они могли бы принудить и другие,—хотя бы только европейские,—государства присоединиться к этой полюбовной сделке и разоружению, что дало бы капиталистам возможность сравнительно более быстрого и беспрепятственного доступа в страны, по крайней мере, восточного полушария".

Не будем говорить о том, как Каутский применяет эти соображения к вопросу об отношении нашей партии к вооружениям. Не будем пока ставить и вопроса о том, требовала ли, поощряла ли когда-нибудь социал-демократия замену свободной конкуренции, в виду ее тяжелых последствий, трестированием. Мы хотим только установить здесь, что Каутский берет приписываемые им империализму тенденции с воздуха, что ему трудно было бы указать хотя бы один факт, на который могли бы опереться его выводы. Факты последнего десятилетия империалистического развития указывают на то, что в капиталистических государствах существует ряд капиталистических элементов, заинтересованных в мире. Таковы, например, собственники пароходств. Военное разрешение любого конфликта может оказаться противным интересам этих группировок. Так, например, с тех пор, как было достигнуто соглашение между Тиссен, Круппом и К°, с одной стороны, и Шнейдер-Крезо—с другой, тяжелая индустрия Рейнско-Вестфальской области почти целиком оказалась против войны из-за Марокко. Это значит, что капиталистические государства настолько хорошо учитывают всю опасность войны между великими европейскими державами, что они будут стараться избежать ее до последней крайности. В последнем счете это значит, что конкурирующие в империалистических предприятиях (экзотические государственные займы и т. д.) группы капиталистов склонны приходить к мирным соглашениям для раздела добычи, что, между прочим, вовсе не так легко. Но если не говорить об единственном исключении, Англии, которая, превосходя всех своим морским могуществом, может ожидать от дальнейших вооружений только крайне невыгодных последствий, и потому стоит за удержание настоящего положения вещей в Северном море, (только в Северном море!),—то, несмотря на усердное изучение всей соответствующей литературы и прессы, я не нашел ни в одном из современных государств такого общественного слоя, хотя бы и заинтересованного в мире, который выступал бы против милитаризма.

Все они, несмотря на свою боязнь войны, стоят за вооружения, и стоят не только потому, что материально за-

интересованы в них (поставки, биржевая игра на акциях промышленных предприятий, принимающих участие в судостроении и т. д.), но и потому, что интенсивность вооружений является мерой их влияния на империалистические дела. Это соображение уже было подробно развито мною в „Neue Zeit", и тов. Каутский не дал на это никакого ответа. Итак, рассуждения Каутского относительно других, не империалистических методов распространения, имеющихся в распоряжении капитала, лишены всякого основания.

Отсюда следует, что империализм жизненно необходим для существования капитализма: раз Каутский признает распространение существенно необходимым условием капитализма и при этом не может указать никакого иного пути для этого распространения, кроме пути империалистического,—то и оказывается, что без империализма капитализм ни развиваться, ни сохранять свое существование не может.

Заканчивая эту главу, мы хотели бы указать еще на один факт: если бы у капитала,—хотя бы только европейского,—и были некоторые тенденции к общности действий, то проведение этих тенденций в жизнь на сколько-нибудь продолжительный срок повлекло бы за собой такие последствия, как согласованная и общая торговая политика европейских государств, общее войско для борьбы с пробуждающимся востоком (даже в случае разоружения между европейскими государствами), общее союзное правительство. А все это потребовало бы устранения тех трений и склок между государствами, которые могут быть выметены только железной метлой революции. Ведь, в своей майской статье от прошлого года („N. Z.", XXIX, стр. 105/06) Каутский, рассмотревши идею организации Соединенных Штатов Европы, пришел к тому заключению, что эта прекрасная идея осуществима только р е в о л ю ц и о н н ы м п у т е м. Но революция в Западной Европе может быть только с о ц и а л ь н о й р е в о л ю ц и е й. Каутский очень удачно доказал это в своей книге „Путь к власти":

„Становится все яснее, что революция возможна только как пролетарская революция, что она невозможна до того момента, пока организованный пролетариат не станет достаточно большой и сплоченной силой, чтобы при благоприятных обстоятельствах увлечь за собой всю массу нации.

Но если пролетариат является единственным революционным классом нации, то отсюда следует, что всякое банкротство существующего строя—будь то банкротство моральное, финансовое или военное—есть в то же время и банкротство всех буржуазных партий, сообща ответственных за то, что единственный режим, способный в этом случае заменить собой существующий строй, есть режим пролетарский".

Короткий смысл этой длинной песни сводится к следующему: распространение капитализма есть необходимое условие его существования. Единственный способ, дающий ему возможность этого распространения—это империализм. Всякий другой способ (хотя у нас и нет ни малейших оснований предполагать его существование) мог бы проложить себе дорогу только революционным путем. Но революция возможна теперь только, как пролетарская революция, а эта последняя закончилась бы полным крушением самого источника империализма, т. е. крушением капитализма, что опять-таки лишило бы его всякого иного способа распространения.

Итак, распространение капитализма либо возможно только как империалистическое распространение, либо совсем невозможно.

Разница в наших пониманиях империализма оказывается результатом различного применения марксистского метода изучения. Нам этот метод служит для изучения действительно имевших место процессов и для установления их тенденций. Товарищу же Каутскому он служит только трамплином для прыжков в воздух и средством для вариаций на интересную тему: а могло бы быть и лучше, и что было бы, если бы так и было?

* * *

Пусть читатель решает, кто из нас вправе говорить о неверном понимании экономической необходимости и о марксистском маскараде.

Теперь нам нужно выяснить, какие отсюда можно почерпнуть выводы для нашей тактики в борьбе против империализма, какими средствами мы располагаем для этой борьбы.

Но предварительно я должен устранить совершенно непонятное мне недоразумение Каутского.

Каутский пишет: „Пока не свергнут капитализм, борьба против вооружений бессмысленна и безнадежна", — такова последняя, скажем, импровизация юнейших из наших „юнцов" (стр. 467 этого тома).

Нам не приходилось раньше и не приходится теперь считать необходимые потребности „буржуазной промышленности" насущными задачами пролетариата, которым рабочий класс может противопоставить только социальную революцию; мы должны бороться с ними еще в пределах капиталистического способа производства. Пролетариат предъявляет свои требования в зависимости не от потребностей капиталистического класса, а от своих собственных потребностей; его же собственные потребности требуют разоружения" (стр. 519 этого тома).

По поводу этого нужно сказать: мало того, что ни я, ни Паннекук, ни кто-либо другой, из выступавших в этом вопросе на нашей стороне, не писали ни одного слова, которое могло бы быть истолковано в этом направлении, но и наши намерения, и наша деятельность субъективно и объективно всегда были направлены на укрепление нашей борьбы против империализма и вооружений. Если бы мы считали борьбу против вооружений в условиях капиталистического строя бессмысленной и безнадежной, то какой смысл имела бы наша агитация за массовые выступления против империализма?

2. Милиционная система и разоружение.

Мы видели, что Каутский рассчитывает на поддержку части буржуазии в борьбе против милитаризма и вооружений, что он приемлет возможность дальнейшего распространения капитализма не империалистическим путем. Так как он приходит к этому выводу путем совершенно отвлеченных рассуждений, то и лозунги свои в борьбе против милитаризма он создает не путем изучения действительности, а путем произвольно устраняющих эту действительность отвлеченных

идей, даже не носящих характера выдержанного логического построения. Отдельные части этого построения также противоречат друг-другу, как все в целом противоречит фактическому положению вещей.

Если верить изложению Каутского, то мы могли „обходиться" лозунгом милиционной системы только до тех пор, пока не возник вопрос о флоте. Когда же начались морские вооружения и когда выяснилась их отчаянная дороговизна, то требование милиционной системы оказалось уже неудовлетворительным.

Оно неудовлетворительно, во-первых, потому, что милиционная система совершенно неприменима к флоту, а во-вторых, потому, что милиция, оказывается, стоит не дешевле постоянного войска, каковое обстоятельство имеет особо крупное значение для флота, где расходы на сооружения значительно превосходят издержки на содержание людей.

Проследим позицию Каутского до ее основ. Он утверждает, что мы выдвигали требование милиционной системы по политическим основаниям, выдвигали для того, чтобы уменьшить власть правительства над кадровым войском; теперь же требование разоружения должно выдвигаться по основаниям экономическим.

Поскольку это утверждение распространяется на требование милиционной системы, постольку оно справедливо, хотя и не полно. Ученые защитники милиционной системы в рядах социал-демократии (в первую очередь Энгельс, работы которого по военному делу и посейчас служат для каждого социал-демократа прекрасным введением в изучение этого вопроса) выступали в защиту идеи милиции не только потому, что ее осуществление было бы выгодно рабочему классу с политической точки зрения, но и потому, что осуществление это ставится на очередь самим процессом развития военного дела. При Энгельсе наша позиция по отношению к милитаризму была аналогична нашей позиции по отношению к другим институтам капитализма. Мы рассматриваем милитаризм и капитализм, как факты, на почву которых мы должны встать, чтобы преодолеть их. Капиталистическое государство и все его учреждения суще-

ствуют и действуют, как органы буржуазии. Это относится к милитаризму не в большей и не в меньшей степени, чем к парламентаризму. Так как и тот, и другой являются органами буржуазного классового строя, то мы и боремся с ними принципиально. Но мы не можем поставить себя вне их и противопоставить им институты, которые выполняли бы их функции.

Мы идем в парламент, чтобы защищать в нем интересы рабочих. Но мы не заявляем: на место буржуазного парламента нужно поставить парламент народный, который защищал бы интересы народа против буржуазии. Это было бы не реальной борьбой, а платоническим протестом. Такую-же позицию занимаем мы и по отношению к милитаризму. Он является органом классового строя внутри страны и органом распространения капитализма вовне. Мы принципиально боремся с ним, но не можем игнорировать его: мы знаем, что в капиталистическом обществе невозможен милитаризм, который не был бы органом классового строя как внутри, так и вовне. Нет, идея милиционной системы стремится только к укреплению тех элементов самого милитаризма, которые затрудняют безболезненное осуществление функций, возложенных на него капиталом, и облегчают рабочему классу противомилитаристическую деятельность.

Это определение объективной стороны нашего требования милиционной системы противоречит многим субъективным точкам зрения, которых придерживалась партия в этом вопросе. В статье „Идея милиционной системы“ (майский номер „Leipziger Volkszeitung“ за 1912 г.) я пытался изложить исторические причины, придавшие нашему требованию милиционной системы особый характер, не свойственный ни одному из пунктов нашей программы-минимум,— характер требования чисто антикапиталистического института, еще в пределах капиталистического периода лишенного всех капиталистических функций, свойственных войску. Это было наследием старой точки зрения, перенятой нами от мелкой буржуазии вместе с требованием милиционной системы. Мелкая буржуазия видела в милиции столь-же подлинное народное войско, сколь подлинное наро-

довластие видела она в демократии. Относясь к идее демократии очень критически, мы, однако, не создали себе такого же критического отношения и к идее милиционной системы. Если Франция и Америка служили вполне наглядными примерами действительного значения социал-демократии при капиталистическом строе, то примера широко проведенной в жизнь милиционной системы нам не хватало.

Мы относимся к демократической эволюции военной организации точно так же, как и к нашему участию в капиталистических парламентах. Относясь к капиталистическому парламентаризму, как к органу классового строя, с принципиальной враждебностью, мы все же считаем возможным входить в парламенты, потому что для выполнения своих функций парламент нуждается в представителях от рабочего класса, а это дает нам возможность использовать свое вхождение в парламент для борьбы с капитализмом. И в области военной организации мы пользуемся теми же моментами, что и в парламентаризме,—моментами, дающими нам возможность усиливать антикапиталистические тенденции внутри капиталистического института.

Парламент принимает на себя перед всей нацией,—а значит, и перед рабочим классом,—ответственность за государственное хозяйство. Поэтому, чтобы сделать народ более покладистым, он стремится создать ему иллюзию, будто бы и ему, народу, тоже принадлежит доля влияния на это хозяйство. Парламент есть учреждение, защищающее общие интересы имущих классов против частных интересов, а стало-быть, он должен всячески мешать этим частным, личным интересам опираться на народ: для этого он включает в себя представителей рабочего класса. Парламент есть орган поддержания классового строя, а потому он старается быть и клапаном народного недовольства. Все это облегчает нам борьбу за всеобщее избирательное право и затрудняет его урезывание там, где это право становится неудобным для буржуазии,—а неудобным оно становится, ибо оно дает рабочему классу возможность попыток обращать преимущественное внимание парламента на свои пролетарские интересы и изменять функции парламента, превращая парламентскую

трибуну из органа классового господства в орган пролетарски-революционной агитации.

Те же тенденции проявляются и в современном милитаризме. Он является органом классового строя, причем эта его функция осуществляется вооруженным народом. В век всеобщей воинской повинности нельзя не допустить народа в армию, но нужно попытаться внушить ему должную покорность при помощи военной дисциплины и отрыва армии от гражданского населения.

Принципиально борясь с армией,—что доказывается нашим голосованием против военного бюджета,—мы, однако, не можем устранить ее, пока не уничтожен капитализм. Но не имея сил покончить с милитаризмом, мы пытаемся усилить те элементы армии, которые затрудняют осуществление ее функций, как органа классового строя внутри и органа распространения капитализма вне страны. Мы добиваемся этого всей своей социалистической агитацией в рабочем классе, который с каждым годом составляет все большую часть армии; мы добиваемся этого своей антимилитаристической тактикой, которая выявляет подлинный характер армии. Наконец, мы добиваемся этого, когда требуем разрушения стены, отделяющей армию от народа, т.-е. сокращения срока действительной службы и устранения муштровки и особой военной юстиции. Что же это,—платонические требования? Ни в коем случае! Наше требование милиционной системы опирается на уже существующие в капитализме и самом милитаризме тенденции.

То обстоятельство, что капитализм, даже против своей воли, вынужден покровительствовать распространению образования в массах, делает возможным сокращение срока действительной службы. Обострение соревнований между государствами вынуждает их выставлять и подготовлять все большее число солдат, т.-е. усиливает тенденцию проводить всеобщую воинскую повинность до конца, (это во всяком случае, относится к тем государствам, в которых имеется прирост населения), что сопряжено с большими расходами и потому опять-таки приводит к сокращению срока военной службы. Капиталистические государства добровольно не пой-

дут на это, потому что этой тенденции противостоят закоснелые взгляды тупых бурбонов, страх буржуазии перед последствиями сокращения срока службы и т. д.

Возможно, что, в виду этого сопротивления, полная демократизация военного дела [1]) окажется невыполнимой, но так как борьба за нее опирается на действительно существующие тенденции, то она может найти отклик в массах, может помочь им осознать сущность милитаризма, что опять-таки приведет к усилению в армии антикапиталистических тенденций.

Выразятся ли результаты нашей борьбы в форме более или менее полного осуществления идеи милиционной системы, или лишь в форме расшевеливания народных масс и разъяснения им положения вещей, — но во всяком случае они усилят антикапиталистические тенденции в армии и затруднят осуществление ее капиталистических функций. Как ни утопична, как ни внеисторична надежда на то, что немедленно по проведении милиционной системы армия перестанет быть органом классового строя внутри и распространения капитализма во вне страны,—но все-таки ясно, что, чем энергичнее и успешнее будем мы агитировать за милиционную систему в широких кругах народа, тем труднее будет капиталистическому правительству пользоваться армией, как своим безвольным оружием. Но так как еще ни один правящий класс не отказывался от власти и не изменял самому себе из страха перед падением, то и капитал, когда вода подступит ему к горлу, будет играть ва-банк. Тогда-то и обнаружится со всей резкостью противоречие между пролетарским составом армии и функциями, возложенными на эту армию капиталом.

---

[1]) Полное проведение идеи милиционной системы,—превращение милитаризма в настоящее народное войско, — не может быть полностью осуществлено в пределах капиталистического строя так же, как невозможно при капитализме, дающем частной собственности на средства производства власть над людьми, полное осуществление народовластия. В этом отношении прав мой друг Паннекук, говорящий в своей статье против Гримма („Leipziger Volkszeitung" от 7 июля) о невозможности проведения милиционной системы в пределах капиталистического строя. Но ни на ноту дальше! Ибо демократизация армии возможна при капиталистическом строе в той же мере, что и всякая другая форма демократии.

Спрашивать себя о том, случится ли это во время напряженной революционной борьбы внутри страны, или во время войны с внешним врагом,—бесполезно. Важно одно—установить связь между требованием милиционной системы, с одной стороны, и нашей борьбой против империализма и вооружений—с другой.

Полагая, что в пределах капиталистического строя империализм не может быть заменен никаким другим методом капиталистического развития, мы точно так же уверены и в том, что выполняемые армией функции не могут быть устранены при помощи какой бы то ни было остроумной реорганизации армии, которая залечила бы все раны. Но зато тенденции, выявившиеся в развитии военного дела, обостряют противоречие между рабочим классом и империалистической политикой. Перенося эти тенденции в плоскость политического требования демократизации военного дела, т.-е. требования милиционной системы, мы ставим нашу борьбу против империализма на единственно возможный и действительный, а не созданный спекулятивными рассуждениями, фундамент.

Каутский не отвергает требования милиционной системы. Он не разбирает вопроса о том, в какой связи с империалистическим развитием стоит постепенное осуществление этого требования или борьбы за него. В процессе дискуссии он даже объявляет вопрос о милиционной системе, в противоположность вопросу о разоружении, неактуальным. В своей майской статье этого года он идет еще дальше и заявляет, что в применении к флоту идея милиционной системы не выдерживает критики.

Это утверждение, в котором он солидарен с Маттиасом Эрцбергером, высказывается в партийной литературе впервые. В выноске к статье о нашей борьбе с империализмом, напечатанной два месяца назад в „Neue Zeit“, я спрашивал Каутского о причинах такого мнения,—спрашивал потому, что оно имеет для дискуссии большое значение.

Но редакция потребовала, чтобы я вычеркнул эту выноску, так как она вынудила бы Каутского ответить сейчас же, что нарушило бы план дискуссии. Надо было надеяться, что

Каутский откроет свои соображения позже. Но он до сих пор отделывается молчанием и только робко пишет („Neue Zeit", 1912, стр. 467): „Вопрос о том, на сколько может быть сокращен срок службы во флоте, превышает мою компетенцию".

Но так как важнейшей предпосылкой милиционной системы является именно сокращение срока службы, то это заявление означает, что т. Каутский просто не может судить о том, применима ли к флоту идея милиции или неприменима. Или, может-быть, товарищ Каутский согласен примкнуть к гениальному рассуждению Эрцбергера, утверждающего, что идея милиции неприменима к военному флоту, еще и по другим основаниям,—а именно потому, что солдату, отпускаемому домой, нельзя дать с собой корабля? Однако в этом случае милиционная система не годится и для артиллерии, потому что, ведь, солдат не может захватить домой и пушек. Не годится она и для пехоты, так как тех тридцати патронов, которые солдат мог бы захватить с собой домой,— как это узаконено в Швейцарии,—ему может хватить только на одну минуту сопротивления, тогда как пулеметы, которых брать домой нельзя, способны действовать гораздо дольше. Коротко говоря: если идея милиции оказывается негодной по причине невозможности брать домой военные корабли, то она вообще никуда не годится, т.-е. не годится и для сухопутной армии. Однако, применительно к сухопутной армии Каутский против нее не возражает. Отсюда можно сделать только один вывод: 26 го апреля тов. Каутский полагал, что идея милиционной системы оказывается неприменимой к военному флоту в силу невозможности сокращения срока службы, а 28-го июня он решил заявить себя сторонником принципа Сократовой мудрости: я знаю только то, что я ничего не знаю [1]). Он оставляет вопрос о

[1]) Это отнюдь не единственный пункт полемики по военному вопросу, в котором т. Каутскому не хватает знания фактов. Когда он заявляет в своей последней статье от 6 сентября: „Германия располагает для рекрутирования своего флота неограниченными запасами человеческого материала, тогда как Англии становится все труднее обеспечивать сооружаемые ею военные суда экипажем", или когда он в той же

продолжительности службы в военном флоте совершенно открытым.

Предоставляю партийным товарищам судить о том, на какую ценность может претендовать общая концепция проблемы вооружений, основанная на столь полном отсутствии сведений относительно весьма важных фактических данных. Основываясь на находящемся в моем распоряжении богатом материале [1]), я заявляю, что у нас нет никаких оснований поддерживать мнения господина Тирпица, полагающего, что возможность сокращения срока службы во флоте крайне сомнительна. Я утверждаю, что в военном флоте вполне возможно значительное сокращение срока службы, а так как уничтожение военной юстиции, разумеется, одинаково применимо как к армии, так и к флоту, то важнейшим препятствием на пути к демократизации военно-морского дела остается только замкнутость жизни военного моряка, обусловленная постоянным пребыванием на борту корабля.

Если же вспомнить, что, несмотря на эту замкнутость, во французском флоте непрерывно вспыхивают восстания, а тем более если учесть роль матросов в русской революции, то станет ясно, что, при условии сокращения срока службы, эта замкнутость не могла бы убить социалистического настроения матросов, рекрутируемых частью из экипажей торгового флота, а частью из высоко квалифицированных промышленных рабочих, и потому вполне доступных социалистической агитации. Идея демократизации военной службы совершенно одинаково может быть осуще-

---

статье утверждает, что ни в Африке, ни в Азии нельзя ожидать в ближайшем будущем крупных территориальных перемен,— то приходится все же констатировать, что он не располагает достаточными конкретными сведениями. Это приходится констатировать на основе фактических данных. Несомненно, что даже такой человек, как Каутский, которому партия столь многим обязана, не должен и не может обладать одинаково глубокими познаниями во всех областях политики. Но все-таки надо признать и то, что дискуссия о совершенно новых явлениях требует основательного их изучения. Без знания фактов она неизбежно должна выродиться в пустые словопрения.

[1]) Так как я уже использовал предоставленное для моей статьи место, то мне приходится отказаться от изложения этого вопроса с фактами, цифрами и пр.

ствлена как в сухопутной армии, так и во флоте. Идея милиции имеет для нас значение единой цельной идеи, обнимающей всю проблему милитаризма в целом. Она едина методологически и политически. Методологически,—ибо демократизаця армии отнюдь не является платоническим требованием, скомбинированным из воздуха в силу присущих ему особых достоинств, или в целях большей симметрии партийной программы, а опирается на реальные тенденции развития капитализма. Политически,—ибо требование милиционной системы ведет нас к цели усиления влияния рабочего класса на важнейшие органы империализма, к созданию внутри этих органов таких условий, при которых в момент решительного боя между рабочим классом и империализмом они откажутся служить последнему и тем самым ускорят социальную революцию.

Мы, разумеется, отнюдь не хотим сказать этим, что степень демократизации флота обязательно должна равняться степени демократизации армии. Во флоте большую роль играет обслуживание современных машин. Фабричный пролетарий может легко обучиться этому в короткое время, потому сокращение срока его службы вполне возможно. Но чем дольше он будет служить, тем привычнее будет для него обращение с этими машинами. Поэтому сокращение срока службы во флоте вполне возможно, но само развитие морского дела его не требует. Значение демократизации флота для всего хода социального развития тоже не так велико, как значение демократизации армии. Флот не может сыграть в классовой борьбе такой выдающейся роли, как армия; и в момент решающих боев дух, одушевляющий массы пролетариата, не может проявиться во флоте в такой мере, как в сухопутной армии. Последнее потому, что военные моряки не объединены в такие огромные массы, как сухопутные войска, и потому, что в морском бою мертвый элемент, машины, играет большую роль, чем в бою сухопутном. Вероятно, эти соображения и привели, например, Ленша

к согласию с утверждением Каутского, будто идея милиции оказывается неприменимой к флоту. Для нас учет этих моментов является только предостережением против шаблонной трактовки милиционной системы в применении как к армии, так и к флоту. Но поскольку мы допускаем возможность сокращения срока флотской службы, равно как и возможность других мероприятий, ведущих к демократизации всего морского дела; поскольку, далее, мы считаем эту демократизацию флота фактором, противодействующим развитию империализма,—постольку мы можем и должны отстаивать идею милиции и по отношению к флоту. Идея разоружения, которую Каутский считает дополнением к идее милиционной системы, в действительности прямо противоположна последней,—противоположна как методологически, так и политически. Идея милиции подлежит осуществлению на почве развития самого военного дела. Она согласуется с тенденциями его развития. Идея же разоружения предлагает полнейшее прекращение этого развития и все таки пытается оставаться на почве капитализма. Так как Каутский, как уже показано, не мог привести никаких доказательств существования внутри буржуазии каких-либо тенденций, направленных против вооружений, то выдвигаемая им идея разоружения представляется измышлением,—в лучшем или в худшем смысле этого слова. Принимая это во внимание, ее можно было бы предоставить собственной судьбе, — если бы только не известное распространение, которое она нашла за последние годы.

Поэтому мы разберем ее несколько подробнее. С методологической точки зрения она, как уже сказано, противоречит тому пути, на котором может быть вообще выдвинуто подобное программное требование: она вытекает не из анализа реально существующих тенденций развития, а из отвлеченных спекуляций о грехах и ошибках капитализма в прошлом и обо всех тех возможных и невозможных путях, к которым он мог бы прибегнуть, если бы революция была так добра, что уничтожила бы капиталистическую раздробленность мира на отдельные государства, не уничтоживши при этом самого капитализма.

Этому методологически порочному рождению разбираемой теории соответствует и ее политический характер.

Она является попросту неосуществимой,—и не только потому, что буржуазия не хочет о ней слышать, но и потому, что в разрываемом противоречиями капиталистическом обществе нет таких тенденций, которые устраняли бы эти противоречия, которые могли бы засыпать ключи, откуда бьют волны вооружений. Разоружение невозможно не потому, что буржуазия не хочет его, а потому, что она не может его хотеть. Раз это так, то как бы Каутский ни выхваливал преимущества этой идеи,—это безразлично. Уменьшает ли она финансовые тяготы, лежащие на массах, или же нет, все это не может сделать ее жизнеспособной. Но если правда, что социал-демократия должна была бы выступить на защиту этой идеи, так как она может принести большое экономическое облегчение массам, то зачем же ограничиваться флотом? Разве армия стоит так дешево, и разве исключена возможность, что новые крупные реформы в области стрельбы и т. д. (пусть Каутский проследит в военной прессе вопрос о введении автоматически заряжающегося огнестрельного оружия) в самом ближайшем будущем потребуют от нас сотен миллионов марок? Более того: по мнению Каутского, разоружение в области военного флота осуществимо потому, что возможно устранить империалистическую конкуренцию и и добиться примирения капиталистических государств. Если это верно, то и сухопутная армия тоже утрачивает одну из своих функций,—функцию органа борьбы с внешним врагом, ибо современные трения между капиталистическими государствами, несмотря на свою устарелую историческую форму (идея реванша во Франции и т. д.), являются по природе империалистическими. Итак, долой милицию, да здравствует разоружение по всей линии!

Можно возразить, что,ведь, у сухопутной армии есть и еще одна функция,—функция подавления рабочего класса. Однако, согласно положению, которое Каутский в 1898 году защищал в своей полемике против Шиппеля, с превращением современной армии в милицию, эта функция исчезает. Каутский до сих пор еще не пересмотрел этой точки зрения: он должен

сделать из нее соответствующие выводы. Если исчезнет империализм и место милитаризма займет милиция, то капитал совершенно не будет заинтересован в ней. Но даже если бы Каутский, под влиянием интересных выводов тов. Гримма [1]) о швейцарской милиции („Neue Zeit" №37—38), дошел до того мнения, что после превращения регулярного войска в милицию буржуазия все же могла бы в течение некоторого времени рассчитывать на использование ее для подавления пролетариата, то как мог Каутский заботиться об этом, выставляя программные требования? Ведь, пишет же он, и вполне справедливо:

„Пролетариат предъявляет свои требования в зависимости не от потребностей капиталистического класса, а от своих собственных потребностей; его же собственные потребности требуют разоружения".

Итак, товарищ Каутский, пересмотрите партийную программу и вытравьте из нее требование милиционной системы. Оно не имеет ничего общего с Вашим взглядом на вещи и продолжает отравлять Вам существование только в силу Вашей приверженности к старым испытанным идеям. Но идеи по-

[1]) Статья Гримма очень хорошо разделывается с рядом иллюзий в отношении милиции, перенятых социал демократией от мелкой буржуазии вместе с идеей милиционной системы. Почему он полемически заостряет свою статью против меня, для меня непонятно тем более, что мои статьи (как вынужден признать и он сам) были дальше от распространения иллюзий о чудесах милиционной системы, чем что-либо другое, известное мне в партийной печати. Если, тем не менее, я не разделяю несколько узкой точки зрения тов. Гримма в вопросе о той перемене в соотношении сил, которая должна двинуть Германию в направлении милиционной системы,—а это должно отразиться и на социальной политике,—то причины моего несогласия таковы: Гримм говорит о том, как милиция под влиянием развития военной техники и капитализма из мелко-буржуазной становится капиталистической; в Германии же следует изучать вопрос о том, каким образом давление пролетариата проводит в капиталистический милитаризм демократические тенденции. Кажущееся разногласие между моим и Гриммовским пониманием милиции создается различием перспектив.

Разногласие становится серьезным, когда Гримм с похмелья от банкротства мелко буржуазных воззрений на милиционную систему переходит к спекулятивным мечтаниям о разоружении.

Мелочность швейцарских отношений делает это извинительным для Гримма, но, разумеется, не делает этого приемлемым по существу

добны грызущимся волкам: они не ладят друг с другом даже тогда, когда их владелец хотел бы, чтобы они мирно уживались под его кровлей; новая не ладит со старой потому, что она хочет отвечать новому положению вещей, старая не ладит с новой, ну, хотя бы потому, что не хочется заслужить имя ревизиониста справа, слева или сверху.

Таким образом, наши рассуждения сводятся к тому, что дело идет не о дополнении или разграничении двух лозунгов, которые, родившись при различных исторических ситуациях, все-же служат одной и той же цели—борьбе против империализма. Нет, эти идеи являются следствиями двух различных пониманий империализма, двух пониманий, созданных различными путями мысли. Теперь обратимся к исследованию тех политических выводов, которые могут быть сделаны из той и другой идеи, но предварительно нужно предупредить одну попытку затемнения их путем перенесения спорного вопроса в другую плоскость.

3. Ограничение вооружений.

Это—попытка устранить основное противоречие: в последнее время некоторые товарищи заявляли в партийной печати и на собраниях, что всеобщее разоружение невозможно, но частичное, временное разоружение могло бы принести пролетариату пользу. Чувствуя, как слабы доказательства возможности замены теперешней империалистической политики всеобщим соглашением империалистических государств, объединением их политики в колониальных странах, Каутский в своей майской статье текущего года цепляется за эту последнюю попытку („Neue Zeit“ за 1912 г., стр. 108).

Как союз предпринимателей не может навсегда устранить конкуренцию, так и соглашение между капиталистическими правительствами не может навсегда устранить с их пути поводов к конфликтам. Поэтому, такое соглашение между ними, которое привело бы к полному разоружению, невозможно. Но было бы уже очень хорошо, если бы удалось хоть выбраться из теперешней стадии, ко-

торая делает мировую войну неизбежной в ближайшем же будущем, если бы можно было создать такое положение вещей, которое, не гарантируя вечного мира, все же по крайней мере отодвигало бы войну. Это даже могло бы стать окончательной ликвидацией возможности войны между европейскими великими державами, потому что с каждым годом растет мощь европейского пролетариата, сопротивляющегося угрозе войны.

Каутский не замечает того, что его выступление за изменение современной империалистической политики, за придание ей большего миролюбия, немедленно превращается в признание самой империалистической политики, потому что если это его предложение имеет какой-нибудь смысл, то только следующий: раз мы ничего не можем достигнуть, то удовлетворимся пока союзами капиталистических государств, которые добились бы того, чтобы опасность войны угрожала не ежедневно, а несколько реже. То обстоятельство, что это „временное" примирение с политикой капиталистических союзов сопровождается надеждой на усиление пролетариата, которое сделает войны между великими державами невозможными (а как же будет с колониальными войнами, в роде китайской?), говорит, правда, о живущих в сердце Каутского надеждах, но в то же время говорит и об ужасающей путанице в его понятиях.

Что общего между вопросом о возможности соглашения между империалистами и вопросом об устранении империализма в рамках капиталистического строя? И какое отношение имеет вопрос о разоружении к тому положению вещей, о котором Каутский говорит, что оно „правда, не гарантирует вечного мира, но все же, по крайней мере, отодвигает войну"? Ясно, что „подобное положение"—это вовсе не разоружение, а ограничение милитаризма. Но это совсем другой вопрос. Империалистические полюбовные сделки между державами не только возможны, но и вытекают из самого существа империализма. Так как в век капитализма риск войны очень велик, то в менее значительных вопросах державы делают друг-другу уступки, концентрируя все свое внимание на наиболее существенных пунктах

столкновений, и сберегая силы для разрешения их мирным или военным путем. Милитаристические соглашения и дипломатические мероприятия могут то ускорять вооружения, то замедлять их; но, говоря словами майской статьи Каутского, они всегда остаются „паллиативными средствицами", которые могут оказаться негодными в каждый данный момент. Их паллиативный характер зависит как от экономико-политических переворотов, влияющих на взаимоотношения государств, так и от развития военной техники. Разумеется, если какое либо правительство, на основании соглашения с другой державой, замедлит темп своих вооружений, то мы будет приветствовать это. Но, кроме того, мы будем разъяснять рабочему классу паллиативный характер такого улучшения и указывать ему на те обстоятельства, которые грозят уничтожить его. В каждом таком случае мы будем уклоняться от ответственности за подобные временные мероприятия и возлагать ее на имущие классы.

Эта подстановка постороннего вопроса на место основного,— подстановка простого парламентского вопроса на место принципиального спора о характере нашей внешней политики,— не случайна и заслуживает еще некоторого обсуждения. Каутский несколько раз заостряет спорный вопрос в формулу: он, будто бы, является сторонником реформ и в области империализма, противники-же его, будучи революционерами, хотят получить все или ничего. А соглашение капиталистических государств—это и есть реформа империализма.

Если бы это действительно было так, если бы такого рода сделки были началом конца воинственной империалистической политики, то Каутский почувствовал бы, наконец, почву под ногами. Но так как эти сделки только устраняют мелкие поводы к столкновениям для того, чтобы легче было собраться с силами для борьбы за крупные, то видеть в них уход от империализма значило бы совершенно не понимать их. Они входят в практику империализма.

Последний спасительный прыжок Каутского из облаков оказывается прыжком на почву империализма. То, что Каутский считает реформой империализма, будет только его усилением. Реформы, которых добивается пролетариат, всегда должны укреплять его позицию, а согласительная по-

литика великих держав не может стать целью пролетариата, не ослабив его. Если бы пролетариат двух стран, стремясь добиться хотя бы краткой передышки, использовал бы свое влияние для „примирения" своих империалистических правительств, то этого нельзя было бы сделать, не становясь на точку зрения этих правительств. Империалистические соглашения—это колониальные торгашеские сделки. Чтобы играть роль „честного маклера" между правительствами (мы пользуемся прекрасным выражением, которым бессознательно заклеймил эту политику т. Ледебур: он сказал это слово в рейхстаге, в речи по поводу бюджета министерства иностранных дел, произнесенной в мае этого года), рабочему классу обязательно пришлось бы признать эти сделки. Ведь, маклеру приходится предлагать каждой стороне что-нибудь такое, что имело-бы для нее ту или иную ценность. Результатом такой политики могло бы быть только признание колониальной политики, т.-е. принятие пролетариатом капиталистической точки зрения: нельзя защищать „примирение" и отвергать единственно ведущий к нему при данных обстоятельствах путь.

Но если та или иная реформа уводит пролетариат с пути классовой борьбы, то пролетариат не может ни принимать, ни тем более защищать такую реформу. Это—желтая реформа, употребляя термин, выдвинутый Раппопортом против Мильерана. Но Каутский выдвигает такую реформу и это, принимая во внимание его общие взгляды, служит лишним доказательством того, что он не охватывает всей области, затронутой этим спором, и что последствия его политики за последние годы так и не позволят ему охватить эту область.

4. Предпосылки и выводы.

Если изучить разногласие между частью радикалов и т. Каутским в понимании вопросов о нашей внешней политике и о вооружениях, то окажется, что в основе этого разногласия лежит различие в применении марксистского метода. Но считать это различие последним основанием наших разногласий было бы ошибкой. Мы не хотим говорить о том,

всегда ли Каутский изучал и обосновывал нашу политику таким спекулятивным методом, потому что дело, ведь, не в личных объяснениях, хотя тов. Каутский и видит источники разногласий в моем упорстве неудачного изобретателя и в том, что мне удалось совратить с пути истины такое наивное и невинное дитя природы, как Пауль Ленш. То обстоятельство, что когда-то Каутский видел империализм в несколько другом свете, и что теперь на его стороне стоят некоторые товарищи, которым мы в свое время были обязаны прекрасным анализом двигательных сил империализма, а также и такие товарищи, которые, не углубляясь в теории, стоят за разоружение из чисто политических соображений, — и указывает на то, что действительные источники расхождения лежат совсем в другой плоскости. Искать их нужно в плоскости обще-тактических расхождений, проявившихся в лагере немецкого марксизма за последние годы. Каутский только яснее выявил характер и последствия тактической позиции, объединяющей его с частью радикалов, а те особенности германского империализма, которые я пытался осветить в своей статье „К нашей борьбе против империализма", напечатанной в „Neue Zeit", сделали точку зрения Каутского в этом вопросе приемлемой и для части тех товарищей, которые в обще-тактических вопросах не хотят иметь с его позицией ничего общего.

Наша позиция особенно возмущает Каутского тем, что она сводит современное положение вещей к формуле „здесь империализм—здесь социализм", что она видит в империализме последнюю фазу разлагающегося капитализма, что она отвергает все иллюзии насчет реформирования империалистической политики, и считает главной задачей рабочего класса использование всех благоприятных моментов для массовых выступлений против империализма. Этой политике он противопоставляет другую: он тоже проповедует борьбу против империализма и против гонки вооружений, но борьбу не чисто пролетарскую, а в союзе с мелкой буржуазией и даже с частью буржуазии, которая, будто бы, имеет в этом вопросе общие с пролетариатом интересы, когда на самом деле решается вопрос о жизни и смерти капитализма. Что же это, как не лозунг „Долой черно-

синий блок", как не та политическая основа избирательного соглашения, которую тов. Каутский, жертвуя методом и фактами, защищал этой зимой с тем же усердием, что и лозунг разоружения? Выступая против тактики, видящей основную задачу социал-демократии перед лицом опасностей империалистической политики в повышении активности масс, Каутский, правда, принципиально не отказывается от массовых выступлений. Он даже пишет („Neue Zeit" XXIX, 2, стр. 103), что при такой ситуации не исключен успех всеобщей забастовки. Но через несколько фраз он заявляет:

Если дело уже дошло до того, что население видит причину войны не в собственном правительстве, а в агрессивности соседей (а какое правительство не пытается с помощью своей печати, своих сторонников, своих дипломатов привить массе населения эту точку зрения?), если дело доходит до войны при таком положении вещей, то во всем населении загорается единодушное стремление к укреплению границ, отделяющих от злобного врага, к защите отечества от вражеского нашествия.

Тогда все, не исключая и интернационалистически настроенных групп, сразу становятся патриотами; если бы и нашлись отдельные лица, которые, обладая сверхчеловеческим мужеством, захотели бы препятствовать спешной отправке войск к границе и самому тщательному снабжению их всеми военными припасами, то, чтобы справиться с этими смельчаками, правительству не пришлось бы и пальцем пошевельнуть. Разъяренная толпа сама растерзала бы их.

Политическая всеобщая забастовка—это колоссальное предприятие, которое может быть выполнено, и выполнено удачно, только при особо благоприятном стечении целого ряда обстоятельств. Пользоваться всеобщей забастовкой, как средством помешать защите границ от внешнего нападения,—значит пускать ее в ход тогда, когда все без исключения обстоятельства делают ее невозможной, когда она в лучшем случае может быть только героическим безумием.

Какое правительство не попытается выставить себя невинной овечкой в конфликте с соседом? Даже Каутский признает, что всякое правительство будет вести себя именно так. Бывает ли такая война, чтобы неприятель не стоял у границ государства? И кто может серьезно думать, что капиталистическое правительство решится на „легкомысленное" выступление при такой ситуации, когда оно могло бы быть лишено в глазах народа видимости права? Нет такой войны, при которой не было бы на лицо всех условий, делающих массовую стачку безнадежной. Но это верно только в том случае, если прав Каутский, если в момент войны классовые противоречия улетучиваются из сознания масс, если в этот момент вся сорокалетняя работа социал-демократии может и должна хотя бы временно сойти на-нет.

Мы не будем подробно останавливаться здесь на этом вопросе,—этим занимается Паннекук [1]),—потому что для нас дело идет не об опровержении, а только о формулировке. Ведь, совершенно ясно, что, кто уверен в самом жалком провале всякого массового выступления против империалистической опасности, тот должен восставать и против теоретического анализа, устанавливающего всю беспомощность парламентских выступлений против империализма, рассматриваемого, как последнее прибежище капитализма. Мы отнюдь не думаем, что массы могут переходить к решительным действиям в каждом случае военного конфликта, мы не думаем, что такие действия будут всегда успешны. И все-же мы считаем первым долгом социал-демократической агитации разъяснять массам, что вся буржуазия целиком стоит за империализм, что против него нет никаких средств, кроме активности рабочего класса, укрепляющейся повсюду и даже в главной опоре империализма—в армии, которую в интересах борьбы против империализма необходимо реорганизовать на демократических началах.

Такая точка зрения кажется Каутскому проповедью „героического безумия", что и является источником его

---

1) Статья была написана до появления статьи Паннекука о массовых выступлениях.

старания не видеть того, что есть. Не желая отрешиться от „тактики измора", он боится тех выводов, к которым приводит анализ империализма, и пересматривает свое понимание империализма подобно тому, как два года назад он, ради той же „тактики измора", пересмотрел свою теорию всеобщей забастовки.

Каутский изображает Ленша, показавшего всякому не предвзято мыслящему товарищу, что́ собственно означает этот пересмотр, очень дурным человеком. Это равноценно его утверждению, будто бы тов. Люксембург, желая доказать его, Каутского, измену своим прежним взглядам на всеобщую забастовку, фальсифицировала документы. Если мы упоминаем об этой несколько комической стороне дела, то только потому, что она приводит к очень серьёзному политическому вопросу о последствиях политики Каутского.

В политике социал-демократии бывает то же, что и во всякой другой политике: кто не идет вперед, тот идет назад. Кто закрывает глаза на действительность из страха (далеко не всегда сознательного) перед последствиями констатирования того, что есть, тот не только не исполняет своей социал-демократической обязанности говорить о том, что есть, но и прямо вынуждается говорить о том, чего в действительности не существует, т.-е., распространять иллюзии. Всякое незнание действительности приводит к путанице [1]).

Пусть эта путаница выражается у отдельного человека в стремлении доказать, что изменился не он, а другие: это еще не так важно; важно то, что она может привести всю партию к политике вечного топтания на месте, неизбежно ослабляющей ее агитационные силы.

Вот с чем надо бы в первую очередь считаться нашим товарищам-практикам, которые заявляют: разоружение не-

---

1) Резче всего эта путаница дает себя знать в статьях т. Экштейна („Neue Zeit"). Несколько месяцев назад мы приводили в пример его статью о современных требованиях социал-демократии, в которой он договорился до утверждения, что все наши требования несовместимы с существованием капиталистического общества,—а также и статью Spectator'a на ту же тему в „Dresdner Volkszeitung".

возможно, но это выигрышный агитационный лозунг; что же до соглашения об ограничении вооружений, то это, конечно, временное мероприятие, но и оно, в качестве конкретно достижимой цели, может влиять на массы и побуждать их к действию лучше всякой агитации общего характера, хотя бы и совершенно справедливой по существу. Оставим в стороне тот факт, что борьба за демократическую организацию армии, если только вести ее в конкретной форме, ставит перед нашей ежедневной борьбой против империализма еще более реальную цель, и что опасности империализма всегда служат достаточно конкретной мишенью для нападений. Мы только хотим установить, что социал-демократия обязана не приурочивать свою агитацию к иллюзиям масс, а, наоборот, пытаться освободить массы от всех иллюзий, непрырывно, при каждом выступлении открывая им глаза на то, что есть в действительности. Но практики, которые считают, что в массах живет вера в возможность разоружения и в выгоды соглашений между капиталистическими правительствами,—плохие наблюдатели. Ничто не оставляет пролетариат в собраниях таким холодным, как рассуждения о союзе с „культурными нациями", о возможностях ограничения милитаризма. Ничто не вызывает такого горячего сочувствия, как призыв к солидарному выступлению пролетариата против политики тех „культурных государств", которые протягивают руку царю-палачу ленских рабочих, чтобы он помог им ломать друг другу шею. Ничто не вызывает в массах такого энтузиазма, как установление того факта, что империализм приводит капитализм к пропасти, и что историческая роль рабочего класса заключается в том, чтобы столкнуть его в эту пропасть. Да иначе и быть не может, так как боевая натура рабочего класса инстинктивно ведет его к сознанию, что ни один класс не отступает и не изменяет своей природе, не испробовав предварительно всех средств. Иначе и быть не может, ибо с каждым годом растет мощь рабочего класса, с каждым годом растет и его уверенность в победе над капиталом. Поэтому и лозунг разоружения, и все то, что привешено к нему с разных сторон, и что защищается частью практиков из агитационных соображений,—

все это может привести к чему угодно, но только не к росту успехов нашей агитации.

Вот почему мы убеждены, что если на партийном съезде в Хемнице большинство партии, в виду неполной ясности проблемы, окажется на точке зрения фракции, теоретически возглавляемой Каутским, то эта победа будет недолговечна. Фантазия творит стихи, спекуляции, да плохую философию, но борьба требует меча, а железо кроется лишь в черной земле действительности.

(Bremer Bürgerzeitung, Beilage 1912)

Капиталистические вооружения, народная армия и социал-демократия.

1. Опять военный законопроект,—а дальше что?

Германия приступает к новым вооружениям; два года назад был принят план на пять лет, по которому численность армии увеличивалась на 11.000 человек и военные расходы—на 140 миллионов марок; в прошлом году численность армии увеличена на 29.000 человек и военные расходы—на $650^1/_2$ миллионов. В общем этот резкий скачок должен дать войску лишних 150.000 человек, что влечет за собой единовременную ассигновку одного миллиарда и постоянный расход в четверть миллиарда марок. Прибавьте к этому те 1.576.326.000 марок, которые государство еще до того тратило на армию и флот.

Тем самым Германия дала сигнал другим государствам. Франция перестраивает свою военную организацию, пересматривает закон 1905 года, установивший двухгодичный срок военной службы, и вводит трехгодичный срок со всеми его губительными для хозяйства и живой силы страны последствиями,—вводит только для того, чтобы угнаться за быстрым развитием немецкого милитаризма при населении на треть меньшем, чем в Германии. Союзница Франции, Россия, последует за нею, либо сформировав новые корпуса, либо улучшив вооружение уже существующих. Не отстанет от России и Австрия, конкурирующая с ней на Балканах; она уже увеличила свою армию на 60.000 человек и все-таки собирается влить в нее еще 30.000. Это вынудит к новым вооружениям и ее союзницу Италию: в капиталистическом

мире и вражеские, и дружеские отношения требуют равновесия вооружения. „Дружественным“ державам приходится вооружаться, чтобы значение этой дружественности оставалось одинаковым для обеих, ибо вся цель их состоит в том, чтобы не дать задавить себя.

Так начинается головокружительная скачка вооружений. По весьма низким оценкам официального органа „Nauticus“ расходы по вооружению поглотили в „цивилизованных“ странах за последние десять лет более 65 миллиардов марок: в Германии более 10 миллиардов, в Англии более 12, во Франции более 9, в России более 11, в Австрии более $4^1/_2$, в Италии более $3^1/_2$, в Америке более 10, в Японии более $2^1/_2$. Надо заметить, что при этом расчете не приняты во внимание колоссальные убытки народного хозяйства от изъятия рабочей силы. Профессор Кобач [1]) исчисляет стоимость года вооруженного мира в одной Европе в 18 миллиардов марок: 7 миллиардов марок прямых издержек по вооружению, 5 миллиардов на содержание личного состава армии (5 миллионов человек по 1.000 марок), 6 миллиардов марок долговых процентов. В наш прославленный век социальной политики все расходы по общественному благу, начиная с начатков знаний, которые даются детям, и кончая пенсией, выдаваемой инвалиду-пролетарию, составляют $^1/_{23}$ расходов по вооружению. (По анкете французского министерства иностранных дел).

Ну, а каковы результаты этих колоссальных расходов, которые выкачиваются из народной массы путем косвенных налогов, которые подавляют стремление этой массы перейти от положения рабочего скота к положению человека, которые отнимают у нее все культурные возможности?—Вооружения должны обеспечить мир. Но как обстоит дело с самим этим несчастным миром, который, благодаря вооружениям, связан с рабством и нуждой населения?—Вот что пишет об этом сторонник вооружений, бывший дипломат, а ныне национально-либеральный парламентарий Рат в газете „Tag“ от 8-го марта с. г.:

---

[1]) Проф. д-р Рудольф Кобач, „Значение вооружений для народного и государственного хозяйства“, Вена, 1911, изд. К. Конеген, стр. 54.

„Нельзя отрицать, что необычайное увеличение военной мощи представляет собою опасность для мира, что если военное напряжение перейдет определенные границы, то учение о страховании в форме издержек по вооружению будет поколеблено. Тяжесть вооружений может в один прекрасный день стать невыносимой и разрешиться войной".

Растет нужда, растет опасность войны—вот результат политики вооружений. Юных сынов народа, часто кормильцев семьи, отрывают от жизни в те годы, когда они лучше всего могут учиться, в годы, когда жизнь может принести свои лучшие дары даже их нищей юности,—отрывают и запирают на долгие годы в казармы, мучают убивающей дух муштрой, обращаются с ними, как с бессмысленным скотом. И все это делается для того, чтобы они, когда потребуется, стреляли в своих отцов и матерей или зарубежных братьев-рабочих, чтобы сами они были пушечным мясом. Пролетариат инстинктивно противится этой растрате хозяйства и живой силы страны, противится опасности превращения цивилизованного человечества в орды режущих друг-друга варваров. Нет ничего естественнее нашего стремления положить конец этому процессу, толкающему весь мир в пропасть. Сердце и мозг трудовых народных масс, их классово-сознательный авангард, социал-демократия, не может спокойно, сложа руки, смотреть на это милитаристическое опьянение. Она не может удовлетвориться одной критикой, она должна организовать борьбу с вооружениями, мобилизовать на эту борьбу все силы народа.

Но есть ли средство для смягчения этого угрожающего человечеству состояния и для окончательного его уничтожения? Стремление и сознание масс указывают на социализм, который уничтожит эксплоатацию человека человеком, а стало-быть, и взаимную конкуренцию эксплоататоров, и средства борьбы между ними—вооружения и войну. Но средством для этой конечной цели является, по мнению социал-демократии, народная армия (милиция). Указывая на эту цель, как на вытекающую из развития милитаризма и осуществляемую в рамках капитализма, пока она в своем полном

утверждении не прорвет этих рамок, — социал-демократия становится в оппозицию не только к фанатикам милитаризма, но и к буржуазным апостолам мира, этим буржуям до мозга костей, желающим сохранить капитализм с его порабощением народа и устранить лишь самый спелый плод его— варварство войны.

„Бывают такие идеологи буржуазного происхождения и буржуазного образа мыслей, которые мнят себя лишенными эгоизма своего класса и питают искреннюю ненависть к Молоху, усердно пропагандируя уничтожение существующих армий, или, по крайней мере, разоружение их в широком масштабе. Они полагают, что таким образом можно изгнать из рая нашей культуры ангела войны и создать такое положение вещей, чтобы споры между государствами разрешались уже не железом и кровью, а мирными международными третейскими судами. Но если перед пролетариатом встанет вопрос, оказывать ли поддержку этим усилиям, то ответ его может быть лишь один: „нет!“. Так пишет Гуго Шульц, социал-демократический историк войн и военных организаций [1]):

И отказ этот обусловлен многими причинами. Конечно, рабочий класс так же мало расположен к войне, как и утописты из числа миролюбцев, тем более, что ему придется страдать от нее больше, чем кому бы то ни было. Даже если эта война является актом необходимой национальной обороны, то все же ее возможный благоприятный исход гораздо выгоднее для господствующих классов, чем для рабочих. И все-таки рабочий класс будет старательно оберегаться от этой „мании разоружения“. Доверяясь только своему историческому чутью, он отправится по тому пути, на который указывает ему ясное понимание исторической необходимости и исторических взаимоотношений. Этот путь ведет, во всяком случае, к такой цели, по достижении которой человечество будет избавлено от кошмара войны. Как только будет закончена социалистическая организация нашего культурного мира,—интересы отдельных элементов

---

[1]) Гуго Шульц, „Кровь и железо“, стр. 16–18. Берлин, издание Vorwärts'а.

организации начнут протекать более параллельно: при полном развитии производительных сил, каждая секция социалистического общества найдет гарантии беспрепятственного развития в себе самой, и не будет вынуждена ни в одной точке пересекать дорогу соседа. Но пока эта тенденция, заложенная в ходе развития нашей культуры, не осуществится вполне, мы все еще будем одержимы наследственным пороком войны, а пока это так, интересы рабочего класса требуют только того, чтобы мы всеми силами препятствовали каждому отдельному прорыву гнойника. Когда мы имеем дело с фактами столь внушительной силы и столь глубокого исторического происхождения, как современный милитаризм, то такие факты возможно не упразднять, а только преодолевать в борьбе.

Заметим, между прочим, что и в стремлении упразднить большие армии и вернуться к типу маленьких наемных или рекрутских армий заложено чисто-буржуазное соображение. Как и во всех своих действиях, господствующие классы попали втупик и со всеобщей воинской повинностью, создавшей народную крепость против того же народа. Конечно, гигантские армии необходимы им, но в то же время они боятся скрытого в них демократического духа, которому нужно только проснуться, чтобы взорвать давящие его оковы феодально-иерархической организации. Уже встречаются высокопоставленные генералы, совершенно открыто заявляющие, что всеобщая воинская повинность губит былое величие привилегированной военной касты и ведет к демократизации армии.

А это и есть то, к чему стремится рабочий класс. Но, как замечают даже проницательные бойцы Молоха, слабым местом его системы является Архимедова точка, к которой социал-демократия должна приложить свой рычаг, чтобы сдвинуть твердыню классового господства. Не упразднение армии, но демократизация армии,—вот ее лозунг. Нашей целью должно быть не разоружение массовых армий и не возврат к маленькому отборному войску прошлого, которое хотя и не столь многочисленно, но зато является безусловно точным и надежным орудием в руках власть имущих. Нет, мы хотим использовать все естествен-

ные следствия, вытекающие из всеобщей воинской повинности. И мы не только хотим этого, но так оно и будет: собственная внутренняя диалектика ставит милитаризм в противоречие с самим собой и постепенно разлагает его; под разрушительным напором действующих в нем сил, под напором тех демонов, которых он однажды призвал, чтобы никогда не отделаться от них,—блестящее войско монархов, звенящего шпорами юнкерства, дрожащей за свои сокровища буржуазии, неизбежно превращается в милицию, в могучее войско всего народа, который господствует в этом войске и над ним. Вот тот процесс, которому мы должны содействовать. Мы так же миролюбивы, так же полны отвращения ко всяческой военной славе, как и утописты-миролюбцы. Но вместо того, чтобы строить воздушные замки, мы предпочитаем действовать на почве исторически данного и исторически неизбежного. Вместо того, чтобы в своем воображении свергать с престола бога войны, мы предпочитаем создавать реальность, которая в состоянии противостоять его злым чарам.

Согласно этой превосходной характеристике взглядов социал-демократии, в которой Шульц выражает лишь то, за что всегда боролись и наш старый учитель Энгельс, специалист в этой области, и прекрасный знаток древней военной истории Меринг, и их убежденный последователь Бебель, нельзя обосновывать наше требование милиции так, как обосновывается какое-нибудь „полезное“ изобретение творческой фантазии или спекуляции. Наше требование должно быть обосновано исторически, т.-е., как необходимое следствие развития милитаризма в рамках общего капиталистического развития. Материалы для такого обоснования мы найдем не только в работах названных выше передовых борцов, у которых постановка милиционного вопроса в целом прочна и неуязвима, хотя в отдельных частностях и не вполне соответствует современному состоянию милитаризма и империализма. Мы найдем их и в научной литературе самого милитаризма, начиная с его современных крупных представителей—с мемуаров Клаузевитца, Гнейзенау, Шарнгорста, через буржуазных представителей милиционизма—

Шульц-Бодмера, Рюстова, и до современных рыцарей милитаризма—генералов фон-Шлиффена, фон-дер-Гольца, фон-Бернгарди и прочих менее значительных богов милитаристического Олимпа.

2. Возникновение современной организации военного дела.

а) Наемное войско.

„Ничто так не зависит от экономических условий, как армия и флот. Набор, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от состояния производства и путей сообщения. Перевороты в этой области производились не „свободными созданиями разума" гениальных полководцев, а изобретением лучшего вооружения и изменением живого материала армий; влияние гениальных полководцев в лучшем случае ограничивается приспособлением тактики боя к новому вооружению и к новым солдатам".

(Фридрих Энгельс, „Анти-Дюринг").

„Социальные отношения каждого данного исторического периода оказывают решающее влияние не только на военный организм каждой нации, но и на характер, способности и устремления военных деятелей".

(Подполковник Руссэ, профессор Высшей Военной Школы в Париже, „Les maitres de la guerre" (Мастера военного дела).

Постоянное массовое войско, всегда находящееся в распоряжении государства, является продуктом, так-сказать, „вчерашнего дня". Оно появилось немногим более ста лет назад. Оно возникло, как оружие народов, но когда наемное войско оказалось негодным оружием для князей, то князья выучились пользоваться вооруженным народом в

качестве оружия против народа, обратив демократический институт всеобщей воинской повинности в анти-демократическую организацию постоянного войска и пытаясь привить народной армии дух княжеской солдатчины. Поэтому в современном войске, как оно развилось во всех европейских странах с 1871 года, мы находим черты народной милиции французской революции и черты фридриховских наемников, повинующихся из-под палки,—т.-е. смешение элементов революционного и реакционного характера. Оценить полностью их сравнительную силу, их влияние на общую тенденцию развития милитаризма наших дней можно лишь тогда, когда выяснены причины, вынудившие правительства превратить наемное войско в народную армию.

Наемное войско было созданием абсолютизма нового времени. Оно возникло из развалин средневекового феодализма. Средневековье вообще не знало постоянного войска, подчиненного государственной власти. Государственная власть средневекового суверена была очень слаба. Она не могла самостоятельно управлять подвластными ей землями уже по одной причине плохих средств сообщения и разбросанности редкого населения. Это население управлялось само собой: как в деревнях, еще стоявших на ступени натурального хозяйства, так и в городах, уже практиковавших хозяйство товарное, господствовала демократия. Начало отношений государя и подданных определялось только в натуральных повинностях по отношению к крупным земельным собственникам, предоставлявшим земледельческому труду вооруженную охрану. Но хотя с увеличением производительности труда зависимость народа и возрастала, хотя это увеличение и давало крупным землевладельцам действительную власть и возможность присваивать себе часть рабочей силы или трудовой продукции народа, однако, власть государя увеличивалась лишь постольку, поскольку он в качестве одного из крупнейших земельных собственников извлекал пользу из общего экономического развития. В качестве же государя он продолжал оставаться зависимым от своих вассалов. Войны, которые вели между собой средневековые государи, были— как это блестяще доказал проф. Дельбрюк в своей работе

о военном деле средневековья—мелкими и не выдерживали с современными войнами никакого сравнения, ибо в них принимало участие никак не больше нескольких тысяч человек. Они велись рыцарями-вассалами, которые являлись на конях по просьбе своего государя, но, впрочем, могли и не являться. И это случалось часто, ибо условия зависимости были очень неопределенны. Таким образом, в те времена не было ни постоянного, ни абсолютно послушного государственной власти войска, и, что самое важное, народ был совершенно освобожден от обязанности сражаться за интересы господствующего рыцарства и его коронованного сюзерена.

В течение последних столетий средневековья—в XIII, XIV, XV столетиях,—в эти отношения проникли некоторые перемены. Они были обусловлены дальнейшим ходом хозяйственного развития. Рост производительности труда городских и деревенских народных масс побудил рыцарей поглубже запустить руку в народные карманы, усилить эксплоатацию. Повсюду, где только это позволяли географические и другие условия, крестьяне оказывали этой тенденции благородного рыцарства ожесточенное сопротивление. В возникших отсюда войнах XIII и XIV века рыцарское войско было позорно разбито в Чехии, Швейцарии и Фландрии. Рыцари прекрасно умели блистать на турнирах, но перед окованными железом дубинами, перед топорами и копьями крестьян и ремесленников, сражавшихся за свое кровное дело, рыцарское военное искусство, воспеваемое в столь торжественном тоне, разлетелось, как пыль по ветру. В то же самое время, когда крестьяне подорвали репутацию рыцарского войска и показали в истинном свете значение необученной военному искусству пехоты, с рыцарством вступили в борьбу и государи (короли и князья). Они, как и рыцари, пытались использовать процесс экономического развития для усиления своей мощи. Защищая от рыцарей города, в которых уже было развито денежное хозяйство, они получали от этих городов деньги, дававшие им возможность нанимать пехоту, с помощью которой они пытались сломить самостоятельность дворянства, образовать центральную государственную власть, ввести

единое судоустройство и единую податную систему [1]). Они, конечно, не уничтожали привилегий дворянства по отношению к народной массе, но они превращали дворян в своих подданных. В промежутке между XV и XVIII столетиями эта политика удается в различных государствах в различной степени, в зависимости от высоты хозяйственного и политического состояния. Во Франции она уже в XV веке привела к образованию централизованного и деспотического государства; в Германии, после долгой борьбы, начиная от реформации и до тридцатилетней войны,—к развитию целого ряда управляемых подобным же образом отдельных государств. Здесь не место рассматривать этот процесс; нужно только сказать, что этот результат был обусловлен в Германии тем, что хозяйственные интересы юга и севера, востока и запада Германии шли по разным направлениям, и что династия Габсбургов, которая хотела властвовать одновременно и в Испании, и в Венгрии, и в Австрии, и в Нидерландах, не могла объединить своих сил для борьбы с немецким рыцарством и отдельными князьями; к этому присоединилось еще и то обстоятельство, что Средиземное и Балтийское моря потеряли свое значение торговых путей, которое перешло к Антлантическому океану, и это изменение на долгие столетия затормозило развитие Германии и ослабило в ней тенденцию к централизации [2]). Но в пределах немецких государств, возникших в течение XVI и XVII столетий, военное дело развивалось в том же направлении, что и

---

1) Здесь нужно указать на то, что основная причина падения рыцарства лежит в этих общих обстоятельствах, а не в открытии пороха. Поэтому если Энгельс в „Анти-Дюринге“ (стр. 179) говорит: „В начале XIV столетия порох проник от арабов в Западную Европу и перевернул все военное искусство“, то при этом он забывает то, что подчеркивается им самим дальше, а именно, что этот процесс длился три столетия. Это, конечно, не уменьшает значения его дальнейших выводов, как и значения всего этюда о развитии военного дела, который поистине гениальным образом намечает основные линии истории всего военного дела.

2) Описание всех этих взаимоотношений читатель найдет в первой части превосходной работы Каутского „Томас Мор“, в первой главе „Крестьянской войны“ Энгельса и в книге Меринга „Густав Адольф“.

во Франции, где в 1445 году при Карле VII было образовано маленькое наемное войско, держать которое имел право только король, и издержки по которому были приняты дворянством в виде постоянного налога (denarius perpetuus). В 1654 году немецкий рейхстаг тоже постановил, „что бюргеры всех сословий, подданные и ленники каждого курфюрста обязуются притти на помощь своим князьям, господам и начальникам соответственными взносами на устройство и содержание потребных крепостей, укреплений и гарнизонов“ [1]).

Степень способности князей к действительному созданию наемного войска зависела от силы, с которой они были в состоянии прижать юнкерство. В Германии наемное войско получило наибольшее развитие в Пруссии. Хотя в 1640 году у великого курфюрста было всего 3.600 пеших солдат и 2.500 рейтеров—немногим больше, чем у нынешнего кайзера лакеев на службе—и только в 1663 году дворянство приняло на себя издержки по содержанию наемников на шесть лет,—но после своей смерти он оставил уже 30.000 наемников, а в 1717 г. Фридрих Вильгельм I решительно покончил с последними остатками ленной службы юнкеров, за что им пришлось вотировать ему деньги. Он оставил после себя уже 80.000 наемников. Достигнуть этих результатов удалось лишь после упорной борьбы с юнкерами, которые весьма косо смотрели на усиление королевской власти. Чтобы побороть помещичье сопротивление, прусским князьям пришлось дать юнкерам полную свободу грабить крестьян, а также ставить во главе наемных отрядов исключительно пролетаризованных помещиков (Krippenreiter) и сыновей мелких юнкеров. Помогло князьям еще и то обстоятельство, что с развитием хлебной торговли между Германией, Англией и Нидерландами, юнкера нашли более выгодным возиться с крестьянами, чем проливать свою кровь на полях битв. Увеличивая королевскую мощь, этот процесс создал и средство расширения и развития королевской вла-

---

[1]) Цитировано у Зомбарта, „Война и капитализм“, Берлин, 1913 г., стр. 27.

сти—наемное войско. Вытеснение крестьянского землевладения юнкерами вызвало большую тягу разоренных крестьян в города, где они искали применения своим силам в промышленности, торговле и т. п. Ремесленники, не находившие в отживших цехах верного куска хлеба, разоренное войной мелкое юнкерство и т. п. элементы искали случая убивать и грабить, не боясь виселицы.

„Мы ищем господина,
Что даст нам дело да денег вволю",

— пели они. Этими господами и были князья, которые через посредство опытных военных собирали к себе сброд из всех стран. Вначале предпринимателями были сами полководцы. К ним ландскнехт нанимался, от них получал деньги и им же приносил присягу верности. А кому приходилось служить, за чье дело проливать кровь, это ландскнехтов нисколько не интересовало. Они были именно ремесленниками войны, и как мануфактурный рабочий не думает о том, кто будет носить сработанный им саван, так и наемник, занимаясь своим ремеслом, не беспокоился о том, кому именно он принесет смерть, или от чьей руки найдет ее сам. Мало-помалу, наученные тяжелыми испытаниями (ландскнехты часто бастовали во время походов), государи начали обращать самостоятельного вербовщика-полководца в поставленного королем офицера, а наемника — в солдата, непосредственно принадлежащего королю. Это дало возможность покрепче держать в руках их обоих. Наемники принесли присягу курфюрсту только в 1656 году. Чем чаще полководцами оказывались местные юнкера, тем больше росла прямая зависимость командования от короля. В конце-концов, когда князья оказались не в силах оплачивать издержки по вербовке чужеземных наемников,—да и вербовать их пришлось в самых различных странах, ибо с укреплением общего положения приток авантюристов уменьшился,—то они начали силой и хитростью вербовать туземных жителей, а в 1733 году объявили всеобщую воинскую повинность. С этого момента,— с момента, когда государство стало „на законном основании" набирать солдат из среды беднейшего населения страны, —

можно говорить о действительном и постоянном княжеском войске, начальники которого были слугами королей. Выработанная в интересах юнкеров организация этого войска свидетельствовала о том, что короли и их родственники, дворяне, позаботились и о своей пользе. Уроженцы страны, призываемые сначала на всю жизнь, а потом на 20 лет, проходили короткую муштровку и затем оставались под ружьем только на самый короткий срок; все остальные годы они проводили в тяжелой работе по поместьям юнкеров: их содержание в казармах вызвало бы слишком большие расходы. Жалованье офицер клал себе в карман. Иностранные наемники тоже посылались в качестве „свободных стражников" на работу в гарнизоны, а экономия от расходов по их содержанию попадала в карманы помещиков офицеров.

Так были созданы постоянные армии: завербованные силой и хитростью бедняки или призванные „по закону" люмпен-пролетарии и крепостные составили армию, вынужденную сражаться за совершенно чуждые ей интересы. Так как они часто дезертировали из-за плохого обращения и обкрадывания, то их дрессировали для войны палочными ударами, и теми же палочными ударами гнали в бой. Насколько многочисленны были эти войска, сдерживаемые фухтелями и принуждаемые к абсолютной покорности, показывают цифры, заимствованные нами из уже цитированной книги Зомбарта (стр. 43): Австрия могла выставить в мирное время 297.000, а во время войны 363.000 человек; Россия — 224.000; Пруссия — 190.000; Франция — 182.000; Испания — 85.000; Швеция — 47.000; Дания-Норвегия — 74.000; Нидерланды — 36 000; Курфюршество Саксонское — 24.000; Бавария — 17.000; Гессен-Кассель — 15.000; Сардиния — 25.000; „Святой Отец — 5.000; мелкие „отечества" мы оставляем в стороне.

Какова была военная сила этих угнетенных рабов, покажет нам следующая глава, в которой будет описано их столкновение с революционными народными армиями [1]).

[1]) Материалом для этой главы, трактующей о возникновении солдатчины, послужила книга Г. Шульца „Кровь и железо", основывающегося в вопросе о развитии военного дела в Пруссии на „Легенде о Лессинге" Ф. Меринга. Буржуазные источники, вроде труда Остен-

б) Армия революции.

„Стратегия XIX века создана американскими и французскими крестьянами".
(Меринг „Легенда о Лессинге").

Фридриховское наемное войско считалось во всей Европе классическим образцом непобедимой армии: палочные удары признавались лучшим военным воспитательным средством. И вот, заатлантические северо-американские фермеры начали борьбу за свою независимость. Они не захотели отдать себя в добычу английскому судоходству и промышленному капиталу. Два миллиона работоспособных людей сочли себя достаточно взрослыми, чтобы выйти из-под грабительской опеки Англии. Англия послала против них наемников, собранных из стран всех государей, ибо заставить английского буржуа выступить самому против американской крестьянской милиции не было никакой возможности, тем более, что и внутри страны Англия довольствовалась наемным войском. После победы крестьянской милиции [1]), при Кромвеле, (милиция „Freeholder'ов) над крупными земельными собственниками, милиционную систему в Англии забросили и,

---

Сакена „Прусское войско с его возникновения и по настоящее время", представляющего собою сводку всей соответствующей военной-литературы, могут служить читателю мерингової книги только иллюстративным материалом: им нехватает как-раз того, что сообщает труду Меринга не только достоинство классического исторического изложения, но и активное значение в нашей борьбе за милицию. Им нехватает того м е т о д а, по которому Меринг излагает развитие военного дела. Наша пропаганда милиции больше всего грешна именно в этом пункте: милиция часто противопоставлялась постоянной армии, как нечто готовое и законченное, как националистически обоснованное требование, внутренне не связанное с общим развитием военного дела и капитализма. Эта ошибка станет особенно ясна тому читателю, который ознакомится с тем, как изложено развитие военной организации у Меринга. Мы пользуемся „Легендой о Лессинге" и в следующей главе.

[1]) Забавно читать, как Даниэльс в своей „Истории военного дела" (т. V, стр. 99) пытается превратить социальные причины храбрости „индепендентов" (им грозил полный разгром со стороны крупных земельных собственников) в чисто-идеологические (религиозные).

согласно реакционному направлению послереволюционной английской политики, стали подражать в военном деле феодальной Европе. Посланные в Соединенные Штаты наемные отряды были разбиты американцами, и причины этого поражения английских наемников видны из письма немецкого поэта Иоганна Готфрида Зейме лучше, чем из самых длинных исторических рассуждений. Проезжая через Кассель, Зейме был схвачен вербовщиками и продан в качестве наемника в Англию. На корабле, который должен был в 1782 году отвезти его в Америку, находилось 1500 человек, большая часть которых помышляла лишь о бегстве, „потому что никому не было по душе драться из-под палки с беднякамиамериканцами, которым мы всей душой сочувствовали и желали всяческого счастья". Далее Зейме характеризует положение войска следующими словами: „Итак, мы живем здесь такой жизнью, что ей не позавидует и раб на галерах... Вообще я того мнения, что хуже, чем сейчас, вряд ли может быть"[1]). Тот, кто писал это, вовсе не был жалкой тряпкой. Несмотря на свою молодость, Зейме отличался закаленным характером. Войско галерных рабов не могло не понести поражения от войска людей, сражавшихся за свои интересы, даже и в случае равных условий боя для обеих сторон. Но в борьбе английских наемников с американскими бойцами за независимость повторилось то же явление, которое погубило феодальное рыцарское войско во время крестьянских и мещанских войн XIV и XV столетий. Новый социальный состав армии создал новую тактику боя.

Наемным войскам была присуща линейная тактика. Так как наемники и бедняки, набранные в армию простой или законной силой, были ежеминутно готовы дезертировать и не были достаточно многочисленны, чтобы их можно было бросать на врага сплоченной массой, то выстраивать их приходилось развернутой линией; кроме того, они не имели права действовать самостоятельными отрядами и должны были получать продовольствие из складов. „Изменение боевого строя во время схватки было невозможно, — пишет

---

[1]) „Избранные сочинения Зейме", Лейпциг, 1912 г., стр. 37.

Энгельс,—и победа или поражение определялись в самом непродолжительном времени после того, как пехота вступала в бой". Притом, такая развернутая цепь могла двигаться только по открытой равнине. Американская война за независимость сразу показала, к чему могла привести такая тактика в борьбе с народной массой.

„В американской войне за независимость против этих беспомощных шеренг выступили толпы мятежников, которые, правда, не умели парадировать, но зато прекрасно умели стрелять из своих нарезных ружей; они сражались за свои собственные интересы и, значит, не дезертировали, как солдаты навербованных отрядов; они не делали англичанам одолжений и не выступали против них цепью, но нападали рассыпанными подвижными толпами стрелков, пользуясь прикрытием лесов. Шеренга была здесь бессильна и гибла от невидимых и недосягаемых противников. Была впервые введена перестрелка—новая тактика боя, явившаяся следствием нового социального состава армии".

В Европе почти не обратили внимания на значение этой новой тактики боя, как вдруг разразилась французская революция, которая, находясь под угрозой ударов феодальной Европы, вынуждена была вновь пустить в ход американскую тактику.

До революции у Франции было наемное войско, состоявшее из иностранных наемников и из насильно навербованных крепостных, — войско, в котором помещики грабительствовали так же, как и в прусском войске, если не больше. Революция распустила эту армию. Подвергшись нападению со стороны феодальных держав, Франция была принуждена создать новую армию, что казалось невероятно трудным, так как народ, помнивший сбращение королевских офицеров с солдатами, ненавидел самый институт войска. Но так как грозящие Франции опасности угрожали и народным интересам (революция принесла крестьянам свсбоду и земельную собственность, а городской пролетариат и мелкая буржуазия еще верили, что она принесет и им освобождение от нужды), то конвенту все-таки удалось создать армию. В 1792 и в следующих годах были произведены рекрутские наборы (кон-

скрипции), и в 1795 году Франция уже имела в своем распоряжении громадную армию в 829.000 человек пехоты, 96.000 кавалерии и 93.000 артиллеристов. Эти толпы рекрутов, почти без обученных офицеров с каждым походом дрались против войск коалиции все лучше и лучше, инстинктивно изобретая свои собственные боевые методы и пренебрегая регламентом, предписывавшим старую линейную тактику. „Она (революция) могла выставить против обученных войск коалиции только многочисленные, но плохо обученные массы всенародного ополчения. С этими толпами приходилось защищать Париж, т. е. прикрывать определенную область, а для этого нужно было добиться победы в открытом массовом бою. Одних ружейных перестрелок было мало, нужно было найти способ введения в бой живой силы. Таким способом оказалась колонна. Построение колоннами позволяло и мало обученным отрядам двигаться в сравнительном порядке даже в случае очень быстрого марша (сто с лишним шагов в минуту); оно позволяло им нарушать окостенелые формы старого линейного порядка, сражаться на любой территории (а значит, и на неудобной для линейной тактики); группировать отряды соответствующим положению образом, и, под прикрытием огня рассыпанных повсюду стрелков, задерживать вражеские цепи; сопротивляться им; истощать их, пока не наступала возможность прорвать их с помощью резервных отрядов в самом важном пункте позиции. Следовательно, новая система боя, опирающаяся на соединение стрелков и колонн и на разделение армии на самостоятельные, состоящие из всех родов оружия дивизии или армейские корпуса,— эта система, вполне разработанная как с тактической, так и с стратегической стороны Наполеоном, стала необходимой, главным образом, благодаря изменению социального состава армии французской революции“ [1]).

Если отметить еще, что эти самостоятельные, но передвигающиеся отряды получали свое довольствие не только из магазинов, что, кроме того, они жили — да и принуждены были жить — еще и реквизициями в стране (реквизиция—при-

---

[1]) Энгельс, „Анти-Дюринг“, стр. 175.

нудительное взимание продовольствия), то тем самым будут определены все моменты их превосходства над наемным войском: большая численность, большая гибкость и приспособляемость к территории и, что важнее всего, моральное превосходство, о котором следует сказать еще несколько слов.

Интересы народных масс в оборонительных войнах против феодализма, а затем и идеология, созданная этими войнами,—идеология, ощущавшаяся и после того, как Наполеон уничтожил республику—все это позволило призвать народные массы под ружье, не употребляя насилия. Когда разразилась революция, то об идее всеобщей воинской повинности ничего не знали. Эта идея одновременно противоречила и идеологии руководящих буржуазных слоев, мечтавших о мирной наживе, и ненависти народных масс к военной службе, о которой мы говорили выше. И хотя после первых же рекрутских наборов победоносная буржуазия извратила смысл всеобщей воинской повинности введением права заместительства (в 1798 году), позволявшего буржуазным сынкам откупаться от солдатской службы, но войско Наполеона, в глазах народных масс, которым и его режим, в сравнении со старым абсолютистским, казался раем небесным, не потеряло своего характера народного войска. Оно чувствовало себя таковым, и в этом лежал источник его силы. Наполеон настолько сознавал эту причину своего превосходства, что никогда не обращался с солдатами, как с наемниками, поощрял в них мужскую гордость, щадил „свободу спины“ и всегда заботился о поддержании в войсках соответствующего духа путем прокламаций и бюллетеней. Уничтожением всех сословных привилегий в армии, созданием возможности карьеры каждому таланту (каждый солдат несет в ранце маршальский жезл), он пришпорил честолюбие солдат. Таково было наполеоновское войско. Оно не было создано по типу милиционной армии, за исключением того, что строилось из мелких составных частей; оно было беспрестанно пополняющейся армией рекрутов, изучавших военное ремесло лишь непосредственно в боевом огне. Искусство строя, вдолбленное наемным вой-

скам муштровкой, было совершенно чуждо этой армии. И все-таки она разбила наемные войска в сотнях сражений. Причина ее побед была так тесно связана с ее социальным своеобразием, что наемные войска никак не могли перенять наполеоновской тактики. Всеобщая воинская повинность, даже в ограниченной французской форме, не могла быть введена вне Франции до тех пор, пока народные массы других государств не почувствовали, что борьба с Наполеоном есть борьба за их собственные жизненные интересы. Этот момент наступил, когда Наполеон, боясь перегрузить Францию военными тяготами и тем подорвать свое положение в стране, начал чрезмерно отягощать страны, попавшие к нему в руки, превратившись, таким образом, во врага и притеснителя народов этих стран, вначале видевших в нем освободителя от феодальных оков. Только взрыв ненависти народных масс к Наполеону позволил покоренным феодальным государям, наемное войско которых было совершенно не в состоянии справиться с французами, применить к борьбе с наследником французской революции демократический принцип военной организации, созданный тою же революцией. Пруссия была подавлена Наполеоном сильнее, чем какая бы то ни была другая страна, и потому, чтобы осмелиться на борьбу с Бонапартом, ей пришлось ухватиться за спасительный принцип радикальнее, чем кому бы то ни было. Освободительным войнам, которые ныне празднуются буржуазией с тем большим треском, чем хуже она понимает их смысл, принадлежит особая глава в истории военной организации.

в) Всеобщая воинская повинность в Пруссии в 1813 г.

„Подъему Франции на эту ступень величия особенно посодействовала одна причина: революция пробудила все силы и дала каждой силе соответственную сферу действия. Благодаря этому, во главе армии встали герои, на высшие правительственные посты — государственные мужи, и, наконец, во главе великого народа встал величайший человек этого народа... Революция привела в действие всю национальную мощь французского народа и, таким образом, превратила уравнение различных сословий и равномерное обложение имуществ, живую силу человека и мертвую силу товаров в один прибыльный капитал, уничтоживши тем самым прежние отношения государств и покоящееся на них равновесие. Если остальные государства хотели вновь восстановить поколебленное равновесие, то они должны были открыть те же самые жизненные источники и использовать их. Они должны были усвоить все результаты революции и, таким образом, получить двойную выгоду: противопоставить иностранцам всю национальную мощь, и избегнуть опасности революции, которая еще не миновала для них только потому, что они не хотят добровольным изменением предупредить изменение „насильственное“.

(Из докладной записки Гнейзенау, от июля 1807 года.

„Как поэзия—хорошо!“—Фридрих Вильгельм III).

Прусское войско было разбито, прусское государство — на краю пропасти. „Первой и важнейшей причиной поражения было отсутствие единодушного порыва верхов и низов к защите самостоятельности и былой славы, равнодушие большинства солдат в армии и безразличие всего общества по отношению к государству“,—пишет фельдмар-

шал Кольмар фон-дер-Гольц [1]), заядлый защитник старопрусского юнкерства. „Так как враг оказался сильнее, то основное положение старой армии — солдат должен бояться офицера больше, чем врага—потеряло свою силу. Угас старый дух, оживлявший армию. Это было ее гибелью. Теперь сказалось ослабление моральной пружины", — пишет историк прусского войска, подполковник фон-дер Остен-Сакен [2]), предварительно исчерпавший все свои силы, пытаясь отмыть до бела такого черного кобеля, как юнкерство. Причина этого „угасания духа" ясна и самим защитникам юнкерства, вопреки их нежеланию знать тот несомненный факт, что французские стрелки просто расстреляли плети, без которых у рабского наемного войска не оставалось никакого повода драться на смерть за безнадежное дело, как сделали бы революционеры. И если официозные историки войны считают второй причиной поражения отсталые военные воззрения прусских военачальников, то тем самым они, в сущности, снова указывают на ту же самую причину, — на наемное войско, — ибо теории полководцев обыкновенно являются лишь отражением практики солдат, а на засохшем и изъеденном червями дереве наемного войска не могли распуститься те свежие цветы боеспособности и инициативы, которые составляли сущность наполеоновской тактики. И что это поражение зависело не от случайности,— это знали в 1813 году все заступники коренных реформ во всех областях. Что всего удивительнее, — это знают даже нынешние историки военного дела. Наследственное крепостничество затрудняло подъем духа армии, невнимание к которому явилось одной из основных причин поражения. Таким образом, коренная реформа войска была возможна только в связи с реформой всего государственного организма, — пишет фон-дер-Остен-Сакен [3]).

Но именно это и заставило всех, кому была выгодна старая система,— всех юнкеров и генералов,—противиться воен-

---

[1]) Кольмар ф.-д.-Гольц, „Военная история Германии в XIX веке", т. I, стр. 187, Берлин, 1910, Бонди.

[2]) Отомар фон-дер-Остен-Сакен, „Прусское войско с его возникновения и по настоящее время", т. I, стр. 376, Берлин, 1911, Mittler.

[3]) Остен-Сакен, т. II, стр. 2.

ной реформе, за которую боролась горсть дальновидных и мужественных офицеров, часть которых была буржуазного происхождения, другая же часть, идеологи своего класса, имела мужество порвать с ограниченностью юнкеров. Король, слабый во всем, кроме защиты юнкерских интересов, с необычайным для него упорством противился Шарнгорсту, требовавшему проведения всеобщей воинской повинности. Пять раз отклонял он предложения гениального реорганизатора, каждый раз придававшего своей идее преобразования армии новую форму.

„Король искренне желал уничтожить хозяйственные злоупотребления в армии (ротное хозяйство) и улучшить обращение с солдатами, т. е. реорганизовать армию, но с тем, чтобы она ни в коем случае не утратила ни своего линейного характера, ни виртуозности в маршировке, ни отвечающей его эстетическому вкусу формы. Все меры, клонившиеся к народному ополчению или выдвигавшие не освященное обычаем развитие более свободного военного духа, не пользовались у него доверием или даже находили в нем своего решительного врага“,—пишет в своих воспоминаниях майор Бойен, в то время член реорганизационной комиссии, а впоследствии прусский военный министр. „Сверх того, король оказывал предпочтение русскому военному устройству, которое пришлось ему очень по вкусу, и стремился, где только возможно, ввести его в прусскую армию“.

Итак, поверхностная реформа в западно-европейском духе, совместно с изменениями в духе полуазиатской русской солдатчины,—таков был идеал короля. Прибавьте к этому бдительную слежку Наполеона за прусской „игрой в солдатики“, пустоту государственной казны и недостаток во всем необходимом для снаряжения создаваемой армии. Ясно, что при таких обстоятельствах о проведении всеобщей воинской повинности нечего было и думать. Неопровержимым доказательством силы духа и характера Шарнгорста и его друзей служит то, что они не отчаивались и делали все, что только можно было сделать при создавшихся обстоятельствах.

Отрицательная работа по чистке армии отпадала сама собой. Из 258 старых полков оставалось только 8. В первую очередь рассеялись иностранные наемники, а для новой

вербовки не было денег. Итак, приходилось ограничиваться своими подданными. В виду полного падения юнкерского авторитета, нельзя было и думать о палочной системе в прежнем объеме, так что хотя она и не могла исчезнуть сразу, но все же самые постыдные ее формы отошли в прошлое. Набор рекрутов мог производиться лишь в очень узком масштабе, потому что Наполеон ограничил численность прусской армии 42 тысячами человек. Хотя Шарнгорст и был принципиальным сторонником постоянного войска, но, стремясь обучить возможно большее количество солдат вопреки запрещению, он догадался тайно воспользоваться постоянным войском в 42.000 человек, как кадром для образования милиции. Он осуществил эту мысль, планомерно увольняя солдат с действительной службы после их обучения и призывая на месячный срок рекрутов, которые официально не зачислялись в ряды войск. Таким образом, к 1813 году, когда должна была начаться борьба с Наполеоном не на жизнь, а на смерть, Шарнгорст имел в своем распоряжении не 42.000, а 128.000 обученных солдат.

Конечно, это еще не было осуществлением всеобщей воинской повинности: представители имущих классов, особенно в городах, были освобождены от нее почти совсем, а финансовые и политические затруднения не позволяли целиком обучить и „низы“ народа. Но создание Шарнгорста не было и постоянным войском. Обучение рекрутов в течение одного или нескольких месяцев позволяло преподать им лишь самые необходимые приемы, вынуждало отказаться не только от ненужных парадов, но и от многого такого, что было необходимо для обучения милиции. Несмотря на это, Шарнгорст мог рассчитывать на обученных таким образом солдат, как на крупную боевую силу, и это было обусловлено тем, что октябрьский эдикт 1807 года уничтожил наследственную крепостную зависимость крестьян; правда, он оставлял в неприкосновенности старые повинности и давал юнкерству полную возможность обезземеления крестьян. Однако, дух революции прошел над прусской землей и обновил социальный состав войска. И хотя этот переворот был еще слишком слаб, но безжалостная наполеоновская эксплоатация страны создала в населении непримиримую ненависть к бонапар-

тистскому режиму и крайне подняла боевой дух недостаточно обученных войск.

В конце февраля 1813 года, когда наполеоновская армия погибала в снежных пустынях России, когда по всему прусскому народу с быстротой молнии распространялось стремление отплатить Наполеону за все раны, нанесенные им немецкому государству, а король со своим придворным юнкерством все еще медлил,—английский дипломат ф. Омптеда писал своему правительству: „Если король будет колебаться дальше, то я считаю революцию неизбежной". Настроение молодого офицерского корпуса, подвергшегося чистке после 1806 года и пополненного буржуазным элементом; ропот народа и, больше того, давление самого восточно-прусского юнкерства, тоже сильно страдавшего под владычеством Наполеона и теперь предпочитавшего ужасный конец бесконечному ужасу,—все это обладало достаточной силой, чтобы сломить сопротивление короля, не желавшего введения всеобщей воинской повинности. Чтобы облегчить золотой молодежи солдатскую службу, для буржуазных и юнкерских сынков были организованы особые егерские батальоны, которые сами выбирали своих офицеров; им была открыта дорога к почестям и офицерским чинам. Вскоре после этого был создан ландвер (ополчение), в который предназначались все мужчины от 17 до 40 лет, не входившие в ряды постоянной армии. Ландверу не было дано права выбора офицеров; мало того, несмотря на ненависть к чужеземному игу, пылавшую в самых широких кругах населения, этому ландверу доверяли так мало, что в нем были введены строгие дисциплинарные взыскания. Совесть у юнкеров была нечиста, они не могли как следует поверить, что народ, который они так долго мучили, станет сражаться за их господство. Ландвер состоял из 118.000 ополченцев.

Армия, освободившая Пруссию от господства чужеземцев, была создана по образу и подобию милиции. Она победила потому, что французский народ был уже истощен жертвами, которых требовал от него наполеоновский режим. Если этот народ еще не восставал против Наполеона, то все же большинство его уже шло сражаться без всякого воодушевления.

„Мы часто видели отряды неуклюжих крестьян, которые проходили мимо наших батальонов, направляясь в Силезию,— проходили без всякого порядка, без оружия, без предводителей. Они испускали радостные клики и грозными взглядами окидывали наших солдат. Такое воодушевление, внушенное любовью к родине, превышает пассивную силу, которая часто подчиняется направляющей ее власти лишь поневоле". Так писал в своих воспоминаниях французский генерал Лабом, стоявший тогда в графстве Марк. И воодушевленное народное войско победило наполеоновскую армию, сражавшуюся без былого увлечения.

После освободительных войн юнкерская военная литература начала изо всех сил умалять заслуги ландвера, что продолжается и до сего дня. Но историческое значение ландвера определяется уже тем фактом, что и так-называемое постоянное войско тоже вовсе не было постоянным и было обучено крайне слабо. Впрочем, вот что говорит об этой травле ландвера защитниками доблести постоянного войска, Трейчке, сам далеко не противник милитаризма:

„Ополченцам пришлось некоторое время бороться с естественными для необученной армии недостатками: при первой атаке они держались не очень стойко; неожиданный батальонный огонь приводил их в смятение; когда же дело доходило до рукопашной, то долго сдерживаемая ярость крестьян разражалась страшной жаждой убийства; после победы их трудно было собрать вновь, потому что они стремились преследовать врага, хоть на край света. Но через несколько недель их выдержка стала более надежной, а к осени Наполеону пришлось перестать насмехаться над „этим сбродом плохой пехоты". Привыкши к сражениям, батальоны ландвера мало-помалу сравнялись в боевых достоинствах с постоянным войском, хотя они и не могли соперничать ни с дисциплиной, ни с внушительной выправкой линейных войск, и притом постоянно терпели несоразмерные потери,— факт беспримерный в военной истории и возможный только, благодаря нравственному импульсу национальной борьбы за существование" [1].

---

[1]) Генрих фон-Трейчке, „1813", стр. 80, Лейпциг, 1913, Verlag Hirzel.

В борьбе с чужеземным владычеством Наполеона была впервые осуществлена всеобщая воинская повинность, создавшая нечто в роде милиции, хотя и осложненной реакционными элементами. После победы над Наполеоном юнкерство очутилось перед задачей предупреждения последствий противоречия между демократическим строем армии и реакционным строем всего государства; плодом его усилий является армия в ее современной форме, т. е. вооруженный народ, как оружие против того же народа.

3. Постоянное войско при всеобщей воинской повинности.

„Далее, в мирное время войско должно поддерживать порядок как внутри страны, так—по вполне ясным причинам—и у соседей; при этом, как показали Баден и Саксония, не только у слабых соседей... Поэтому если государство не хочет призывать резервы и ландвер в каждом отдельном случае нарушения порядка, то постоянное войско должно иметь соответствующую силу".

(Генерал фон-Гризгейм, „Основные вопросы ландвера", 1860).

Революционные и освободительные войны открыли перед милитаризмом новый путь,—путь использования для военной службы всех сил нации. Эти войны ускорили действие экономического развития, которое должно было привести ко всеобщей воинской повинности и без них. Так как сложный механизм капиталистического общества не допускает управления при помощи кабинетного правительства и требует большей или меньшей степени демократизма, то было просто немыслимо, чтобы демократически управляющиеся народы потерпели такой институт, как наемное войско, являющееся по своей природе орудием господствующих клик против парламента и вообще демократии. Но тот факт, что всеобщая воинская повинность была проведена в первую очередь в такой сравнительно мало развитой капиталистической стране,

как Пруссия, был вызван особыми причинами. Правда, в Пруссии имелась партия, требовавшая возврата к старым условиям; она состояла из тех, кто „видел в закреплении тогдашней военной организации угрозу своим привилегиям и интересам, и поэтому, несмотря на тяжелые уроки последних восьми лет, желал уничтожения нового устройства“,— пишет историк прусской армии [1]). Пусть эта партия была немногочисленна, но она пользовалась влиянием, тем более, что в глубине души к ней принадлежал и король. Однако, ее планы разбились о печальное состояние финансов, не допускавшее создания наемного войска, и 3-го сентября 1814 года был опубликован новый закон об организации армии, учитывавший уроки последних лет. Этот закон был созданием военного министра Бойена, друга Шарнгорста. Он был построен на принципе всеобщей воинской повинности. Однако, этот закон вводил трехгодичный срок службы, ибо войны за независимость показали, что обучение войска необходимо и при величайшем энтузиазме солдат. Эта новая система подготовки призванных по всеобщей воинской повинности была в принципе правильна, но введением долгого срока службы, она шла навстречу юнкерству, боявшемуся вооруженного народа. После трехгодичной службы солдат зачислялся на шесть лет в ландвер первого призыва, который в мирное время обладал вполне самостоятельной организацией и, вместе с постоянными частями, составлял линейную армию (Feldarmee). Через шесть лет солдат перечислялся в ландвер второго призыва, обязанностью которого во время войны являлась гарнизонная служба (крепости и т. д.). Образованным были даны льготы, а именно: срок службы был им сокращен до одного года и, кроме того, им было предоставлено право на офицерский чин в ландвере. Введенное 21 ноября 1815 года положение о ландвере было не менее реакционно: офицеры ландвера назначались окружными учреждениями и окружными комитетами, в которых все зависело от юнкерства или от денежных мешков; по этому положению в офицеры ландвера могли попадать отслужившие офицеры кадровой армии, подлежащие еще зачислению в

[1]) О. фон-дер. Остен-Сакен, „Войско Пруссии“, т. 2, стр. 158, изд. Mittler, 1912.

ландвер; вольноопределяющиеся с годичным сроком службы, уже получившие право на офицерский чин; унтер-офицеры из свободных землевладельцев, или, наконец, солдаты ландвера, обладавшие состоянием не менее 10.000 талеров или соответствующим доходом.

Итак, бойеновская армия была смешением демократической воинской повинности с реакционной организацией, которая должна была препятствовать зарождению в армии демократических идей. Не успела Пруссия одержать победу, как во всех частях государственного организма, а также и в армии, воцарилась реставрация,—писал В. Рюстов [1]), сначала прусский, а затем швейцарский офицер, дослужившийся в Швейцарии до чина бригадного генерала и в шестидесятых годах считавшийся одним из самых выдающихся немецких военных писателей. Он доказал в своей работе, и теперь еще весьма заслуживающей внимания, что на $2^1/_2$ миллиона человек класса собственников, из которого даже в недемократическом государстве должны были бы набираться офицеры, на дворянство приходится всего 68.000 человек, т.-е. одна тридцать шестая часть; таким образом, из 12.000 офицеров к дворянству должно было бы принадлежать всего 333 человека, а на самом деле их было в 16 раз больше, при чем буржуазные офицеры служили главным образом в ландвере и совершенно не назначались на более высокие посты. Юнкерское офицерство не нашло для себя более важного занятия, как пересаживать в новую армию маршировку и парады старых времен, что объясняется уже тем, что иначе нечем было бы заполнить трехлетний срок службы. Достаточно заглянуть в брошюры, целыми массами [2]) появившиеся во время борьбы за реорганизацию армии (с 1859 до 1865 года),—мы назовем здесь только очень толковую работу „Вооружение прусского народа и новая военная организация“ (Берлин, 1861) или книгу честного либе-

---

1) В. Рюстов, „Прусская армия и юнкера“, Гамбург, 1862, стр. 39.

2) Чтобы дать читателю представление о том, насколько общественные круги того времени интересовались вопросами военного дела, можно указать, что брошюрная литература шестидесятых годов о реформе войска составляет в бременской городской библиотеке 16 больших томов (в среднем по шести названий в каждом).

рального капитана П. И. Вилькена „Немецкое войско и немецкий народ“ (Лейпциг, 1862),—чтобы увидеть, как быстро испарилось воодушевление освободительных войн, с какой быстротой на его месте воцарилась пустая муштровка. Рука об руку с этим шло и разведение солдафонов, было создано право сверхсрочной службы в постоянной армии, благодаря которому новым рекрутам оставалось лишь очень ограниченное количество мест, так что их без подготовки спихивали в ландвер, понижая тем самым его качество. Почти необученный ландвер, разумеется, пришел в упадок, что впоследствии и послужило аргументом для увеличения кадров постоянного войска. Когда в 1832 году срок службы в пехоте из-за ухудшившегося положения финансов был сокращен до двух лет, то это не имело никаких благоприятных последствий для развития войска в демократическом направлении, потому что оно тормозилось рутиной, господствующей во всем военном деле.

Перемена наступила только тогда, когда быстрое экономическое развитие эпохи контр-революции и надвинувшийся итальянский вопрос вновь оживили европейские дела. Революция 1848 года не решила вопроса об объединении Германии. Буржуазия была еще слишком слаба и слишком труслива, чтобы взять на себя революционную борьбу за это объединение,—борьбу, которая должна была кончиться войной с Россией. В начале шестидесятых годов, когда пульс политического развития начал биться скорее, реакция почувствовала, что теперь очередь за ней. Правда, у нее не было определенного плана действий, но одно она знала: пора покончить с халатностью, которою она при мобилизации скомпрометировала себя перед всей Европой. С 1815 года, когда в Пруссии было всего 10 миллионов населения, и до 1859 года, когда количество его увеличилось до 18 миллионов, правительство продолжало ограничиваться призывом 40.000 солдат. В 1859 году оно, наконец, решилось увеличить эту цифру до 63.000, чего, как показали Рюстов [1]) и Энгельс [2]), для осуществления

[1]) Рюстов, „Правда о прусском военном законопроекте“, Нёрдлинген, 1860. Он показал, что в Пруссии имеется 120.000 человек годных для службы, стр. 12 его брошюры.

[2]) Энгельс, „Прусский военный вопрос и немецкая рабочая пар-

всеобщей воинской повинности было недостаточно. Но и этот шаг вперед был связан с целым рядом глубоко реакционных шагов. Срок службы пехоты был вновь увеличен до трех лет; 36 полков ландвера были обращены в линейные полки. Ландвер первого разряда был вообще уничтожен: после трехлетней службы под знаменами солдат поступал на четыре года в резерв, а остаток служебного срока он проводил в ландвере второго разряда, который нес только гарнизонную службу. Это давало удвоение численности пехоты постоянного войска и увеличение в полтора раза численности его кавалерии и артиллерии.

Либеральная буржуазия, заправлявшая всеми делами в прусском ландтаге, заметила, какой оборот принимает дело. Включение ландвера в постоянное войско, увеличение срока службы, ведущее к окончательному закрепощению войска правительством,—все это обозначало усиление власти правительства и стоящих за ним бюрократически-юнкерских слоев. Но так как буржуазия уже давно отказалась от самостоятельной борьбы за единство Германии и с шестидесятых годов мечтала только о расширении Пруссии под скипетром Гогенцоллернов, то борьба с вооружениями прусского правительства, борьба за осуществление своих планов, явилась бы для нее потерянным трудом. Буржуазии оставалась одна только возможность: бороться с реакционной природой прусского войска на почве увеличения его численности. Эта тактика не была лишена известных шансов на успех, ибо правительство было сильно заинтересовано в поддержке буржуазии. Но последняя повела свою борьбу так бессистемно, что дала правительству возможность отстранить себя и провести реформу Роона. В 1866 году, после того, как Пруссия победила Австрию, именно благодаря своему вооружению, против которого буржуазия боролась, буржуазия принесла повинную и дала провительству полное удовлетворение.

Так были заложены основы нынешнего германского

тия 1865". Эта очень важная работа перепечатана в 1905 году в 5 томе, издаваемого „Frankfurter Volksstimme" собрания: „Aus der Waffenkammer des Sozialismus". Брошюра Энгельса очень важна в методологическом отношении для вопроса об отношении социал-демократии к милиционному вопросу. Мы еще вернемся к ней.

милитаризма: ведь, имперский закон распространяет на всю Германию ту же рооновскую организацию армии, внося в нее лишь небольшие изменения. Будучи порождением всеобщей воинской повинности, нынешний милитаризм отрекается от своего демократического происхождения; чтобы выдрессировать вооруженный народ для борьбы с внутренним врагом, он держит его под ружьем гораздо дольше, чем требуется для выучки. Народ приносит государству величайшие жертвы, а милитаризм лишает его права самоуправления, предоставляя правительству назначать офицеров. Но тем не менее, армия есть тот же народ, ибо окончательно подавить сущность народа милитаристическими формами немыслимо; они могут только замаскировать эту сущность. Развитие современной организации военного дела, начавшееся с наемного войска, заканчивается формацией, содержащей в себе глубочайшие противоречия,— противоречия, которые уже создавали резкие столкновения в ходе набросанного здесь развития. Противоречие между наемничеством и идеей милиции, проявившееся в бушующих волнах французской революции, все еще не уничтожено. Наоборот, оно перешло в организацию, в которой оно и найдет свое разрешение. Но прежде, чем мы перейдем к описанию борьбы этих противоречий в главе о „тенденциях развития современного милитаризма", необходимо углубить данное здесь историческое изложение путем анализа понятий „милиция" и „постоянное войско". Здесь лучше всего обратиться к описанию отношения буржуазии к милиции и к милитаризму, для которого особенно показательны семидесятые годы, на которых мы и остановимся, ибо за период от борьбы за реформу армии до основания Германской империи (с 1860 до 1871 года) совершился поворот либеральной буржуазии от милиции к милитаризму [1]).

---

1) Уже во время написания этой последней части главы о развитии организации военного дела попалась нам в руки маленькая работа Отто Гинтце: „Государственное устройство и военное устройство" (Дрезден, 1906. Zahn u. Jaensch). Она дает превосходный очерк на девяноста девяти страницах. Если читать ее после энгельсовского этюда в „Анти-Дюринге", то она может принести читателю, не имеющему возможности штудировать этот вопрос в более широком объеме, большую пользу.

4. Буржуазия, милиция и милитаризм.

а) Буржуазный идеал милиции.

Первое двадцатипятилетие XIX столетия, видевшее разрушение постоянного наемного войска, триумф народного ополчения, возникновение всеобщей воинской повинности, должно было, конечно, глубочайшим образом повлиять на взгляды как профессиональных военных, так и политически мыслящих широких общественных кругов. Гениальный теоретик Карл фон-Клаузевиц, который в своем произведении „О войне", вышедшем в 1832 году, подвел итоги этого переворота всей области военного дела, писал, что в 1813 году Пруссия показала, „как внезапное напряжение может ушестерить обыкновенную силу армии посредством милиции" [1]). В противовес всем, кто видел в народном ополчении революционное, а значит, гнусное средство, он установил, что если рассматривать систему реквизиции и систему массового войска в том виде, в каком они возникли во время революционных войн, „то и призыв ландштурма или народного ополчения суть явления того же порядка. Если первые из этих новых средств войны являются естественным и необходимым следствием освобождения от рутины, если они настолько увеличили силу того, кто применил их впервые, что и противник был фатально принужден взяться за них же, то то же самое будет и с народной войной. Вообще тот народ, который разумно использует эти средства, получит соответствующий перевес над тем народом, который их отвергнет" [2]),—так пишет Клаузевиц. А в 1828 году австрийский генералиссимус Радецкий писал в своих „Военных размышлениях" о положении Австрии [3]):

---

[1]) Карл фон-Клаузевиц, „О войне", стр. 179, Берлин, 1912, Verlag Dümmler.

[2]) Клаузевиц, цитир. сочин., стр. 493.

[3]) „Мемуары военно-политического содержания, из посмертных произведений фельдмаршала графа Радецкого", Штутгарт, 1828, стр. 445—456. Так как достать эту книгу нам не удалось, то мы цитируем по Г. Фр. Кольбу, „Невыгоды постоянного войска", Лейпциг, 1862.

„В современной Европе постоянное войско совершенно отодвинуло ландвер (ополчение) на задний план. Поэтому, в новейшее время утерян весь опыт, который мог бы руководить нами при суждении о достоинствах ландвера. И все же самая надежная сила государства покоится на целесообразно сформированном ландвере. Это самая естественная, а потому и наилучшая организация. Она доставляет государству наибольшее количество воинов, какое только возможно при его населении; она поддерживает в народе сознание, что он защищает себя, а следовательно, и воинственный дух, который будет вырождаться не так легко, ибо те, которых он оживляет, никогда не перестают быть гражданами. Сила же этого духа делает народ непобедимым. Его не смогут поработить, не смогут так легко истребить".

Этому мнению выдающегося теоретика и практика военного дела соответствовали и взгляды буржуазии, поскольку она задумывалась над этими вопросами в тиши периода реставрации. Так как она вообще могла подвергать конкретное государственное устройство лишь весьма робкой критике, то этот взгляд выражался до 1848 года не столько в порицании все более возраставшего в новой системе военного дела духа солдафонства, сколько в оценке ландвера, как важнейшей части военной организации. Когда же в 1848 году армия, организованная на основе всеобщей воинской повинности, показала себя надежной опорой абсолютизма, но победоносная контр-революция все-таки не смогла восстановить кладбищенского спокойствия домартовского периода, то взгляды буржуазии нашли свое выражение в широко распространившейся агитационной и научной литературе по вопросам организации военного дела. Агитационная литература популяризовала ту мысль, что при долгосрочной службе войско может стать оружием в руках абсолютизма даже и в том случае, если оно состоит не из навербованных наемников, а из сынов народа, отбывающих воинскую повинность; она доказывала, что долгий срок службы вовсе не повышает военных качеств армии, и усматривала источник этих качеств в воинственном духе народа, который просыпается, когда народные интересы затронуты врагом. Укрепление духа и тела народа путем телесных упражнений юношества в гим-

настических обществах [1]), боевая подготовка в стрелковых обществах,—вот главнейшие аргументы этой агитационной литературы. Но вопрос о том, в какие формы должна вылиться организация боевой готовности в мирное время, очень часто выступал в агитационной литературе не с достаточной ясностью, что до известной степени указывает на то, что буржуазия пятидесятых и шестидесятых годов склонялась к идеалу национальной гвардии, т.-е. тех преходящих, случайных организаций, которые часто возникали во время революций, как нечто среднее между добровольной полицией, пожарной командой и армией защитников баррикад. Но эти недостатки исчезают в научной литературе, в которой идея милиции нашла себе защитников-специалистов, подобных Рюстову, в работах [2]) которого эта идея теряет характер абсолютного понятия и получает историческое обоснование. Рюстов различает милиционное войско, постоянное войско и кадровое войско. Для организации первого нужно только „отобрать в мирное время мужчин, которые во время войны должны образовать войско, подготовить их для этой цели, но не держать их постоянно в сборе, а только в определенные сроки призывать на короткое время." Со вторым мы имеем дело в тех случаях, когда „под знаменами постоянно находится войско, состоящее из такого количества солдат, которое требуется для ведения войны".

„Середину между этими двумя крайностями занимает кадровое войско. Оно должно до некоторой степени отвечать требованиям постоянной боевой готовности, и вместе с тем удовлетворять потребностям обучения вооруженного народа. Таким образом, необходимое количество солдат постоянно находится под ружьем; отбывши определенный срок службы, продолжительность которого очень различна и колеблется от 3 до 15 лет, люди отпускаются из военных частей, при чем место увольняемых заступают каждый раз новые рекруты; но отпущенные освобождаются от воинской повинности не со-

---

[1]) „Die Turnkunstbund-Wehrverfassung im Vaterlande. Eine Denkschrift des Berliner Turnrates", Berlin, 1860.

[2]) Важны, главным образом, две работы Рюстова „Исследования об организации войска", Базель, 1855, и „Война и ее способы", популярное изложение всего военного искусства, Лейпциг, 1856.

всем: при каждой угрозе войны они призываются вновь и, таким образом, увеличивают армию. Эта система господствует теперь в большинстве европейских государств" [1]).

Итак, Рюстов различает формы войска в зависимости от их целей: в постоянном войске этой целью является непосредственная готовность к войне обученных солдат, в милиции—подготовка солдат к будущей войне; в кадровом войске имеется соединение обеих целей, так что обученные солдаты увеличивают боевую готовность армии, оставаясь на некоторое время в ее рядах, пока обучаются другие, а затем, после увольнения, они могут быть снова использованы для войны. Но вполне понятная разница между милицией и кадровым войском не превращается у Рюстова в такое неподвижное, мертвое различение кадрового войска и милиции, какое он проводил между милицией и постоянным войском старого типа. Чем короче срок службы в кадровом войске, тем больше оно приближается к типу милиции: „чем короче срок службы, чем продолжительнее сроки увольнения, чем чаще войско получает свежий приток сил из народа и отпускает в народ обученных воинов, тем больше в народе боевого духа, подготовленности к требованиям военной жизни, ловкости, решимости, самостоятельной военной организованности", что, в полном своем развитии, как-раз и является результатом милиционной системы. Таким образом, Рюстов не видит абсолютной противоположности между системой милиции и кадровой системой с краткосрочной службой. „Идеалом, к которому должно стремиться кадровое войско, является милиционное войско с его краткосрочной подготовительной службой."

Но думать, что Рюстов приравнивает милицию к необученному народному ополчению, было бы ошибкой. „Недооценивать необходимость военной подготовки так же опасно, как и переоценивать ее. Впадающие во вторую ошибку думают, что обыкновенный мужчина может получить необ-

1) В. Рюстов, „Война и ее способы", стр. 50. Глава „Формы войска" стр. 49-60 этой книги), из которой взяты следующие цитаты, до такой степени сжата и наглядна, что ее следовало бы перепечатать полностью, как прекрасное научное резюме тогдашнего понимания милиционного вопроса.

ходимую солдату подготовку только при условии долголетней службы По их мнению, государство должно держать под ружьем почти всех людей, вообще предназначеных для военного дела, т. е. ничтожную частицу всей нации. Эта частица отправляется на войну, и большой процент ее погибает от тяжелых переходов, от лагерной жизни и от вражеского оружия. Пополнение становится необходимым, но оно может состоять лишь из необученных рекрутов, ибо большая часть нации не проходила военной подготовки.

С каким же доверием поведут этот материал в битву те лица, которые предъявляли к обучению солдат столь большие требования? Не отчаются ли они в победе, еще не попытавшись одержать ее?

Те же, кто умаляют значение военной подготовки, утверждают, что достаточно дать человеку в руки ружье, чтобы сделать его солдатом. Они считают излишним всякое обучение; им представляется, что при первом же вторжении врага сотни тысяч вооруженных людей встанут, как из-под земли, и будут победоносно защищать родину. Какое заблуждение! Кто осмелится утверждать, что можно с одинаковым успехом пользоваться остреем и тупой стороной ножа? Если эти сотни тысяч и восстанут (не будем говорить о том, как они будут пользоваться своим оружием и каких результатов они добьются), то дело будет обстоять очень плохо, если в народе не развит военный дух, если у страны нет того аппарата, без которого этого духа нельзя воспитать".

Так представляется военная сторона понятий милиции, постоянного войска и кадрового войска руководящему буржуазному теоретику милиционных идей. Она продумана до конца и не дает ни малейшего повода к насмешкам, которые позволяют себе по отношению к ней придворно-казарменные специалисты. Милиционный идеал Рюстова покоится на реальной почве и является не спекулятивным измышлением, а выводом из процесса исторического развития. Быть может, Рюстов обратил слишком мало внимания на политические факторы, препятствующие победоносному развитию милиционной идеи, но когда он писал: „во всех государствах культурного мира фактически существует тенденция все больше и больше развивать систему увольнения, т. е.

систему милиции", то с чисто военной точки зрения он был совершенно прав.

То обстоятельство, что эта тенденция была на некоторое время отброшена и вообще развивалась крайне неровно, со скачками и срывами, зависело, главным образом, от изменившейся позиции буржуазии по отношению к юнкерству и от ее превращения в капиталистический класс, превращения, которое совершилось как-раз в то время, когда Рюстов создавал свои произведения. Противоречие между этим процессом и идеей милиции ясно выступит перед нами, когда мы сопоставим рассуждения Рюстова о политическом характере милиции с политическим положением Германии семидесятых годов.

б) Буржуазия против милиции.

„Существенная разница между милиционной системой и постоянным войском, как и между всеми военными организациями, приближающимися к тому или другому, заключается в том, что первые легче организуются для оборонительной войны, вторые же являются гораздо более послушным орудием в руках государственной власти. Мелкие государства получают возможность выставить против более крупных государств приблизительно равное войско и, таким образом, защитить свою независимость — только при условии милиционной системы. Но для того, чтобы сила, которую дает им милиционная система, не оказалась иллюзорной, государственная власть должна быть безусловно народной; она не имеет права итти своим путем, если этот путь расходится с путем народа" [1]). Так говорит Рюстов. Но пока Рюстов писал это, прусское правительство готовилось разрешить немецкий вопрос железом и кровью. Как ни твердо стояли народные массы за объединение Германии, но братоубийственной войны они не желали. Прусское правительство, которое, как и все самодержавные или полусамодержавные правительства, переоценивало или недооценивало силу сопротивления народа, но никогда не умело оценить ее правильно, преуве-

---

[1] Рюстов, „Война", стр. 59.

личило и это настроение народа. Таким образом, войско, составленное на добрую половину из ландвера, войско, которое, быть-может, и оказалось бы на высоте в случае оборонительной войны против национального врага, не могло представляться прусскому правительству достаточно надежным боевым средством против Австрии. И это несмотря на то, что рооновская постановка военного дела сильнее зажала массы в руках правительства, чем это было до тех пор. Но если не было принято во внимание это военное соображение, то тем более должны были повлиять соображения политические; даже при насквозь реакционной организации ландвера война создала бы такую политическую встряску, которая не могла не сыграть в руку либерализму. Если бы в 1860 году явился такой же народный энтузиазм, какой был в 1813 году, то теперь, при более высоком уровне образования народа, при более высоком хозяйственном развитии его, этот энтузиазм сошел бы правительству с рук уже не так легко: теперь народ позаботился бы о том, чтобы разделаться не только с внешним врагом, но и с внутренним угнетателем — юнкерством.

Правительство твердо держалось за милитаризацию Германии, оно хотело быть в своей политике независимым от буржуазии.

А буржуазия? Ее демократические элементы агитируют в брошюрках за милиционную систему; вопрос о милитаризме и милиции кажется им „важнейшим из социальных вопросов“ [1]); им кажется, что вслед за уничтожением постоянного войска наступит всеобщее благоденствие, что после отмены юнкерской монополии офицерские посты будут заняты демократией. Но руководящие элементы буржуазии отказались от милиционной системы еще до 1871 года. Из этих кругов писали Рюстову:

„Если вы думаете, что ваши идеи о милиции уже упрочились в Пруссии, то вы находитесь в величайшем заблуждении. Вы могли бы перестать говорить на эту тему, потому что это бесполезно. Во всяком случае, депутаты были бы более

---

[1]) Г. Ф. Кольб, „Недостатки постоянного войска и необходимость системы народного ополчения“, Лейпциг, 1862, стр. 35.

довольны, если бы вы дали им указание сохранить систему в общем и только сократить некоторые расходы путем введения двухлетнего срока службы, что вполне удовлетворило бы всю Пруссию".

Такая позиция соответствовала желанию руководящих слоев буржуазии—не мешать прусскому правительству в разрешении немецкого вопроса, разрешить который революционным путем буржуазия не сумела. Вся ее борьба с милитаристической реорганизацией Роона, упразднявшей элементы милиции в прусской военной организации, была лишь борьбой за политическую компенсацию, о которой либеральные вожди вели переговоры с двором через посредство „стрелкового князя"—герцога Кобургского [1]). Но буржуазия должна была проиграть, потому что, с одной стороны, она вела борьбу, скрывая ее истинные цели (чтобы не поссориться со своими демократическими союзниками), а с другой стороны, временно приняв расходы по реорганизации, она, в сущности, отказалась от борьбы. Более всего характеризует эту борьбу то обстоятельство, что на всем ее протяжении, даже в пылу самых резких схваток, сущность ее ни разу не была определена в ландвере резким лозунгом: здесь милиция—там милитаризм. Когда же буржуазия сдалась, и абсолютизм, усилившийся благодаря внутренней и внешней победе, начал обращаться с ней пренебрежительно, она больше не могла выступать против его важнейшей опоры, милитаризма, тем более, что этот милитаризм сделался и ее собственной опорой.

Старые демократы требовали милиции, потому что кадровое войско с трехлетним сроком службы и дворянским офицерством служило абсолютизму и юнкерству оружием против народа, представителями которого эти демократы себя чувствовали. Иначе обстояло дело с либеральной буржуазией после 1866 года. Юнкерское государство начало превращаться в государство капиталистическое. Оно очищало мелкие княжества от реакционных пережитков в области хозяйственной политики и, тем самым, создавало для буржуазии центра-

---

1) Клейн (Клейн-Гаттинчей), „История немецкого либерализма", Берлин, 1911, стр. 232.

лизованную область эксплоатации. Одновременно с этим развилось самостоятельное рабочее движение, пробудившее в буржуазии сознание ее враждебности трудовому народу. Не против абсолютизма, не против юнкерства, а наоборот, с юнкерством и абсолютизмом, прикрашенным конституцией, защищающим и буржуазные интересы, — против народа. Такова стала новая политическая ориентация буржуазии, вполне определившаяся после 1871 года. Она нашла себе достойное выражение в национально-либеральной партии, конкурировавшей с юнкерами в услугах милитаризму, в защите его реакционнейших положений. Правда, мелко-буржуазное крыло либерализма говорило о „преобразовании военного дела в народном духе", но вся его борьба с милитаризмом сводилась к гореванию о своих издержках. Идея милиции совершенно исчезла из буржуазной литературы и находила себе заступников только в лице таких упрямцев, как Карл Блейбтрей [1]).

Если эта перемена фронта широких кругов буржуазии была обусловлена общим изменением ее социально-политической позиции, то для ее руководящих в хозяйственном отношении кругов здесь, кроме того, сыграли свою роль и такие экономические моменты, как промышленный и банковский капитал. Милитаризм стал массовым потребителем капитализма, а благодаря прогрессивно увеличивающимся государственным долгам, он стал кровососной банкой, высасывающей народные массы в пользу капиталистической публики и банковского капитала. Первая видела в нем надежное место для помещения денег, а второй извлекал из своей посреднической роли большие прибыли.

Не имея ни одного внутреннего врага — рабочий класс был слаб и скован по рукам и ногам законом о социалистах — немецкий милитаризм мог беспрепятственно расправлять свои крылья. Введение всеобщей воинской повинности в России (после Крымской войны и освобождения крестьян) и во Франции (в 1874 году) пришпоривает его еще больше.

---

[1]) См. его книгу „Царь—освободитель" (Штутгарт, 1893) и его последнюю работу „Войско" (Франкфурт, 1912). С какой осторожностью надо пользоваться его работами, показал Меринг в своем разборе его последней книги на страницах „Neue Zeit" (1918).

Раньше взывали: нужно вооружаться для борьбы за объединение Германии!—теперь боевым лозунгом становится защита Эльзас-Лотарингии. К этому присоединяется целый ряд переворотов в области военной техники, которые вместе с политическими сдвигами всегда создавали важные импульсы к вооружениям. После опыта 1871 г. игольчатое ружье, которое в значительной мере вызвало германскую войну 1866 года, сменяется в 1875 году винтовкой образца 1871 г. (калибр 11 миллиметров); появляется разделение артиллерии на полевую и тяжелую; кавалерия получает карабин; создаются особые войсковые части телеграфной и железнодорожной связи; эти технические изменения требуют не только больших расходов, но вызывают и организационные изменения, которые в результате всегда приводят к росту численности армии. Изменения в постройке крепостей, вызванные бетонным цементом и бронированием, влияли в том же направлении. Антагонизм между Германией и Францией, усиленный франко-прусской войной, а также технические перевороты в военном деле, требовали непрерывных вооружений, но в последние два десятилетия сюда присоединился еще один момент, давший германскому милитаризму новые силы. Это—империализм. Хотя основным и специальным его орудием господства над морями и колониальными странами является созданный им с большой быстротой и энергией флот, об отношении которого к вопросу, занимающему нас здесь, мы еще будем говорить ниже, но он вызывает в континентальных странах и целый поток сухопутных вооружений. Эти вооружения частью требуются для того, чтобы государства, постоянно живущие на ножах в борьбе за колонии и за мировое политическое влияние, могли бы, в качестве континентальных держав, покончить свои споры по вопросам мировой политики при помощи сухопутных войск, частью же они вызываются тем обстоятельством, что союзы государств стараются, чтобы антагонизм с врагом, на которого можно напасть лишь при помощи флота, укреплял связь с континентальным соседом. Но влияние империализма на военное дело выражается не только в необходимости увеличивать количество войска, т.-е. все решительнее проводить всеобщую воинскую повинность,—это имеет и свою револю-

ционную сторону. «Великие державы и великие торговые государства, — писал Рюстов уже более шестидесяти лет назад, — которые добиваются мирового влияния, должны будут принять систему постоянного войска или близкую к ней, хотя бы для части своих войск, потому что они часто принуждены производить демонстрации и вообще преследовать те или иные государственные цели, которые, даже отнюдь не будучи бессмысленными, во всяком случае, очень далеки народной массе; именно, система постоянной службы должна распространяться на некоторую часть флота». Оставим пока этот вопрос в стороне, так как нам не нужно доказывать здесь, что колониальная политика, вполне разумная с точки зрения буржуазного демократа, — каким был Рюстов, несмотря на свою дружбу с Лассалем,—должна быть, однако, отвергнута с точки зрения рабочего класса. Для нас достаточно установить, что империалистические государства,— именно потому, что их империалистические цели, заключающиеся в эксплоатации чужих стран, встретили серьезного врага в лице пролетариата,—делали все возможное, чтобы задавить в войске демократические тенденции и усилить в нем тенденции реакционные, что еще больше увеличивает враждебность буржуазии к идее милиции и все больше изолирует пролетариат в его борьбе за эту идею.

Но исследование общего характера милитаризма, как он определился с 1871 года, покажет нам, что милитаризм, несмотря ни на что, ведет по пути к демократизации.

5. Тенденции современного милитаризма.

а) Последствия всеобщей воинской повинности.

Со времени франко-прусской войны всеобщая воинская повинность начала завоевывать страну за страной. Ни одно государство не могло отстать от прочих, ибо это повлекло бы за собой уменьшение его политического влияния. Даже таким полуземледельческим странам, как Австрия и Россия, пришлось тянуться за соседями, хотя финансовая сторона всеобщей воинской повинности крайне тяжело ложилась на их слабые плечи. Энергичнее всех нагоняла упущенное Фран-

ция. В 1910 году она, при 38 миллионах жителей, установила норму призыва в 256,000 человек. Насколько это количество превышало действительную военную мощь Франции, показывает тот факт, что в этом году пришлось отпустить назад 28,273 призванных рекрутов по причине телесных недостатков, что 18,738 человек, по той же самой причине, были предназначены не к строевой, а к тыловой службе,—не говоря уже о том, что 16,000 человек дезертировали немедленно же после призыва, еще не попавши в ряды армии. Все это доказывает, что мобилизационные комиссии сильно хватили через край. Требования, предъявляемые во Франции к новобранцам, гораздо ниже германских требований, вследствие чего и физическое состояние французской армии куда хуже физического состояния армии германской. Таким образом, во Франции всеобщая воинская повинность превращается из средства использования всех боеспособных сил страны в средство оживления военной мощи путем впрыскивания мышьяка, что надолго подрывает воинские силы нации. Германия пока еще не решается вступить на этот путь. Ее сравнительно многочисленное население до сих пор позволяло ей в общем и целом призывать в ряды армии только действительно годных к военной службе молодых людей. По данным „Обзора результатов пополнения армии за 1911 год" в этом году призыву подлежало 1.271.000 человек, из них было принято 563.000 двадцатилетних молодых людей, всего же 565.000 человек. Из этого числа 826 человек не были зачислены в ряды, как арестанты и т. п., 35.500 были исключены, как длительно негодные,—это составляет 6,28 процента; 141.759 человек были переданы в ландштурм, как менее годные или как условно годные; 85.193 — записаны в запас. Из 302.242 годных было зачислено в ряды 292.155 человек, т.-е. 51,7 процента всех подлежащих службе или 96,7 процента всех годных. По вычислениям генерала-от-инфантерии ф.-д. Бекка, автора известного труда о германском сухопутном войске, в Германии ежегодно обучается на действительной военной службе 241.000 человек, а во Франции—176.000 („Der Tag", 4 октября 1912 года). Франция отыгрывается на одиннадцатилетнем сроке пребывания в резерве, тогда как в Германии существует всего семилетний.

Кроме того, французские резервы получают лучшую подготовку. Теперь Германия собирается ежегодно призывать под знамена около 70.000 дополнительных рекрутов, которые прежде попадали в запас; Франция же, для сохранения равновесия, хочет держать своих солдат под ружьем три года. В то время как мера Франции представляет собою чисто реакционный шаг, увеличение числа рекрутов в Германии будет иметь такой же характер лишь в том случае, если окажется, что ради этого увеличения постоянного состава армии придется призывать к действительной службе не совсем годный человеческий материал. Но если на сей раз этого не случится, то все-таки Германия дойдет до такого чрезмерного напряжения мобилизационного пресса, как только во франко-немецкой гонке вооружений примет участие Россия, которая, при финансовой помощи со стороны Франции, может значительно повысить свою военную мощь. Итак, мы видим, что тенденция проведения всеобщей воинской повинности уже преувеличена и постепенно ведет к пользованию неудовлетворительным живым материалом, который в результате ослабит боевые качества армии.

Во всяком случае, говоря о современном войске, нужно иметь в виду тот основной факт, что через его ряды проходит все, что только есть способного к военной службе в той или иной нации. Милитаризм старается посылать в бой только самые молодые элементы из находящихся в кадровой армии; но так как во время войны ему пришлось бы использовать эти элементы до последнего человека, то в стране оказалось бы под ружьем все боеспособное население вплоть до самого старшего из призывных возрастов. Так современный милитаризм широко осуществляет лозунг вооруженного народа. То, что раньше было лишь тенденцией, теперь стало фактом.

Что означает этот факт, каковы будут его результаты? „Всеобщая воинская повинность,—между прочим, единственный демократический институт, имеющийся в Пруссии, хотя бы только на бумаге,—является таким колоссальным прогрессом по сравнению со всеми предыдущими организациями военного дела, что там, где она уже возникла, хотя бы в неполной мере, она никогда не сможет быть упразднена“,—писал в 1865 году Фридрих Энгельс в своей уже раз упомя-

нутой нами работе „Прусский военный вопрос и немецкая социал-демократия". А 28 лет спустя, в 1893 году, он писал в серии своих статей „Может ли Европа приступить к разоружению?": „В требовании привлечь к защите страны каждого боеспособного мужчину на все время, пока он годен для службы, как-раз в этом требовании и выступает современная, революционная сторона прусской военной системы. И единственно революционное, что можно найти во всем развитии военного дела с 1870 года, заключается именно в том, что государство—очень часто против своей воли—видит себя вынужденным все больше и больше проводить в жизнь это требование, осуществлявшееся до сих пор лишь в шовинистической фантазии" [1]). В чем состояла прогрессивность всеобщей воинской повинности с военной точки зрения, это, кажется нам, уже достаточно показано выше. Не трудно выяснить, в чем состоит и революционное значение этого нововведения. Состоя из наемников, для которых военная служба являлась призванием, старинное войско нимало не интересовалось причинами и целями войны. И народ соприкасался с войной лишь в той ограниченной зоне, в которой разыгрались военные действия. Правда, его эксплоатировали, чтобы оплатить издержки войны, но это, как нормальное явление, не действовало на него потрясающим образом; тогда не было того основного момента, который в наше время имеет наибольшее значение: теперь у каждой семьи есть кто-либо из близких на поле битвы. Желание Фридриха II, чтобы „мирный гражданин даже не замечал, что нация сражается", сделалось реакционной утопией. Народ ощущает войну всеми своими членами, и его отношение к войне, т.-е. отношение к ней каждого из его классов, создает тот дух, которым проникается войско. Уже Бисмарк отдавал себе отчет в значении этого обстоятельства: он говорил, что теперь можно вести войну лишь из-за высоких национальных целей. Ниже мы еще вернемся к вопросу, существуют ли теперь национальные цели, т.-е. такие цели, которые лежали

[1]) „Vorwärts", 1893; впоследствии перепечатано отдельной брошюрой, второе издание которой помещено в 5 томе уже упомянутого мною собрания, изданного „Frankfurter Volksstimme". Так как это издание доступнее прочих, то мы цитируем по нему. Стр. 106.

бы более или менее в интересах всех классов, и следовательно, может ли быть в капиталистической Европе такая война, которая пробудила бы всеобщий энтузиазм. Здесь же дело идет только об установлении того факта, что всеобщая воинская повинность делает настроение народа решающим военным фактором. Это прекрасно известно представителям современного милитаризма. Вот что говорится по этому поводу в работе генерала Бернгарди, в этом евангелии немецкого,—и не только немецкого,—милитаризма:

„Первым следствием этого массового призыва является то обстоятельство, что внешние качества войска обусловливаются характером и сущностью самих наций в гораздо большей степени, чем это имело место до сих пор. Чем более широкие слои населения будут призываться в ряды действующей армии, тем больше дух созданного таким способом войска будет определяться как физическим состоянием, так и политическим и социальным духом самого народа“ [1]).

Но народ, чье расположение духа играет такую решающую роль, стал ныне совсем не тот, что в 1813 году, когда в Пруссии впервые вводилась всеобщая воинская повинность; да и те задачи, которые стоят теперь перед господствующими классами Германии, и которые, быть-может, придется разрешать путем войны, тоже совсем другого рода, нежели те, которые стояли перед ними до 1871 года. Народ оторван от земли и двинулся в города. Истязание голодом, которое применяет капитал, не менее болезненно, чем палочные удары, которыми обрабатывали своих слуг юнкера,—но оно пробуждает в массах, сбитых в кучу по фабрикам и подвалам, совсем другие чувства: не чувство порабощенности и беспомощности, но чувство пролетарской ненависти к угнетателям и пролетарской солидарности угнетенных. Из этих чувств вырастает борьба, которая становится все напряженнее и острее, которая направляется против господствующих

[1]) Ф. фон-Бернгарди, „О современной войне“, т. I, стр. 67, Берлин, 1912, изд. Mittler'a.

слоев и против органов их господства. Организация этой борьбы придает ей целесообразность; там же, где организации недостает, или где она нарушается, борьба бушует еще неистовей, ибо корни ее лежат в глубочайших интересах и стремлениях народных масс, в инстинктивных настроениях миллионов, и в ясном понимании сотен тысяч людей, знающих, что разрешение экономических отношений покончит с унижающим человека положением пролетариата. Чем шире проводится всеобщая воинская повинность, тем больше преобладает в войске эта масса промышленного пролетариата. В 1910 году отношение было уже следующее: 82.310 человек из вновь призванных работали в сельском хозяйстве, 203.195—в других профессиях. Среди занимающихся сельским хозяйством большая часть принадлежала к пролетарским и полупролетарским слоям. Поэтому, прав генерал майор ф.-д. Липпе, говорящий в своей, хотя и сумбурной, но характерной, книге „Мысли о новой военной организации“: „Для распространения в стране своих учений без типографских издержек социалистическая пропаганда не может желать лучшего средства, чем казарма“ [1]).

Но какие задачи ставит буржуазия перед этим войском, созданным на основе всеобщей воинской повинности? В мирное время оно, по мере обострения классового антагонизма и развития классовой борьбы, должно служить капиталу гвардией для усмирения борющихся братьев. Мансфельд и Рурская область показывают, против кого ведется бой. И внешние задачи войска соответствуют внутренним. Массы, сражавшиеся в войнах 1866 и 1871 годов, состояли частью из пассивно-покорных крестьян, частью из городских масс, смутно чувствовавших, что из нищенского положения того времени они могли выбраться только одним путем—путем объединения Германии. Следовательно, в те времена даже в некоторой части социалистического пролетариата существовал прусский патриотизм. Объединение Германии должно было осуществить господство буржуазии, без которого не могло быть никакого прогресса даже для рабочего класса.

---

[1]) Генерал майор А. ф.-д.-Липпе, „Мысли о новой военной организации“, Берлин, Verlag Salle, 1912, стр. 18.

Но как непохоже на это современное положение! Довольствуясь тем, что у нее есть, Германия не подвергается угрозам ни с какой стороны. Единственной причиной все усиливающегося антагонизма между государствами является их аппетит к колониальным приобретениям. Защитники капитализма могут расписывать пролетариату чудодейственные влияния колониальной политики хотя бы ангельским языком, но все их хитросплетения, как о гранитную скалу, разбиваются о сознание, что даже период величайшего расцвета не мешает все большему вздорожанию жизни; все их вранье разбивается о понимание того факта, что картели и тресты всеми силами препятствуют подъему рабочего класса. Если колониальная фата-моргана на мгновение и ослепит рабочего, то первое же дипломатическое недоразумение поставит его перед вопросом: станешь ли ты пушечным мясом, пожертвуешь ли ты своей жизнью и жизнью своих братьев ради надежды, что и тебе перепадет кость со стола сильных мира сего,—и это в такое время, когда урожай уже созрел и только ждет жнеца, чтобы обильно вознаградить его за труд? А кто не придет к этой мысли сам, тому скажет это распространяемая в миллионах экземпляров социал-демократическая пресса, тому скажут это товарищи по работе.

Таким образом, всеобщая воинская повинность приобретает социальную тенденцию делать войско все более непригодным для выполнения задач, перед которыми ставит его современный капитализм. Оно перестает, наконец, способствовать колониальному распространению капитализма и подавлению народа. Как борется с этим капитализм,—выясняется из рассмотрения вопроса о сроке военной службы.

б) Обособление войска от народа.

Современное войско в подавляющем большинстве своем состоит из демократических элементов, но оно должно служить для подавления народных масс внутри страны и для внешних войн; следовательно, оно служит интересам, враждебным народу,—интересам, которые, в конце-концов, сводятся к продлению капиталистического строя и народного рабства. Поэтому капитал старается разорвать связь войска с наро-

дом, убить в войске сознание всех целей и задач, за которые и против которых борется народ. Те же самые средства, при помощи которых народное войско пытаются превратить в дубину капитала внутри страны, должны низвести его и до степени наемного войска, которое не задумываясь сражается за все то, что имущие классы признают достойным массового убийства. Таким средством является, в первую очередь, продолжительный срок службы. Чем дольше, тем приятнее угнетателям. В стенах казарм рабочий должен позабыть, что когда-то и он участвовал в стачках против чрезмерного рабочего дня и ничтожной оплаты труда. Если его пошлют с пулеметами против забастовщиков, то ему не должно приходить в голову: завтра я сброшу с себя это пестрое тряпье, и тогда против меня выставят то же оружие, которым сегодня побивают с моей помощью этих голодных бедняков. Если его пошлют со штыком на-перевес против массовой демонстрации за демократическое избирательное право, то он не должен думать о том, что, ведь, и он сам, обязанный ежеминутно быть готовым к смерти за „родину", завтра оставит казармы и обратится в бесправного илота. Если он забудет все это, то и на поле сражения он не вспомнит, что у народа есть цели повыше борьбы немецкого капитала за возможность эксплоатации чужих стран, и что если уж проливать кровь, то только за эти высшие цели.

Но стремление капитала как можно больше увеличить срок службы не может быть осуществлено до конца. Срок службы, какой царил в наемном войске, был бы неприкрытым рабством, против которого взбунтовались бы массы. Но даже четырех- и пятилетний срок службы не продержался бы долго из-за колоссальных издержек. Бросать в пасть милитаризма все выжатые из народного пота деньги может только полуазиатское государство, вроде России, которому чужды такие функции современного государства, как социальная политика, народное образование, гигиенические мероприятия и т. п. Но развитое капиталистическое государство должно—плохо ли, хорошо ли—заботиться о школах и о рабочих; ибо, благодаря культурности и активности своего пролетариата, оно постоянно находится на волосок от социал-демократического переворота. Как ни небрежно

относится капиталистическое государство к этим необходимым функциям, а все-таки на них уходят сотни из миллионов марок. Оно всеми силами стремится, но, вопреки своему желанию, не в состоянии безгранично растягивать срок службы. Поэтому защитники милитаризма объявили достаточным трехгодичный срок. Но под давлением рабочих масс и вследствие необходимости все строже проводить всеобщую воинскую повинность, им, в конце-концов, пришлось удовольствоваться двухлетним сроком. Он был проведен в Германии в 1893 году, во Франции—в 1905 году, в Австрии—в 1911 году.

„Введение двухлетнего срока службы немедленно же наткнулось на недовольство, и наткнулось как-раз в тех слоях, где чаще всего приходится отыскивать корни национальной силы, поддерживающей государство"—пишет старый вояка, генерал-лейтенант фон-Богуславский [1]). Между тем, оказалось, что от сокращения срока службы подготовка солдат совсем не пострадала; иначе высокопоставленные генералы не могли бы так хвалиться боевой готовностью немецкой армии, как они хвалятся.

Но от дальнейшего сокращения службы они отбиваются руками и ногами. Они выставляют каждого, кто требует этого, подстрекателем, кретином, беспочвенным идеалистом: по их мнению, меньше как в два года обучить солдата уже никак нельзя. Но утверждениям этих знатоков, приверженцев германского милитаризма, не следует придавать никакого значения. Ведь, объявили же они в свое время, что введение двухлетнего срока службы—это начало светопреставления; ведь, они годами противились, как одержимые, даже самым невинным реформам, вроде ношения скатанной шинели на ранце.

Теперь, наоборот, никому не понятно, почему обычный теперь способ ношения шинели, а именно обертывание ее вокруг ранца, не был введен раньше. Сколько бумаги пришлось исписать для этого, какого труда стоило рассудительным офицерам и военным врачам проводить свои практи-

---

[1]) Фон-Богуславский, „Двухлетний срок службы и его последствия", Берлин, 1912, Militärische Leitfragen, Heft 4.

ческие предложения! „Я сам еще очень ясно помню тот основательный нагоняй, который я получил за свои передовые по тому времени идеи“,—пишет капитан М. Шнейзибер о положении солдат [1]). Да, долго пришлось бороться, пока солдатские сапоги были заменены гораздо более удобными ботинками на шнурках. Старые служаки все-таки никак не могли примириться с тем, что у солдат такая же обувь, как и у всех людей. В результате это привело к созданию уникума—полусапог, застегивающихся сбоку. Надо иметь в виду эти перлы разума „знатоков“, и воспринимать сетования вояк не слишком трагически.

Во сколько времени можно подготовить солдат в стране, где народ стоит на определенном уровне культуры,—показывает Швейцария. Пехота и инженерные войска обучаются там в течение 65, артиллерия—75 и кавалеристы—90 дней, конечно, после того, как школа позаботилась укрепить их тело гимнастикой, а стрелковые общества, поощряемые государством, в молодые годы обучили их стрельбе. После этой короткой подготовки пехотинцы, артиллеристы и инженерные солдаты должны являться на военные же занятия еще в течение 7, а кавалеристы—8 лет, по одиннадцати дней в году. После чего солдат обязуется еще к одиннадцатидневным занятиям в ландвере. Таким образом, швейцарский солдат обучается военному ремеслу всего на всего 173 дня в пехоте, 183 в кавалерии и 198 в артиллерии. И прошлогодние швейцарские маневры, в которых принимал участие кайзер, показали, что швейцарский солдат, несмотря на такую короткую подготовку, ничем не похож на того милиционного солдата из „Fliegende Blätter“, который десятки лет ублажает буржуазные сердца. Из огромного количества суждений резко милитаристической и патриотической прессы, которой пришлось высказать свое одобрение швейцарской милиции, мы берем лишь суждение официального военного еженедельника, который писал в последнем сентябрьском номере прошлого года:

„Неоспоримо, что швейцарская милиционная система до-

---

[1]) М. Шнейзибер, „Двухлетняя служба“, Страсбург, Verl. Ginger, 1909, стр. 32.

билась того, что швейцарская милиция в выполнении маневров, рассматривая чисто внешне, может выдержать сравнение,—и очень часто далеко не к своей невыгоде,—с различными кадровыми войсками, смешанными с резервистами. Действия частей были отличны. Пехота оказалась хорошо подготовленной как к атаке, так и к защите. Ее внешняя выправка и несение внутренней службы не оставляют желать ничего лучшего. Артиллерия прекрасно дисциплинирована... Кавалерия, индивидуальная подготовка которой стоит на вполне удовлетворительной высоте, по различным причинам весьма мало выступала в этих маневрах, как боевая часть. Саперы и полевые телеграфисты—весьма надежные части и прекрасно справлялись со своими заданиями. Кроме того, заслуживает упоминания военная организация и командование обозом, порядок которого вызвал всеобщее одобрение".

Таково мнение органа немецкой офицерской корпорации. Можно ли желать более резкого осуждения системы двухлетней службы с ее парадами, муштровкой и прочим старым хламом, абсолютно не применимым на войне и сохраняемым только для потворства „народному духу" имущих классов и для удушения духа в солдатах? Имущие классы не хотят отказаться от всего этого изжитого хлама, а также и от другого способа изолирования народного войска от народа. Этим способом является сосредоточение войска в казармах, что затрудняет солдатам сношения с бывшими товарищами по работе. Солдат, захваченный в помещении своего профессионального союза за чтением своей профессиональной газеты, в которой он по выходе с военной службы находит важнейшую опору в жизни, жестоко карается. И так как никакой гражданский суд не осудит его за это, то введена особая военная юрисдикция, которая дает офицерам право судить солдата при закрытых дверях. За этими дверями несчастный будет осужден и строго наказан за малейшее неповиновение дрессировочной системе, стремящейся превратить его в машину. Если генерал-лейтенант фон-Богуславский устанавливает в своей уже цитированной нами работе, что после введения двухлетнего срока службы сократилось число штрафованных, то это нужно отнести за счет

сокращения срока муштровки. Все описания жизни солдат, а также опубликованные акты военно-судебных дел показывают, что наша войсковая организация еще совершает бесконечное количество грехов против народа.

Но буржуазии приходится держаться за продолжительность военной службы со всеми ее последствиями: она боится, что при всеобщей воинской повинности войско, пробывшее в священных казармах лишь короткое время, не будет в ее руках достаточно послушным орудием. Но эта тенденция изоляции войска от народа, ведущая к удлинению срока службы, далеко не достигает той цели, которую ставит себе буржуазия. Не говоря уже о том, что муштровка наполняет солдат безграничным озлоблением против господствующей системы—а этот серьезный момент может вылиться в весьма опасные для господствующих классов осложнения—она, кроме того, не согласуется с теми условиями, в которых солдату приходится действовать на войне.

Чтобы доказать это, достаточно беглого взгляда на характер современной войны.

в) Условия современой войны.

Войско есть инструмент войны. Чтобы понять это, не требуется особенно глубокого изучения вопроса, но, тем не менее, это понимают далеко не все, особенно среди представителей милитаризма. Длительный мир, последовавший за франко-прусской войной, пробудил чувство безопасности даже в офицерской корпорации. Трения с Францией и Россией, имевшие место в 1878 и в 1885 годах, на мгновение разогнали эту уверенность; но в настоящую возможность войны не верили даже те, кто сам накликал ее. При таком настроении духа внутренняя функция армии, т. е. ее роль усмирительного органа, естественно должна была выдвинуться на первый план и несколько затмить ее назначение для внешней войны. Со времени франко-русского союза, который нагнал большой страх на немецких патриотов, и еще больше с началом империалистической эры, это чувство спокойствия исчезает и уступает свое место противоположному настроению: офицерский корпус начинает счи-

таться с возможностью военных потрясений. Марокккские кризисы 1905, 1907, 1911 годов, балканский кризис 1909 и 1912 годов поддерживают это настроение. Более того, среди молодых, активных элементов офицерского корпуса уже начинает появляться настроение „чем скорее, тем лучше".

В этом положении внимание военных с особой пристальностью останавливается на условиях современной войны и на тех выводах из этих условий, которые должны оказать влияние на обучение солдат.

Вот как характеризовал Энгельс в „Анти-Дюринге" ту эволюцию тактики, с которой теперь приходится считаться в первую голову:

„В начале франко-прусской войны произошло столкновение двух армий, вооруженных нарезными ружьями, заряжающимися с казенной части, и пользовавшихся одинаковыми по существу тактическими приемами, сохранившимися со времен старого гладкоствольного ружья с кремневым замком. Только ротные колонны, введенные в употребление пруссаками, являются попыткой найти боевое построение, более соответствующее новому вооружению. Но когда прусская гвардия попыталась серьезно применить к делу ротные колонны (18-го августа, под Сен-Прива), то в каких-нибудь 2 часа пять полков, принимавших в этой попытке главное участие, потеряли свыше трети своего состава (176 офицеров и 5.114 солдат). С тех пор ротная колонна была признана еще менее пригодной для боевого построения, чем баталионная колонна или шеренга: в дальнейшем была откинута всякая попытка подставлять неприятельскому огню какие-либо сомкнутые части, и немцы начали вести бой исключительно рассыпными отрядами стрелков; колонны уже и раньше самостоятельно практиковали этот способ, так как смертоносный град пуль вынуждал их рассыпаться, но тогда начальство боролось с этим, как с нарушением порядка; точно так же единственным способом передвижения в сфере неприятельского огня оказался беглый шаг. Солдат снова выказал больше находчивости, чем офицер; он инстинктивно нашел и, вопреки сопротивлению командования, с успехом применил к делу единственно возможный боевой порядок, который и до сего

времени остается лучшим средством борьбы со смертоносным огнем ружей, заряжающихся с казенной части" [1]).

Русско-японская война показала, до какой степени увеличение дальнобойности ружей и пушек принуждает к рассыпанию боевых единиц. Недавно умерший начальник германского генерального штаба фон Шлиффен нарисовал на основании этого опыта следующую картину боя:

„Теперь уже невозможно наступать друг на друга двумя шеренгами, как это делалось в XVIII столетии, и, сойдясь на близкое расстояние, выпускать в неприятеля залпы. При этих условиях обе армии были бы в течение нескольких минут стерты с лица земли беглым огнем. Безусловно невозможно атаковать неприятельские позиции и квадратными наполеоновскими колоннами. Шрапнельный огонь разгромил бы их. Также неуместно пытаться одолеть врага непосредственно огнем стрелковых отрядов, как это недавно предполагалось. Стрелки были бы немедленно уничтожены. Пехотинец может подвигаться к врагу только под прикрытием деревьев, домов, стен и рвов, возвышений и углублений. Он должен пробираться от прикрытия к прикрытию то ползком, то на коленях, то стоя. Чтобы достигнуть удовлетворительного прикрытия, пехотинец должен обладать пространством для свободного действия локтями, — примерно по метру на человека... Таким образом, непосредственным следствием усовершенствования огнестрельного оружия является большая растянутость фронта сражения" [2]).

А генерал фон-Бернгарди формулировал вытекающие отсюда выводы в следующих убийственных для милитаризма выражениях:

„Представим себе прежде всего условия современного сражения для обоих главных родов оружия, и именно условия атаки, т.-е. решающей формы боя, без которой едва ли мыслима победа. Впереди широко рассыпанными цепями

[1]) Энгельс, „Анти-Дюринг", стр. 176.

[2]) Ф.-Шлиффен, „Война в настоящее время", „Deutsche Revue", январь, 1909.

движется пехота. Влияние начальников, поскольку оно выражается в приказаниях, ничтожно. Протяжение фронта слишком велико, шум сражения слишком силен, напряжение нервов слишком огромно: голос офицера теряет всякое значение. Необходимые указания кое-как передаются по длинным цепям путем переклички от солдата к солдату. Пример начальников сохраняет некоторое влияние только в ближайших и решающих пунктах сражения. Но вражеские выстрелы производят ужасные опустошения, жертвами которых являются в первую голову начальники, больше всех подвергающиеся опасности. Тогда пропадает всякое влияние на солдат, связь нарушается, каждый отвечает за себя; теперь проявляет себя солдат, как таковой. Нет больше солдата, которого ведут к победе: есть солдат, который сам хочет победить.

Он предоставлен самому себе почти во всех функциях сражения. Он должен сам определять расстояния; он должен сам учитывать условия местности и использовать их; он должен сам выбирать себе цель и устанавливать прицел; он должен знать, куда ему продвигаться, на какой пункт вражеской позиции нападать; он должен всеми силами стремиться выполнить свое собственное непоколебимое решение. Достигнув вражеской позиции, он должен знать, что ему делать. Если атака приостановилась, если продвигаться вперед под вражеским огнем невозможно, то он должен сам найти себе прикрытие. Если начинается отступление, то он должен упорнейшим образом цепляться за каждую пядь земли и не уступать ее без боя. Он никогда не может рассчитывать на указания начальника. Но все, что относится к рядовому солдату, еще в большей степени относится ко всему младшему командному составу. Он не может рассчитывать на указания в ходе боя. Передавать указания из тыла на передовую линию сражения в большинстве случаев невозможно. Рассчитывать на надежную связь путем сигнализации—это фантазия, которой не должен предаваться ни один серьезный солдат. Как только часть вступила в сферу активного неприятельского огня, сейчас же прекращается всякое связное и сосредоточенное командование. Ведь, успех покоится исключительно на сознательной деятельности отдельных групп и людей, на примере начальников или тех, кто чувствует себя призванными в руково-

дители. Такова картина современного пехотного боя: самодеятельность есть все. В последних войнах это уже наблюдалось в конечных стадиях сближенного боя пехоты. В будущем этот момент самодеятельности будет выступать гораздо раньше, чем до сего времени,—и безусловно в гораздо более решительной форме.

Нечто подобное проявится и в артиллерийском сражении. Пока батареи стоят под прикрытием, стреляют перекидным огнем и подвергаются лишь рассеянному обстрелу неприятеля,—упорядоченное командование, конечно, может быть сохранено даже и в более значительных частях. Но когда им придется выезжать в открытое поле и попадать под прицельный обстрел, то нарушится единое командование не только более крупными частями, но (очень скоро) и отдельными батареями, а при некоторых обстоятельствах оно станет и совсем невозможным. Взводы и отдельные орудия должны будут стрелять самостоятельно, что часто наблюдалось уже в 1870/71 году: голос начальника батареи не будет слышен, передача приказаний будет невозможна в шуме сражения, и большинство начальников вскоре будет перебито. По моему убеждению, тот, кто верит в возможность при таких обстоятельствах руководить стрельбой по всем правилам искусства, только обманывает себя. В конечном счете решающую роль получит не общее руководство, а самодеятельность младшего командного состава и солдат" [1]).

Итак, условия современной войны требуют возможно большего развития самодеятельности солдат. Поскольку это вообще достижимо, добиться этого можно, только отбросив все бесполезные парады и всю муштру и сосредоточившись исключительно на целесообразной военной подготовке. В этой боевой необходимости заложено безусловное требование использования действительной службы для чисто-военной подготовки, которая не только позволяет, но и прямо требует сокращения срока службы. Но офицерам не так-то легко отказаться от муштровки, и они пускают в ход всяческую психологическую ерунду, пытаясь доказать, что именно

[1]) Ф.-Бернгарди, „О современной войне", том I, стр. 344/46.

в виду ужасных условий современного боя военная подготовка солдат должна быть соединена со строевой муштровкой. Такова работа генерал-майора фон-Цеппелина „Значение морального элемента в армии и флоте“ [1]), в которой автор рассказывает, как во время франко-прусской войны в самых опасных положениях, когда надвигалась опасность и солдат начинала охватывать глухая неуверенность, он старался отвлечь их внимание посредством плохих шуток и упражнений. И майор Морат, который на месте полковника Гедке разъяснил в „Berliner Tageblatt“ лево-либеральной буржуазии потребности милитаризма, писал по поводу швейцарских маневров:

„Каждая армия, предназначенная для войны, несомненно должна в мирное время проходить строевое обучение и муштровку, которые настолько укрепят ее моральную силу, что солдаты смогут не поддаться тому подавляющему впечатлению, которое производит на них поле битвы [2]).

Блейбтрей справедливо отвечает на это:

„Все эти измышления немедленно забудутся в суматохе серьезного боя, где боец,—подобно бойцу жизни, сбрасывающему школьный баласт,—должен прежде всего забыть вдолбленную в него бессмыслицу. Только тогда он сможет найтись практически... Для чего же солдату, которому предстоит бой врассыпную, годами подвергаться строевой дрессировке? Не для того ли, чтобы он ускользнул из рук начальников? Благое пожелание! Нервное потрясение и смертельная опасность уничтожают всякую дисциплину; в критическую минуту ни один офицер не заставит солдат подняться с земли, если в них нет к тому внутреннего импульса. Ну, а если большинство офицеров перебито?“ [3]).

Именно эти самостоятельные внутренние импульсы и не дают покою военщине. Она смутно чувствует, что политические условия империалистической войны далеко не похожи на условия такой борьбы, в необходимости которой солдат убежден. И поэтому милитаризм ни за что не откажется от муштровки, несмотря на очевидные для всех тре-

---

[1]) Берлин, 1906 г.

[2]) „Berliner Tageblatt“ от 9-го сентября 1912 г.

[3]) Карл Блейбтрей, „Войско“, Франкфурт, Н. М. 1911, стр. 163/69.

бования современного боя. Но то, что требуется основными условиями войны, неизбежно проложит себе путь в той или иной форме.

Итак, мы видим, что современный капитализм впал в такое противоречие, острее которого нельзя себе и представить. Задачи войска, как органа порабощения, и его задачи, как боевого органа, резко несовместимы. Одна из них требует дальнейшего завершения демократизации народной армии, а другая — судорожного цепляния за пережитки наемного войска. Если бы борьба этих тенденций была предоставлена самой себе, то она осталась бы безрезультатной: противоречие было бы замято. Но милитаризм не есть самостоятельное и самодовлеющее явление. Во внутреннюю борьбу его тенденций вмешивается, с одной стороны, призрак войны, с другой—классовая борьба пролетариата. Энергично выдвигая в центр обсуждения лозунг милиции, пролетариат поддерживает те тенденции милитаризма, которые ведут к демократизации армии.

Таким образом, пролетарское требование милиции отнюдь не является каким-то спекулятивным измышлением или идеей, заимствованной из багажа мелкобуржуазных иллюзий; оно является формулой дальнейшего развития милитаризма, вытекающей из предыдущего его развития. Показать эту формулу в ее полном значении, очистить ее от иллюзионистических элементов, которыми она обросла за время своего мелкобуржуазного периода,—будет задачей следующей серии статей.

6. Социал-демократическое требование милиции.

а) Милиция, демократия и классовая борьба.

Требование милиции есть сосредоточение тенденций к демократизации войска, вытекающих как из обще-социального, так и из военного развития. Такое понимание этого требования имеет большое значение для трактовки милиции, как формы войска, органически развивающейся из существующего в наши дни положения. С этой точки зрения общее требование милиции можно осуществлять в агитации, как требова-

ние военного воспитания юношества, краткосрочной военной службы, уничтожения военных судов. Одним словом, эта трактовка низводит нас с небес абстракции на почву практической агитации. А будучи рассмотрена с исторической точки зрения, милиция открывает нам свой загадочный политический смысл.

Милиция есть демократическая форма военной организации, подобно тому как построенный на основе всеобщего избирательного права парламент и ответственное правительство являются демократической формой государственного строя. В старые времена, когда грязная практика капиталистической политики еще не превратила самообмана демократических иллюзий в сознательный обман других,— мелко-буржуазные демократы думали, что при капитализме возможна полная демократия, что демократия уничтожит классовый строй общества. И ожидая от демократии этого чудесного действия, они переносили свои иллюзии и на ее отдельное установление, на ее военную организацию—милицию. Они надеялись, что милиция механически даст народу решающую роль во внешней и внутренней политике страны. Благодаря милиции правительство действительно станет простым исполнительным органом народного большинства. Внутри страны оно ничего не сможет предпринять против воли народа, потому что иначе оно натолкнется на непреодолимое сопротивление милиции. Ему придется отказаться от всякой завоевательной политики, потому что милиция не позволит пользоваться собой для угнетения других народов. Тем паче не позволит она злоупотреблять собой: ведь, в демократическом государстве разрешение вопросов о войне и мире находится в руках всего народа, а мелкобуржуазный народ считал себя ягненком, который никому воды не замутит. Это мелко-буржуазное понимание милиции было принято и рабочим движением в его первоначальной фазе, ибо социал-демократическая рабочая масса того времени, по внешности уже отделяясь от мелко-буржуазных демократов, была еще сильно проникнута мелко-буржуазной идеологией. Правда, Энгельс уже в те времена подходил к вопросу о милиции совершенно независимо от этой идеологии, но масса социал-демократического рабочего люда черпала свое пони-

мание этого вопроса не из афористических набросков Энгельса, из которых впоследствии развилось марксистское понимание милиционного вопроса, а из буржуазных писаний. Насколько мало они сознавали всю неприемлемость этих писаний для пролетариата, показывает доклад Либкнехта о военном вопросе, прочтенный им на пятом собрании немецкого рабочего союза в Нюренберге, в 1868 году. Реферат начинался с утверждения однородности требования милиции у буржуазных и рабочих демократов.

„Вы не будете требовать от меня,—говорил Либкнехт,—чтобы я исчерпывающе осветил теоретическую сторону вопроса. За последнее время это было настолько основательно сделано в демократических газетах, в брошюрах и в парламенте, что теперь можно с полным правом сказать: военный вопрос теоретически решен и отныне подлежит лишь практическому разрешению“ [1]).

Соответственно этому вступлению, весь реферат Либкнехта движется по чисто демократическим путям; в нем нет ни малейшего намека на отношение капитализма к вопросу о милиции. Противниками названы лишь абсолютизм и юнкерство.

Но общественное развитие перешагнуло через эти мелкобуржуазные иллюзии. Буржуазия стала яростной защитницей милитаризма, как оружия против народа, а практика наиболее демократических государств показала, что капитал умеет ставить барьеры демократическому развитию и превращать существующие демократические учреждения в средства своего господства. Политика капиталистических классов в демократических государствах доказывает, что капитализм не допускает последовательного завершения демократии, которое предоставило бы массам спокойно решать свою судьбу. Подобно тому, как в Германии капитализм угрожал всеобщему избирательному праву, боясь, что рабочие могут стать решающим фактором в рейхстаге; подобно тому, как в Англии и Франции он создает противовес парламенту в верхней палате и сенате и при этом высту-

[1]) „Первые германские конгрессы социалистов“. Перепечатано в собрании „Aus der Waffenkammer des Sozialismus“ 6-ой полутом, стр. 101—105, Франкфурт на/М, 1906 г.

пает против последовательной демократизации парламентского избирательного права, точно так же он будет до последней возможности препятствовать и полной демократизации войска, осуществлению в нем „неподдельной" демократии. Осуществить в рамках капитализма милицию, как войсковую организацию, которая формально отдает в руки народа решение вопросов о войне и мире, столь же мало возможно, как и осуществить в этих рамках полную демократию вообще. Именно эта вера в соединимость демократии с капитализмом, частичное наличие мелко-буржуазной идеологии и продиктовало нашему французскому товарищу Жану Жоресу его взгляд на милицию. Когда в своей исключительно интересной работе „Новая армия" [1]) он соединяет идею милиции с полным отказом Франции от путей империалистической политики, и верит в возможность не только принципиально мирной, но и чисто оборонительной политики Франции, то его понимание милиции совершенно не считается с капиталистической действительностью. Это—утопия, ибо французский капитализм, как и всякий другой, будет держаться империалистической политики до тех пор, пока пролетариат не вырвет власть у него из рук. Но если мы вместе с Энгельсом отодвинем неподдельную милицию в период будущего государства, для которого она явится тоже лишь переходной мерой, ибо упрочившееся социалистическое общество, которое может быть только интернациональным, не нуждается ни в какой военной организации, то это отнюдь не означает нигилизма в вопросе об обороне страны, отнюдь не является отказом от требования милиции, как требования, осуществимого и в наши дни. Его можно проводить так же, как и всякое другое требование, осуществимое в рамках капитализма. „Это только те требования, которые уже можно реализовать, поскольку они не утрируются фантастическими представлениями",—говорит Маркс [2]). Пока буржуазия держит власть в своих руках, она не допустит последовательного

[1]) Ж. Жорес, „Новая армия", Париж, 1911 г., изд. J. Rouff.

[2]) Маркс, „К критике программы соц.-дем. партии". Перепечатано в собрании: „Aus der Waffenkammer des Sozialismus", 10-й полутом, Франкфурт, 1908.

проведения милиции, но давление масс и военная необходимость заставят ее осуществить милицию частично, и тем самым увеличить решающее влияние пролетариата. Требование милиции осуществимо, „поскольку оно не утрировано фантастическими представлениями".

Но результаты его будут совсем иные, чем думали демократические иллюзионисты. Они надеялись, что милиция вызовет отказ государств от внутренней реакции и от внешней завоевательной политики. Эта надежда обманчива. Буржуазия всегда найдет средства злоупотреблять демократическим учреждением. Для этого ей достаточно пользоваться внутри страны частями милиции, набранными в мало развитых и, следовательно, реакционных местностях,—товарищ Шиппель указывал на это в своем интересном споре с Каутским еще в 1898 году,—что прекрасно подтверждает практика швейцарской буржуазии. Одновременно с демократизацией войска она создает себе наемные полицейские отряды, на что уже соглашаются и буржуазные сторонники милиции, которых военная необходимость вынуждает защищать милиционные идеи, но которые вместе с тем ищут гарантий против народа. Что же касается внешней политики, то буржуазия будет держаться империализма даже при самой широкой демократизации военного дела. Она надеется при этом, во первых, на влияние националистических идей—этого последнего из обманов, спасающих капитализм, а во-вторых, как ни боится буржуазия момента наступления войны, но все же она надеется справиться с ним путем военного терроризма. На войне же она рассчитывает на инстинкт самосохранения, который вызовет в каждом солдате величайшее напряжение сил перед лицом смертельной опасности. С настроением народа в самой стране, с настроением солдат во время длительных застоев, без которых война обойтись не может (напр., при осаде пояса французских крепостей), с поведением всего народа после кровопролитной войны, как и с возможностью массовых действий до войны,—буржузия не считается, и она не считалась бы с этим даже при дальнейшей демократизации войска, потому что она вынуждена к этому. Ни один класс не откажется сам от своей политики.

Каково же, в таком случае, значение требования милиции? Таково же, как и значение всех наших демократических требований. Они не вызывают ни малейшего смягчения классовых противоречий, они не уничтожают ни единого из противоречий капиталистического общества, но они увеличивают мощь народа. Чем больше демократизируется армия, чем больше заполняется она истинными сынами народа, тем больше понуждает она капитал, поскольку дело не касается его кровных интересов, делать уступки народу; где же встречаются увертки или измена, там она помогает народу сильнее противиться классовому врагу. Чем дальше идет демократизация народа, тем реже будут великие державы раздувать свои мелочные трения; когда же они, наконец, резко столкнутся между собой, тогда сила борющегося за свои интересы рабочего класса—вооруженного народа—будет возрастать при каждом благоприятном моменте, который даст пролетариату возможность нападения, и который буржуазия не может в своем самообольщении не проглядеть. Результатом демократизации войска явится не спокойное развитие, не врастание в демократический рай, а обострение классовой борьбы вплоть до решительного боя за власть.

б) Милиция и борьба за власть.

Социал-демократия унаследовала требование милиции от буржуазной демократии, но, тем не менее, прав Карл Каутский, утверждающий, что ни в одном из требований соц.-дем. программы-минимум антагонизм между рабочим классом и капиталом не выступает так ясно, как в борьбе за милицию. В этом факте выражается реакционность имущих классов, знающих, что, по мере хода общественного прогресса, их господство все меньше опирается на экономическую необходимость и все больше—на грубую силу. Но эта сила, на которую буржуазия хочет опереться в борьбе против рабочего класса, находится в руках того же рабочего класса, который в лице армии должен бороться с самим собой. Никакие магические фокусы, которые капитал черпает из традиций наемного войска и пытается привить народу, не помогут буржуазии надолго удержать рабочий класс в поло-

жении своего же собственного тюремщика. По мере того как общественное производство становится все более независимым от личности капиталиста, который, в качестве держателя акций, становится лишь потребителем продуктов труда рабочих; по мере того как рабочий класс все более становится единственным решающим фактором производства,—все больше обостряются классовые противоречия. Тот момент, когда войско перестанет быть средством порабощения пролетариата, тоже все скорее приближается к нам, по мере того как процент рабочих в войске становится все более подавляющим. Сила, организованная буржуазией, обратится против буржуазии. Это наступит независимо от того, будет ли буржуазия противиться завершению демократизации войска, или не будет. Ибо ни пестрыми тряпками, ни какой бы то ни было муштровкой невозможно заглушить народное самосознание на протяжении всего двух лет службы. Демократизация армии только ускоряет тот процесс, который совершается и без нее. Но так как рабочий класс должен стремиться к скорейшему свержению капиталистического ига, то требование милиции и борьба за нее с каждым годом приобретает для пролетариата все большее значение, по мере того как господство капитала, постепенно переставая быть исторически необходимым, становится все невыносимее.

Это значение милиции, как одного из объектов борьбы пролетариата, было в течение дасятилетий затемнено в нашем сознании. Ни одно из требований нашей программы не было так мало обосновано в социал-демократической литературе, так мало развито в социал-демократической агитации. Это имеет свои весьма важные исторические причины. После 1871 года, несмотря на продолжавшиеся вооружения, европейский мир, казалось, был обеспечен. Пушки грохотали только на границах капиталистической цивилизации. Военное дело развивалось медленно, без скачков, что отодвигало значение вопросов организации войска на задний план. Рабочее движение казалось столь же медленным, как и развитие милитаризма. Оно характеризовалось постепенным накоплением сил и постепенным движением вперед; всем казалось несомненным, что его победа явится

лишь результатом постепенного подъема. Вопросы борьбы за власть, к которым принадлежит и вопрос о милиции, неминуемо должны были потерять всю свою остроту. Но капиталистическое развитие разбило эти иллюзии. Государство против государства, класс против класса—таков новый лозунг. Чем сильнее стремление капитала к прибыли, тем острее положение на мировом рынке, тем острее и борьба за новые области для эксплоатации. Империализм приблизил опасность европейской войны. Он так ускорил темп вооружений, что вопрос о борьбе с ними стал важнейшим из вопросов интернационального рабочего движения. Одновременно обострилась и борьба между капиталом и рабочим классом: против могучих рабочих организаций выступают могучие капиталистические организации. Капиталистическое государство бросает на чашу весов экономической власти капитала вооруженную силу. Позволим ли мы использовать себя в качестве пушечного мяса из-за африканских и азиатских колоний? Позволим ли мы использовать себя в качестве палачей своих братьев? Эти вопросы становятся все резче, все настойчивей, и взгляды рабочего класса все чаще обращаются на военные проблемы. Позиция имущих классов показывает ему, что пока эти классы находятся у власти, они не откажутся от вооружений. Значит, нужно усилить мощь рабочего класса на почве вооружений. Возможно ли это? Изучение военной истории показывает, что милитаризму свойственна сильная тенденция к демократизации, иными словами, к усилению влияния народа в войске. Поддерживать всеми силами эту тенденцию—и значит вести борьбу за милицию. Демократизация войска не означает обуздания вооружений или уничтожения возможности подавления народа посредством силы; но она ускорит приближение того момента, когда штыки, на которых сидит буржуазия, придут в движение. Требование милиции, указывая путь к власти, является нашим лучшим лозунгом в борьбе с империализом, лозунгом борьбы наших дней. Капитал старается обмануть народ, внушить ему, будто бы борьба за эксплоатацию новых областей—это борьба за национальные интересы. Сталкиваясь из-за своих империалистических интересов с другими капиталистическими дер-

жавами, он всегда апеллирует к народу: защищай свою родину! Требование милиции вскрывает этот обман. У нас нет родины, потому что мы неимущие пролетарии,—отвечают защитники милиционной идеи. Ладно, поверим буржуазии, что иностранный капитал будет эксплоатировать нас еще злее отечественного. Тогда мы хотим мобилизовать все силы народа, и, значит, давайте нам милицию, которая одна лишь в состоянии осуществить это! Но буржуазия изо всех сил борется с требованием милиции. И тем самым она позволяет нам на общеизвестных фактах доказать народу, что она заинтересована не в защите родной земли, а в хищении чужой. Ни на чем другом не познается империализм с такой ясностью, как на оселке милиционных идей.

В борьбе за милицию пролетариат переходит от обороны к нападению. За протестами против вооружений последует нападение на политику вооружений. Выставив на своем знамени требование милиции, социал-демократия указывает на осязательную, понятную народу ближайшую цель. Милиция обозначает не только протест против вооружений, но и борьбу за одногодичный срок службы, борьбу против военных судов, против человекоубийственной муштровки, против тягот солдатской жизни. Как же не вырасти энергии народных масс в борьбе за такие цели? И так как борьба за требование милиции происходит целиком на почве действительных процессов, выражающихся в вооружениях, то она позволяет осветить все подвалы и тайники капитализма, широко распахнуть окна его казарм и указать пролетариату на путь к борьбе за власть. Милиция будет первым выстрелом предстоящих нам боев. Но эти бои будут вестись не в духе бесплодных, сентиментальных утопистов из числа слабонервной, миролюбивой буржуазии; они будут вестись в духе пролетарской борьбы за социализм, в духе воинствующего класса будущего, которому капиталистический мир не менее отвратителен, чем капиталистическая война.

Против демократии.

Ганс Дельбрюк, „Правительство и народная воля", Берлин, 1914 г., изд. Stilke, 203 стр.
Мартин Шпан, „Насущные вопросы Германии", Мюнхен, 1914 г., изд. Kösel, 203 стр.

Вопросы конституции не сходят со столбцов политической прессы с самого начала борьбы за избирательное право в Пруссии. Эта борьба направляется против некоего устоя современной конституции, формально означающего господство юнкерства, а на деле—господство всего крупного капитала. Стало-быть, теоретическое обоснование этого господства является не академическим вопросом, оно получает актуально-политическое значение. Господствующие классы чувствуют, что уже недостаточно объявить: я люблю и владею, оставьте меня в покое!—они чувствуют необходимость уяснить нерешительным элементам, что его власть есть единственно возможное и наилучшее устройство. Но сами они слишком неповоротливы, чтобы выполнить эту „просветительную работу". Они набирают для этого наемников, в лице имперского союза, каковые наемники и обязуются доказать несравненность всех реакционных учреждений и всех реакционных мероприятий. И имперский союз выполняет эту работу в поте лица своего. Пусть те, кто платит ему деньги, обольщаются иллюзиями по поводу успехов, достигнутых им. Быть-может, они действительно верят, что „народу" можно внушить, что угодно, если только надлежащим образом подталкивать и подтасовывать факты. Ибо они, действительно, думают, что народные массы неизбежно делаются жертвой каждого ловкого демагога. Победное шествие социал-демократии является для них не чем иным, как триумфом „возмутителей", „подстрекателей" и т. п. Однако, более культурные элементы господствующих классов чувствуют, что в умственно восприимчивых слоях таким путем многого не достигнешь. Таким образом, они за свой страх и риск начинают борьбу с демократией, такую борьбу, которая должна соответствовать более „высоким за-

просам". Книги берлинского и страсбургского профессоров обязаны своим возникновением этому чувству необходимости идейной борьбы. Книга Дельбрюка задумана шире и систематичнее, чем произведение Шпана. Она ставит себе высокие задачи. Господин Дельбрюк хочет доказать, во-первых, невозможность демократии вообще и, во-вторых, ее ненужность в Германии. Если бы первая часть его сочинения оказалась удачной, то вторую он мог бы приберечь для себя. Но сожалеть о том, что он все же написал ее, не приходится, потому что при этой оказии он пролил свет на некоторые любопытнейшие особенности политического устройства Германии и, сверх того, дал возможность несколько ознакомиться с настроением духа тех кругов, к светилам которых, несомненно, принадлежит Дельбрюк. Профессор Шпан ставит в центре своего изложения германские политические отношения. Так как он принадлежит к правому крылу партии центра, то его произведение является дополнением к работе Дельбрюка, показывая, насколько незначительна разница между политическими воззрениями независимых консерваторов и капиталистической буржуазии. Господин Дельбрюк разрешает свою задачу несколько легкомысленным образом. Выступая в роли историка, он мчится в семимильных сапогах через всю писанную историю человечества,—от античных государств до буржуазной демократии Англии, Соединенных Штатов и Франции,—чтобы на каждом этапе своих странствий с торжеством вопрошать: где же здесь демократия? И хотя в любое из его исторических положений можно было бы внести такие поправки, которые доказали бы, как мало способен этот военный историк проникать через внешнюю оболочку в истинную суть исторических событий, но в одном с ним можно согласиться без всяких оговорок: конечно, все, что до сих пор называлось демократией, на самом деле было олигархией, господством малочисленных или даже ничтожных групп над широкими массами порабощенного народа. Но оставляя в стороне тот факт, что чем больше был слой, тем незначительнее были его политические действия,—разительным примером чего и поныне служит афинская демократия,—такой способ доказательства ничего, абсолютно ничего, не дает для борьбы с демократией, и ни на грош не обогащает на-

шего понимания проблемы. Он доказывает только то, что до сих пор демократия была социально неосуществима. Но для доказательства этого факта вовсе не требуется ученых диссертаций. Это и без проф. Дельбрюка известно каждому, кто видит в истории не кучу случайных событий, которых могло бы и не быть, но необходимую последовательность явлений. Афинская псевдо-демократия базировалась на рабском труде. Ее огромное культурное развитие было бы невозможно без эксплоатации ничтожной кучкой граждан труда сотен тысяч рабов, ибо при тогдашнем состоянии производства поголовное участие в хозяйственной работе никому не позволило бы отдаваться интенсивной культурной деятельности: развитие производственных сил было слишком незначительно, чтобы позволить всякому в короткий срок выполнить необходимую физическую работу и посвятить свой досуг умственным занятиям. Или как можно было предоставить народу решение важных дел в Германии XVII столетия, где хозяйственная жизнь в значительной мере ограничивалась провинциальными масштабами и, таким образом, народные интересы были раздроблены, да и не могли равномерно проникать в сознание жителей различных провинций при существовавших тогда путях сообщения? Чтобы перенести что-либо из своих выводов с давнишних отношений на теперешние, профессору Дельбрюку нужно было бы доказать, что и в наш век национального и мирового хозяйства, необычайного развития путей сообщения, почты и телеграфа широкие массы народа могут разбираться в своих насущных интересах так же мало, как и во времена оны. Вместо этого господа Дельбрюк и Шпан просто ссылаются на тот факт, что современные демократии на деле осуществляют господство ничтожных клик. Дельбрюк идет еще дальше и, ссылаясь на работу бывшего социал-демократа Михельса („К психологии партийной организации в демократии“ 1910 г.), пытается доказать, что даже в рабочем движении, которое ставит своей целью завоевание демократии, господствует отнюдь не демократия, что оно пропитано сильными бюрократическими тенденциями. Но и это доказательство весьма поверхностно. Господин Дельбрюк, видимо, не знает, что современные „демократические“ государства организованы отнюдь не демократически. Во Франции и

Америке конституция предоставляет бюрократии (в Америке—сенату и т. п.) возможность противостоять „народной воле". Но если бы это было и не так, то экономическая зависимость пролетариата от капитала дает этому последнему возможность извращать волю народных масс, подкупать ее. Нищета народных масс, обусловленная господством капитала, не позволяет большинству населения достигнуть той степени культурного развития, которая необходима для самостоятельного участия в политической жизни, что и позволяет возникающей в рабочем движении бюрократии самодержавно управлять партией пролетариата. Таким образом, все это говорит не против демократии, но за ее завершение и за то постоянно защищаемое социал-демократией положение, что без уничтожения частной собственности, захватывающей средства производства, в государстве невозможно истинное народоправство; ибо та масса, которая экономически порабощена капиталом, не может распоряжаться этим капиталом в государстве.

Так как способ доказательства Дельбрюка является лишь исторически прикрашенной софистикой, совершенно не историчной по существу, то можно не тратить труда на рассмотрение его доводов, стремящихся доказать, что, мол, современное „беспартийное" германское правительство является при данных обстоятельствах наилучшим. Мы не станем вдаваться в этот вопрос, ибо социал-демократическая пресса ежедневно освещает его, противопоставляя буржуазным славословиям немецкую действительность. Мы хотим осветить только один вопрос. Если бы политические отношения демократических государств и имели совершенно такой вид, как представляется господину Дельбрюку, то это отнюдь не говорило бы против борбы немецкого рабочего класса за демократию. Ибо, во-первых, демократические государства ставят пролетарскую борьбу в самые неоднородные условия, зависящие от общественного развития данной страны. Если бы американский рабочий класс не находился в течение многих лет под влиянием того факта, что каждый энергичный рабочий может надеяться стать самостоятельным фермером, если бы он не слагался из столь различных по национальности и культуре масс, то его влияние на государственные дела было бы совсем не таково,

как теперь, а стало-быть, и северо-американская республика имела бы совсем иной облик. Если бы монополия на мировом рынке, а также и некоторые другие обстоятельства, которых мы здесь не можем касаться, не подчинили английский рабочий класс влиянию буржуазии, то и английская демократия имела бы совершенно иной вид. То же самое было бы, если бы французский пролетариат представлял собою компактную массу фабрично-заводских рабочих. Итак, нельзя брать результаты хотя бы буржуазной демократии, продиктованные определенными социальными условиями, и переносить их на страну с совершенно иными социальными отношениями. Не нужно даже доказывать, что завоевание хотя бы буржуазной демократии дало бы в Германии последствия, несколько отличные от тех, которые мы видим в уже существующих демократических государствах. Имущие классы Германии дают тому лучшее доказательство, руками и ногами отбиваясь от развития, ведущего к демократизации. Но это только одна сторона вопроса о том, почему рабочий класс не станет слушать советов господ Дельбрюка и Шпана. Другая сторона заключается в том факте, что рабочий класс может бороться за социализм не иначе, как путем борьбы за завершение демократии. Социализм—это не такой зрелый плод, который может упасть с древа развития от первого же внезапно разразившегося народного урагана. Нужно настойчиво возбуждать народный ураган, нужно организовывать его, пока он не станет всеобщим; для того, чтобы быть способным встать во главе общества, когда оно созреет для социалистической организации, рабочий класс должен сначала сам созреть в своей повседневной борьбе. А вести эту борьбу как-раз и приходится против всех притеснений, которыми наделяет трудовую массу высоко совершенное „государственное и хозяйственное устройство“ Германии. Но для господ Дельбрюка и Шпана это уже китайская грамота: ведь, они верят, что массы никогда не созреют. А против веры ничего не поделаешь. Блажен кто верует... блажен, но и слеп!

В конце-концов, обе книги направлены против рабочего движения. Несмотря на это, политически грамотный рабочий прочтет их не без пользы, ибо самостоятельно скрестить шпагу с врагом—поучительно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЙНА

За что мы обязаны проливать кровь?

1. Развязка близится.

В эти часы и дни решается наша судьба. Превратится ли Европа в поле сражения? Россия уже мобилизовалась против Австрии. Начало мобилизации на границах Германии ожидается с минуты на минуту. В Берлине высшие органы обсуждают серьезность положения. Сегодня собирается союзный совет. Насколько приходится считаться с возможностью германской мобилизации,—показывает тот факт, что полуофициозный „Lokal Anzeiger", теснейшим образом связанный с правительством, уже держит наготове отпечатанный экстренный выпуск с объявлением мобилизации. Вчера днем несколько экземпляров этого выпуска попали на улицы Берлина, после чего „Lokal Anzeiger" был вынужден признать, что он держит в запасе отпечатанное известие о мобилизации. Мобилизация, конечно, еще не война, но она—серьезный шаг к мировой войне. Когда войска уже стоят на границах, тогда спасти мир может,—как говорит „Vossische Zeitung",—лишь чудо. Ибо в этом случае Германия немедленно начнет наступление, чтобы использовать те преимущества перед Россией, которые дает ей быстрота в проведении мобилизации. И, что особенно показательно, голос дипломатов заглушается голосом военщины. Сегодняшним днем правит Марс.

Рабочие! Мы обращаемся к вам в ответственнейший час вашей жизни. Быть-может, не долго еще осталось нам говорить с вами прямо и открыто. Ибо за мобилизацией последует удушение прессы, уже начавшееся в Австрии. В этот час надвигающейся развязки мы хотим вместе с вами

ответить на вопрос: как могло все это случиться? Почему мы, совершеннолетние люди, не смеем решать сами, хотим ли мы жертвовать жизнью, и за что мы должны ею жертвовать?

2. Кто распоряжается нашей жизнью?

„Решение вопроса о жизни и благополучии 300 миллионов людей выносится в глубокой тайне, принимается ничтожной кучкой, о действиях которой до нас доходят одни отрывочные слухи. Элементы для суждения о вероятном будущем доступны лишь немногим".—Так описывает положение буржуазная газета „Frankfurter Zeitung". Не только рабочие России, этой страны абсолютизма, но и рабочие цивилизованной Германии, рабочие республиканской Франции,— все они должны понять, что судьбами народных масс распоряжается горсть тупых дипломатов и генералов, которым рабочие глубоко не доверяют. Один этот факт уже достаточно доказывает, что не наши насущные интересы вызвали опасность войны. Если бы интересы широких народных масс действительно требовали войны, то правительства не потребовали бы от нас, чтобы мы, подобно стаду баранов, позволили гнать себя на бойню по приказу сверху.

3. Требуют ли войны „насущные интересы" нации?

Опасность мировой войны вызвана интересами эксплоататоров. Это ясно каждому, кто хочет и может видеть. Но вся буржуазная пресса пытается представить положение так, как будто дело касалось насущных интересов нации. У нее есть для этого одна зацепка. Одним из противников, с которыми нам, быть-может, придется воевать, является русский царизм. И прислужники буржуазии хотят использовать нашу священную ненависть,—ненависть, которую мы, передовые бойцы свободы, питаем к кровавому душителю русского рабочего класса. Насущные интересы нации, якобы, требуют войны, потому что дело идет о борьбе

с царизмом. Дальше. Во время марокккского кризиса, когда дело касалось интересов нескольких капиталистов, каждому рабочему было ясно, что разразись война,—ему придется проливать свою кровь и кровь своих французских товарищей из-за чисто капиталистических интересов. Где же теперь эти капиталистические интересы?—издеваются „патриоты". Дело идет не о колониальных хищничествах, не о концессиях для банков, дело идет лишь о поддержке Австрии. Если мы оставим союзницу без помощи, то Россия раздавит ее; тогда царизм приобретет в Европе такую силу, что мы не будем в безопасности у себя в доме. Все это ложь, все это—фразеология, прикрывающая чисто капиталистическую и империалистическую суть конфликта.

4. Почему Россия угрожает Австрии?

Русская империалистическая печать говорит: из чувства справедливости, из солидарности с делом славянства. Это ложь: вся история Сербии есть история измены России по отношению к Сербии. „За последние двести лет сербскую нацию держали между русским молотом и австрийской наковальней",—писал в 1909 году бывший сербский премьер-министр Владен Георгиевич; Босния и Герцеговина находятся в руках Австрии исключительно по милости России, продавшей австрийцам эти страны. Так почему же сейчас Россия готова ежеминутно раздуть из-за Сербии мировой пожар? Не хочет ли она сама заполучить Сербию?—Нет! Сербы, как и болгары, защищались бы от русского господства еще отчаяннее, чем от австрийского, потому что они являются демократическим крестьянским народом и знают, как свищет по спинам крестьян царский кнут. Россия уже давно отказалась от всяких претензий на господство на Балканах. Русский царизм претендует не на захват Балкан, а на захват обширных областей у Тихого океана в Китае, на завоевание Персии и Армении, на доступ в Персидский залив, на завоевание Константинополя. Врагом, старающимся помешать ему в этом, является немецкий и английский капитал. Но в последнее время Англия несколько сдерживает свою

вражду; она пытается держать Россию в руках путем захвата южной Персии и дипломатических маневров. Да ей и ненужно слишком лезть вперед, потому что об этом уже заботится немецкий капитал. Он вложил сотни миллионов в Багдадскую железную дорогу, которая проходит мимо Армении, он надеется, что посредством своих спекуляций он выжмет из турецких крестьян в Мессопотамии миллионы и миллионы. В прошлом году, когда Россия собиралась вторгнуться в Армению, германский посол в Константинополе заявил: это явилось бы поводом к войне. Россия отложила планы и начала усердно вооружаться.

Германия и Австрия находятся в союзе. В числе австрийских „подданных" имеется 7 миллионов сербских крестьян. Австрия не дает им самоуправления, позволяет своим чиновникам угнетать и грабить их, отдает их в добычу будапештскому и венскому капиталу. Естественно, что население начинет волноваться и с надеждой взирает на задунайскую Сербию, где его братьям живется значительно лучше. Для Сербии, где всего лишь $4^1/_2$ миллиона населения, присоединение 7 миллионов австрийских сербов явилось бы осуществлением всех национальных мечтаний, ибо в этом случае она сделалась бы самой влиятельной державой на Балканах. Сербские крестьяне предаются этим грезам, потому что аграрная политика австрийских помещиков не позволяет им вывозить в Австрию свой скот. Россия покровительствует этим стремлениям, хотя у себя дома она отказывает в самоуправлении даже такой высоко-развитой нации, как поляки, и, мало того, преследует их язык. Россия поддерживает Сербию, ибо знает, что австрийская бюрократия, боясь за интересы своей политической власти, не намерена пойти на уступки сербским крестьянам, а австрийские аграрии в своей жадности не пожелают отказаться от торгово-политической войны с Сербией и тем самым охладить симпатии народных масс сербского королевства к великосербскому движению. Так как интересы власти и эксплоатации побуждают австрийских бюрократов и помещиков к насильнической политике по отношению к сербскому населению, то Австрии приходится держать на юге половину своего войска. И так как

поэтому она может выставить против России лишь половину своих сил, то Германия спешит к ней на помощь. Она все время наблюдает за восточной границей, не мобилизуется ли Россия против нее; а случись это, Германии придется поглядывать и на союзницу России—Францию. Таким образом, покровительствуя Сербии, Россия разделяет военные силы Австрии, приковывает немецкую армию к французской и русской границам и препятствует крупному немецкому капиталу слишком рьяно проводить свою хищническую политику в Малой Азии. Эта русская угроза Австрии препятствует разбойничьей политике немецкого капитала не только в Азии. Он не может свободно действовать и в Африке, потому что его конкуренты, Англия и Франция, постоянно напоминают ему о русской опасности.

5. Нам приходится проливать свою кровь за интересы капитала.

Теперь мы подошли к сущности вопроса. Не из-за „верности Нибелунгов“ обнажает Германия свой меч, когда на юге царит всеобщее возбуждение, а Россия грозит вступиться за Сербию и напасть на Австрию. Германия могла бы сказать Австрии: если ты хочешь, чтобы сербы успокоились, то дай сербским крестьянам самоуправление, обуздай своих чиновников, чтобы они не доводили крестьян до отчаяния, защити крестьян от капиталистической эксплоатации, — и тогда они позабудут о Белграде. Кроме того, германское правительство могло бы сказать: разреши крестьянам из сербского королевства свободный ввоз скота в Австрию,—и тогда они перестанут слушать подстрекателей. Но, к сожалению, Германия не может дать Австрии такого совета. Ведь, если бы Австрия не эксплоатировала и не прижимала сербских крестьян, то ей нечего было бы опасаться России, и тогда для нее не было бы никакого повода держаться за союз с Германией, так что Германии пришлось бы бороться с русскими хищническими планами в Малой Азии, не имея

союзников. Итак, мы видим, что Германия поддерживает эксплоатацию на юге двуединой монархии для того, чтобы пользоваться ее помощью в своей хищнической политике в Малой Азии, где она резко сталкивается с Россией. Если Германия готова призвать вас под ружье из-за австро-русского спора о Сербии, то только для того, чтобы освободить германский крупный капитал от давления России и дать ему возможность бороться с английским и французским капиталом за свою часть мировой добычи, не имея у себя в тылу русского врага.

Рабочие! Так обстоит дело. Вам придется проливать кровь не за свободу своей нации, но за свободу эксплоатации для немецкого капитала. Дело идет о тех же грязных интересах, которые чуть было не довели нас до войны с Францией в 1911 году. Это они вызвали и сегодняшнюю опасность войны, хотя сейчас они и не так очевидны.

Так знайте же это, рабочие! Помните это в те, быть-может, немногие дни, которые остаются вам для борьбы против резни народов. Если вам не удастся мужественной борьбой отвести опасность, то вам очень скоро придется подчиниться приказу о мобилизации. Тогда вам придется проливать свою кровь, ибо так хочет капитал, эксплоатирующий вас от колыбели до могилы.

(Bremer Bürgerzeitung, 31 июля 1914).

Марксизм и проблемы войны.

Во время войны в различных органах рабочей прессы приводились для обоснования военной позиции большинства социал-демократической фракции отдельные цитаты из творений основоположников научного социализма. Те самые люди, которые обыкновенно отрицали ориентацию рабочей политики на учение Карла Маркса и Фридриха Энгельса, как ортодоксальное поклонение букве, приводили выдержки из работ Маркса, как из священного писания. Против этого уже предостерегал историк немецкой социал-демократии, указавший на то, что при этом совершенно упускаются из виду исторические обстоятельства, обусловившие позицию Маркса и Энгельса в военном вопросе,—обстоятельства, похожие на теперешние, как соловей на сову. Мы хотим кратко изложить здесь, в чем заключались воззрения Маркса и Энгельса по вопросу о войне.

Для начала надо указать, что основоположники научного социализма, конечно, не отказались от своего метода и при трактовке военных вопросов. Их метод, т.-е. их способ научного исследования, состоял в том, что они объясняли историческое развитие всех явлений социальной жизни развитием производительных сил. В применении к войне этот метод состоял в том, чтобы исследовать особое значение каждой войны в связи с экономическим развитием. Никакие ужасы войны не могли бы заставить их только плакать и стонать над нею. Они всегда спрашивали себя, какого рода были источники войны, не разрушала ли она в своем сильном, быстром движении старое и гнилое строение, не возродится ли на развалинах, которые она оставит за собою, новая жизнь. Там, где добродушный филантроп, не

обладающий историческим взглядом на вещи, видит только кровь, ужас да бесцельную бойню, они часто прослеживали пути человеческого прогресса, возникновение новых условий классовой борьбы. Разумеется, мы должны применить этот метод и к нынешней войне. Опираясь на понимание современного экономического строя, переданное нам нашими основоположниками и их учениками, мы должны изучить те огромные противоречия современной экономики, которые привели к мировой войне. Если бы социал-демократические партии воюющих стран своевременно подумали об этом завоевании наших учителей, то теперь они были бы согласны между собою в определении войны; это идейное единение сохранило бы взаимное доверие между социал-демократическими партиями даже в том случае, если бы народные массы оказались не в состоянии предотвратить войну и были бы вынуждены выступить на поле битвы. Тут-то и выясняется, каким огромным практическим значением обладает марксистская теория, если только рассматривать ее не как груду цитат, разгадок и кулинарных рецептов, а как руководящую нить исследования, позволяющую разобраться в путанице событий.

Иное дело—позиция Маркса, Энгельса и их учеников по отношению к отдельным войнам. Их суждения о различных войнах представляют для нас величайший интерес, потому что, изучая эти суждения, мы видим, как Маркс и Энгельс применяют свой метод. Но даже непродолжительное изучение их точки зрения в каждом отдельном случае показывает полную невозможность считать эту точку зрения мерилом для нашего времени.

В „безумном“ 1848 году Маркс и Энгельс горячо выступали за русско-германскую войну. Как же обосновывали они свою позицию? Они указывали на силы феодальной реакции, господствовавшей в Германии, на слабость буржуазии, которая не могла сломить реакционной мощи. Широкие народные массы составляла мелкая буржуазия, класс, который уже в середине XIX века не был в состоянии энергично и сознательно бороться за демократию. Ясно, что при таких обстоятельствах пролетариат не имел значения мощного и самостоятельного фактора. Революционный порыв Германии заглох: при таких

условиях внутренней политической борьбы невозможно было ни объединение Германии в единое национальное государство, ни демократическое переустройство ее. Россия, бывшая в то время опорой реакции (теперь же царизм, как утверждает наша „национальная" пресса, держится только поддержкой французского капитала), поддерживала феодализм и в Германии, и в Австрии. Следовательно, война с Россией, по тогдашнему убеждению Маркса, была бы войной против сил, подавлявших германскую революцию. Маркс надеялся, что в случае войны с Россией национальная опасность побудит мелкую буржуазию к революционным действиям. Больше того, впоследствии Энгельс открыто объявил в письме к Лассалю по поводу итальянской войны (от 1869 г.), что он (вместе с Марксом) надеялся, что война с Россией и с Наполеоном III поставит перед Германией такие задачи, под тяжестью которых произойдет крах буржуазной демократии и на верх всплывут решительные революционные элементы.

Как обстояло дело в 1870 г.? Все надежды на объединение Германии революционным путем рухнули. Чем крепче становилась буржуазия экономически, тем больше она уклонялась вправо политически. Рабочие, вследствие экономической отсталости Германии, были еще слабы и неспособны самостоятельно бороться за политические предпосылки своего дальнейшего развития. „Если победит Германия—тогда капут французскому бонапартизму, тогда кончится вечный галдеж о восстановлении германского единства, тогда немецкие рабочие смогут организоваться в совсем другом национальном масштабе, чем до сих пор, а французские,—независимо от того, какое правительство возьмет власть над Францией,—безусловно будут иметь более широкое поле действий, чем при бонапартизме",—так писал Маркс 15-го августа 1870 г. к Энгельсу. „Теперь, как и в 1866 г., Бисмарк опять-таки проделывает часть нашей работы; он делает это по-своему и против воли, но все же делает",—писал он дальше.

В этом частном письме, излагающем чисто-личное мнение, Маркс открыто высказывается за историческую необходимость войны 1870 г. и, принимая во внимание неспособность буржуазии к революционной борьбе и слабость пролетариата, видит в войне единственный путь, дававший возможность

завоевать необходимые предпосылки развития рабочего класса. Тем не менее, он считает, что социал-демократия обязана открыто подчеркивать солидарность интересов немецких и французских рабочих, которые не одобряют войны и не принимают в ней участия.

Уже эти краткие выдержки показывают, что отношение Маркса и Энгельса к войне 1870 года было совсем иное, чем к войне 1848 года. В первом случае—открытая агитация за войну с Россией, которая должна была открыть пути революционному движению, во втором—отношение к уже совершившемуся событию, которое не одобряется, но о котором все-таки нужно сказать, что оно, при всей реакционности своих форм, создает условия для подъема рабочего класса. Несмотря на это объективное отношение к войне 1870 года, Маркс и не думает объявлять себя солидарным с какой бы то ни было из ведущих войну партий, так как он знает, что методы Бисмарка, помимо своей воли проводившие в жизнь то, что было исторически неизбежно, не были методами классово-сознательных рабочих. В обоих случаях позиция Маркса проявляется различно, определяясь различными стадиями общественного развития. При этом нужно заметить, что сила пролетариата и в 1848 г., и 1870 г. была одинакова.

Можно думать о позиции Маркса в 1848 и 1870 году что угодно, но доказывать, что она не имела ничего общего ни с националистическим угаром, ни с оппортунистическим страхом за достигнутые успехи, не приходится. Это была политическая позиция, обусловленная конкретными политическими условиями, при чем Маркс ни на одно мгновение не забывал о грядущих боях. Если кто-либо пленится точкой зрения Маркса в 1870 году настолько, что захочет подражать ей, то его надо спросить: почему же вы не пленяетесь точкой зрения 1848 года? Почему теперь нельзя надеяться, что господа Копш и Вимер, воюя с Россией, произведут революцию, а товарищ Пфаннкух сыграет роль Марата? А если, отвечая на этот вопрос, такой человек сошлется на изменение социальных и политических условий, то его можно будет снова спросить: а разве социальные условия не изменились с 1870 года? Разве теперь перед Германией стоят те же самые

задачи, что и 40 лет назад? Ответ на все эти вопросы может быть только один: с 1870 года социальные и политические отношения глубоко изменились; от задач, стоявших тогда перед Германией и имевших влияние на позицию социал-демократии (крайне многообразное влияние, заметим в скобках), теперь и следа не осталось. Точка зрения социал-демократии по отношению к мировой войне 1914 года должна и может определяться только характером этой мировой войны и современными задачами пролетарской классовой борьбы. Марксизм дает пролетариату умственное вооружение для этого определения; он учит нас понимать мировую войну как явление, исторически выросшее из противоречий созревшего капитализма, он помогает нам ясно осознать задачи пролетариата, играющего в процессе производства такую громадную роль. Нельзя механически переносить на наше время ту позицию, которую Маркс занимал по отношению к давнишним войнам. Кто делает это, тот показывает, что для него весь вопрос лишь в заимствовании аргументов, которых у него самого нет. Нужно считаться с этим, ибо, как сказал рейхсканцлер, для нужды закон не писан. Одобрять же этот порядок не приходится. Но как же подойти к современным событиям с точки зрения марксизма?

Об этом дальше.

Эпоха мирового хозяйства и мировй политики.

Вот уже десятки лет, как перед капиталистическим миром стоит вопрос: каким способом поскорее и покрепче покорить себе весь еще не капиталистический мир? Разрешению этого вопроса служило и колоссальное развитие путей сообщения, и экспорт капитала, и вооружения, и дипломатическая борьба; к его услугам была географическая, историческая, медицинская и техническая наука, лингвистика и даже церковные учреждения. В 1800 году вывоз и ввоз всех цивилизованных стран оценивался в 6 миллиардов марок, в 1850 году—в 17, до 1870 года около 45, в 1900 году—в 90, в 1910 году—в 150 миллиардов марок. Так как вывоз и ввоз не оценивается в отдельности, а к тому же от них

не отделяются и транзитные товары, то на основании этих данных профессор К. Виденфельс дает оценку товаров мирового рынка в 70 миллиардов марок. Наибольшую часть этих ценностей, выбрасываемых на мировой рынок, составляют продукты, производимые капиталистическими государствами и поступающие в другие капиталистические страны. Но при этом наблюдается быстрый рост количества продуктов, вывозимых из высоко-развитых капиталистических государств в государства менее развитые и даже совсем отсталые в капиталистическом отношении, а вместе с тем непрерывно возрастает количество и значение тех продуктов, которые доставляются из земледельческих стран в капиталистически-промышленные. О первом факте свидетельствует тринадцатимиллиардный вывоз в Азию и в Африку, а также рост железных дорог, протяжение которых в 1890 г. составляло в Азии 33.774 км., в Африке—9.386 км., а в 1912 году в Азии—107.230 км. и в Африке—47.707 км., не говоря уже о растущем значении полукапиталистических стран, как Австралия, Канада, Южная Америка. Значение ввоза из земледельческих промышленно-неразвитых стран ярко выражается в том факте, что 26% германского ввоза падает на съестные припасы и 55% — на промышленное сырье и полуфабрикаты, что ввоз в Англию дает 42% съестных припасов и 35% сырья, что Франция ввозит свыше 60% перерабатываемого на ее фабриках сырья, и что ввоз в Соединенные Штаты на 25% состоит из съестных припасов и на 32% из промышленного сырья. Чем больше уравниваются стадии производственно-хозяйственного развития, достигнутые капиталистическими государствами, тем больше эти государства стремятся к некапиталистическим рынкам. И чем больше капитализм развивает в цивилизованных странах промышленность, отдавая ей, за счет сельского хозяйства рабочие силы, отнимая народ от земледельческих работ, тем больше старается он обеспечить себе подвоз жизненных припасов из тех аграрных стран, где этот процесс еще не развернулся. Помимо того, он нуждается и в тех видах сырья, которые не могут быть добыты ни в Европе, ни в Америке, а также и в тех, на которые Соединенные Штаты до сих пор обладают монополией, стесняющей европейский капи-

тал. Некапиталистические страны становятся все более необходимыми европейскому капитализму. Если бы он отказался развивать их, то плохой рост сбыта замедлил бы его собственное развитие; ему пришлось бы обратиться к сознательному перераспределению производительных сил в пользу сельского хозяйства; пришлось бы отказаться от целого ряда отраслей производства, немыслимых без сырья, привоз которого из Африки и Азии мог бы уменьшиться или даже совершенно прекратиться. Но при теперешней степени капиталистического развития замедление его поставило бы перед массами вопрос, нельзя ли устранить ту нищету, на которую обрекал бы их этот застой, путем планомерной организации производства. Хотя при быстром темпе капиталистического развития социалистическая армия и пополняется притоком новых пролетариев, выходящих из мелкобуржуазных слоев, но увеличивая ее численно, эти несознательные элементы одновременно ослабляют ее действенную силу; кроме того, при быстром темпе капиталистического развития у рабочих создаются надежды на улучшение своего положения и в капиталистических рамках. Замедление же капиталистического развития на его теперешней ступени создает резкое обострение классовой борьбы и крайне революционизирует массы. Капитализм должен либо итти вперед, либо сознаться, что его роль кончена.

Но мы прекрасно могли бы обойтись и без этих соображений, которых капиталисты, безусловно, не принимают в расчет, и которые приведены здесь только для того, чтобы доказать необходимость мировой хозяйственной экспансии капитализма; дело в том, что и вывоз товаров в капиталистически-неразвитые страны, и обратный ввоз из них сельскохозяйственных продуктов, и постройка в этих странах железных дорог, и займы, и проч.,—все эти средства расширения мирового рынка приносят верхушкам капитала такую прибыль, какая еще не снилась ни одному из столь набожных христиан ни на том, ни на этом свете. Поэтому капиталисты обычно завязывают сношения с неразвитыми странами еще до того, как необходимость экономических отношений в мировом масштабе становится действительно насущным во-

просом для народного хозяйства данной капиталистической страны.

Но, с другой стороны, современное развитие мирового хозяйства заставляет и страны сравнительно молодого капитализма понимать всю неизбежность грядущего выхода в широкий мир, что и побуждает их к политическому закреплению за собой областей для будущего экономического распространения.

Не покорив земледельческих, капиталистически-неразвитых областей, капитализм не сможет развиваться в прежнем быстром темпе. За последнее десятилетие он стремится захватить всю Азию и Африку. Вывозя товары и строя железные дороги, он хочет подорвать старый экономический строй этих областей и превратить их обитателей в производителей товаров, которые дорого платят за продукты европейской промышленности, свои же собственные продукты продают дешево. Мы не можем говорить здесь о тех колониальных и финансово-политических средствах, при помощи которых капитал осуществляет свои намерения. Достаточно сказать, что распространение капитализма на весь мир означает не только чрезвычайное расширение области, из которой он выжимает свои доходы, но и необычайный подъем этого выжимания. И потому мировое экономическое развитие никак не может обойтись без применения силы. Даже если бы все капиталистические государства объединились против неразвитых областей мира, то мировое хозяйственное развитие все-таки не смогло бы итти вперед без самых острых столкновений и потрясений. Сотни миллионов китайского и индийского населения, взбудораженного капиталистическим развитием, потрясли бы мир даже в том случае, если бы интернациональный капитал выступал против них соединенными силами.

Но капиталистический мир не представляет собою единого организма. Он расщеплен на отдельные национальные образования, сложившиеся сообразно тем историческим путям, по которым капитализм проникал в различные местности Европы. Каждое капиталистическое государство стремится получить в свои руки возможно большую часть земли.

Они воюют между собой за свободные еще области: за Китай, за Турцию, за Персию. Сильные капиталистические государства, слишком поздно взявшиеся за эту политику распространения, с величайшей завистью смотрят на огромные колонии, с давних пор находящиеся в руках мелких государств, в роде Португалии или Голландии. А старые и могущественные колониальные державы, как, например, Англия, опасаются, чтобы другие капиталистические государства не воспользовались беспорядками в их колониях и не урвали себе часть их добычи.

В течение 30 лет эти раздоры между капиталистическими государствами, никак не могущими поделить между собой земной шар, все обостряются. Они вызвали войну между Испанией и Соединенными Штатами Северной Америки и русско-японскую войну; они вызвали и всё более неистовые сухопутные и морские вооружения. В то же время эта борьба вызывает колониальные восстания, создает опасность таких народных движений, каких еще свет не видал. Из всех этих противоречий и создалась уничтожающая целые народы мировая война 1914 года. Это—война за господство над миром; это—война, решающая, каким капиталистическим государствам достанется наибольшая часть земного шара. Об этом свидетельствуют все работы о мировой войне, непрестанно издаваемые поборниками империалистической политики для подбодрения буржуазии. Итак, определение нашей позиции по отношению к мировой войне невозможно без ответа на вопрос: заинтересован ли пролетариат в дальнейшем распространении капиталистического способа производства? Только тот, кто даст ясный ответ на этот вопрос, сможет занять ясную позицию по отношению к переживаемым нами небывалым историческим событиям. Никакие цитаты из Маркса, никакие декламации не дадут нам ответа на этот вопрос. Попробуем найти его самостоятельно.

Когда, много столетий тому назад, зародились в форме торгового капитала современные хозяйственные формы капитализма, то они разорили народы Востока. „Если Западная Европа пережила такое сильное капиталистическое развитие,—пишет профессор Зомбарт, безусловно не социалист,—

то это не в последнюю очередь объясняется тем, что западные европейцы могли брать и брали дань с чужих народов гораздо раньше, чем какой бы то ни было другой народ. Не надо забывать, что необходимой предпосылкой хозяйственного развития Западной Европы было разорение трех частей света, что лишь благосостояние бесчисленных богатых и цветущих народов старого и нового света создало средства, вызвавшие к жизни европейский капитализм. Богатство итальянских городов так же немыслимо без разорения остальных средиземноморских стран, как и расцвет Португалии, Испании, Голландии, Франции и Англии немыслим без предварительного разгрома арабской культуры, ограбления Африки, разорения и опустошения Южной Азии и ее островов, плодородной Ост-Индии и цветущих государств инков и ацтеков" („Современный капитализм", том I, стр. 326). Оттесняя натуральное хозяйство и насаждая на его месте хозяйство денежное, капитализм позволял феодалам-помещикам довести эксплоатацию крестьян до крайней степени с появлением возможности сбыта продуктов сельско-хозяйственного производства впервые получили свой настоящий смысл повышение барщины, обирание и обезземеление крестьян. Это ремесло оказалось для капитала золотым дном. И когда, наконец, появилась современная фабричная система производства, то капитал действительно целиком подчинил себе рабочие и крестьянские массы. Тем не менее, весь многовековый путь капитализма, начиная от зарождения его, так-сказать, на задворках феодального общества, и до его открытого вступления на трон, проходит в беспощадной борьбе между различными капиталистическими группами. Они вели войны за разграничение областей эксплоатации, что привело к образованию национальных государств. Они воевали между собой из-за заокеанских областей. А солдат для всех этих войн поставлял народ. Иногда он восставал, пытался остановить колесо истории, но напрасно, ибо капитализм повышал заинтересованность предпринимателей в доходности работы, он побуждал их к изобретениям, чрезвычайно повышавшим производительность человеческого труда. Масса ценностей, непрестанно скоплявшихся в руках капи-

тализма, дала ему в руки большую власть. Она позволила ему, при всем повышении интенсивности эксплоатации, допустить рабочие массы к некоторому участию в культуре; и эти культурные средства,—школа, церковная кафедра, пресса, книга,—все это проповедывало народу, что без капиталистов не обойтись, что без них немыслим никакой прогресс. А если случалось, что массы внезапным порывом сбрасывали с себя с детства привитое им смирение, то капитализм обращал против них вооруженную силу и приводил их к покорности.

Но это мучительство не было бессмысленным. Оно дало капиталу возможность завоевать весь европейский мир и развить производительность человеческого труда до такой степени, что теперь можно добиться колоссальных прибылей даже при 8-часовом рабочем дне. Капитал до невиданной степени подчинил человеку природу; он господствует над водой, над воздухом, над недрами земли. Но когда он осуществил все это, то наружу прорвались его диалектические противоречия. Современное состояние науки позволяет нам увеличивать плодородие почвы, но капитал предпочитает развивать обрабатывающую промышленность, так как в ней он может увеличиваться с гораздо большей быстротой. Бесчисленные изобретения не отдаются на общее пользование, потому что их скупают отдельные капиталисты. Капиталистические объединения, — тресты и картели, — регулируют производство сообразно не всеобщим потребностям, а собственным корыстным расчетам. С каждым годом от производства отрывается все больше и больше работников, которым приходится изучать военное ремесло для охраны национальных государств. Восточные народы просыпаются и обращаются к культурным достижениям Европы, но она ничего не может дать им без разрушения устарелых туземных хозяйственных форм.

Рабочие массы современных государств все лучше понимают все эти соотношения фактов, и все сильнее растет их оппозиция, т.-е. современное социалистическое рабочее движение. Оно уже не направляется против достижений капитализма, против его техники: оно знает, что если эта техника

перейдет в руки народа и будет применяться в интересах всего общества, то она даст народу бесконечно много. Социал-демократический авангард рабочего класса ставит себе целью не возвращение к докапиталистическим временам цехового мастерства и феодализма, а организацию производительных сил в интересах всего человечества. Но активные, сознательные элементы пока еще являются в рабочих массах меньшинством. Сами по себе они не в состоянии добиться своей цели. Против них стоят большие массы рабочих, еще не видящих возможности другой организации хозяйства или придавленных тяжестью повседневного труда, не чувствующих в себе силы для проведения в жизнь этой организации. А между тем, капитализм продолжает завоевывать все новые части света, до сих пор стоявшие в стороне от современного развития. Там надеется он заполучить новые рабочие руки, собрать новые богатства. Как же должна отнестись к этому сознательная часть рабочих? Она знает, что остановить экономическое развитие немыслимо. Сознательный пролетариат отказывается от всяких реакционных попыток в этом направлении. Но он ни в коем случае не делается сторонником этого развития. Он ищет по возможности безболезненного способа перехода к высшим производительным формам. Империализм — это политика, которая хочет ввести современный капитализм в еще неразвитые страны при помощи государственной силы. Пролетариат резко борется с этой политикой, борется не только потому, что она может вызвать мировую войну, но и потому, что он хочет дать неразвитым народам возможность совершить переход к высшим формам хозяйства без разорения и кровопролития. Пролетариат, сознающий свои исторические задачи, не может поощрять капиталистического развития, ибо он считает человечество уже созревшим для более высоких форм общественной жизни.

В прошлом были войны, являвшиеся необходимым звеном в экономическом развитии. Многим из них пролетариат противился, но в этом сопротивлении не было самостоятельного понимания, потому что тогда пролетариат еще был лишен социалистического сознания. Войны, которые повели

к созданию Германской империи, были необходимы, потому что современные формы хозяйства могли развиться на германской почве только под властью централизованного государства. На этом основании часть вождей нарождавшегося тогда социалистического движения, при всем своем отрицательном отношении к ведшим войну правителям, объявила эту войну необходимой с точки зрения пролетариата. Но другая часть самым резким образом протестовала против войны, и этот протест далеко не случайно все еще сохраняет почетное место в благодарной памяти рабочего класса.

(Lichtstrahlen, 1914).

Исторические параллели.

Требуется историческая формула для мировой войны. Что представляет собой эта война с точки зрения всемирной истории? Справляются в руководствах, вспоминают о голландско-испанских, англо-испанских, англо-голландских и англо-французских торговых и колониальных войнах, и затем объявляют: это — война Германии, молодого агрессивного капиталистического государства, которое идет на приступ против морской гегемонии Англии. В этом обвиняют Германию английские историки и политики, этим гордятся историки и политики немецкие. Но история никогда не творится таким образом, чтобы различные партнеры все время разыгрывали одну и ту же шахматную партию. Источником торговых войн эпохи первоначального накопления явился тот факт, что молодой торговый капитал жадно тянулся к колониям, стремясь употребить награбленные там сокровища для промышленного производства. Только колониальная добыча дала ему возможность развернуться в значительную хозяйственную силу, приступить к настоящей эксплоатации производительных сил родной страны. Эти войны были предварительным условием развития капитализма. Победоносное государство действительно развивало производительные силы, вводя на место ремесленничества сначала систему торгового фонда, а затем и фабрику, собирая рабочие армии, дисциплинируя их, повышая производительность их труда. А победоносным было то государство, которое, благодаря своему географическому положению, своим природным богатствам, своей специфической истории, имело наилучшие данные для роли пробудителя производительных сил. Это не Испания, где феодализм пренебрегал промыш-

ленным трудом и угнетал его; не Голландия, где торговец имел перевес над фабрикантом, не Франция, где королевская власть победила феодальное дворянство с помощью торгового капитала, чтобы затем опираться на него в борьбе с буржуазией. Англия была тем государством, в котором дворянство рано научилось объединяться с буржуазным капиталом, где капитал научился соединять промышленную выгоду с торговой, где впервые были вскрыты источники ценностей в труде промышленных рабочих. Победа Англии, которая в начале XIX века была самой передовой в хозяйственном отношении страной, обозначала в тот момент установление мировой монополии, но монополии государства, мощно двинувшего вперед производительные силы человечества путем развития современной индустрии. Торговые войны молодого капитализма были не только выражением столкновений при разделе производительных сил, но и мощным фактором их развития.

Но так как основы современной промышленности — паровая сила, машинная техника — могут быть созданы повсюду, где имеется уголь, то монополия Англии на мировом рынке оказалась непрочной. Капитализм развился и на европейском континенте, и в Америке, и в Азии, и в Австралии; конкурентов английскому капитализму выросло столько, сколько имеется капиталистических государств. Захватывая морские пути и решающие стратегические пункты мира, он пытался обеспечить себе наилучшие условия, чтобы в случае нового раздела капиталистически неразвитых стран получить самый жирный кусок. Политика, которую ведет английский империализм против других капиталистических государств, явно консервативна. „Мы же, напротив, боремся за свободу морей, — объявляют на этом основании представители германского империализма, — за политику свободного доступа, т. е. свободной конкуренции на мировом рынке". Таким образом, германский империализм претендует на роль Китая, или экономического прогресса. Так ли это? Англия не закрывает доступа в свои колонии другим капиталистическим государствам, которым она вообще представляет в торговых делах полную свободу. Англия не требует от Китая, Турции и т. д. исключительного права на помещение

капитала. Ей нет необходимости закрывать двери ни в своих колониях, ни в государствах, которые она хотела бы превратить в колонии. Она удовлетворяется тем, что имеет возможность захватывать львиную долю прибыли в тех областях, куда ее капитал проникает в первую очередь. Ну, а разве Германия поступает иначе? Немецкий капитал тоже снимает сливки с немецких колоний,— поскольку там вообще можно говорить о сливках. В свободных же странах, в которых немецкий капитал играл большую роль, например, в Турции, он добивается исключительных концессий. Словом, английские и немецкие открытые двери похожи друг на друга, как две капли воды. Английский капитал могущественнее, потому что раньше проник за моря. Вот и все. Но из этого не следует, чтобы немецкий капитал представлял собою какой бы то ни было прогресс по сравнению с английским. Он не может развить таких производительных сил, которых точно так же не развила бы и Англия.

Исторический прогресс не связан ныне со специальным развитием какого бы то ни было капиталистического государства. Наоборот, империалистическая политика возможна и необходима только потому, что все современные государства стремятся сохранить существующее хозяйственное положение. Почему они стремятся к колониям? „Потому, что продовольственные потребности капиталистически развитых государств не удовлетворяются их собственным сельским хозяйством. Соединенные Штаты и Россия, которые помогают им теперь в покрытии этого недостатка, сами мало-помалу становятся промышленными государствами. Поэтому капиталистическим государствам приходится стремиться к новым аграрным странам". Так говорят империалисты, тем самым указывая на один из источников империализма. Но разве естественные условия не позволяют сельскому хозяйству Европы доставлять жизненные припасы в большем количестве? Видные агрономы доказали, что производительность сельского хозяйства может быть поднята во много раз. Если этого не делается, то только потому, что капитал предпочитает помещаться в промышленности, где он скорее оборачивается, приносит большую прибыль; потому что крестьяне не получают дешового кре-

дита для введения современных способов хозяйства; потому что частная собственность на землю вообще задерживает развитие сельского хозяйства. „Мы должны экспортировать товары, ибо внутренний рынок становится все теснее",— объясняют далее империалисты.— Но почему внутренний рынок становится все теснее? Потому что жители страны не в состоянии вполне удовлетворять свои потребности. Мы строим паровозы для Африки только потому, что не можем строить хороших, светлых квартир для народных масс, производить для них достаточное количество одежды. Какой аргумент империализма ни подвергнуть анализу,— мы взяли первые попавшиеся,— всегда окажется, что источники империализма кроются в том, что приходится сохранять капиталистический характер производства, что производство не может стать соразмерным с потреблением.

Капитализм уже создал в цивилизованных странах условия для наступления социализма. Но так как капиталистические слои общества не могут желать его осуществления, то им приходится искать других путей для разрешения противоречия между стремящимися вперед производительными силами и частной собственностью на средства производства. Таким выходом является империализм,—консервативная сила, предназначенная для продления жизни капитализма. Мировая империалистическая война есть война против социализма.

Только с этой точки зрения можно до конца понять мировую войну. Империализм не хочет и не может допустить производительные силы общества до полного развития. Он стремится продлить срок жизни капитализма, и поэтому нынешняя война отнюдь не может быть сравниваема с торговыми войнами XVII и XVIII столетий, ибо, как бы кровавы и ужасны они ни были, они все же вели к расцвету новых производственных отношений. Современная же мировая война, напротив, разразилась на той стадии хозяйственного развития, когда капитализм уже настолько развил производительные силы, что перед цивилизованным миром встала возможность планомерной организации общественного хозяйства.

(Lichtstrahlen, февр. 1915 г.).

Развитие Интернационала.

I.

Война оборвала интернациональные отношения, но „дух человечества“ не угас, и после войны необходимо будет снова учредить союз народов. Так или приблизительно в этом роде высказываются теперь официальные представители социал-демократических партий. Находятся даже такие теоретики, которые доказывают, что о крушении может говорить только тот, кто недостаточно вдумался в пределы интернационализма, кто принимал свои желания за действительность. Интернациональная солидарность возможна только в мирное время, Интернационал — инструмент, который может действовать лишь на мирном положении. На почве защиты страны война создает национальную солидарность, в которой вырастает рабочее движение отдельных стран. Окончится она, — и тогда вновь проявятся общие интересы рабочего класса, вновь воскреснет Интернационал. Не нужно только затруднять этого взаимными обвинениями. Так говорит Каутский. Виктор Адлер, вождь австрийской социал-демократии, прямо призывает руководителей рабочих партий не вспоминать после войны о тех словах, которые они писали в военном угаре.

Но действительность не считается с желаниями партийных руководителей. Рабочие массы не в состоянии поступать по примеру опереточной арии: „счастлив, кто забывает о том, чего не изменить“. Для них дело не в „наказании виновных“, к которым, ведь, принадлежат и они сами. Если массы хотят использовать уроки войны для будущего, то никакое забвение немыслимо. И, кроме того, при первой же

попытке затянуть старые мелодии, национальная буржуазия напомнит вождям о новых песнях, которые они певали вместе во время войны. Нельзя вычеркнуть годы мировой войны из книги истории и из сознания народных масс. Не взаимное забвение, но спокойное исследование крушения Второго Интернационала образует предпосылку для создания Третьего.

Пролетариат перенял идею интернациональной солидарности от идеологов революционной буржуазии Франции; будучи окружена войсками феодальных сил, она провозгласила союз народов для борьбы против феодального абсолютизма. Но к тому времени, когда пролетариат перенял этот лозунг, буржуазия уже начала отказываться от революционной борьбы с феодализмом, и история выдвинула на очередь новый социальный вопрос, хотя с остатками феодализма еще не было покончено; этот новый вопрос — антагонизм между капиталом и трудом. Этот антагонизм и стал движущей силой интернациональной солидарности пролетариата.

Пролетариат, разумеется, не забыл о борьбе против феодализма, о поддержке наций, борющихся за „буржуазные" свободы. И первые демонстрации английских и французских пролетариев были протестом против угнетения поляков Россией и итальянцев Австрией. Но чем больше осуществлялись стремления к национальному объединению, тем решительнее становился пролетариат единственным хранителем сознания интернационального единства. Первое крупное интернациональное объединение пролетариата, „Интернациональное общество рабочих", основанное в 1864 году, начало с заявления протеста против подавления польского восстания 1863 г., но главной его задачей было международное объединение, согласование и усиление пролетарской борьбы за освобождение. „Общество" возникло в то время, когда сколько-нибудь значительное рабочее движение было развито только в Англии и Франции, когда Лассаль впервые встряхнул самую незначительную часть германского рабочего класса. В Австрии, Италии, скандинавских странах, в Америке капитализм был еще так молод, что его создание и враг, — современное рабочее движение,—только зарождался. Рабочее движение еще не приняло такого большого объема, не приспособилось к существующим государственным рамкам на-

столько, чтобы обойтись без руководства или регулирования извне. Во многих странах еще не было закончено национально-государственное объединение, вследствие чего и народившееся рабочее движение с надеждой взирало за пределы своей страны, туда, где должны были решиться судьбы его родины. Обстоятельства не только допускали централизованное интернациональное руководство, но и требовали его. Молодое рабочее движение не знало пути, который ему предстояло проделать. Маркс, Энгельс и круг их друзей знали историю английского и французского рабочего движения во всех подробностях. Зная капиталистическое общество и двигающие им законы, они умели черпать из прежних опытов рабочего движения уроки, которые могли сокращать долгий путь. Видя дальше, чем рабочие вожди разных стран, они пытались из единого пункта руководить народившимся интернациональным рабочим движением и давать ему единое направление, вопреки различиям, обусловленным своеобразием историй отдельных стран. Это удалось благодаря проницательности Маркса и Энгельса, которые не навязывали рабочим своего учения, но старались привести массы к пониманию его. Но этот успех мог продолжаться лишь до тех пор, пока рабочее движение Германии и Франции не окрепло настолько, чтобы итти своей собственной дорогой сообразно с различными условиями отдельных стран. Когда франко-прусская война завершила эпоху борьбы за национальное объединение в Западной Европе, когда разграничившиеся государства предстали перед пролетариатом со своими особыми законами, на десятки лет вперед расставившими вехи классовой борьбы, когда рабочему классу, окрепшему благодаря развитию капитализма, пришлось бороться против буржуазии каждой отдельной страны специфическими для этой страны методами,—тогда исчезла возможность руководить Интернационалом из единого центра. Первый Интернационал умер. Он возник через пятнадцать лет, но возник в новой форме и с новыми задачами. Он возник потому, что рабочие всех стран, несмотря на границы, несмотря на различные условия борьбы, почувствовали, что интересы их одни и те же. Положение их, вопреки всем различиям, было одинаково. Успехи рабочего

движения любой страны ободряли и заграничных товарищей. Возражая против любого требования, предъявляемого рабочими той или иной страны, буржуазия постояно указывала на заграницу. Она заявляла, что требование сокращения рабочего времени или охраны рабочего труда тяжело отражается на отечественной промышленности, лишая ее возможности конкурировать на мировом рынке. Так буржуазия внушала пролетариату сознание необходимости основать Второй Интернационал. Но если, например, английские обстоятельства позволяли бороться за обеспечение безработных, то обстоятельства в Германии могли сложиться неблагоприятно именно для этой борьбы. Хотя борьба за свободу коалиций в Германии и могла вызвать симпатии пролетариата всех других стран, но она не вызвала одновременно подобного же движения, потому что в Англии этот вопрос был уже в свое время разрешен. И вот Интернационал сделался интернационалом общих демонстраций, общих лозунгов.

Характернее всего в этом отношении история идеи празднования 1-го мая. Рабочие всех стран поставили себе общую цель: добиться 8-часового рабочего дня. Тотчас же возник вопрос, всегда ли должна демонстрация за это требование происходить 1-го мая, не будет ли лучше переносить ее, если понадобится, на ближайшее воскресенье после 1-го мая, смотря по обстоятельствам каждой страны. И так как борьба за 8-часовой рабочий день не могла окончиться сразу, так как для этого требовалась упорная, десятилетиями длящаяся борьба профессиональных союзов, то она разбилась на многочисленные отдельные выступления, а майская демонстрация стала всеобщей демонстрацией за социализм, на которой особенно подчеркивались важнейшие в данное время вопросы. Первый Интернационал был общей прелюдией классовой борьбы, Второй Интернационал стал организацией осознания общей цели и демонстрации за нее.

II.

Рабочее движение эпохи Второго Интернационала теснейшим образом приспособлялось к государственным границам и к господствующим в каждом государстве законам,

а в это время капиталистическое развитие вырывалось из рамок отдельных государств. Возникло мировое хозяйство, которое поставило все государства в зависимость друг от друга. Но капитализм означает конкуренцию, борьбу капиталистических групп между собой. И буржуазия каждого государства стремилась выкроить себе возможно больший кусок мира, чтобы оставаться независимой от остальных государств. Она хотела получать все необходимое для производства—сырье, а также жизненные припасы из собственных источников; она хотела монопольно владеть своим хозяйственным рынком. Так возникла неистовая конкуренция на мировом рынке, стремление завладеть колониями и монополизировать национальный рынок. Мировое хозяйство связывало народы, империалистическая политика разрывала эту связь; она создала опасность мировой войны. Этот процесс шел уже в 90-х годах; он крайне ускорился после резкого подъема капитализма, начиная с 1893 года. Но его значение, его опасности долго не были поняты пролетариатом, хотя некоторые теоретики правильно оценивали их. Широкие круги пролетариата почуяли запах пороха только после марокканского кризиса 1905 г. и боснийского кризиса 1909 г., в момент обострения англо-немецкого антагонизма. Появились протесты против военной опасности, но протестами войны не предотвратишь. И все-таки пришлось ограничиться одними протестами: настоящая борьба против военной опасности требовала изменения тактики пролетариата. Парламент, важнейшее средство выявления воли рабочего класса в эпоху Второго Интернационала, был здесь бессилен. В нем преобладала буржуазия, а буржуазия империалистична. Но если бы рабочий класс и добился в нем большинства, то силы, которые в состоянии бороться за новый раздел мира, не испугались бы социал-демократического большинства в парламенте. Сопротивление опасностям грозящей мировой войны требует мобилизации всех сил пролетариата вне парламента, что, конечно, не уничтожает и необходимости парламентской деятельности. Рабочие партии нелегко приспособились к новому положению. При перемене тактики нужно было поставить на карту все предыдущие завоевания. Вожди не рискнули на такое ответственное решение, ибо и они окончательно приноро-

вились к эпохе медленного прогресса. Они „выпускали пары" что еще более затрудняло переход народных масс к новой ориентации, ибо массы от природы тяжелы на подъем и меняют свою позицию только под давлением событий. Многие утешали себя тем, что опасность не так уж велика, что и внутри буржуазии существуют мирные тенденции и т. д. Политический смысл теории Каутского и заключался в том, что империализм в сущности не представляет необходимости и для буржуазии, что нужно поддерживать в буржуазии мирные стремления.

Но если и социал-демократические партии отдельных стран не смогли перейти к настоящему сопротивлению империалистической опасности, то тем менее мог это сделать Второй Интернационал. Ведь, он был организацией для демонстрации общих принципов и требований. Правительства очень хорошо знали это. Вот что писал активный немецкий дипломат перед началом войны: „В общем можно сказать, что во всех вопросах, в которых можно апеллировать к национальному чувству, правительствам абсолютно не нужно обращать внимания на интернационализм социалистических партий; до сих пор ни одна национальная война еще не прекращалась из-за враждебности социализма к войнам; эти мотивы не окажут влияния и на грядущие войны. Социалистические теории мира, быть-может, побудят правительства тщательно поразмыслить над тем, как прикрыть свои операции национальным чувством, но это нисколько не меняет существа дела и лишь слегка модифицирует форму и технику, которыми пользуется современная политика". (И. И. Руэдорфер, „Основные черты современной мировой политики", стр. 178, Берлин, 1914).

Когда противоречия капиталистического развития породили мировую войну, то Второй Интернационал выказал свое совершенное бессилие. Он без всякого сопротивления сдал свои позиции, свернул знамена и, за малыми исключениями, приступил к национальной работе. Как может он вновь воскреснуть? На основании взаимного „прощения"? Но кто может заставить пролетариат снова выслушивать протесты и заявления, которые после переживаний 1914/15 года не могут не казаться пустой декламацией или даже сознатель-

ным обманом масс? Разве может существовать Интернационал, если он обращает практику войны в свою постоянную политику, если он заявляет: „Бросим все иллюзии; солидарные действия против империализма невозможны, солидарность может выявляться только в мирное время". На этом базисе, быть может, можно создать синдикаты профессиональных союзов для выполнения специальных практических целей, но не Интернационал, несущий знамя социализма, который не может быть занятием во время отдыха между двумя войнами. В вопросах внепарламентской деятельности Третий Интернационал должен исходить из того, от чего отказался Второй. Если он не разрешит этих вопросов согласно требованиям момента, то он вовсе не будет существовать или будет вести иллюзорное существование. Вот почему все скороспелые рассуждения,—что мы, дескать, показали свою слабость, а противная сторона свою силу, что тот, у кого глаза открыты, поймет, что старые дискуссии о рабочем движении потеряли после войны свою силу,—все эти рассуждения являются либо болтовней людей, которые считают свое похмелье единственным изменением в мировой истории, либо отказом от Интернационала. Но разве для этого похмелья нет оснований? Не выяснилось ли на самом деле, что рабочий класс гораздо слабее противной стороны? Разве не уместны филиппики против иллюзионистов, которые „хвастались" до войны? Что касается защитников новых форм действия, то им нечего стыдиться своей прежней позиции. При наступлении империалистического периода им было ясно, что он поставит пролетариат перед альтернативой: либо действие, либо отказ от социалистической политики. Они пытались подвинуть партию на первую часть этой альтернативы. Но большинство официальных партий, ссылаясь на мнимые интересы организаций, обратились против этой политики. Оно посеяло в народе иллюзии, вызвавшие в нем сознание уверенности. Теперь сказываются результаты. Смогут ли пролетарские партии двигаться после войны по старой колее? Не подлежит сомнению, что большинство партийных руководителей воображают, будто обманчивый луч надежды на уступки заставит эти партии окончательно отказаться от активной политики, и что, таким образом, они

будут принципиально поддерживать реформистскую политику. Но мировая война и ее последствия глубочайшим образом всколыхнут народ. Уже теперь не подлежит никакому сомнению, что мировая война ни в малой мере не сгладит породивших ее противоречий. Она поведет только к перегруппировке держав. Она вызовет новые интриги, новые опасности. При этом послевоенная экономическая разруха будет совершенно ясно осознаваться рабочим классом, как результат мировой войны и тех сил, которые ее вызвали. Парламентские действия не смогут ни справиться с последствиями настоящей мировой войны, ни предотвратить наступление новых войн. Новый круг действий, к которому должны будут прибегнуть народные массы в национальных рамках, создаст предпосылки для интернациональной деятельности. Не платонические пожелания, не жажда утешения, зовущая к забвению настоящего, но холодный анализ перемен, которые должна вызвать война, позволяет твердо надеяться на будущее Интернационала, как такой организации, которая, если и не будет обладать достаточной силой, чтобы диктовать истории свою волю, то, во всяком случае, охранит рабочее движение от злоупотребления им для чуждых целей.

События толкнут рабочих всех капиталистических стран к интернационализму. Чем яснее представим мы себе направление развития, чем целесообразнее мы будем работать в этом направлении, тем скорее совершится этот процесс. Все попытки гальванизировать старый Интернационал путем комедии всепрощения социал-патриотов только замедлят его. Поэтому всем фразам о гуманитарных ценностях, которые нужно спасти, о старых принципах, которые не уничтожены катастрофой, ибо никто из нас не желал ее, но все были захвачены ею,—всем этим фразам нужно противопоставить вопрос: чему должен служить, что должен *делать* новый Интернационал? Вот в чем вся суть.

(Lichtstrahlen, авг.-сент. 1915 г.).

Единство партии или раскол?

1. Социал-демократия и социал-империализм.

Когда тяжелый кризис поразил международное социалистическое движение, то многие думали, что это не более как временная эпидемия. Говорилось о военном психозе. Надеялись, что он скоро пройдет под влиянием последствий войны. Теперь уже подходит к концу второй год войны, а о каком бы то ни было восстановлении не может быть и речи. Разложение официальных партийных органов всех партий Интернационала продолжает итти вперед.

Начнем с Англии. Вожди Рабочей Партии, представляющей миллионы организованных в профсоюзы рабочих, вошли в правительство. Они не могут сказать, как французы, что сделали это потому, что неприятель уже был у ворот столицы. У них отговорка другая: рабочие должны помочь разбить германский империализм. И, помогая этому вопреки постановлению своей партийной конференции, они содействуют росту империализма в Англии. Они голосуют за отмену права стачек и тем помогают подавлять забастовки. Они не протестуют против блокады Германии, против английских зверств в Ирландии, они не протестуют против преследования социалистов. Они уже начинают пропагандировать экономическую войну против Германии в ближайшем будущем по заключении мира, так что самые последовательные из них соглашаются и на введение запретительных пошлин, с которыми английский рабочий класс так долго боролся. Все это делается ради защиты мирового положения английского капитала, иначе говоря, его доли в мировом богатстве. Наиболее последовательные из английских социа-

листов открыто говорят, что нельзя допустить падения „мощи английского имени".

Во Франции в правительство входят 3 социал-демократа. Один из них, Тома,—министр военного снаряжения. Он призывает рабочих к производству возможно большего количества орудий убийства. С согласия своих коллег, министров-социалистов Гэда и Самба, он наносит визит царювешателю. Партия не протестует против этого. В стране свирепствует полиция. Демократические свободы (свобода слова, печати и стачек) упразднены. На фабриках царит белый террор. Франция истекает кровью на полях сражений. Но партия решительно высказывается против мирных переговоров, пока немецкий империализм не будет уничтожен навсегда. А кто верит, что вожди партии смотрят на все это, как на временную политику, тот пусть прочтет статьи Эрве и речи Тома, Жуо и Самба, в которых солидарность классов проповедуется и на будущее время.

В Германии большинство партийных вождей поддерживает империализм. Мало того: империалистическая программа была положена ими в основу резолюции, принятой центральным комитетом партии в июле 1915 года. Вожди совершенно отказались от политической и экономической классовой борьбы и удовлетворяются ходатайствами и переговорами с буржуазией. Генрих Кунов пишет рабочим в „Hamburger Echo" от 12 июня: „Защита (классовых интересов) не может быть похерена, так как она представляет собою неотъемлемый элемент современного общества". Это—истинная правда. Дело только в том, что партийная и профсоюзная бюрократия совершенно „похерила" защиту интересов рабочего класса, так что об ней должны позаботиться другие. Ибо если Генрих Кунов, ссылаясь на парламентские выступления социал-патриотов против дороговизны и т. п., говорит, что отброшена не классовая борьба целиком, а только „известные формы" ее,—то это совершенно неверно. Раз они не только не поддерживают давления рабочего класса на экономическое и политическое положение, но и противодействуют ему, то их парламентские протесты—не классовая борьба. И опять-таки самые последовательные представители большинства (главари партии и профсоюзов) откровенно говорят, что это—не

временная военная политика. Они так и говорят, что война, напротив, осветила и указала сущность партии. Она и прежде была чисто-реформистской партией и только не могла освободиться от радикальной фразеологии. Но двухлетняя военная практика убедила ее в том, что движение вперед возможно только при условии единения с либералами, только при условии спокойной реформаторской работы в парламенте и профсоюзах. При этом пролетариат должен чувствовать себя единым с буржуазией народом, противопоставленным другим народам, и принимать все необходимые условия империализма (вооружения, колониальную политику и т. д.).

Даже в России, что казалось в начале войны совершенно невозможным, часть меньшевиков (как, напр., известные партийные писатели Маслов, Потресов, Вера Засулич, Плеханов) всячески привлекают рабочих в военно-промышленные комитеты, в которых теперь господа Гвоздевы не только заботятся о том, чтобы у царя было побольше военного снаряжения, но и посылают генералам поздравительные телеграммы. Все это, конечно, делается в надежде, что подобной политикой легче добиться каких-либо уступок. Свободы, которой русские рабочие не могли добиться в борьбе с царскими штыками, надеются достигнуть путем фабрикации этих штыков. В сборнике „Самооборона", обосновывающем такую политику, партийные вожди говорят, что если к социал-патриотизму пришли западно-европейские рабочие, состоящие в социалистах вот уже 50 лет, то со стороны молодого русского рабочего движения было бы дерзостью считать это изменой социализму.

Такова политика социал-патриотов и социал-империалистов в главнейших из воюющих стран. Общие их признаки таковы: 1) полнейший отказ от классовой борьбы, 2) поддержка войны под лозунгом защиты страны, в то время как всем прекрасно известно, что они, социал-патриоты, не обладают достаточной силой, чтобы в случае победы противостоять империалистической захватной политике, 3) все возрастающая уверенность в том, что это не временное уклонение, а начало совсем новой политики единения с буржуазией. Такой социал-патриотизм, противоречащий всем основным принципам социалистического учения, которое, по гениальному слову

Энгельса, представляет собою „учение об условиях освобождения пролетариата", вызвал возмущение части Интернационала. Таковы: независимая английская рабочая партия, итальянские социал-демократы, сербские и болгарские товарищи, польские социал-демократы и русские левые социал-демократы (большевики).

Но и во французском, и в немецком рабочем движении, даже в исторические дни развала партий, нашлись и такие вожди, для которых ясно, что эта новая политика ведет к погибели социализма. Растерянные, застигнутые врасплох катастрофическим развалом партии, они не решились восстать против него 4-го августа. И этим они задержали повсеместный процесс партийного возрождения. Некоторые из них, надеясь поправить положение, пытались поднять массы против вождей оппортунистов. Таким образом, к партиям, оставшимся верными социализму, постепенно стали присоединяться отдельные товарищи из тех стран, где большинство партийных вождей поддерживает буржуазию. Позднее они объединились в Циммервальде в международный комитет действия. В Англии обе социалистические партии продолжают вести борьбу. Во Франции существует комитет действия, образованный социал-демократами совместно с революционными профсоюзами. В Италии борется вся партия целиком. Положение в Германии уже известно читателям. Нет надобности доказывать, что немецкая партия фактически распалась на два лагеря, и что оппозиция в партии растет с каждым днем. В России активны большевики.

Такое положение вещей означает, что фактически в настоящее время уже произошел как международный, так и национальный раскол партий. Что может быть общего у итальянской партии или у русских левых социал-демократов с центральным комитетом французской или немецкой партии? Ничего. Их направления совершенно противоположны. Одни борются против своих правительств, другие оказывают им политическую поддержку. Точно так же обстоит дело и в отдельных партиях, где тактика оппозиционеров стоит в резком противоречии с тактикой центрального комитета. Это положение вещей никому не известно, потому что люди плохо понимают язык фактов. Некоторые из партий, примкнувших

к Циммервальду, еще верят, что „заблудшие“ товарищи могут „одуматься“. Эти партии постоянно требуют созыва обанкротившегося гаагского интернационального социалистического бюро, чтобы притти к соглашению с социал-патриотами. С другой стороны, часть оппозиции надеется (и таких в важнейших странах—Франции и Германии—большинство), что социал-демократия в целом вернется на правильный путь. Но последствия войны заставят-таки вождей определиться более решительно. Те из них, которые настолько „переучились“, что обратный путь для них закрыт, останутся за бортом. Но это будет лишь незначительный осколок. Другие, прекрасно понимая неизбежность раскола, считают, однако, преждевременным разговаривать о нем, чтобы до тех пор не сбивать с толка масс, очень дорожащих целостью организации, покуда собственный опыт не покажет им всей невозможности организационного единства с социал-патриотами. Мы же считаем раскол (как в национальном, так и в международном масштабе) не только неизбежным, но и необходимым условием настоящего восстановления Интернационала и пролетарского рабочего движения. Мы полагаем, что скрывать это наше глубокое убеждение от рабочих масс—вредно и недопустимо. В дальнейшем мы обосновываем свой взгляд и требуем от наших противников, чтобы они не отвечали нам проклятиями и моральными рассуждениями, а опровергли бы наши утверждения по пунктам.

Начнем с вопроса о социальной подоплеке расколов в рабочем движении вообще и, в частности, современного раскола Интернационала.

2. Раскол в рабочем движении.

История рабочего движения изобилует расколами. Немецкая социал-демократия, которой в течение сорока лет удавалось сохранять целость партии, привыкла смотреть на раскалывающиеся партии свысока, а на их организационные раздоры—как на детскую болезнь. Это был довольно странный метод. Вплоть до 1905 года, когда произошло объ-

единение французских социалистических фракций, при чем профсоюзы продолжали занимать враждебную партии позицию, немецкая социал-демократия считала, что французское рабочее движение еще не вышло из пеленок. Действительно, смешно предполагать, чтобы русские „группы и группки" (фактически представляющие собою две партии) не понимали той высокой истины, что было бы лучше, если бы социалистическое рабочее движение было едино. Теперь, когда немецкая партия, несмотря на свою высокую древность и прекрасную организованность, тоже не смогла уберечься от распадения парламентской фракции и организаций на враждующие части,—теперь пришло время поставить вопрос о сущности расколов. История социализма даст нам достаточно ясное понятие об этом вопросе.

Всюду, где происходил раскол рабочего движения, в основе идеологических противоречий, вокруг которых внешне велась борьба, лежали глубокие социальные противоречия. Первое крупное современное рабочее движение, на основании которого Маркс вывел свои тактические принципы, а именно, движение чартистов в Англии, распалось на две части: одна надеялась достигнуть освобождения рабочего класса путем морального воздействия на буржуазию, другая же считала, что к цели ведет только сила. Все чартистское движение пропитано этим противоречием. Исследования Бера, Пумпянского и Шлютера объясняют происхождение этого противоречия. На одной стороне находилась огромная масса фабричного пролетариата северной Англии. Та неслыханная эксплоатация, которой он подвергался, классически описана Энгельсом в его „Положении рабочего класса в Англии". Все его попытки улучшить свое положение беспощадно подавлялись правительством. Он видел свою силу только в численности. На что мог он надеяться, как не на свою физическую силу? На другой стороне были сравнительно более культурные лондонские ремесленники, беспрерывно соприкасавшиеся в своих клубах с вождями радикальной мелкой буржуазии. Численностью своей они не могли представлять большой силы. Кроме того, им довольно часто удавалось подтягивать господ радикалов влево. Из этого положения вещей вытекало убеждение, что помехой служит

только недостаточная сознательность рабочих. Надо устранить эту помеху, и тогда, воздействовав на буржуазных радикалов, как на своих союзников, можно будет достичь желанной цели. Чартизм погиб прежде, чем экономическое развитие уничтожило самый источник его внутреннего раскола,—разницу между социальным положением квалифицированных ремесленников и квалифицированных фабрично-заводских рабочих.

Из-за чего погиб первый Интернационал? Из-за интриг Бакунина, этого „политического предателя по натуре“,— догадываются люди, смотрящие на политику, как на смену кино-картин. Из-за противоречия между марксизмом и анархизмом, — говорят другие. Но какова же была причина этого противоречия? Чтобы увидеть эту причину, достаточно критически просмотреть даже не слишком глубоко забирающие работы Иекка, Стеклова и Брукбахера. Как могли итальянские и испанские люмпен-пролетарии, рабочие из стран, где капитализм только начинал свою разрушительную деятельность, но еще не создал ни одной фабрики, как могли квалифицированные часовых дел мастера с тихих Юрских гор, парижские ремесленники и интеллигенты всех национальностей, — как могли бы эти люди принять учение, основой которого был непрерывный процесс концентрации развивающейся промышленности, учение, которое всю свою силу полагало в числе и сплоченности все возрастающего пролетариата, которое только долгой и систематической борьбой надеялось свергнуть буржуазное правительство, чтобы отдать пролетариату все сконцентрированные силы и богатства? Для Италии, Испании, отчасти для Швейцарии и Франции концентрация промышленности была сказкой из тысячи и одной ночи. Поэтому самая идея концентрированного социалистического производства должна была казаться рабочим этих стран просто сумасшествием прусского „государственного социализма“ Маркса, применявшего к Интернационалу политику Бисмарка. Ремесленники того времени ставили себе целью свободное сообщество свободных рабочих или же социалистические общины, совершенно свободные от какой бы то ни было центральной власти. Последняя рассматривалась ими только, как тирания.

Как цель, которую ставил Маркс тогдашнему рабочему движению, так и предлагаемые им методы борьбы должны были казаться этим рабочим совершенно неприемлемыми. Люмпен-пролетариат мог выбирать только между нищенским прозябанием и бунтарством, прекрасный пример которого являет и мелкая буржуазия романских стран. Для ремесленников единственным методом борьбы являлись профессиональные союзы. Все эти люмпен-пролетарии и ремесленики чуждались всякой политической борьбы и, в частности, парламентской деятельности, как ее важнейшего орудия. И немудрено: эти рабочие были слишком слабы, чтобы помышлять о всеобщем восстании, слишком слабы, чтобы ждать от своего участия в политической борьбе каких бы то ни было успехов. Благодаря этой их слабости, мелкобуржуазные демагоги неизменно проводили их за нос при каждой попытке участия в выборах и проч. Поэтому-то они и видели в предлагаемых Марксом средствах борьбы иллюзию или мечту, а все свои надежды возлагали на восстание всех угнетенных и эксплоатируемых, начиная с батраков и кончая проститутками и ворами. Этого восстания стоило ждать, за него стоило агитировать. А так как оно все не наступало, то для ускорения его устраивали путчи, из которых, естественно, ничего не выходило.

Итак, в то время, как большая часть тогдашних рабочих была вынуждена отказаться от политической линии Маркса, — люди, которые набирались лишь постепенно, которые должны были впоследствии проводить ее.

Первый Интернационал распался. В течение двадцати лет развивающийся капитализм создал необходимые для рабочего движения огромные массы рабочих, которые по своему классовому положению были способны принять марксизм.

А что лежало в основе борьбы между лассальянцами и эйзенахцами? В партии долго существовала легенда, будто эйзенахцы были „марксистами“, а лассальянцы вели „особую политику“ из религиозного, сектантского преклонения перед памятью Лассаля, а может-быть, и по наущению этого подлого Швейцера, который к тому же получал мзду от Бисмарка. Работы Меринга, Лауфенберга и Г. Майера рас-

сеяли эту легенду. Теперь всякий знает, чем вызывалось различное отношение различных частей рабочего класса к вопросу об объединении Германии. В капиталистически развитых частях Германии — в Берлине, Рейнской провинции, Вестфалии и т. д. — рабочие ясно понимали необходимость покончить с раздроблением Германии. Если прусские штыки будут пущены в ход,—говорили они,—то, плохо ли, хорошо ли, а дело будет сделано, кто бы его ни сделал.

А тежду тем, в Саксонии и южной Германии партикуляризм был еще очень силен, благодаря экономической отсталости этих стран. Он поддерживался еще и наличностью мелкобуржуазной демократии, при помощи которой рабочие надеялись добиться своих целей. В Пруссии же не только абсолютизм был несравненно сильней, но и либерализм был, по сравнению с этими странами, в большом упадке. Лассальянцы, прекрасно понимая классовые соотношения, в то же время шли на компромиссы с правительством, по-своему стремившимся к объединению Германии. У эйзенахцев же демократически-революционные настроения шли рука об руку с партикуляризмом. Хотя франко-прусская война и разрешила спорный вопрос об отношении к объединению Германии, однако, пока эйзенахцы объединились с лассальянцами, прошло много лет: различия в социальных условиях, влиявших на эти фракции, еще долго мешали их объединению.

Чтобы покончить с этим отступлением в область истории социализма, которое, естественно, могло быть лишь очень кратким (нам пришлось оставить в стороне все переходные стадии и освещать факты крайне общо и грубо), — припомним, какова была основа той оппортунистической политики Второго Интернационала в Англии, Франции, Италии, Болгарии и ряде других стран, которая непосредственно привела к расколу партии. Здесь мы можем быть совсем кратки, потому что эти события еще свежи в памяти читателей и достаточно освещены в известной брошюре Панекука „Тактические разногласия в рабочем движении". Кто был за политику оппортунизма? 1) Мелкобуржуазные элементы менее развитых в экономическом отношении областей (в Германии баварцы и баденцы). Эти люди не могли достаточно остро

ощущать непреодолимое, все возрастающее классовое противоречие между пролетариатом и буржуазией. 2) Интеллигенты, которые в силу своего социального положения и своей профессии (литературной, юридической и проч.) ближе сталкивались с буржуазией и даже помышляли о возможности совместной работы с ее левым крылом. 3) Рабочая бюрократия, которая, благодаря своей работе в экономических и политических представительных учреждениях, вошла во вкус мелкой борьбы и, в силу своего, правда, не блестящего, но все же вполне обеспеченного социального положения, резко восставала против всякой помехи ее спокойной и „единственно надежной" работе. Пролетариат же промышленных центров, кроме тех, где, как, например, в Вестфалии и Рейнской провинции, он еще тесно связан с деревней,—стоял на стороне радикалов. Различия в социальном положении отдельных частей рабочего класса вызвали к жизни две противоположных тактики: пролетарскую, направленную к обострению классовой борьбы, и оппортунистическую, стремящуюся к сближению с буржуазией. Всюду, где одна из этих тенденций могла развиться до конца, противоречие между этими двумя тактиками неизбежно разрывало внешнюю оболочку единой рабочей организации. Во Франции и Италии демократический строй позволял оппортунистам прямо или косвенно участвовать в правительстве. Радикальное крыло не могло брать на себя ответственности за это, потому что не могло же оно отвечать перед массами за политику буржуазии. До раскола дело не доходило только там, где, как в Австрии и Германии, политическая отсталость, в соединении с резкими социальными противоречиями, не давала оппортунистам входить в правительство. Война изменила условия и в этой области, о чем мы дальше будем говорить. Теперь же подчеркнем два вывода, которые можно сделать из предыдущего изложения: 1) различные направления в рабочем движении всегда были следствием различия в социальном положении разных слоев рабочей массы и вели к расколам; 2) эти расколы никогда не изживались в короткое время, и процесс объединения всегда был долгим процессом борьбы.

3. Политика 4-го августа.

Политика 4-го августа, политика „гражданского мира" и поддержки империалистических предприятий буржуазии есть, как мы указывали еще в первой главе, явление интернациональное. И это не преходящее печальное явление двух лет войны, а программа на будущее время.

Политика, охватывающая одновременно Лондон и Петербург, Париж и Вену, должна в конечном счете происходить из одного источника. Каков же этот источник?

В последней книге Пауля Ленша „Социал-демократия, ее конец и благополучие", в которой знания левого радикализма соединяются с империалистическими принципами и на всем этом обосновывается политика 4-го августа,—в этой книге тактика английских трэд-юнионистов и рабочей партии объясняются в следующих словах:

„Господство Англии на мировом рынке (которое несколько поколебалось в последнее десятилетие) было выгодно всем влиятельным слоям великобританского общества, в том числе и рабочим. Их привилегированное меньшинство, иначе говоря, профсоюзы, прижимало большую часть пролетариата, но временами кое-что перепадало и огромным массам неорганизованных рабочих. Вот где ключ к той загадке, что английские профсоюзы всегда оказывали сильнейшую поддержку военной политике. Они прекрасно знали, в чем суть дела, и, защищая мировую гегемонию Англии, они защищали собственные выгоды и привилегии. Их привилегированное по сравнению с континентом положение (все повышающаяся заработная плата и выше средних материальные условия) держалось на этом мировом господстве, и кто посягает на него, тот посягает и на английских рабочих".

Сказанное Леншем, конечно, не ново, — мысль эта одно из многих его позаимствований у левых социал-демократов,— но она несомненно правильна. Политика трэд-юнионов всегда была политикой рабочей аристократии и состояла в подбирании крох, падающих со стола господствующей над миром английской буржуазии. Так же расценивали ее и Маркс с Энгельсом. Ясно, что с наступлением войны английская рабочая аристократия не превратилась из прихлебателя,

пользующегося привилегиями английской буржуазии, в идеалистического героя, сражающегося за „малые народности". Но как случилось, что в ту же политику ввязалась и немецкая социал-демократия, и немецкие профсоюзы, которые всегда считались прямой противоположностью английским трэдюнионам? В чем разгадка этой тайны? Тайна эта была понятна еще до войны, и Ленш тоже помогал понять ее. Вся разница между английскими профсоюзами и немецкой „социал-демократической" рабочей аристократией давно уже состоит только в различии политических фразеологий.

Высший слой немецкого пролетариата, благодаря стремительному развитию немецкой промышленности, имел сравнительно высокий заработок. Государственные и профессиональные учреждения обеспечивали ему сравнительно приличную жизнь. Он имел возможность некоторого участия в благах буржуазной культуры. В течение последних пятнадцати лет ревизионисты и вожди профессионального движения все чаще напоминали этой части рабочих, что они могут потерять не одни только цепи, что они уже добились долгой борьбой некоторых результатов. Конечно, в ревизионистском лагере большую роль играли мелкобуржуазные элементы с юга Германии, но все-таки рост ревизионизма в партии обусловлен и тем фактом, что вожди профессионального движения придерживались той же мелкобуржуазной идеологии.

Таким образом, политика рабочей аристократии есть чистейшая мелкобуржуазная политика, потому что она не потрясает основ капитализма, а только стремится побольше урвать для себя от его благ. Немецкие ревизионисты и работники профессионального движения, конечно, верят в социализм; ведь, они,—в противоположность английским трэдюнионистам, воспитанным в духе либерализма,—выросли на социалистических принципах; что еще важнее, широкие рабочие массы Германии тоже насквозь проникнуты социалистической идеологией. Но социализм был для них лишь далеким идеалом, а чаще всего — просто фразой. Их повседневная работа ограничивалась борьбой за мелкие улучшения. С той же точки зрения смотрели они и на политику: они упирались против всякой попытки массового движения, мо-

гущего дать широким слоям рабочих масс политические права и улучшение условий существования. Правда, они мотивировали свои протесты против „революционной романтики", якобы, невыполнимостью таких попыток, но на самом деле они просто боялись за свое привилегированное положение. Рабочая бюрократия, набиравшаяся из рядов рабочей аристократии и представлявшая ее интересы, заботилась не о поднятии массы до уровня верхушек (помощью массовых движений), а об еще большем возвышении этих верхушек над массой. Поэтому они были сторонниками ревизионистской политики сближения с буржуазией, которая пойдет на уступки „спокойным, стоящим на твердой почве" людям, в то время как „радикальные фразы" только испугают ее и заставят вступить на путь реакции. Вожди профессионального движения и ревизионисты ничего не имели и против того, чтобы буржуазия делала им уступки за счет пролетариата других стран. Решительно все вожди профессионального движения и ревизионисты были сторонниками колониальной политики, которая есть не что иное, как порабощение пролетариата других стран для капиталистических целей. Разве они не доказывали, что колониальная политика соответствует интересам рабочего класса Германии? Когда дело идет о рабочей массе, о рабочем классе в целом, то это, конечно, расчет неправильный. Но есть небольшая часть квалифицированных рабочих, которым достаются крохи от огромных барышей предпринимателей. Эти крохи не только представлялись германским профсоюзам идеалом будущего, но еще до войны уже были маслом к хлебу немецкой рабочей аристократии. Совсем как в Англии, — с той только разницей, что в Германии слой таких рабочих гораздо меньше. Германский капитал гигантскими шагами приближался к тому положению, которого английский капитал уже достиг: благодаря своему промышленному экспорту, почти равному английскому, благодаря своему из года в год возрастающему денежному экспорту, германский капитал к началу военных действий обеспечил за собой второе после Англии место в мировой торговле. И немецкая рабочая аристократия тоже заняла место как-раз рядом с английской. Германская буржуазия покушается достигнуть „свободы морей" и, организовав по-своему Среднюю Европу,

устроить свое положение не хуже английского, а германские профсоюзы мечтают об египетских горшках с мясом.

Как в Англии, так и в Германии рабочая аристократия и бюрократия представляют собой опору политики 4-го августа. Во Франции, Италии и России эти слои рабочего класса развиты значительно слабее, так же, как и сами эти страны представлены на мировом рынке гораздо слабее Англии и Германии. Но и во Франции организованная рабочая аристократия идет за социал-патриотическими вождями, патриотизм которых, как неопровержимо доказано Эрве в книге „Родина богача", состоит только в страхе утери мандатов, получение которых зависит от мелкой буржуазии. Интересы политических карьеристов, высоко поднятых своими депутатскими мандатами над своим прежним социальным положением, связаны с интересами их избирателей, получающих от них места мелких чиновников, сидельцев монопольных лавок и т. д. А массы улавливаются на удочку французских политических свобод и революционных традиций.

В Италии и России слой привилегированных рабочих очень невелик, и потому в этих странах большинство партий осталось верным социализму. Но и там ядро квалифицированных рабочих сгруппировалось вокруг социал-патриотов (реформисты и муссолиньянцы в Италии, оборонцы в России). Мышление их чисто-реформистское и их тактическая линия совпадает с линией буржуазии. Политика 4-го августа венчает собою политику оппортунизма, начавшего свое развитие во Втором Интернационале и дебютировавшего под именем ревизионизма и реформизма. Еще в 1903 году Парвус, который был тогда крайним радикалом, назвал политику рабочей аристократии „национал-либеральной рабочей политикой". Как национал-либералы полагали средство для достижения целей буржуазии в объединении ее с юнкерством, а не в борьбе против него, так и рабочая аристократия и бюрократия думала достичь своих целей помощью объединения с буржуазией. Опыт войны уже достаточно показал, что такая политика несовместима с делом социализма. Мы полагали, что эта политика есть следствие заблуждения вождей партии, и что это заблуждение рассеется под влиянием все обостряющихся классовых противоречий. Опыт показал, что мы оши-

бались. Во-первых, это была политика не одной только верхушки. За нею стоял известный слой рабочих, у которых не было иных стремлений, чем у их вождей. И было бы роковой ошибкой с нашей стороны стараться убедить себя в том, что за этими вождями нет масс, а если и есть, то только потому, что никто еще не вывел вождей на чистую воду. Раскол проходит через рабочие массы. Повсюду часть рабочих держится за социал-патриотов и держится не по недостатку сознательности, а потому, что все стремления этой части ограничиваются реформами. Если мы не признаем этого, то мы будем осуждены вести ложную партийную политику, обусловленную недооценкой сил противника.

В настоящий момент уже можно с уверенностью сказать, что расчеты социал-патриотов не оправдаются: ни военные расходы, ни надвигающаяся в ближайшем послевоенном будущем отчаянная борьба за обладание рынками, ни концентрация капитала, ни рост политической реакции, — ничто не заставит буржуазию пойти на хотя бы мало-мальски значительные уступки рабочей аристократии. Трагикомедия социал-патриотов состоит в том, что они изменили делу социализма ради достижения реформ путем объединения с буржуазией; для этой цели они и помогают ей вести войну. Но война разрушит иллюзии социал-патриотов.

Отсюда можно было бы вывести следующее заключение: так как социал-империализм есть измена социализму, то рабочая аристократия и бюрократия поймут свое заблуждение и снова вернутся на путь борьбы; мы же будем критиковать их ошибки, но не будем разбивать их до конца, не будем способствовать расколу рабочего движения; события докажут нашу правоту, — и рабочий класс вступит на путь борьбы сомкнутым строем.

Такое заключение было бы неправильно. Сейчас мы докажем это.

4. Да здравствует раскол!

Социал-патриоты и социал-империалисты являются носителями политики рабочей аристократии, политики того слоя рабочего класса, который, благодаря экономическому рас-

цвету и посредством профессиональных союзов и политических организаций и выступлений, достиг за последнюю четверть века сравнительно приличных материальных условий. Но социальный процесс, улучшивший условия существования этих рабочих, вместе с тем уничтожает самую основу этого улучшения. Технические усовершенствования и рационализация промышленности (тэйлоровская система и т. п.) при возрастающей концентрации капитала, при возрастающем количестве свободных рук, при возрастающем потреблении женского труда приведут к ухудшению положения рабочей аристократии. Непосредственные последствия войны доделают остальное. Для победы социализма требуется наличность интеллигентного и физически не до конца истощенного рабочего слоя, который был бы вождем всего рабочего движения. Но выделение этого привилегированного слоя ведет к его омещаниванью. С развитием капитализма это противоречие будет уничтожено. Обуржуазившиеся круги рабочего класса будут поставлены в такие материальные условия, что им придется либо отбросить мелкобуржуазный путь компромиссов с буржуазией и решительно взяться за классовую борьбу, либо быть сброшенными на низшую ступень человеческого общества, на одну ступень с его париями. Таким образом, империалистическое развитие, создавшее социал-империализм, само же и уничтожит его.

Но этот процесс не может завершиться в течение года или десятилетия. Идеология, коренящаяся в определенных кругах на протяжении полувека и имеющая длинный доисторический период, созданный буржуазным окружением рабочего класса,—такая идеология долговечна сама по себе. Притом нужно принять в расчет и то, что буржуазия прекрасно знает, чем являются для нее социал-империалисты. На протяжении целых десятилетий входила она в расходы во всех частях цивилизованного мира, чтобы иметь возможность создать в лице христианских, либеральных и желтых рабочих организаций такой отряд рабочего движения, который становился бы поперек дороги самостоятельным пролетарским организациям и тем лил бы воду на мельницу капитала. Правда, капиталисты много на этом не нажили, ибо рабочие были проникнуты духом социализма и прекрасно

видели, к чему ведет подобное „рабочее движение". Но социал-империализм возник в составе самого социалистического движения. Во главе его стояли люди, которые трудами целых десятилетий приобрели в социалистическом мире славное имя. Буржуазия надеялась, что Шейдеманам и Легиенам легче удастся направить рабочее движение ей на пользу, чем это удалось Лебиусам и Штегервальдам. Поэтому политика Шейдеманов и Легиенов всегда находила у нее полное согласие и всяческую поддержку.

В странах парламентского строя социал-империалистические вожди допущены в правительство. В таких же странах, как Германия, — они допущены к высшим правительственным должностям. Вожди помельче занимают административные должности. Это положение ясно намечается уже теперь: бывший радикал, секретарь бременского комитета партии Вельман, назначен бременским городским управлением на место заведующего народным питанием; вождь кооперации д-р Август Мюллер сидит теперь в продовольственном комитете вместе с Батоцким и генералом Брауном. Таким путем буржуазия завладеет еще многими и многими вождями рабочего движения. Тогда они будут пытаться, — как это уже делает Мюллер в „Социалистическом Ежемесячнике", — использовать рабочих в интересах буржуазии, опираясь на свой авторитет, приобретенный в борьбе с той же буржуазией. Но широких кругов последователей, им, конечно, не удастся удовлетворить. Тогда им придется пойти на некоторые политические уступки.

Такая „новая ориентация", которая удовлетворила бы авангард рабочего класса, для них, конечно, неприемлема; но мелкие уступки, вроде последнего законопроекта о профсоюзах, или о множественном избирательном праве в Пруссии по саксонскому образцу — такие уступки, безусловно, будут сделаны. Эти мелкие реформы, имеющие целью удовлетворение части рабочих, ведут к расколу рабочего класса. Но империалистические вожди будут изображать их „многообещающим началом" и тем самым будут удерживать при себе своих единомышленников. Чем меньше уступок будет делать буржуазия, тем ревностнее будут вожди социал-империализма нападать на „крикунов-радикалов", пугающих буржуазию

своими речами, тем ревностнее будут они призывать своих приверженцев „к умеренности и осторожности". И пройдут еще долгие годы, пока они совершенно сойдут со сцены.

Существует такое мнение: когда кончится война, когда будет восстановлена свобода слова, когда массы снова станут самостоятельны, — тогда мы окончательно разделаемся с социал-патриотами; это неизбежно если не на первом, то, во всяком случае, на втором партейтаге. Но кто будет иметь в виду все то, о чем мы говорили выше, тот не станет обманываться такими пустыми надеждами. Не говоря уже о том, что мы и поныне не разделались с войной, и что для этой цели нам совершенно необходима решительная централизация средств борьбы, не говоря уже о том, что мы теперь совершенно не можем знать, как будет обстоять дело со свободами слова и печати в различных странах после войны, не говоря и о том, что рабочие массы по „выяснении" неизбежно должны сами расколоться,—не говоря уже обо всем этом, великолепные оптимистические расчеты упускают из виду два еще более важных обстоятельства. Во-первых, оптимисты забывают о том факте, что большинство партийной и профсоюзной бюрократии стоит на точке зрения социал-империализма, что это большинство держит в своих руках подавляющую часть партийной прессы, что оно окажет яростное сопротивление демократизации партийного аппарата и не так скоро позволит авангарду рабочего класса взять в свои руки руководство партийной массой. И, во-вторых, они забывают кой о чем еще более важном, — о задачах партии. Наши задачи состоят не в одной только борьбе с социал-империализмом. Мы считаем эту борьбу только подготовкой всеобщей классовой борьбы, так как социал-империализм является, так-сказать, лейб-гвардией капитализма. Таким образом, если формальное единство партии будет сохранено и политика партии будет в руках социал-империалистов, то мы либо должны будем на несколько лет отказаться от настоящей борьбы против наших классовых врагов, либо же будем вести ее, не считаясь с постановлениями социал-империалистических партийных органов. В первом случае (если бы мы отказались от фактической борьбы против классовых врагов и удовольствовались бы критикой социал-империа-

лизма) эта критика потеряла бы всякий смысл, который был бы просто уничтожен фактами, т.-е. тактикой, которую мы были бы осуждены вести совместно с социал-империалистами в парламенте и профсоюзах, и отсутствием действий, которые доказали бы массам правильность нашей критики. Во втором случае социал-империалисты, конечно, немедленно выкинули бы нас из партии. Потому что, если партийное большинство не может в течение сколько-нибудь продолжительного времени терпеть в своей среде организованной группы, бичующей эту политику, как политику измены основным принципам партии, то тем более не может оно терпеть, чтобы эта группа, критикуя каждое действие партии, вызывала массы на выступления, направленные против нее. Партия, совмещающая в себе две борющихся парламентских фракции, две партийных группировки, резко сталкивающихся по каждому вопросу, не может долго существовать.

Но предположим, что, несмотря на все указанные обстоятельства, нам удастся склонить к себе большинство даже в партейтаге. Что тогда? Разгромить на словах политику 4-го августа и, приняв резолюции о радикальной партийной линии, поручить ее проведение в жизнь Шейдеманам и Легиенам? Правда, возможно, что эти „ловкие“ политики или кто-нибудь из их сподручных и возьмут на себя эту задачу, чтобы не выпускать из своих рук руля партии. Ведь, приняли же ревизионисты на партийном съезде в Дрездене радикальную резолюцию, отклонявшую политику ревизионизма, для того чтобы тем спокойнее проводить эту ревизионистскую политику!

Видя, что ЦК партии и парламентская фракция, обязанные руководствоваться дрезденской резолюцией, попрали 4-го августа все ясно выраженные в ней положения, каждый рабочий скажет: если во главе революционной партии стоят оппортунистические вожди, то партия на долгие годы парализована в каждом своем выступлении, а в важные исторические моменты оказывается с головой выданной своим классовым противникам. Кто считает возможным после 4-го августа терпеть во главе рабочего движения Шейдемана, Эберта, Легиена и Августа Мюллера, тот либо простодушный дурак (если он действительно воображает, что таким образом можно

подвинуть дело социализма), либо же заведомый прислужник социал-империалистов, т.-е. буржуазии; кто же считает, что тех, кто делал политику 4-го августа, нужно выбросить из центральных партийных органов, тот должен помнить, что они добровольно этому не подчинятся, что они произведут раскол в партии.

Некоторые товарищи полагают, что если на нашей стороне окажется большинство, а социал-империалисты не захотят подчиниться нам, то произойдет лишь „откол незначительной группы". Такое спокойствие и благоразумие в оценке положения плохо рекомендует предусмотрительность этих товарищей. Надо бросить эти детские самоутешения. За социал-империалистами пойдет значительная часть пролетариата мелких городов, который сильно поддается. За ними пойдет и часть рабочих, организованных в профсоюзы. С какой бы стороны ни явился раскол, он неизбежно должен расколоть самые рабочие массы.

Как ни поворачивай вопрос, вывод один: раскол неизбежен. Если мы будем составлять большинство партии, то раскол произведут социал-империалисты. Если же мы будем в меньшинстве, то расколоть партию будем вынуждены мы сами. Иначе мы должны будем благонравно покориться, взять на себя ответственность за политику 4-го августа и только поварчивать по поводу некоторых второстепенных вопросов. Но раскол есть не только историческая необходимость. Он прямо выгоден для дела пролетариата. Без раскола с социал-империалистами дружная социал-демократическая работа и агитация совершенно невозможны. Только сбросив с себя при помощи раскола ответственность за политику 4-го августа, мы сможем действительно бороться против ужасных последствий мировой войны. Только после разрыва с социал-империалистами возможно восстановление Интернационала, целью которого будет не примирение прислужников капитала, рассорившихся между собою в процессе войны, а сплочение пролетариата против классового врага. Мы сможем достигнуть этого только тогда, когда раскол расчистит путь для беспощадной борьбы против социал-империализма.

Кто говорит, что раскол ослабит нас в борьбе против

капитала, тот спекулирует на непоследовательности и невежественности. Два миллиона борющихся рабочих безусловно сильнее, чем один миллион. Но когда во главе этих двух миллионов стоят люди, которые сознательно или бессознательно служат орудием противника, когда один из этих двух миллионов слепо подчиняется им, а второй из солидарности делает то же самое, тогда эти два миллиона не борются, и один миллион может начать борьбу, только отделавшись от второго, бросивши его вместе с его изменниками вождями.

Идеологический раскол Интернационала на лагери социал-демократический и социал-империалистический произошел уже давно. За ним последует, и не может не последовать, раскол организационный. Кто понял это, тот должен стараться способствовать этому. А к чему мы стремимся в качестве социал-демократов, к тому мы должны звать и рабочих. Слабостью левых радикалов является то, что они не всегда высказываются откровенно. Группа Интернационала, несомненно, видит необходимость раскола. И если она не во всех своих частях твердо пропагандирует раскол, то лишь постольку, поскольку некоторые ее части считают, что радикально настроенные рабочие еще держатся за иллюзию подавления шейдемановцев внутри единой партии. Они боятся отпугнуть этих рабочих открытой пропагандой раскола. Они ищут таких организационных мероприятий, которые внешне не содержали бы в себе элементов раскола, но по существу вели бы именно к росколу, так, напр., агитация за неприем взносов.

Но опыт такой пропаганды показал, что те рабочие, которые еще не поняли невозможности совместной работы социал-демократов с социал-империалистами, т.-е. еще не поняли необходимости раскола, восстают и против прекращения приема членских взносов. Чем яснее и беспощаднее раскроем мы перед массами всю немыслимость общей организационной работы двух главных течений партий, тем скорее они придут к необходимым организационным средствам борьбы. Замалчивая же факты, мы будем лить воду на мельницу социал-империалистов, потому что каждый наш промах, каждое наше колебание они используют для того, чтобы вводить в заблуждение массы и ловить рыбку в мутной воде.

Если пропаганда раскола не может сейчас привлечь на нашу сторону темные элементы, то она все же сгруппирует вокруг нас ту часть рабочих, которая может и хочет бороться. Она поставит перед ними ясную цель и придаст им мужества. А когда впоследствии факты докажут, что правы были мы, а не центристы, то к нам примкнет и остальная, пока еще колеблющаяся часть рабочих.

Пропаганда раскола ни в коем случае не означает, что мы должны теперь же выйти из партии. Напротив, все наши усилия должны быть направлены к тому, чтобы захватить в свои руки как можно больше партийных органов и организаций. Они созданы в течение полустолетия борьбою и для борьбы и принадлежат по историческому праву нам. Мы должны сделать все, что только можем, чтобы заставить социал-империалистов создать себе новые организации для своих новых буржуазных целей. Теперь наша задача состоит в том, чтобы как можно дольше продержаться на своих местах, ибо чем дольше мы будем оставаться на них, тем больше рабочих уйдет вместе с нами, если социал-империалисты, (которые, безусловно, превосходно понимают нашу тактику независимо от того, молчим ли мы об ней, или разговариваем) станут исключать нас из партии. Но, как ни важно, ради исторических целей партии, вырвать управление ею из рук социал-империалистов, это не должно становиться самоцелью. Мы не имеем права отказываться от какого бы то ни было полезного политического выступления, даже если оно приведет к расколу раньше, чем бы мы этого хотели; такие выступления составляют источник нашей силы и основу нашего существования. Если социал-империалисты прибегнут к исключениям нас из местных организаций, то мы сейчас же должны создать на местах самостоятельные организации. Задачей дня является объединение местных партийных организаций, стоящих на плотформе оппозиции, с оппозиционными меньшинствами социал-империалистических организаций и создание временного комитета решительной оппозиции. Предложение т. Розы Люксембург, направленное к этой цели и отклоненное берлинским съездом союзов, должно быть осуществлено местными организациями, решительно стоящими на левой платформе. Пока мы представляем собою

разрозненные, несплоченные организации, мы являемся игрушкой в руках социал-империалистов. Поэтому надо пользоваться всеми случаями для централизации оппозиции.

Теперь мы переходим к отношениям крайней левой с партийным центром. Об этом — в заключительной главе.

5. Лево-радикальное крыло и центристы.

Когда бременские левые радикалы, требуя разъяснения положения рабочим, натолкнулись на сопротивление депутата Хенке, то газета „Хемницер Фольксштиммэ“ иронизировала на своих столбцах: если бы судьба партии решалась резолюциями съездов, то победил бы тот, кто больше всех неистовствует. Как только приходят из Берлина известия о борьбе между центристами и группой „Интернационала“,— вся социал-патриотическая пресса начинает вопить, торжествуя победу. Вот увидите! Достаточно только произойти первому расколу,—и расколам конца не будет. Монтаньяры (радикалы) пожрут жирондистов (умеренных), и тогда придет террор. Итак, хвалите господа и следуйте за Шейдеманом.

Вся эта философия лучше всяких других примеров указывает на контр-революционный характер социал-патриотической клики, которая перед лицом кризиса социализма и рабочего движения ничего не нашла сказать, кроме того, что писали реакционные историки о боях французской революции. Сквозь эту историческую концепцию, позаимствованную у Тэна, проглядывает не только бесконечно низкая оценка рабочего класса, который, якобы, падает жертвой всякого „неистового крикуна“ (как известно, буржуазная пресса постоянно утверждала это, говоря о подстрекательстве), и не только убеждение в том, что вести „мудрую“ политику в состоянии одна лишь бюрократия (недооценка масс постоянно характеризовала всякую бюрократию). Такая концепция вообще неспособна понять сущность кризиса, в котором находится сейчас рабочее движение.

Характерное для империалистической эпохи трестирование и картелирование промышленности и образование союзов предпринимателей крайне затруднили чисто профес-

сиональную борьбу рабочих. Такая борьба приводила к положительным результатам все реже; возрастающая с каждым годом дороговизна превращала все прежние завоевания экономической борьбы в чистейшую фикцию. Тогда все взоры обратились на парламент: вот спаситель! Но концентрации капитала соответствовало объединение всех буржуазных парламентских партий в единое реакционное целое. С ростом расходов по вооружениям осуществление социальных реформ становилось все несбыточнее. Усиление милитаризма было усилением врагов демократии. Рабочее движение попало в тупик.

Оппортунисты убеждали пролетариат, что из этого тупика можно выйти путем объединения с либералами, левые же радикалы говорили, что это невозможно. Во-первых, либералы сами слишком слабы, чтобы самостоятельно достигнуть чего-нибудь; во-вторых, объединение с либералами привело бы к сглаживанию классовой борьбы, т.-е. к ослаблению пролетариата. Оставалось только прорвать этот тупик натиском, сильным напором масс. Надолго ли затянется борьба, готовы ли массы к выполнению своей исторической миссии,— в этих пунктах мы никаких гарантий давать не могли. Мы знали только одно,—что другого пути не было, и потому мы требовали от партии, чтобы она словом и делом готовила пролетариат к выполнению его исторической задачи, пыталась подвинуть его на это выполнение. Этому воспротивились центристы: они рекомендовали „стратегию измора", агитацию, организацию и выжидание, так как, по их мнению, массы были далеко еще не готовы, а „путчизм" грозил погубить организацию.

Во время этих разногласий разразилась мировая война. Большинство центристов в двадцать четыре часа перемет-нулось в лагерь оппортунизма и вместе с ним на сторону буржуазии; тем самым полностью подтвердилось все то, что левые радикалы говорили о партийном центре еще до войны, а именно, что он состоит из той же самой партийной и профсоюзной бюрократии, что и лагерь ревизионизма, отличаясь от этого последнего только социалистической фразеологией. Стало совершенно очевидно, как правы были мы, объявляя всю „стратегию измора" результатом

простого страха перед всяким действием, которое могло бы поставить под угрозу организации, — эту социальную основу существования партийной и профсоюзной бюрократии, — при чем мы еще оставляли открытым вопрос, за что, собственно, больше дрожала бюрократия: за свое обеспеченное существование или за организацию. Только самая незначительная часть центристских вождей держалась в стороне от политики 4-го августа. Но они долгое время не решались начать борьбу с социал-патриотами, и только когда последствия войны и работа левых радикалов создали возмущение против социал-патриотизма в самой рабочей массе, только тогда эта группа центристов, руководимая Ледебуром, решилась вступить в борьбу с социал-патриотизмом. К ним присоединилась и та часть центристов, которая 4-го августа непосредственно стояла на социал-патриотической платформе. Что значит эта оппозиция центра, и какие у нее намерения? Они говорят, что стремятся сохранить старые принципы и старую испытанную тактику, но что борьба за них не должна выходить за пределы партии.

Но „старая испытанная тактика“ обособленной парламентской борьбы обанкротилась еще до войны. Мировая война выдвинула массу новых вопросов, ускоривших дальнейшее развитие старой идеологии („принципов“). В пределах организации? Но как можно в пределах одной организации бороться за социализм и против него? Все это показывает, что сущность центристского ядра не изменилась, хотя часть этого ядра и ушла к социал-империалистам. Разумеется, и среди центристских вождей находятся такие люди, которые разделяют политику центра только потому, что еще не поняли всей глубины кризиса, и которые впоследствии еще могут перейти к нам. Но в большинстве своем они уже не могут перемениться. Одни из них не могут перемениться потому, что, при всем своем бескорыстии и искренном желании, они принадлежат к старому поколению, не могут разобраться в современных условиях и поэтому держатся за все старое (достаточно назвать Каутского и Ледебура, которых мы, несмотря на все озлобление борьбы, ни в коем случае не хотим оскорблять лично), другие из расчета: материально завися от социал-патриотов, они не хотят порывать

с ними и до последней возможности будут бороться против раскола. Я уверен, что это утверждение вызовет бурю негодования, но теперь пришло такое время, когда рабочим пора научиться смотреть на вещи открытыми глазами. Много было таких, которые спасали организацию, а фактически оберегали свое собственное существование. Многие кричали: „ах, единство партии!", а думали в это время только о себе. Но как бы то ни было, каково бы ни было численное соотношение этих двух групп („расчетливой" группы и группы людей, неспособных к дальнейшему развитию по причине умственного окостенения), объективно, вне зависимости от воли отдельных личностей, политика центристов является тройным обманом масс. Они обманывают массы, говоря, что нужно убедить капиталистов отказаться от империализма и обратиться к пацифизму, т. е., что капитализм может существовать без военных опасностей. Они обманывают массы, говоря им, что эту реформу капитализма можно провести в жизнь совместно с социал-патриотами, которые исправятся под влиянием масс. Они обманывают массы, говоря, что есть другой путь к цели, кроме освобождения рабочих силами самих рабочих.

Все эти действия центра,—пропаганда реформы капитализма вместо полного его уничтожения, пропаганда партийного единства, противодействие массовым выступлениям,—ставят нас в необходимость начать решительную и беспощадную борьбу против центристов.

За ними еще стоят широкие слои рабочих, идущих за старым авторитетом центристских вождей, за старыми социалистическими лозунгами, которые те пускают в ход. Это отвлекает рабочие массы от разрешения их истинных задач, затемняет их классовое сознание. Чтобы оторвать массы от центристских вождей, надо поддерживать каждое действие центра, которое он будет вынужден направить против социал-патриотизма, но в то же время беспощадно бичевать каждое малейшее колебание его и раскрывать причины этих колебаний. Надо оставить всякую надежду перетянуть на свою сторону вождей педагогическими воздействиями. Дело, конечно, в приобретении масс, а не вождей.

Но если даже говорить о той незначительной кучке центристских вождей, которых стоило бы перетянуть к нам, то и на них можно воздействовать только самой резкой критикой. В политике лучшим воспитательным средством всегда была палка (конечно, моральная).

Рабочее движение фактически распадается на три части: социал-империалисты, центр и левое радикальное крыло. Первая часть—это рабочие, дожидающиеся объедков со стола буржуазии. Вторая часть—это нерешительные. Они знают, что, идя с буржуазией, рабочий класс ничего не достигнет, но еще не знают, как с ней бороться. Третья же часть твердо знает, что наших социалистических целей можно достигнуть только в массовой борьбе против буржуазии. С первыми нам нечего делать, мы должны изолироваться от них. Впоследствии, когда буржуазия, щелкнув их по носу, докажет им всю иллюзорность совместной с нею работы,—они, может-быть, придут к нам. Что до нерешительных, то, идя своим путем и не оглядываясь по сторонам, мы тем самым боремся за привлечение их на свою сторону. Мы попытаемся перетянуть их к себе. Если же центристская пропаганда успеет деморализовать их настолько, что они не примкнут к нам во-время, что они ориентируются только тогда, когда политические обстоятельства принудят нас к организационной самостоятельности,—тогда ничего не поделаешь. Тогда мы пойдем своим путем и предоставим их самим себе. Впоследствии, поняв обманную политику социал-патриотов, они либо примкнут к нам, либо организуют самостоятельную партию центра, которая в конце-концов будет раздавлена между жерновами крайней левой и крайней правой. Мы надеемся, что опыты ориентации на центр, проделанные в Берлине и других городах, откроют глаза тем кругам, которые, зная численную слабость левых, проповедуют „осторожность".

Хаос, царствующий сейчас в рабочем движении, может быть прекращен только в том случае, если мы будем открыто развивать наши основные положения и со всей твердостью делать из них практические выводы. Тем самым мы вынудим социал-патриотов к ясному изложению своей позиции, а центристов к обнаружению своей полной бес-

принципности. Мы станем массовой силой только тогда, когда рабочий класс придет в движение. Стараясь привлечь к себе массы путем компромиссов с центром, мы только оттянем этот момент. Если бы компромисс и был возможен, то он, все равно, ничего бы нам не дал: только ясная позиция и готовность к бою дают массам необходимые силы. Чем решительнее и откровеннее мы будем, тем скорее рассеется туман, тем скорее рабочие вспомнят о своей исторической роли.

Ближайшей нашей организационной задачей является раскол с социал-патриотами и борьба против центра. Осуществление этой задачи требует объединения левых радикалов. Мы вынуждены посвятить особую главу этому вопросу.

6. Задачи лево-радикального крыла.

Лево-радикальное направление возникло в германской социал-демократии за последние пять лет перед войной, в борьбе против мнимого радикализма большинства партии. Пустота этого радикализма обнаружилась при усилении реакции во всех областях внутренней политики и при усилении военной опасности, когда эти „радикалы" ответили отказом на все предложения агитировать за массовые выступления против реакции и империализма. Левые радикалы с самого начала увидели, что дело здесь, конечно, не в разногласиях по некоторым пунктам, а в непригодности всего направления в той новой ситуации, в которой находилось рабочее движение с самого начала XX столетия. Новая ситуация состояла в том, что концентрация капитала и его объединение под началом финансового капитала, с одной стороны, и усиление рабочего движения—с другой, страшно обострили классовые противоречия, вследствие чего реальное разрешение этих противоречий парламентским путем стало совершенно невозможным. Центр тяжести был перенесен на собственно-классовую борьбу.

Эти изменения в структуре капитализма дали ему необходимую силу для ведения империалистической политики и обострили противоречия между капиталистическими кругами разных стран. Парламент снова оказался бессильным против

империализма и центр тяжести борьбы, опять-таки, оказался в массах. Исторической задачей старого радикализма,—как во времена закона против социалистов, так и после отмены его,—являлась подготовка пролетариата к пониманию им своего классового положения, к пониманию им всей невозможности сократить тяжелый путь классовой борьбы путем анархистских путчей или ревизионистских происков. Этот старый радикализм не смог приспособиться к новой ситуации, хотя в работах Каутского он и схватил ее существо. Вдобавок, организаторы и парламентарии, шедшие за крупными вождями старого радикализма, настолько ушли в мелкую работу и так хорошо себя в ней чувствовали, что всякое массовое выступление казалось им авантюрой.

Таким образом, в своей борьбе против старого радикализма левые радикалы в первую голову должны были ставить рабочих в известность относительно тех изменений в условиях классовой борьбы, которые характеризуют эпоху империализма. Лево-радикальное движение нашло в рабочем классе сильную поддержку. Стремление к массовым демонстрациям по поводу закона о прусском избирательном праве доказывает, что лево-радикальное направление с самого начала не ограничивалось кучкой идеологов, а было выразителем настроений тех широких рабочих масс, которые не могли удовлетвориться „старой испытанной тактикой". Но самостоятельность даже этих передовых слоев была слишком мала, а авторитет партийных вождей и тормозящая сила партийной бюрократии слишком велики, чтобы можно было тогда же перевести партию на новые рельсы. Август Бебель, представитель старо-радикальной тактики, в своем предисловии к новому изданию „Классовой борьбы во Франции" Маркса (1911 г). указал на возможность появления в ближайшем будущем „таких всемирно-исторических моментов, которые, не считаясь с волей господствующих классов, направят развитие многочисленного и культурного германского народа по совсем новому пути", но он тут же оговаривается: „Путь социал-демократии намечен. Что бы ни произошло, она не сойдет со своей прежней позиции, не позволит увлечь себя на сомнительную дорогу. У нее нет никаких оснований выступать против своих врагов с желательными для них не-

обдуманными и насильственными действиями". Бебель позабыл только об одном: кто не двигается вперед, тот пятится назад. И он не видит, что объединение с либералами в 1912 году, что поддерживание в рабочих иллюзий о возможности разоружения есть не что иное, как отступление от старых позиций. Вместо того, чтобы перейти к более высоким средствам борьбы, партия вернулась к политике, уже прежде осужденной историей: она хотела двигать вперед рабочий класс, пользуясь помощью части буржуазии.

То, что было до известной степени возможно во времена борьбы между феодальным юнкерством и прогрессивной буржуазией, стало теперь, когда юнкерство может сохраняться только в качестве защитника капиталистической реакции, полнейшей утопией. Когда же пассивность рабочего класса привела к тому, к чему она и должна была привести,—к мировой войне,—тогда оказалось, что большинство радикалов убоялось новых путей из чистого оппортунизма, и что поэтому о том, чтобы оставаться на старой позиции, не может быть и речи: отказавшись вести рабочий класс вперед, партия оказалась отброшенной на древнюю позицию солидарности классов. Ревизионисты, постоянно проявлявшие тенденции к такой политике, естественно захватили управление партией в свои руки. И теперь расколовшаяся, исторически опозоренная партия носится по волнам истории без руля и без ветрил.

Лево-радикальное крыло начало борьбу еще в исторические дни падения „старой испытанной тактики". Не Ледебур, не Гаазе и не Каутский подняли знамя мятежа, а левые радикалы. Но позднее, когда зашевелившиеся массы принудили левую часть центристов к протесту против новой политики социал-империализма во имя старой тактики, часть левых радикалов хотела увлечь этих фрондирующих центристов в дальнейшее движение, если они пойдут на объединение с ними.

Знаменитый „протест тысячи", имевший место в июле 1915 г., был плодом совместной работы лево-радикального крыла с левым крылом центра. Пришлось дожить даже до того, что на Циммервальдской конференции часть левых радикалов, представителей группы, издавшей в марте 1915 г.

первый номер „Интернационала“, голосовала вместе с Ледебуром (и оказалась в большинстве) против русских, польских, шведских и голландских левых радикалов и оставшихся твердыми частей немецкого лево-радикального крыла. Последствием этого было образование партии германских социалистов-интернационалистов. (I. S. D.),—организации, отмежевавшейся от центра и сражавшейся за самостоятельную тактику левых радикалов. Она была мала и влияние ее было невелико. Но жалкое поведение левых центристов в декабре 1915 г. вынудило большинство левых радикалов, сгруппировавшихся вокруг органа „Интернационал“, отмежеваться от них. Это и было сделано в „письмах Спартака“ и в „руководящих положениях“ группы интернационалистов. Тогда-то и произошел раскол с последователями Ледебура. Если некоторые вожди группы интернационалистов еще питают иллюзию, что раскол этот не окончателен, если некоторые другие из страха перед „вечно-вчерашним“ боятся остаться в одиночестве, то ближайшие же месяцы покажут им, что они неправы. Политика центристского „делового сотрудничества“ показывает, что из картона старых вождей не скуешь меча для пролетарской массовой борьбы. С другой стороны, всюду, где левые радикалы обращались непосредственно к массам и систематически проводили свою агитационную работу,—сбилось плотное ядро рабочих, которым удалось выбиться из умственного тумана и хаоса. По нашему мнению (мы говорим только от своего имени), в настоящий момент большая часть противоречий, приведших к образованию I. S. D. (партии германских социалистов-интернационалистов) и заставивших бременских левых радикалов отказаться от вхождения в группу интернационалистов,—большая часть этих противоречий уже изжита. Неутомимая борьба против социал-патриотизма, бесстрашные выступления, огромные жертвы, принесенные во имя пролетарского дела,—все это создало товарищам из группы интернационалистов славу передового отряда нового Интернационала. Мало того: призывом к отказу от приема взносов, агитацией за применение высших средств борьбы, всеми своими принципами эта группа доказала, что она видит задачу лево-радикального крыла не в возвращении к

старому, не в пассивных протестах, а в настоящей борьбе,— в борьбе за активное выступление рабочего класса, в борьбе за новый Интернационал.

Правда, эта группа ошибается, недостаточно твердо высказываясь за раскол; некоторые из ее лучших вождей, в каком-то изумительном припадке слабости, советуют официальной прессе не вести активной агитации за раскол даже в том случае, если сами редакторы считают его неизбежным. Правда, „руководящие положения" проявляют некоторую половинчатость, а статьи некоторых членов группы выказывают не совсем ясное понимание исторического положения пролетариата. Правда, на международной арене они довольно подозрительно оперируют с центристами: прославляют пацифистски-настроенную „независимую рабочую партию", посылают телеграммы думскому представителю русского партийного центра Чхеидзе, совершенно не борющемуся с социал-патриотизмом. Нам, конечно, придется дружески критиковать их, но мы всегда будем считать их в рядах основного ядра немецкого левого радикализма. Наша критика группы интернационалистов вытекает не из боязни конкуренции, а из того соображения, что при теперешнем глубоком кризисе и необходимости новой ориентации последняя может быть создана только путем откровенных высказываний и свободного обмена мнений.

Но, в виду мужественной деятельности группы интернационалистов, этот свободный обмен мнений не должен приводить нас к борьбе с нею. Напротив, по нашему мнению, он должен заставить наших друзей решительно поддерживать группу интернационалистов в ее борьбе против социал-патриотов и центристов. Чем крупнее их потери, тем больше у нас оснований группироваться вокруг них и вместе с ними работать над достижением целей, стоящих перед левыми радикалами.

Сейчас эти цели состоят: внутри партии—в борьбе за сознательных рабочих, а вне ее—в возможном использовании своей силы. По достижении этих целей будет можно и нужно воздвигнуть особое здание для пролетарского социализма, создать социалистическую партию, которая проводила бы лево-радикальную политику.

Эта партия не будет сектой, как шутят наши противники. Во время бурь, возвещаемых тучами, собравшимися на историческом горизонте, она, благодаря своей ясной ориентации в путях и целях классовой борьбы, благодаря своему мужеству и решительности, станет вождем рабочих масс. Она уже выдержала первое испытание, мужественно подняв свое знамя в дни величайшего развала. В настоящий момент она переживает самый трудный период.

Еще не освободившись от социал-патриотов, не имея собственных организационных кадров, погруженная в хаос, вызванный развалом старой социал-демократии, посреди пережитков того отмирающего времени, когда против каждого ее усилия восставала вся огромная машина старой партии,— эта партия, подобно Геркулесу, должна сражаться со змеями еще в колыбели.

Но она выйдет из этой борьбы победительницей, ибо рабочие массы, объединяющиеся в ее рядах и умудренные горьким опытом годов позора и развала, напрягут все свои силы в самостоятельной умственной работе и, пробираясь через заросли истории без руководителей, своим умом, будут усиливаться со дня на день.

Раскол партии и борьба с центром кажется прекраснодушным тюфякам сплошным хаосом и неразберихой. Но на самом деле это—потуги при родах новой партии, в которой пролетариат обретет сознание своих задач в период империализма. Чем значительнее эти задачи, чем серьезнее препятствия, чем тяжелее гнет,—тем напряженнее должны быть наши усилия, тем тверже должно быть выкованное нами оружие.

(Arbeiterpolitik, I. Jahrgang, №№ 4, 5; §§ 5,6,7,8,10)

Анархизм и Интернационал.

Развал Интернационала, естественно, смутил очень многих. Он, несомненно, увеличил опасность и шовинистической, и анархической заразы. Прежде чем ход событий докажет массам невозможность прогресса при приспосабливании к империалистической политике, и вместе с тем невозможность ее преодоления путем анархистской борьбы, в международном рабочем движении должен наступить период блужданий и шатаний, и многие будут разочарованы в том, что прежде считали правильным.

Надо смело смотреть в лицо всем этим опасностям. Поэтому мы охотно пользуемся случаем борьбы с анархистской попыткой переманить рабочий класс от социал-демократии к себе. Такой случай дает нам вышедшая в Копенгагене анархистская брошюра Пауля Шрейера „Социал-демократия и война". Несмотря на имя автора [1]), статья написана спокойно и деловито. Считающие теперешнее состояние полнейшим развалом, утверждают, что дело здесь не в банкротстве социал-демократических принципов, а в окончании одной из эпох международного рабочего движения. Ни один из принципов Интернационала, основанных на теории Маркса, не оказался неправильным и в условиях того тяжелого кризиса, который мы теперь переживаем. Только тактика, создавшаяся после франко-прусской войны, еще не доросла до тех задач, которые стоят перед рабочим движением. Эти члены Интернационала видят основные положения Третьего Интернационала, который должен возникнуть в эпоху империализма, в тех тактических принципах, к ко-

[1]) Schreier—по-немецки „крикун". Прим. пер.

торым пришло левое крыло социал-демократии в результате тактической борьбы последнего пятилетия. Совсем другое говорит автор анархистской брошюры: он провозглашает крах социал-демократических принципов.

Марксизм видит в развитии экономических соотношений, в беспрерывном прогрессе производства основание будущего социалистического общества. Социализм возможен только тогда, когда капитализм поднимет производительность человеческого труда до наивысшей степени. Империализм есть форма мирового развития капитализма и мирового повышения производительности труда. „Отсюда логически следует,—говорит автор,—что отдельный человек или партия, стремящаяся к социализму, должна по мере возможности содействовать развитию империалистических тенденций, чтобы тем самым ускорить их падение. Если социал-демократия строит свои воззрения на подобных учениях, то не приходится удивляться, что она будет поддерживать мировую войну. Ибо если эта война соответствует интересам империализма, то дальнейшим ее последствием (что логически вытекает из учения Маркса) будет приближение социализма". Считая теперешнюю политику социал-демократических партий Германии, Франции и Австрии противоположной интересам рабочего класса, автор выводит отсюда банкротство основных положений теории Маркса.

Но его стрелы попадают не в марксизм, а в карикатуру на марксизм, нарисованную ревизионистскими и анархистскими критиками.

„Пока капитализм не достиг той стадии развития, в которой он уже близок к тому, чтобы сдаться,—власть еще в его руках, и его антипод, социализм, находится у него в подчинении...: Помочь капитализму взобраться на последнюю ступень, с которой он падет уже сам—вот задача социализма".

Так определила в свое время гамбургская партийная газета задачи социализма,—и пусть уж она сама разбирается с анархистскими критиками насчет того, поддерживает или опровергает эту теорию мировая война. Только марксизм здесь не при чем. Когда Маркс, лет семьдесят тому назад,

закладывал основы своей теории, то капитализм находился в самом начале своего развития. Но Марксу и в голову не приходило видеть свою задачу в том, чтобы помогать капитализму „взобраться на последнюю ступень". Эту задачу он спокойно предоставил капиталистам, а сам занялся организацией и просвещением пролетариата, чтобы внушить ему понятие об его исторических задачах. Ведь, Маркс не был настолько глуп, чтобы вообразить, что капитализм когда-нибудь „сдастся" сам. Развитие капитализма делает социализм только экономически возможным. А для того, чтобы он стал действительностью, нужно еще создать социальную силу, которая уничтожила бы сопротивление классов, заинтересованных в сохранении капитализма. Рабочий класс может стать такой силой только после долгой борьбы, в процессе которой в нем разовьются умственные силы, необходимые для управления производством. Основываясь на опыте коммуны, Маркс считал, что рабочий класс не в состоянии прямо и непосредственно взять в свои руки власть в капиталистическом государстве. Он должен подготовиться к власти долгой работой. Марксизм всегда учил рабочий класс не помогать капитализму в его развитии, а самому развиваться в борьбе с капитализмом. Если марксизм считает вредными попытки возвращения к докапиталистическим отношениям, как, напр, разрушение машин, попытки искусственным образом сохранить ремесло и т. д., то это не поддержка капитализма, а борьба против политики, замедляющей процесс капиталистического развития.

Но наши времена – не времена Маркса. Теперь капитализм находится не на первоначальной стадии. Он насчитывает уже сто лет развития в Западной и Средней Европе, и за это время успел расцвесть полным цветом. Следует ли теперь рабочему классу выжидать с решительной борьбой за социализм, чтобы капитализм пока-что успел поработить себе весь мир? Верно ли, что социализм возможен только тогда, когда последний тунгус и последний африканец племени базуто станут фабричными пролетариями и запишутся в тунгусскую или базутскую социал-демократическую партию? Империализм опровергает подобную точку зрения самым

фактом своего существования. Дело в том, что он представляет собою опыт капиталистической эксплоатации таких экономических организмов, которые еще не прошли и дофеодальной ступени развития, а не то что докапиталистической. Таким образом, история знает примеры одновременного существования различных стадий экономического развития. Феодализм уступил место в Европе капитализму, еще не охвативши всей Азии и Африки, а капитализм уже успел расцвести пышным цветом, когда в разных углах мира существуют еще дофеодальные формы производства. Почему же невозможно установление социализма в капиталистических государствах прежде, чем капитализм завершит свое победное шествие по земному шару? Маркс и Энгельс считали, что если в Западной Европе социализм будет осуществлен до того, как в России развернется капиталистический строй, то России, быть-может, удастся избегнуть большей части пути капиталистического развития. Карл Каутский высказывает те же мысли в своей брошюре „Социализм и колониальная политика", в которой разбирается вопрос о необходимости всем странам пройти через капитализм (эта брошюра вышла в 1907 году). Выводы Каутского и поныне являются основой позиции, занимаемой марксистами против империализма. Таким образом, теория марксизма не имеет ничего общего с теми грехами, которые инкриминирует ей анархист Шрейер. Его критика не задевает ее. Все несчастие Шрейера в том, что он принимает за марксизм взгляды критиков марксизма Давида, ван-Кольса и других.

Но рассмотрим другие краеугольные камни марксизма, разрушаемые Шрейером. Социал-демократия добивается обобществления орудий производства. В интересах общества ими должны заведывать представители самого общества.

„Таким образом, социал-демократия пользуется для достижения своих целей государством. Отсюда само собой понятно, что она хочет использовать существующее государство, как носителей ее будущей организации. Потому-то во всех странах и имеются национальные партии, ведущие борьбу в рамках своего государства... Из этого признания необходимости свободного и независимого государства прямо вытекает обязанность поддерживать все, что может защитить

его самостоятельность в случае какой бы то ни было внешней опасности".

Так анархист Шрейер гордо попирает ногой обломки второго „краеугольного камня" марксизма.

С тех пор, как Бакунин начал борьбу с „государственным социализмом" Маркса, анархистами много пролито чернил для выяснения вопроса о соотношении между государством и рабочим движением. Рассуждения Шрейера показывают, что вся эта работа только увеличила хаос в их головах. Совершенно верно, что, наблюдая прогрессирующий процесс производства, социал-демократия пришла к убеждению, что и после уничтожения классовых противоречий останется необходимость в организации производства. Но эта организация и руководство производством будет существеннейшим образом отличаться от современного государства. Это ясно уже из того, что современное государство не только не заботится об организации производства в интересах общества, но, наоборот, стремится к сохранению производства в руках владельцев предприятий, которые составляют самое незначительное меньшинство современного общества. Шрейер, объединяя под одним названием „государства" два совершенно различных исторических понятия, делает отсюда заключение, что „по этой причине" социал-демократия использует современное государство в своих целях, а потому и должна защищать его. Но отношение социал-демократии к современному государству определялось не ее предположениями насчет организации социалистического общества (ведь, мы еще не знаем, как оно и выглядеть-то будет), а характером исторической эпохи после семидесятых годов, в которой происходило развитие рабочего движения.

Отношение пролетариата к государству определяется условиями классовой борьбы, а марксизм старается только выяснить это отношение. Каковы же были эти условия? Буржуазия создала национальное государство, что ускорило развитие капитализма. Как должен был в данном случае поступать рабочий класс? В своих же собственных интересах он должен был бороться с буржуазией в пределах государства. Когда немецкие рабочие выставили требования сокращения рабочего дня, свободы печати, собраний и коалиций, то

они не могли обратиться ни к капиталистическому классу вообще, ни к французским или английским капиталистам. Им следовало обратиться к тому классу, от которого зависело проведение этих законов в Германии, т.-е. к немецкой буржуазии и к ее органу власти—германскому государству. Они, конечно, могли глубоко сочувствовать своим заграничным товарищам, могли демонстрировать вместе с ними за основные требования рабочего класса, но их повседневная борьба протекала в рамках немецкого государства, так же, как повседневная борьба французского или английского пролетариата протекала в пределах их государств. Истекшие сорок лет рабочего движения были втиснуты объективными условиями в рамки государств. Игнорировать, хотя бы отчасти, эти условия могло лишь такое „движение", как движение анархистское, которое никогда не черпало своей силы в повседневной борьбе рабочего класса и нигде не пускало глубоких корней. Связывал ли когда-нибудь марксизм судьбу рабочего класса, на счастье ли, на гибель ли, с судьбой какого-либо определенного государства со всеми его границами и т. д.? Внушал ли он когда-нибудь поклонение государству? Маркс и Энгельс были поборниками независимости Ирландии, Каутский очень сомневался в долговечности Австрии и т. д., и т. д. Для марксизма, учения до конца исторического, данные границы государства были не более, как данными рамками работы, которая не может висеть в воздухе и должна вестись на какой-либо определенной почве. Марксизму никогда и в голову не приходило смотреть на эти границы, как на святыню, раз навсегда указавшую русло, по которому потечет поток истории. В работах наших основоположников нельзя найти ни одной строчки, которая указывала бы на такой абсурд. Если они не считали задачей пролетариата ускорение процесса капиталистического развития, то тем паче не считали они его задачей сохранение данных государственных границ. Отношение их ко всякому движению, имевшему целью изменение границ государства, всецело зависело от характера этого движения. Они были совершенно свободны от идеалистических представлений о государстве, отчасти характерных даже для Фердинанда Лассаля. Они видели неизбежное последствие капиталистической системы в суще-

ствовании капиталистических государств вообще, но вовсе не непременно именно тех государств, которые созданы историей. Победу пролетариата они считали возможной только в интернациональном масштабе, т.-е. только в рамках всей культурной, капиталистически развитой области земного шара в целом, и потому они направляли все свои усилия на возможно прочное объединение пролетариата всех стран. Они старались связать отряды пролетариата, разделенные государственными границами.

Анархист Шрейер считает современную позицию французской, немецкой и австрийской социал-демократии несовместимой с интересами пролетариата и гибельной для рабочего движения. В этом он, разумеется, совершенно прав. Но непонятно, почему ответственность за это он возлагает на основные принципы рабочего движения. Очевидно, потому, что он опять перепутал взгляды правого крыла социалистов со взглядами социалистов вообще. Основные положения социализма не имеют ничего общего ни с государственностью, ни, тем паче, с конкретными государствами, но умственный кругозор оппортунистов в рабочем движении, лозунгом которых является „цель—ничто, движение—все", не выходит и не может выходить за пределы своего собственного государства. Они надеются умеренностью добиться уступок от государства, а полагая, что социализм осуществится путем мелких улучшений без революции, они, естественно, видят в современных государствах его будущих носителей. Помимо этой склонности к государственному социализму, оппортунистическая группа интернационала характеризуется и некоторым национализмом. Имея в виду мелкобуржуазность избирателей, некоторые оппортунисты изображают социализм, как своего рода высокий патриотизм. Все эти оппортунистические выступления находятся в заведомом противоречии с основными научными положениями рабочего движения, т.-е. с марксизмом, и, празднуя ныне свою победу, они вместе с тем празднуют и начало нового периода рабочего движения, который будет принципиально обоснован далеко не на марксизме.

Утверждение, что развал Интернационала доказывает ложность его основных положений, ни на чем не основано.

Мы не можем отказать себе в удовольствии задать анархисту Шрейеру несколько вопросов. Например: как он объясняет грехопадение такого противника марксизма, как Петр Кропоткин, которого он так тонко называет „бывшим" анархистом, и который теперь мечтает о победе России? Как он относится к анархисту Корнелиссену, который, по поручению французского правительства, поехал в Голландию, чтобы агитировать за ее участие в войне, как поступили и вожди французских синдикалистов, разделяющие платформу французской социал-демократии? Мы отказываемся от этих вопросов, которые заставили бы анархистов прикусить язык, и соваться в чужие дела не иначе, как предварительно удостоверившись насчет благополучия собственной партии. Для нас гораздо важнее разобраться в том, почему рухнул Интернационал, тогда как его основоположения создавали полную возможность международной пролетарской солидарности, несмотря даже на войну. Но чтобы ответить на этот вопрос, требуется специальное исследование.

(Arbeiterpolitik, I Jahrgang, № 4—5).

В сетях противоречий.

1.

Недавно один из наиболее выдающихся теоретиков немецкой социал-демократии выпустил под псевдонимом „Юниус" брошюру о кризисе социал-демократии. Оставляя, правда, неисследованными причины этого кризиса, свирепствующего уже около двух лет (тем же самым страдают, между прочим, и „основные положения" группы интернационалистов), он блестяще опровергает все те ничтожные аргументы, которыми социал-патриоты пытаются оправдать свою измену классовой борьбе и социализму.

Мы хотим остановиться здесь на том вопросе, который, естественно, затронут и автором, и который, по справедливому замечанию Карла Либкнехта, является основой всех вопросов, связанных с мировой войной,—на вопросе о защите отечества. Для Интернационала этот вопрос имеет огромное значение не только сейчас, во время войны, но и после заключения мира, когда придется подводить все военные счеты. Скажем сейчас же: к взглядам Юниуса по этому вопросу мы можем отнестись только критически. Точка зрения Юниуса расходится с мнениями представителей радикальных интернационалистов не только других стран, но и Германии, — например, с мнением Карла Либкнехта. Но что еще удивительнее, так это то, что Юниус, как мы убедимся впоследствии, беспрестанно противоречит сам себе. Мы хотим обнаружить эти противоречия автора не из полемических целей, а ради выяснения в высшей степени важного вопроса, поставленного выше.

Юниус вполне уяснил себе характер мировой войны. Де-

мократическая программа национальных объединений была программой прогрессирующего капитализма. „С тех пор, как империализм покончил с буржуазно-демократической программой, он распространился за пределы национальных границ, и, не взирая на национальные обстоятельства, стал программой международной буржуазиии". Юниус анализирует лозунги национализма, функции и реальное содержание которых стали противоположны самим себе в их прежнем значении. Юниус исследует империалистический характер войны до мельчайших подробностей. Исходя из положения мелких государств, он доказывает, что и они, будучи захвачены волной мировой войны, осуждены вести уже не национальную, а империалистическую войну, ибо в современных условиях война „неизбежно, совершенно механически, должна вырасти в процесс империалистического раздела мира".

Из этих положений Юниус делает совершенно неожиданные выводы. „Народ, капитулирующий перед внешним врагом, никуда не годится, так же как никуда не годится и партия, капитулирующая перед врагом внутренним. Об одном только позабыли люди, спасающие горящий дом (т. е. социал-патриоты К.Р.),— а именно о том, что в устах социалистов защита отечества означает нечто совсем иное, совершенно не соответствующее той роли, которую навязывает этой защите империалистическая война. Таким образом, мы не отрицаем защиты отечества, но понимаем ее совсем иначе". В чем же состоит это новое понимание? Юниус указывает на часто встречающиеся в истории примеры того, что господствующие классы, запугивающие массы вражеским нашествием, сами призывают это нашествие, когда им нужно подавить восстание в своей стране. Далее он пишет: „Если для господствующих классов иноплеменное нашествие было испытанным методом классовой борьбы, то для растущих классов обостреннейшая классовая борьба была еще лучшим средством против иноплеменного нашествия". Он подтверждает это примерами из жизни итальянских городов в эпоху средневековья; указывает на якобинцев, которые, чтобы разбить силы феодализма, направленные против революционной Франции, принуждены были вступить в решительную борьбу с французскими феодалами. В заключение он рас-

сматривает поведение социал-демократии в теперешней войне. „Должна ли она ставить вопрос так: „Война эта—империалистическая, а современное государство не представляет собою социалистического самоопределения народов, т.-е. идеального национального государства, и, стало-быть, нам нет до него никакого дела, и мы отдадим его врагу". Юниус отвечает на этот вопрос отрицательно: „Пассивное невмешательство никогда не должно быть правилом поведения революционной партии, какова социал-демократия". Он требует далее, чтобы социал-демократия вела самостоятельную политику. В чем же должна состоять эта самостоятельная классовая политика? Прежде всего, надо вплотную подойти к вопросу о самоопределении народов и о национальной самообороне. Первым шагом к этому является образование милиции, т.-е., между прочим, уничтожение всякого политического бесправия, так как широчайшая политическая свобода есть основная предпосылка национальной самообороны. „Социал-демократия должна прежде всего выкинуть лозунг действительных мер к проведению национальной самозащиты, требовать ее осуществления". По мнению Юниуса, против европейской реакции следует выставить старую, истинно национальную программу патриотов и демократов 1848 года, программу Маркса, Энгельса и Лассаля. То было знамя, достойное вести за собою страну. Оно было поистине национально, поистине демократично, и согласовалось как с лучшими германскими традициями, так и с международной классовой политикой пролетариата".

Такова точка зрения Юниуса. Прежде, чем перейти к критике его исторических гипотез, обратим некоторое внимание на следующие факты. За время многих и многих месяцев внутреннего развития решительной левой германской социал-демократии это развитие осталось почти совершенно незатронутым позицией Юниуса. Правда, в „руководящих положениях" группы Интернационала имеются легкие следы его позиции; но основное ядро этой группы не имеет с нею ничего общего. Точно так же обстоит дело и с прочими выступлениями решительной левой, не говоря уже об J. S. D. Как же могло случиться, что за двадцать месяцев своего развития левая все время проходила мимо программы Юни-

уса, хотя и сам он, и его друзья, ясно оказывали сильное влияние на это развитие? Дело в том, что эта программа есть чисто-историческая реминисценция и целиком противоречит всем основным линиям империалистической эпохи. Мы докажем это в следующей главе.

2.

Юниус сам определяет свою тактическую программу на время войны, как „построенную по образцу программы французских якобинцев". Всмотримся в нее повнимательнее. Якобинцы составляли левое крыло французской буржуазии времен великой французской революции. Состоя в своей массе из мелкой буржуазии и ремесленников, они боролись против феодализма гораздо энергичнее крупной буржуазии, связанной страхом за свое имущество и трепетавшей перед народным движением. Когда феодальные государства Европы, а с ними и феодальная французская эмиграция, предприняли свой поход против революционной Франции, то французские рабочие и мелкая буржуазия защищались с отчаянной храбростью: ведь, дело шло не только о завоеванных ими свободах, но и об улучшении социального положения, которого они ждали от революции. Для крестьян дело было в земле, отнятой революцией у феодалов землевладельцев и отданной им. В борьбе против иноплеменного феодализма якобинцы должны были уничтожить остатки феодализма у себя в стране. Война против внешнего врага черпала свои силы в гражданской войне, решительность которой обострялась внешней опасностью. Программа войны, вытекавшая из объективного положения вещей, была в то же время и той программой, которую якобинцы должны были принять в интересах своего классового положения.

Юниус взывает к теням революции 1848 г., к программе Маркса, Энгельса и Лассаля, вокруг которых, в свою очередь, витали тени титанов 1792 года. Припомним, что писал Маркс в „Новой Рейнской Газете" от 11 июля 1848 года („Литературное Наследство", том 3, стр. 114). В то время Австрия готовилась подавить национальные революции в Чехии, Италии и Венгрии. Часть буржуазных демократов приветствовала

Виндишгреца, как героя „пангерманизма". Маркс же возражал им, что в случае победы эти герои сейчас же станут душить всякую революцию, и германскую в том числе. Он предвидел, что побежденные чехи бросятся за помощью к царизму. А царизм уже давно был готов к походу на революцию. Таким образом, необходимо было предупредить его, что возможно было только путем распространения революции на восток. Именно, надо было поднять восстание в Польше.

В этой борьбе с жандармами реакции необходимо было развязать руки всем силам германского народа, тем силам, которые для успешности борьбы во вне должны были сокрушить всякое феодальное сопротивление изнутри.

Мы знаем, что говорил впоследствии Энгельс о программе „Новой Рейнской Газеты" 1848 г.; мы знаем, что писал Энгельс Лассалю во время австро-итальянской войны („Литературное Наследство", т. 4, стр. 185). Энгельс решительно выступал за войну с Россией, надеясь, что внешние затруднения приведут германскую революцию к внутренней победе. „Истинно-национальная программа патриотов и демократов 1848 года" родилась из сознания слабости буржуазной немецкой революции.

Поскольку прусское юнкерство было классом не отмирающим, а, наоборот, включенным в процесс капиталистической перестройки и приспособления; поскольку слабая и раздробленная мелкая буржуазия предала крестьянство, вместо того, чтобы опереться на него и выступить против феодализма; поскольку и представители этой мелкой буржуазии не действовали, а только болтали,—постольку Маркс и Энгельс пропагандировали борьбу с Россией, надеясь, что она пробудит сознание народных масс и тем самым даст революции победу. Но программа наших великих учителей осталась неосуществленной. Реакция отказалась ссориться со своим главным защитником,—царизмом.

Чтобы вынудить ее к этому, мелкой буржуазии нужно было победить ее, а для этого ей было необходимо обладать той самой революционной силой, которой ей как-раз и нехватало, и которая должна была явиться в результате войны. Маркс и Энгельс хотели повторить политику якобинцев; но царизм не переходил в общее наступление против всей евро-

пейской революции: он удовольствовался удушением ее в Венгрии. Ни отчаянного положения, ни немецкого якобинства не получалось. 1793 год повторен не был.

Политика Маркса и Энгельса села на мель, но, тем не менее, она была и революционной, и вполне реалистической политикой: царизм действительно был грозной опасностью для европейской революции; пропаганда войны с царским самодержавием была пропагандой революционного наступления, связанного с положительной программой республики,— программой вполне революционной по тому времени, когда социализм был еще неосуществим. Политика якобинцев была политикой буржуазной революции. Тем же самым была и программа Маркса и Энгельса. Как в том, так и в другом случае носителем этой программы была мелкая буржуазия. Пролетариата, как класса, обладающего самостоятельными историческими задачами, еще не было. Таким образом, исторической задачей революций и национальных движений была расчистка пути для беспрепятственного развития капитализма.

Вот мы и пришли к грехопадению Юниуса, т.-е. к вопросу о том, возможно ли „революционное действие по образу французских якобинцев“ в эпоху империализма.

3.

Первой предпосылкой якобинской тактики, которую впоследствии пытался применять и Маркс, было противоречие между странами, охваченными буржуазным переворотом, и странами, еще находящимися в периоде феодализма. Против того, что в настоящее время такое противоречие не играет ни малейшей роли, спорить не приходится. Как ни велики различия между конституциями Англии, Франции, Германии, Австрии, но ни одно из этих государств не представляет по отношению к прочим особого прогресса; различия их социально-политической структуры имеют характер не качественный, а чисто-количественный. Ни одно из них не является носителем какого-нибудь особого, нового социального принципа. Единственное из современных государств, могущее считаться отсталым в сравнении с прочими, Россия, даже

по мнению самого Юниуса не в состоянии стать угрозою для прочих; оно может принимать участие в войне лишь благодаря французским и английским деньгам, да и то не без труда. К тому же, Россия движется по путям капиталистического развития с такой быстротой, что оставаться угрозою для могущественных социально-политических образований Средней и Западной Европы она сможет очень недолго.

Противоречие, разделяющее всю Европу на два враждебных стана,—не противоречие между двумя социальными формациями, формацией передовой и формацией отсталой; это—противоречие чисто-империалистического характера, т. е. противоречие между социальными организациями, основные черты которых одинаковы, и которые борются друг с другом именно потому, что одинаковое капиталистическое устройство обеих ставит перед обеими одну и ту же цель,—цель „проникновения" в неразвитые страны и области. Отсюда следует, что ни в одном из европейских государств еще не было такого внутреннего переворота, который влек бы за собой необходимость войны, а стало-быть, что у пролетариата нет и не может быть военной программы. А у якобинцев и демократов такая программа была. Далее отсюда следует, что если война и ее последствия поставят в порядок дня вопрос о внутренних переворотах в том или ином из воюющих государств, или во всех этих государствах вместе, то цели этих переворотов будут не национальными, а интернациональными.

И, наконец, те изменения и революции, которые предстоят нам, будут не буржуазно-демократическими, а социалистическими.

Войны революционной Франции велись народными массами в интересах исторического прогресса: они были таковыми,—революционно-прогрессивными,—с самого начала. Современная же мировая война началась, как война империалистическая. Может ли ее характер измениться? Совершенно ясно, что нет; при этом совершенно безразлично, останется ли у власти буржуазия или кто другой. Война может кончиться, но нет на свете той силы, которая могла бы лишить ее империалистического характера. Однако, если бы в ходе

этой войны добился власти, например, английский пролетариат, и если бы ему пришлось продолжать войну с прочими государствами, то перед английскими рабочими стояла бы уже задача обороны победоносного социализма своей родины. Им пришлось бы преследовать не „истинно-национальную", а истинно-интернациональную цель — цель осуществления социальной революции в Европе.

Перед пролетариатом стоят интернациональные, социалистические, а не национальные, буржуазно-демократические задачи. И эти задачи не могут не быть социалистическими, ибо экономические условия уже созрели для социализма. Они не могут не быть интернациональными, ибо теперь уже не осталось ни одного крупного социального или политического вопроса, который мог бы быть решен в национальном масштабе.

Итак, исходным пунктом пролетарской политики по отношению к войне должно быть ясное понимание вопроса о защите отечества. Средством преодоления господствующих общих условий является новая тактика, сущность которой была отчетливо и подробно изложена еще до войны. Но, добившись победы, ни одна часть пролетариата не смогла бы удовлетвориться перестройкой родного дома: ей пришлось бы отдаться разрешению всех задач, поставленных империализмом. Иначе она была бы удушена в своем же собственном родном доме, хотя бы родной дом и был самой „единой" республикой, какую только можно себе представить. Мы обвиняем Юниуса в том, что он не учел всего этого, в том, что он выступает с национально-ограниченной программой в эпоху империализма. Тем самым он затемняет суть кризиса социал-демократии, он затемняет рабочему классу понимание его исторических задач. Ибо что стали бы делать с „истинно-национальной и истинно-прогрессивной" программой 1848 года французские рабочие? И, наконец, точка зрения Юниуса затемняет интернациональный характер кризиса, потрясающего на наших глазах весь мир: автор предлагает нам способ осчастливления немецких рабочих, но ничего не говорит об остальных.

Это значит, что на самом деле у Юниуса нет никакой перспективы общего развития. А потому его точка зрения

не может дать никакого ответа на вопрос, что же теперь делать Интернационалу. Исходя из правильных предпосылок, он, однако, запутывается в такой массе противоречий, что ему решительно нечего ответить на вопрос: как преодолеть кризис социал-демократии? Он оставляет рабочий класс без руля и без ветрил. Если бы пролетариат встал на точку зрения Юниуса, то он практически осуществил бы все ее теоретические заблуждения. Рабочая политика строится не на исторических ременисценциях, а на тех самых реальных фактах, которые не замечены Юниусом.

(Arbeiterpolitik, I. Iahrgang, № 6, 7, 8).

Государство, нация, империализм и социал-демократия.

1. Проблемы.

Перед войной казалось, что для рабочего класса Западной и Центральной Европы национальных вопросов больше не существует. Австрийцы и русские, у которых шум стоял именно вокруг этих проблем, вызывали сожаление. Было непонятно, почему пролетарии этих стран так много возятся с национальной комедией. Однако, мировая война поставила перед этими проблемами и пролетариат Центральной и Западной Европы. Допустим, исторически неверно объяснять крушение Второго Интернационала тем, что партиями овладела горячка национальных чувств,—но так или иначе, в современной идейной борьбе вокруг новой политики Интернационала каждая попытка столковаться начинается и кончается вопросом: все, мол, хорошо, но скажите, какова ваша позиция по вопросу о защите национальной независимости? Если так обстоят дела в среде рабочего класса тех наций, которые пользуются государственной самостоятельностью, то понятно, что народы Восточной Европы, еще в мирное время захваченные национальным брожением, были взбудоражены войной до самых глубин. Международный пролетариат должен выявить свою точку зрения по вопросу образования национальных государств. Вместе с тем, снова возникает и вопрос о возможности существования малых государств; вопрос об их восстановлении или включении в

в другие государства требует ясного ответа. На-ряду с тенденцией к присоединению областей с чуждой национальностью, более или менее отчетливо проявляется тенденция к объединению больших империалистических держав.

Для людей, у которых на все имеется готовый ответ, все эти вопросы разрешаются лозунгом: право народов на самоопределение. Однако, лозунг этот, если даже признать его правильным и выполнимым, может иметь только смысл требования, чтобы народам было предоставлено право самостоятельного разрешения всех вопросов их существования, чтобы никакая чуждая им сила не решала этих вопросов по своему произволу. Но этот всеспасающий лозунг ни слова не говорит о том, с каким именно решением этих проблем следует выступать социал-демократии, под какое именно знамя ей становиться.

Другие легкомысленные люди успокаиваются на том, что в наши дни судьбами народов управляет не их воля, а пушки, и что поэтому всякая проверка правильности приговора пушек есть не более, как ребячество. Зачем всем этим Куновым, Леншам, Виннигам, Когенам иметь свои „принципы", когда ревут пушки!

Тем не менее, иногда все же может показаться, что они более правы, чем Ледебуры и Гаазе, проливающие слезы над изнасилованным правом на самоопределение; ведь, каждый мыслящий рабочий чувствует, что в моменты таких великих исторических решений, перед какими ставит нас мировая война, нельзя довольствоваться пустой болтовней об общечеловеческих правах. Рабочий класс должен иметь свое исторически-обоснованное суждение и оценивать те или иные конкретные вопросы, лишь исходя из этого суждения. Те принципы, которых он должен держаться при разрешении национальных проблем, вытекают из осознания им своих международных интересов в данную минуту. Таким образом, прежде всего должен быть осознан общий характер исторической эпохи, ставящей перед пролетариатом его конкретные задачи. Выяснивши этот характер, мы найдем и путь к разрешению поставленных эпохой задач.

2. Образование национальных государств и социал-демократия.

а) Объединение Англии и объединение Франции.

В середине XIX века мыслители молодого европейского пролетариата сталкивались с национальным вопросом, как с вопросом о борьбе за национальную независимость Германии. Этот вопрос был остатком, пережитком той тенденции к образованию больших экономических территорий, которая начала проявляться с XV столетия, т.-е. с зарождения капитализма. „Буржуазия все более и более уничтожает раздробленность имуществ, средств производства и населения. Она сконцентрировала население, централизовала средства производства, объединила собственность в руках немногих. Неизбежным последствием этого была политическая централизация. Независимые провинции, связанные между собой почти только союзными отношениями, мелкие области с различными интересами, законами, правительствами и таможнями, были сплочены в единую нацию с единым правительством, едиными законами, едиными классовыми интересами, единой таможенной границей".

Так излагал Карл Маркс в „Коммунистическом Манифесте" 1847 года тенденцию к образованию „национального государства", в то время уже осуществленного в Англии и Франции. Тенденция эта опиралась на заинтересованность буржуазии в единой и обширной области производства и сбыта. Для английской и французской буржуазии того периода, когда государственность их еще складывалась, — сперва под руководством абсолютной монархии, а потом в процессе революции, — было вовсе не необходимо, чтобы все люди в пределах такой области, обычно замкнутой географически, говорили непременно на одном языке. Когда завоевание Ирландии оказалось выгодным английской буржуазии, то она не задумалась проглотить чуждую национальность ирландцев: с одной стороны, ирландские земли представляли большой интерес для сильно обуржуазившихся помещиков, а с другой — Англии внушало страх существование государства, находившегося у нее в тылу и

угрожавшего господству ее буржуазии на морских путях. Ни французский абсолютизм, ни французская буржуазия тоже не посчитались с немецкой национальностью Эльзас-Лотарингии, как и всего левого берега Рейна, которые казались им более удобной стратегической границей, чем Вогезы.

Вообще говоря, для молодой буржуазии дело было в образовании вовсе не национального государства, а государства вообще, которое могло бы служить ей орудием и средством ее развития. Если в Англии и Франции государство объединило людей, говорящих преимущественно на одном языке, то так случилось только потому, что во времена переселения народов отдельные племена стремились населять и целиком занимать области, представлявшие собою географические единства. Они поступали так не из убеждения в преимуществах будущего национального государства, а под давлением необходимости: естественные границы были наилучшими оборонительными линиями. Конечно, единство языка было важным моментом экономического развития: оно способствовало обороту. Но если оборот переступал границы языка, или если эти границы не оказывались в то же время и лучшей стратегической границей, то буржуазия всегда пыталась выйти из пределов даже самых образцовых национальных государств. Да и вообще понятие нации выработалось значительно позже, когда капиталистический способ производства действительно перепахал всю территорию государства и большинство населения стало принимать участие в политике.

Каково было отношение пролетариата к образованию национального государства в Англии и во Франции? Буржуазия только-что возникала,—централизованное государство как-раз и должно было служить ей опорой. Зарождающейся буржуазии соответствовал еще совершенно неразвитой рабочий класс, находящийся в эмбриональном состоянии. Он вербовался из крестьян, лишенных своей земли, из подмастерьев, потерявших надежду стать когда-нибудь мастерами, из кустарей, которые не могли кормиться на своем клочке земли и потому были принуждены работать на дому на эксплоатировавших их предпринимателей-капиталистов,

Что значило для них образование „национального государства"? Это значило, что вместо урегулированного непродолжительного рабочего дня ремесленника, вместо общего с мастером стола, вместо надежды на руку его дочери пришла фабричная промышленность и государство, наблюдающее за тем, чтобы рабочий как можно больше способствовал своим трудом поднятию „национального благосостояния". Это значило, что местные законы и обычаи сменились окостеневшим и холодным общегосударственным законодательством, заботившимся только об интересах буржуазии. Это значило, что с уничтожением внутренних таможен, с уничтожением городских границ, возникла конкуренция как на товарном рынке, так и на рынке труда; это значило, что начался усиленный рост налогов. Короче говоря, развитие национального государства было развитием самого капитализма, и первыми национально-государственными благами, с которыми пришлось познакомиться пролетариям Англии и Франции, были клейма бродяг, выжигавшиеся на их лбу, если они не хотели беспрекословно итти под капиталистическое ярмо. Немудрено, что пролетариат изо всех сил сопротивлялся всему этому процессу. Он не мог пускаться в радостный пляс перед колесницей исторически-неизбежного процесса, ибо буржуазия впрягла его в эту колесницу и, сидя на козлах, погоняла его кнутом и требовала быстрой рыси.

б) Объединение Германии.

В Центральной и Южной Европе,—в Германии, Австрии, Италии, — экономическое развитие замедлилось как-раз к тому времени, когда в Западной Европе начали образовываться „национальные государства". Начиная с XVI века, с того времени, когда была открыта Америка, и турки отрезали торговые пути с Востоком, главным торговым путем стал Атлантический океан, а страны, расположенные у Средиземного и Балтийского морей, оказались в арьергарде. В Италии торговля все более замирала; перед Австрией стояла задача обороны от турок, а в Германии интересы буржуазии были еще до того расколоты: одна часть ее жила тор-

говлей с Италией, другая склонялась к Востоку, а третья—к Фландрии и Англии.

Габсбурги, владевшие короной Германской империи, царствовали одновременно в Испании, Австрии и Германии и потому не могли сконцентрировать на задаче образования центральной германской власти всех своих сил. Ко всему этому реформация раздробила Германию на два лагеря. Еще не пришло время для образования единого германского государства, и исторический прогресс шел по пути образования малых немецких государств-княжеств, которые уничтожали особенности городов и провинций только в своих пределах. Слабость их позволяла все усиливающимся соседям превращать Германию в арену всевозможных войн. Хотя все это препятствовало капиталистическому развитию, но средневековые взаимоотношения не оставались в неприкосновенности: они окончательно разложились. Ремесло захирело, так как чужие мануфактурные товары убивали его; положение ремесленного пролетариата было жалкое; крестьяне, которых сгоняли с земли помещики, производившие все больше хлеба на вывоз, не находили применения своему труду ни в одной из отраслей промышленности. Ко всей этой нужде присоединились еще опустошения войн, картину ужасов которых можно найти в „Simplicissimus'e" Гриммельсгаузена.

Только в начале XIX века, когда Наполеон в своей борьбе против Англии попытался пресечь английский вывоз на континент, началось современное экономическое развитие Центральной и Южной Европы. Развитие новейшей машинной техники, праздновавшей в то время свои первые триумфы, проведение железных дорог,—все это крайне ускорило развитие экономической жизни. В Германии и Австрии возникает современная буржуазия, интересы которой требуют объединения Германии, образования современного государства с единой денежной системой, едиными законами и таможнями,—одним словом, господства германской буржуазии надо всей территорией германского хозяйства. Со времени образования таможенного союза проблема объединения Германии не сходит более с повестки дня. Какова была позиция германского пролета-

риата по отношению к этим стремлениям? Германский рабочий класс, самая сознательная часть которого все еще состояла из ремесленников, страдал не только от гнета развивающегося капитализма, но и от отсутствия капиталистического порядка. Отсутствие свободы переселения пережитки цехового строя, мозаичность законодательства,—все это лежало на рабочем классе тяжелым гнетом. Он давно уже забыл идиллии средневековой промышленной организации и вкусил всю горечь капитализма; он был лишен только той просторной арены борьбы, которую дает единое государство. Поэтому наиболее сознательные круги германского рабочего класса были вполне солидарны с национально-объединительными стремлениями буржуазии. Отсюда следует, что рабочие массы еще не были самостоятельно мыслящим и действующим организованным классом, и даже еще не выделились из всей массы граждан. Так обстояло дело и в 1848 году, и в шестидесятых годах, когда новый экономический подъем дал новую силу „национальному движению".

В 1848 году вокруг Маркса объединялся лишь очень незначительный кружок рабочих, и так же незначительно было число сторонников Лассаля и Либкнехта, когда они повели свою агитацию. Маркс прекрасно знал все национальные иллюзии, проникавшие рабочие массы. Он прекрасно знал буржуазный характер государства: отечество означало для Маркса не что иное, как капиталистическое государство, и так как власть в нем принадлежит не рабочим, то накануне революции он заявил в „Коммунистическом Манифесте": у рабочих нет отечества.

Несколько месяцев спустя он выставил лозунг единой и единственной Германской республики, т.-е. требование единства Германии в самой безоговорочной и последовательной форме. Но было ли это отказом от положений „Коммунистического Манифеста"? Нисколько! Маркс только понимал, что с космополитизмом Вейтлинга, смеявшегося над понятием национальности, как над изобретением буржуазии, и желавшего перескочить прямо из домартовской Германии в социализм, далеко не уедешь. Какой бы непродолжительной ни казалась в то время Марксу предстоящая эпоха буржуазного общества (она казалась ему гораздо короче, чем это

соответствовало тогдашнему положению вещей), но все же он говорит уже в „Коммунистическом Манифесте“: „На первых порах борьба пролетариата против буржуазии национальна, если не по содержанию, то по форме. Пролетариат каждой страны, конечно, должен прежде всего покончить с собственной буржуазией“.

В то время германская буржуазия еще не стояла у власти, общественный строй страны был юнкерским. Поэтому наследник буржуазии, пролетариат, еще не мог выступить на историческую арену: сначала буржуазия должна была выполнить свою задачу, т. е. покончить с феодализмом и раздробленностью страны. Но именно потому, что власть еще не была в руках буржуазии, она еще не могла окончательно обанкротиться в глазах рабочего класса (если даже ограничиться этим внешним моментом) и пользовалась у него большим авторитетом.

В среде пролетариата царили национальные и либеральные иллюзии. При таком положении вещей перед Марксом и его приверженцами открывалось два пути: приходилось либо ограничиться раскрытием буржуазного характера революции и проблемы объединения и оставаться на этой позиции, пока ход событий не поставит на повестку дня чисто-пролетарских вопросов; либо активно вмешаться в буржуазное движение, углубляя и расширяя его за его собственные пределы, используя каждую слабость, каждое колебание буржуазии в ее борьбе против феодализма, чтобы организовывать пролетариат в самостоятельный класс и готовить его к предстоящему в близком будущем (как думал тогда Маркс) самостоятельному захвату власти.

Первый путь был путем секты, путем такой пропаганды, которая могла оказать влияние только на незначительную часть рабочих; второй путь был путем действия, но в этом действии Маркс ни на минуту не опускал собственного знамени пролетариата. Он проповедывал в „Новой Рейнской Газете“ учение социализма со свойственной ему силой и яркостью, освещая все события с точки зрения интересов рабочего класса и самым резким образом критикуя политику буржуазии, сводившуюся либо к бессильной шумихе, либо к компромиссам с юнкерством.

На почве движения за буржуазно-национальное государство Маркс боролся со всеми буржуазно-национальными иллюзиями; он боролся за полную демократию, как за ту форму капиталистического государства, которая, при прочих равных условиях, дает пролетариату возможность легче всего достичь своих собственных целей. Образование самостоятельного буржуазного германского государства не было высшей задачей Маркса; но если образование такого государства было тем, чего требовала история, неизбежным историческим этапом, то авангард рабочего класса должен был употребить все усилия, чтобы добиться демократизации этого создающегося государства.

Объединение Германии было задачей буржуазии; борьба за демократию в процессе объединения была задачей пролетариата. Он должен был решать эту задачу в борьбе не только против феодальных, но и против буржуазных элементов, и, считая образование германского государства исторической необходимостью, против которой рабочий класс не мог бороться, так как это государство представляло собой арену его собственной борьбы, поле его собственной деятельности, Маркс не противился во имя какого-то высосанного из пальца „национального принципа“ и всему тому, что неизбежно вытекало отсюда. Он видел, что для придания прусско-германским государственным границам хотя какой-нибудь устойчивости, необходимо удержать в этих границах Польшу; он видел необходимость для Австрии сохранить свое юго-славянское, чешское население. Он смеялся и иронизировал по адресу тех, кто, подобно Бакунину, разбивали земной шар на кусочки во имя „национального принципа“, но он мог поступать так только потому, что он не был прислужником ни буржуазной, ни феодальной реакции: опираясь на исторический процесс образования германской государственности, он вел революционную борьбу за полную демократию, т.-е. за такую форму государственного устройства, в которой могли бы развиваться все народы. И если, с одной стороны, он холодно встречал реакционные стремления славянских народов, то, с другой стороны, он со всей яростью клеймил производимые реакцией насилия над ними. Достаточно напомнить статью в „Новой Рейнской Газете“ о бомбардировке Праги Виндшигрецом.

Исход борьбы 1848 г. показал, что германская буржуазия была слишком слаба, чтобы выполнить свою историческую задачу и преодолеть феодальную раздробленность Германии. Слабость буржуазии, причина которой в конечном счете состояла в преобладании мелкой собственности, обусловливала и слабость пролетариита: раз буржуазия была бессильна выковать германское государство, пролетариат не мог завоевать демократии. Чего не смогла сделать буржуазия, как класс, то было впоследствии совершено наиболее передовой частью дворянства вместе с крупной буржуазией: необходимость образования германской великой державы была настолько очевидна, что представителям дворянской бюрократии прусского милитаризма, одним словом, феодальным владетелям Пруссии, пришлось взять на себя задачу буржуазии, чтобы быть в состоянии сохранить впредь свое господство.

Но в результате объединение Германии (в сущности говоря, только части Германии) совершилось под реакционным руководством, и потому в империи, объединенной под главенством Пруссии, не оказалось места для демократии.

Поэтому Марксу и в голову не могло притти выступать в качестве телохранителя победоносной Пруссии, завоевывавшей на полях сражений единство германского государства. Он одинаково остерегался как недооценки исторического прогресса, каковым являлось образование Германской империи, хотя бы и под руководством Бисмарка (в чем заключалась ошибка Либкнехта), так и прославления прусских штыков, ставивших этот прогресс на службу реакционным силам (чем зачастую грешил Швейцер).

в) Государство с пестрым национальным составом и социал-демократия.

1871 год был концом той эпохи в истории Центральной Европы, которую неправильно называют эпохой „национальных войн". В действительности то была эпоха образования современной государственности. Дальнейшее развитие капитализма в Австрии, России и на Балканах еще ярче выявило сущность этой проблемы образования государства и выводов,

вытекающих из нее для рабочего класса. Капитализм окреп в рамках многонациональных государств, каковы Австрия и Россия, не вызывая тенденции к образованию особых национальных государств. Именно потому, что Австрия и Россия обеспечивали пестрой по своему национальному составу буржуазии единство экономической территории, законов и т. д., словом, единство всех важнейших условий капиталистического хозяйства,—буржуазия различных национальностей не стремилась к образованию своих особых государств. Борьба национальных буржуазных групп Австрии, производящая на поверхностного наблюдателя впечатление борьбы против государства, борьбы за его распад, была в действительности борьбой за государство: буржуазия каждой национальности искала средства, которое могло бы дать ей наибольшее влияние на государственную машину. И сколько бы теперь ни распространялось сказок о мнимых сепаратистских тенденциях чехов и русинов во время войны, все эти легенды не могут уничтожить того факта, что государственная спайка многонациональной буржуазии Австрии, созданная капиталистическим развитием, оказалась гораздо крепче, чем думали до войны. Объяснение этого явления тем, что Австро-Венгрия представляет собой географически-экономическое единство, безусловно нужно признать большой научной заслугой Карла Реннера, как бы ни относиться к другим его социал-патриотическим военным произведениям. Даже в России, где самодержавие не давало буржуазии чуждых национальностей никакого участия во власти (потому что не давало его и собственной буржуазии), а бюрократически-самодержавный режим препятствовал экономическому развитию, буржуазия окраин не проявляла стремлений к государственному обособлению. Как ни противоречит, в конечном счете, самодержавная форма государственного строя интересам буржуазного развития, она все-таки служила капиталистическим интересам: вместо того, чтобы бежать в леса и организовывать национальные восстания, буржуазия радовалась величине экономической территории, представлявшей такие богатые экономические возможности, и пыталась посредством „смазывания“ поддерживать движение расхлябанной царской машины.

Буржуазия не проявляла сепаратистских тенденций даже в моменты наибольшего подъема революционной волны 1905 года. Больше того: как только „конституция" позволила буржуазным идеологам, до революции выдвигавшим требование национальной независимости, стать представителями широких слоев буржуазии,—они отказались от этих требований. Такова, например, эволюция народовых демократов в русской Польше. Не расчленение России, а автономия, т.-е. самоуправление в пределах ее границ, уничтожение национального гнета,—такова была программа польской, немецкой, латышской, армянской и др. национальных буржуазий России. То, что обнаружилось во время революции, подтведилось и поведением буржуазии разных национальностей России во время мировой войны. Все буржуазные национальные восстания оказались баснями. Однако, не доказывает ли история Балкан, что национальное государство является формой господства буржуазии, ее целью? Борьба молодых буржуазных классов на Балканах—это несомненный пример стремления каждой отдельной буржуазии к господству и власти. Но тот факт, что сербская буржуазия вела войны за болгарскую часть Македонии, за албанский выход к Адриатическому морю, что болгары стремятся захватить не только Пирот, но и Ниш,—все это блестяще доказывает, что не национальные, а экономические и военные цели служат мерой буржуазных стремлений, что буржуазия пытается создать не национальное государство, а такое государство, которое было бы возможно более способно к экономическому развитию, т.-е. возможно более способствовало бы развитию капитализма.

Если история Австрии, России, Балкан так ясно обнаруживает это экономическое, а не национально-культурное существо государственных целей буржуазии, то не менее характерный свет бросает она и на отношение рабочего класса к вопросу о национальном государстве. Пролетариату Австро-Венгрии с самого первого его шага на арене мировой политики никогда не приходило в голову пожертвовать хотя бы одним днем борьбы этому стремлению к национальному государству, по видимости так тесно связанному с борьбой за демократию. Не раздробление Австрии на дюжину смехотворных микроскопических национальных госу-

дарств было его лозунгом, а демократизация Австрии, т.-е. такая форма ее государственного устройства, которая положила бы конец национальному гнету. Немецкая часть австрийского пролетариата, которая могла бы найти национальную опору в таком сильном государстве, как Германия, не обращала ни малейшего внимания на пропаганду австрийских пангерманистов. Правда, польские рабочие в Австрии, вожди которых проповедывали им по воскресным дням независимость Польши, на известной стадии своего развития поддались влиянию этих проповедей; но действительная, повседневная борьба их имела целью только демократизацию Австрии, завоевание социальных реформ и т. д. Могло казаться, что в русской Польше рабочий класс поставил себе целью завоевание государственной независимости. В период 1893—1903 г.г. польская социалистическая партия (ППС), стремившаяся сделать независимость Польши целью классовой борьбы пролетариата, несомненно имела в польском рабочем движении численный перевес. Но как только в рабочих массах начались действительные волнения, как только возникла подлинная массовая борьба, а не только пропаганда социал-патриотических интеллигентов, пытавшихся оформить идеологию масс,—так немедленно обнаружилось, что польский пролетариат ведет борьбу рука-об-руку с русскими рабочими, что он борется за республику, за демократическую автономию. Стало очевидным, что интересы польского пролетариата требовали не создания польского государства, а демократизации государства существующего, того самого, в рамках которого он проделал свое развитие. В ту эпоху,—это были годы революции,—в польском рабочем движении проводила свою диктатуру (по выражению „Przedswit'a", теоретического органа ППС), социал-демократия русской Польши, т.-е. та партия, которая с самого своего основания (1893 г.) осознала отношение пролетариата к национальной проблеме лучше, чем какая бы то ни было другая часть Интернационала.

Молодой балканский пролетариат выявил свое отношение к проблеме образования национального государства сравнительно поздно. Но уже на первой балканской конференции 1909 года он,—благодаря, главным образом, работам неза-

бвенного молодого теоретика сербской социал-демократии Дмитрия Туцовича,—понял, что в исторически неизбежном процессе образования буржуазных балканских государств на его долю выпадает защита интересов демократии. Пока буржуазия каждой из балканских стран пыталась захватить как можно больше территории,—что могло привести только к усилению милитаризма династий и к ухудшению условий грядущей классовой борьбы, балканские социал-демократы выставили лозунг федеративной балканской республики. Этот лозунг дал им возможность отмежеваться от буржуазии уже в самом процессе разрешения балканской проблемы. Не превращаясь в телохранителей буржуазии, они старались не препятствовать исторически-прогрессивному процессу и, опираясь на него, преследовали свою цель, самую важную для пролетариата в эпоху образования государственности: цель проведения демократии. Они были слишком слабы, чтобы осуществить свою программу, как и рабочие, объединившиеся в 1848 г. вокруг Маркса, были слишком слабы, чтобы осуществить лозунг единой Германской республики.

Однако, выставивши лозунг федеративной республики, балканские социалисты достигли двух целей: во-первых, они не оказались пропагандистской сектой, выкинутой за пределы борьбы, уже много лет сотрясавшей Балканы, а во-вторых, подняв свое знамя, они собрали вокруг себя часть народных масс, но собрали ее для своих собственных целей, предохраняя молодой рабочий класс от жалкой роли приспешника буржуазии.

г) Пролетариат и образование государства.

Мы кончаем первую часть нашего исследования. Нам остается в кратких словах резюмировать сказанное.

Буржуазное государство есть продукт капиталистического развития, та форма, в которой проявляется господство буржуазии, победившей феодализм, и в которой буржуазия находит орудие развития капиталистического способа производства. „Национальное государство", т.-е. государство с населением, говорящим на одном языке, никогда не было целью буржуазии,—она всегда стремилась только к закреплению за собой

наиболее выгодной в географическом и военном отношениях территории. Там, где ее интересы находили удовлетворение в рамках чужого государства, буржуазия не стремилась создать своего собственного. Пролетариат, как класс, сознающий свои собственные интересы, никогда не был государственно образующим фактором: в ту эпоху, когда на повестке дня истории стояло создание государственности, он находился еще в зачаточном состоянии. Поскольку уже в этом состоянии рабочий класс сознательно вел свою собственную политику, он, опираясь на исторически-прогрессивный процесс образования капиталистического государства, преследовал собственные интересы, добиваясь демократического устройства вновь образующейся государственной организации. Там, где пролетариат возник уже на почве существующего многонационального государства, — что само по себе уже доказывало, что рамки этого государства не препятствуют капиталистическому развитию, — он не гонялся за идеалом особого национального государства, а боролся рука-об-руку с своими товарищами по классу, говорящими на другом языке,—боролся за демократизацию сложного государства, за уничтожение национального гнета, мешавшего его культурному развитию и задерживавшего классовую борьбу для пролетариата многонациональных государств. Национальный вопрос был для пролетариата вопросом свободы культурного развития и демократии. Таким образом, для буржуазии государственная проблема есть проблема господства над производительными силами, при чем национальность носителей этих сил не играет никакой роли, а для пролетариата это есть проблема создания наилучших условий для классовой борьбы за социализм. Сознательный пролетариат никогда не был солидарен с буржуазией в национально-государственных вопросах.

3. В период империализма.

Мировая война, которая ставит перед нами так много новых вопросов, бросает новый свет и на старые проблемы. Это чувствуется всеми, кто не пытается из страха перед неизбежными выводами убедить самого себя в том, что великое мировое потрясение есть только незначительный пере-

рыв, случайный эпизод, после которого можно будет продолжать жить по-старому. Это чувствуют как социал-империалисты, так и левые радикалы.

Что касается проблем, занимающих нас в этой статье, то социал-империалисты указывают на два момента. Прежде всего они указывают на тот факт, что во время войны сила государств оказалась огромной. Государство справилось с вызванным войной потрясением народного хозяйства, перестроив его своей организационной мощью в систему военного хозяйства. Впоследствии оно снова переведет его на мирные рельсы, по возможности избегая новых потрясений и содействуя процессу организации производительных сил. Из всего этого социал империалисты делают тот вывод, что было бы бессмысленно начинать борьбу против государства и капиталистического строя: капитализм еще должен сыграть большую роль в интересах социального развития. It is a long way to Tipergry! — поют социал-империалисты вместе с Томми Аткинсом. Итак, долой утопическую политику классовой борьбы, альфу и омегу социал-демократии! Ибо государство само разрешит великую организационную проблему, а социалистам останется только путем постепенных реформ стремиться к тому, чтобы в этом процессе организации рабочий класс не оказался закабаленным, и чтобы созданная капиталистическим государством система была постепенно приноровлена к интересам всего народа. В этом переплетении интересов пролетариата и интересов непобедимого пока капитализма, перед которым стоят еще великие задачи, социал-империалисты видят исторические корни и историческое оправдание политики 4-го августа, поставившей пролетариат на одну платформу с капиталистическими государствами.

Левым радикалам уроки мировой войны представляются совсем в другом свете. Они рассматривают поведение рабочего класса во время войны, как результат оппортунизма, господствовавшего в предшествующую сравнительно мирную эпоху,—оппортунизма, который, из страха потерять уже завоеванные пролетариатом позиции, препятствовал приспособлению методов классовой борьбы к условиям империалистической эпохи и ограничивал борьбу с милитаризмом

платоническими протестами. Только этот отказ от всякой борьбы и позволил правительствам выдержать потрясения военного периода, которых все они опасались и, — как допускают буржуазные знатоки экономической жизни (напр., Пленге),—имели все основания опасаться.

Никакой попытки вступить в борьбу не было сделано, и организация военного хозяйства удалась. Что же это за организация? Она опирается на существовавшую еще до войны организацию промышленности, сконцентрированной в акционерные общества, картели, синдикаты и тресты. Военное хозяйство развивает их еще шире, не меняя ничего в их существе, оставляя их капиталистическими организациями, имеющими целью извлечение прибыли. Война чрезвычайно ускорит во всех странах этот процесс подчинения производительных сил руководству объединенных капиталистов. Если финансовые сбстоятельства и заставят капиталистическое государство взять некоторую часть производительных сил под свое руководство, ввести вместо частной монополии монополию государственную, то существо этой организации производства ни в чем не изменится. Государство станет капитализировать высокие прибыли частных фабрик, как ренту: руководствуясь финансовыми соображениями, которые и ведут к огосударствлению, оно останется с рабочими в старых отношениях, т. е. сохранит современные отношения между капиталом и трудом. Идея поддержки „организационного процесса" с целью добиться таким путем хороших условий труда для пролетариата, низких цен для потребителя и свободы организаций совершенно утопична. Политика 4-го августа, которую хотят продолжать и после войны, и которая так сильно укрепила государство капиталистов, равносильна капитуляции. Поведение профессиональных союзов по отношению к железнодорожникам, как нельзя лучше, подчеркивает этот факт и в то же время дает нам возможность заглянуть в будущее. Во время войны железные дороги являются еще более могущественным орудием власти, чем в мирное время. Немудрено, что государство с особой тревогой следит за тем, чтобы железнодорожники не принадлежали к таким организациям, которые требуют для своих членов права стачек. В настоящее время число железно-

дорожных рабочих и работниц, естественно, очень повысилось, при чем контингент их в значительной степени состоит из рабочих, которые до того были организованы в свободные профессиональные союзы. Таким образом, само собою разумеющееся для государства запрещение свободы стачек железнодорожников является тяжелым испытанием для профессиональных союзов. Вожди их были главным отрядом, проводившим политику 4-го августа: они доказали тем свою верность престолу́ и отечеству. Что же предпринимают они против запрещения стачек для железнодорожников? Они не могут предпринять ничего, потому что они добровольно сложили оружие. И они отказываются от организации железнодорожников в свободные профессиональные союзы с правом стачек, они приглашают их вступить в железнодорожные организации, не имеющие права бастовать. Естественно, что точно так же будет обстоять дело и в других монополизированных государством предприятиях, которые могут иметь какое-либо значение для государства, напр., в электропромышленности. Возможно, что для частных монополий запрещения свободы стачек не последует; но организованная мощь предпринимателей крайне затруднит использование этой свободы.

Поддержка пролетариатом организации производства через капиталистические объединения и капиталистическое государство означала бы в первую голову отказ от борьбы за социализм, не говоря уже о влиянии на борьбу за улучшение условий жизни. Результатом этого были бы обязательные третейские решения, без всякой возможности пролетарской борьбы, без каких бы то ни было боевых организаций. Итак, каков же наш вывод? Борьба против частной и государственной капиталистической организации производства? Но какую цель должна преследовать эта борьба? Возвращение к единичному самостоятельному предприятию?

Ясно, что это не может быть целью социал-демократии. Какова должна быть ее цель, — это покажет дальнейшее исследование организационной проблемы. Тот факт, что в доказательство мощи капиталистического государства и его все еще большой жизнеспособности социал-империалисты приводят именно его организационное вмешательство в про-

изводство, служит доказательством как-раз того, что в высокоразвитых странах государство уже выполнило свою историческую задачу содействия капиталистическому развитию. Могучие производительные силы разбужены и—в части, наиболее важной для общественного хозяйства,—уже организованы. Поскольку этого еще нет, напр., в производстве продуктов продовольствия, постольку задачи, ожидающие здесь своего разрешения, не могут быть решены государством. Правда, переход сельского хозяйства в руки государства, его национализация теоретически вполне соединима с капитализмом; но практически этот переход не удался бы по двум причинам: во-первых, в виду того, что техника играет в сельском хозяйстве не такую роль, как в промышленности; оборот капитала в сельском хозяйстве гораздо медленнее, надежды на растущую большими скачками прибыль гораздо меньше, чем в промышленности, и потому прилив капитала к нему недостаточен. Во-вторых, сельское хозяйство находится в руках класса, который, будучи обладателем средней и крупной недвижимости, является одной из важнейших опор капиталистического общества и, следовательно, представляет собой для государства нечто вроде „noli me tangere!“. Поэтому государство никогда не пойдет на организацию сельско-хозяйственного производства. Что касается государственных монополий, то, как выяснено уже выше, они не представляют собой никакого прогресса по сравнению с частно-капиталистической монополией. Таким образом, там, где механизм капиталистического хозяйства и его интересы мешают такой организации, как, напр., в сельском хозяйстве, государство не может ни количественно, ни качественно содействовать организации промышленности. Поэтому социал-демократия может содействовать организации производства только в борьбе с государством, только на платформе социализма, а рабочий класс—только тогда, когда в его руках будет политическая власть. И только тогда удастся ему избежать подчинения производящих слоев общества слоям непроизводящим. То, что социал-империалистам кажется причиной Мафусаилова века капиталистического государства, в действительности есть только его зрелость для перехода в социализм. Этот переход совершится тогда, когда рабочий

класс сделает практические выводы из взглядов на государство, теоретически давно усвоенных им: он совершится при таком отношении пролетариата к капиталистической организации производства, которое диаметрально противоположно теперешнему отношению социал-демократов.

Вот на какую точку зрения должен встать и встанет пролетариат всех стран.

Если какой нибудь Ленш мог с видимостью некоторого основания противопоставлять довоенную Англию, как страну „индивидуализма", Германии, как стране „организации", то теперь он может успокоиться, что более низкая степень трестирования и картелирования английской промышленности, обусловленная свободной торговлей, исчезает в ходе войны; если бы Англия не вступила на путь капиталистической организации производства, то выставить пятимиллионную армию, обмундировать и вооружить эту армию оказалось бы для нее невозможным. Мировая война ускорит тот же самый процесс и в других странах.

Этим устанавливается исходный пункт для отношения пролетариата к проблеме государства в эпоху империализма. В эпоху молодого капитализма, в эпоху возникающего капиталистического государства пролетариат, как мы видели, тоже не был государственно-образующим фактором. Правда, сознавая свои особые интересы, он все-таки не мог препятствовать экономическому и политическому прогрессу, выражавшемуся в образовании государств: подлинной классовой задачей пролетариата было только завоевание демократии в рамках образующегося государства. В эпоху же развитого капитализма, в эпоху организации им производительных сил пролетариат стремится за пределы капиталистического государства, к социалистической организации производства.

а) Империалистические задачи государства.

Социал-империалисты указывают на то, что империалистическое государство готово перерасти свои теперешние пределы. Его экономические силы взрывают государственные границы. Растущее производство ищет обеспеченных

рынков сбыта и источников сырья,—и это приводит к концентрации мира в великие империи. На-ряду с английской, русской, французской образуется центрально-европейская империя. Способствуя подъему производства, уничтожая границы внутри обширнейших областей, все эти империи являются фактором огромного экономического и политического прогресса. Колониальная политика этих колоссов распространяет капиталистические способы производства на весь мир. Противодействовать этому историческому процессу было бы ребячеством. Как организация производства в картели и тресты была предпосылкой социализма внутри капиталистических государств, так и империалистическая экспансия подготовляет социализм в мировом масштабе. Время социализма придет только после того, как капитализм победоносно пройдет по всему земному шару. Но пролетариат не должен противодействовать империалистическим объединениям, аннексиям и колониальной политике не только по этой причине. Пока не пробьет час социализма, судьба пролетариата будет зависеть от преуспеяния каждого из этих империалистических государств: заминка в сбыте, отсутствие подвоза сырья ведут за собой безработицу, необходимость эмиграции и, вместе с тем, падение рабочего движения в соответствующей стране.

И если Ленши кричат: „Германия—страна организации!", то они только повторяют клич буржуазных империалистов (достаточно прочесть „Mitteleurora" Наумана и „1789 und 1914" Пленга). А все удивительные открытия Куновых, Реннеров и Леншей, благодаря которым они прославляются, как гениальные люди, не только своими современниками Генишем, Грунвальдом, Когеном, Гейльманом, но и ими самими,—тоже просто списаны ими у Наумана, Рорбаха, Иека. Установление этого факта, разумеется, не избавляет нас от обязанности доказать неправильность подобных рассуждений.

Не подлежит никакому сомнению, что границы капиталистических государств стали так же тесны для развития производительных сил, как и сам капитализм. Но капитализм, не могущий избежать кризисов путем картелирования и трестирования, не может избежать их и путем империалистической экспансии. Производство не урегули-

ровано, и потому его рост постоянно обгоняет расширение рынка.

Идея всемирного капиталистического треста, который не только господствовал бы над каждой отдельной отраслью производства, но и распределял бы производительные силы в соответствии с потребностями человечества, совершенно утопична. Предпосылкой такой идеи является концентрация мирового капитала в руках одного человека; в противном случае каждое новое завоевание техники подстрекало бы капиталистов, стоящих вне отдельного концерна, на создание конкурирующих заводов. Но такое положение дел, при котором весь мировой капитал находился бы в руках одного человека, при котором мировое производство было бы совершенно сконцентрировано, и капитализм продолжал бы господствовать, при котором один или несколько капиталистов разрешали бы все гигантские проблемы социализма,— такое положение кажется неосуществимым даже самым отчаянным пессимистам социалистического лагеря.

Итак, в чем заключается историческая задача империй? Они не в состоянии организовать производство в масштабе мирового рынка. Наоборот, они стараются организовать его только в пределах собственных государственных границ, чтобы быть в состоянии диктовать жителям империи высокие монопольные цены, хотя расширение внутреннего рынка позволило бы эти цены умерить. Однако, монополисты стремятся именно к уменьшению расходов производства и к повышению цен на расширенном внутреннем рынке, которое позволило бы им, в целях успешной конкуренции, понижать цены на рынке мировом. Это значит, что ожидать от создания империй обеспечения сбыта бессмысленно. Никакая империя, как бы громадна она ни была, не удовлетворит себя, как рынок сбыта. Если она состоит из капиталистически развитых стран и отсталых колоний, то ей придется считаться с очень медленным развитием покупательной способности колониальных туземцев, в виду их отсталости и тяготеющей над ними эксплоатации. Если она состоит из капиталистически-промышленных и капиталистически-аграрных стран (как, напр., английские самоуправляющиеся колонии Канада, Южная Африка, Австралия и Новая Зеландия), то

ей придется считаться с тем, что каждая из этих аграрных стран заведет свою собственную промышленность. Но мало того: никакая империя не может обеспечить себе и подвоза сырья, если только она не охватывает полмира, что на продолжительное время немыслимо. Потребности всякой большой промышленной страны так велики и многообразны, что могут быть покрыты только всем земным шаром. А страны с запасами сырья, в силу географических и климатических условий производства, обычно характеризуются какой-нибудь определенной специальной культурой: опять-таки никакая империя не может предоставить им исчерпывающего рынка сбыта. Англия, владеющая Индией и Египтом, тем не менее, ввозит хлопок, главным образом, из Соединенных Штатов Северной Америки, а в это время английская Австралия вывозит хлопок в Германию. Мировое хозяйство есть единое и неразрывное целое. Историческим прогрессом была бы только его организация воедино. Империализм не проводит этой организации, он не может провести ее, потому что основой его являются конкурирующие друг с другом капиталистические группы, стремящиеся только к захвату по возможности больших кусков мирового хозяйственного целого.

Организованные таким образом империи отнюдь не являются чем-либо новым с точки зрения способов производства; они осуществляют только известное распределение уже существующих производительных сил. Нет никакого основания видеть в них исторически необходимые переходные ступени к социализму, экономические условия для которого уже созрели как в Западной и Центральной Европе, так и в Северной Америке и не требуют дальнейшего империалистического развития.

Однако, скажут нам, колониальная политика и развитие капитализма в колониях,—разве это не экономический прогресс? Конечно, европейский капитализм еще может содействовать развитию производительных сил в некультурных странах. Но делать это он может только при помощи капиталистических методов производства, на которых нам не зачем здесь останавливаться. Пролетариат не мог бы поддерживать этой политики, если бы даже время капитализма еще не прошло. Он не может поддерживать ее потому, что он не может

приложить руку к эксплоатации пролетарских масс. Моралистическая риторика!—заявляет господин Ленш. Однако, если бы европейскому пролетариату пришлось высказаться, напр., против рабовладельчества, то тем самым он тоже выступил бы на защиту только своих собственных, настоящих и будущих интересов. Ведь, само собой разумеется, что рабство в колониях может существовать только за счет пролетариата: оно создало бы ему конкурентов, приученных работать из-под палки за гроши; появившись на европейском рынке труда (а это было бы неизбежно), они понизили бы заработки европейских рабочих. И если сегодня пролетариат поможет превратить африканских и азиатских пастухов и крестьян в рабов, то как же сможет он впоследствии приступить к их организации, чтобы уменьшить их вредное влияние на условия его существования? Даже в том случае, если бы капитализм был единственно-возможной в настоящее время формой организации производства, пролетариат все же не мог бы поддерживать колониальную политику. И, разумеется, его задача заключалась бы не в платонических протестах против колониальной политики. Он должен был бы со всей энергией выступить на защиту интересов своих будущих товарищей по борьбе.

Но обязанность бороться с колониальной политикой тем настоятельней, что в Европе условия для перехода к социализму уже созрели. Заинтересованность пролетариата в колониальной продукции, которая сможет дать социалистическому хозяйству Европы и Америки многое из того, что само оно не будет в состоянии производить по климатическим условиям, не заставит его вести конквистадорскую политику: пролетариат будет оказывать неразвитым народам культурную помощь, он введет их в круг европейской цивилизации, не прибегая к кнуту и алкоголю.

Вся мировая история противоречит утверждению социал-империалистов, что пока неразвитые народы не пройдут через капитализм, они не достигнут социализма, и что даже европейские народы не смогут свергнуть капитализм, пока он не охватит всего мира. Культурные группы разных ступеней развития существовали всегда, и никогда не нужно было каждому народу пройти через все те ступени, которые

были пройдены другими. Капитализм царит в Европе, хотя в Африке имеются народы, находящиеся на ступени развития древних германцев. И капитализм стремится навязать им современные капиталистические способы производства, не спрашивая их, проделали ли они эпоху цехового ремесла и пр., или нет. Империалистические цели, которые ставят себе капиталистические государства как в Европе, так и в некультурных странах, — образование империалистических великих держав, развитие колониального капитализма,—не являются предпосылками социализма, как утверждают социал-империалисты. Наоборот, они представляют собой средства, к которым прибегает капитал, чтобы уйти от противоречий, вытекающих из его системы хозяйства, чтобы продлить свою жизнь. Поэтому они и не могут быть основанием для поддержки империализма пролетариатом.

б) Национальные проблемы.

Мы показали уже в первой главе, как мало заботился молодой капитализм о национальных границах, когда военные и экономические соображения требовали его расширения за пределы нации. Империализм же до крайности усилил стремление капиталистической буржуазии переступать национальные границы. Это стремление является главным фактором империализма, его основной тенденцией. Империализм начинается там, где буржуазия не удовлетворяется использованием рабочей силы собственных сограждан-пролетариев, привлечением в свою страну чужой рабочей силы, эксплоатацией чужих народов путем мирного вывоза товаров, и когда ее экономические силы выросли настолько, что она решается экспортировать капитал в чужие, еще не развитые страны, чтобы впоследствии установить в них свое политическое господство и использовать их народную силу и средства производства путем собственной государственной власти. Если в эпоху молодого капитализма выход за пределы национальных границ был результатом давления определенных географических факторов, то теперь он стал основным принципом империализма.

Этот принцип выражается в самых разнообразных формах.

Империалистические государства захватывают колонии, т.-е. страны, стоящие на такой низкой ступени развития, что у них нет собственной буржуазии, собственного капитала. Но так как национальное сознание есть продукт капиталистического развития и без него не существует, то вначале колониальная деятельность проявляется в форме национального угнетения, даже больше того: зачастую именно колонизационная деятельность и вызывает слияние самосознания отдельных племен в единое общенациональное самосознание. Конечно, это случается лишь в результате очень длительного процесса.

Выводя отсюда в своей брошюре „О национальном государстве и империализме", что обладание колониями делает империалистическое государство государством колониальным, но ни в коем случае не превращает его в многонациональное, Карл Каутский забывает о двух фактах, противоречащих цели этого утверждения.

Во-первых, экономическое развитие не может не создать в колониальных туземцах национального самосознания,—это только вопрос времени. Высший слой туземного населения Индии и Египта уже охвачен этим самопознанием, и колониальная деятельность начинает восприниматься там под национальным углом. Это должно поставить Британскую империю перед национальным вопросом. Точно так же сказывается положение и в голландской Индии. Но это еще не самое важное. Ведь, цель утверждений Каутского в том, чтобы установить, что национальное государство есть наилучшая и длительная форма капиталистического государства. Но и независимо от национального вопроса в колониях, лишающего государства национального характера, самый факт обладания колониями совершенно меняет сущность национального государства.

Франция представляет собою „идеальчейшее" национальное государство Европы. Однако, если бы она воевала из-за своих колониальных владений, то даже в том случае, если бы поражение грозило национальной самостоятельности Франции, французские пролетарии принуждены были бы, защищая независимость „своего" государства, тем самым бороться и за колонии, явившиеся поводом к войне. Ибо

если они вступят в войну под руководством господствующих классов, то цели этих классов лишат войну характера национальной обороны. Ведь, дело не в бесплодном вопросе о том, остается ли империалистическое государство „чисто" национальным, а в том, чем оно владеет, что оно защищает. Мы оставляем в стороне вопрос об исторической необходимости капиталистического государства на современной ступени экономического развития, уже разобранный нами вкратце.

До мировой войны считалось, что государственные преобразования, вызываемые империализмом, отразятся только на нецивилизованных континентах, на Африке и Азии. Однако, опыт войны показал, что если цели империализма и лежат вне Европы, то пути к ним все же ведут через изменения европейских государственно-политических отношений. Германский империализм сразу убедился, что все его внеевропейские успехи мнимы, пока английский флот продолжает господствовать на Немецком море, имея возможность в любой момент отрезать Германию от ее колоний и мировых рынков. Если германский империализм хочет действительной свободы торговли и расширения, то ему необходимо добиться „свободы морей", а для этого нужно расширить свою береговую линию, создать морские базы и усилить флот.

Поэтому выставление германским социал-демократическим партийным комитетом в его прошлогодних „руководящих положениях" принципа свободы морей, как цели германского рабочего класса, которая, однако, может преследоваться нами только путем мирного сговора, есть не что иное, как невыносимая чепуха. Если бы даже ЦК партии и был прав, то все же нельзя закрывать глаза на тот факт, что английский капитал никогда не откажется путем добровольного сговора от столь могучего средства господства, как возможность блокады самого опасного конкурента. Свобода морей означает прежде всего решение вопроса о будущности Бельгии и вместе с тем возникновение национального вопроса в сердце Западной Европы. В этом отношении тысячу раз прав Ревентлов, и если социал-патриоты бранят его, то только потому, что они сами заинтересованы в том, чтобы скрыть эти выводы. Но германский империализм

стремится развязать себе руки не только на Западе,—чтобы получить свободу действий, он должен обеспечить себе тыл и на Востоке.

Так возник вопрос о независимости Польши, т.-е. об ее независимости от России, как выразился недавно с бессознательно наивной иронией социал-империалист Генищ. Если этот вопрос будет разрешен в духе германского империализма, то и на Востоке возникнет и обострится новый национальный вопрос. Поскольку независимая Польша была бы внешним укреплением против России (германское правительство официально признало это), постольку Германия ни в коем случае не могла бы предоставить полякам решения всех тех вопросов, в которых в какой бы то ни было форме заинтересован германский империализм. И дальше, какое влияние будет иметь существование такой Польши на национальное движение и настроение в прусской Польше, какие последствия вызовет польское буферное государство в прусской политике? Все это составляет часть польского вопроса, как он понимается теперь германским правительством, по его собственному признанию. Польский и бельгийский вопросы, разрешенные в духе империализма, окончательно лишат Германию характера национального государства.

4. Позиция рабочего класса.

а) Социал-патриотизм.

Когда разразилась мировая война, то большинство партийных вождей Австрии, Германии и Франции, казалось, совершенно позабыло про все те международные опасности империализма, на которые они сами указывали до тех пор. В каждой стране они заявляли, что на эту страну напали без всякой вины с ее стороны, и что именно чужая, вражеская страна руководится империалистическим соображениями. Считая причины участия своей страны в войне не имеющими никакого отношения к империализму, они полагали, что вопрос об их партийной политике относится к совсем другой главе их учения, а именно, к главе о национальной обороне, признанной Интернационалом. Но вскоре

они перестали удовлетворяться этим аргументом и стали указывать на то, что́ именно они собирались защищать, а именно на национальное государство.

В первую голову с таким заявлением выступили социал-патриоты Франции, которая по видимости более других подходит к типу национального государства, если только прикрыть плащем патриотической забывчивости ее колонии. Хотя Германия и не может считаться „чисто" национальным государством, поскольку в ее состав входят поляки, французы и датчане, не говоря опять-таки о колониях,—однако, большинство германских партийных руководителей тоже стало на эту платформу и увенчало политику 4-го августа национальным знаменем. Буржуазия приветствовала эту политику, как возвращение блудного социал-демократического сына в отечественное лоно. Новорожденное социал-патриотическое направление возражало против таких приветствий. Оно указывало, что Маркс, Энгельс и Лассаль всегда были добрыми патриотами, что Интернационал всегда признавал существование наций и обязанность социал-демократии защищать их.

Какова была позиция Маркса, Энгельса и Лассаля на самом деле,—это мы видели уже в первой статье. Мы знаем, что утверждения Давида, Гениша и их челяди суть не что иное, как искажение действительности: Маркс и Энгельс имели достаточно исторического чутья, чтобы не признавать форму национального государства единственно возможной и пригодной для любой нации и не бороться за германское национальное государство, как таковое. Они боролись только за демократию, опираясь в этой борьбе на те течения, которые вели к образованию германского государства, в ту эпоху бывшего шагом вперед по пути исторического прогресса. Что же до того аргумента, что Интернационал всегда признавал существование наций, то это странное доказательство имеет не больше смысла, чем если бы Давид и Гениш захотели доказать, что Интернационал признавал наличность у человека рук и ног. Существование наций, как продукта исторического развития, и невозможность искусственного превращения человечества в анациональный людской агломерат есть никем не оспариваемый факт.

Вопрос заключается только в том, за какую форму национального сожительства должна теперь, в начале XX века, выступить социал-демократия передовых капиталистических стран. В середине XIX века Маркс, Энгельс и Лассаль считали национальное государство той государственной формой, которая больше всех прочих соответствовала развитию народного хозяйства и тем самым германского пролетариата; а так как они боролись за полную демократию не на словах, а на деле, то они и не падали в обморок, если условия развития национального государства заставляли включать в него и осколки других народов. То, что у Маркса и Энгельса было исторически-обоснованной точкой зрения, в руках современных социал-патриотов как по ту, так и по сю сторону Вогез терпит все новые и новые прорывы,—а это доказывает, что их позиция противоречит современным историческим тенденциям.

Если бы обязательность обороны Германии и Франции вытекала из того, что они являются национальными государствами, а национальное государство является необходимым условием победы социализма,—то пролетарии России и Австро-Венгрии могли бы не заботиться о своих государствах, поскольку они не только многонациональны, но и включают в себя раздробленные части национальностей, т.-е. разрывают нации на куски. Но французские социал-патриоты готовы сделать этот вывод только по отношению... к Германии, Австрии и Турции, расчленение которых на части они пропагандируют. Германские же социал-патриоты стремятся „освободить" нации, подчиненные России, если даже пролетариат этих наций не выражает ни малейшего желания быть освобожденным.

Напротив, французские социал-патриоты считают, что для победы социализма в России будет достаточно, чтобы там исчез национальный гнет и победила демократия. А оратор австрийского партийного большинства, Карл Реннер, высказывает убеждение, что „в борьбе государств география сильнее, чем национальность" („Oesterreichs Erneuerung", Wien, 1916, стр. 7). И вот австрийская социал-демократия всеми силами выступает на защиту Австро-Венгрии, представляющей собою смешение дюжины наций.

Этих фактов достаточно, чтобы понять, насколько серьезна болтовня чистых социал-патриотов о том, что принцип защиты наций есть основание для защиты государства. Ведь, социал-патриотизм требует от пролетариата защиты как строго национальных, так и национально-смешанных государств. Но этого мало. Если бы даже социал-патриотизм не требовал этого, если бы он, становясь под руководство буржуазии, содействовал победе только чисто-национальных государств, то все таки он не мог бы помешать победителю протянуть руки к тому призу, за который он боролся, т.-е. к колониям, а если того потребуют его экономические и политические интересы, то и к европейским областям, населенным чужими нациями. Чтобы избежать этих совершенно неизбежных выводов, социал-патриоты прибегают к искусственному маневру: они заявляют, что борются только за оборону отечества, но ни в коем случае не за аннексии, против которых они всеми силами протестуют. Но стоит полюбоваться на то, как мало эти протесты беспокоят буржуазию! Она вполне довольна одной готовностью социал-патриотов защищать отечество. Оно и понятно: буржуазии важно победить, а уж за последствиями дело не станет. И, конечно, соицал-патриоты не такие уж дети, чтобы не понимать этого. То, что вначале могло показаться недальновидностью отдельных лиц, теперь является тактическим маневром социал-патриотизма, как политического направления; он надеется, что, втирая народным массам очки насчет политики чисто-национальной обороны, ему легко удастся сохранить свое влияние на них.

Даже в эпоху молодости капитализма национальное государство ни в коей мере не было единственной формой его государственного развития. В эпоху империализма каждое капиталистическое государство стремится перерасти рамки одной нации,—хотя бы очень многочисленной,—и подчинить себе чуждые области. Проповедывать в это время расчленение капиталистического мира на национальные клеточки, указывать пролетариату на эту политику, как на единственно соответствующую его интересам,—значило бы считать предпосылкой социализма произвольный разрыв экономических связей. Это значило бы полагать, что социализм, т.-е. орга-

низация производства соответственно его естественным условиям и потребностям общества, может быть введен путем дезорганизации производства на основании фантастического „национального принципа". Противоречие между подлинными тенденциями развития и этой социал-патриотической идеологией настолько очевидно, что последней неизбежно приходится отрицать факты и скрывать их позаимствованиями у социал-пацифизма, чтобы, наконец, кончить его идеологическим антиподом,—чистым социал-империализмом.

Защищайте независимость страны!—взывают социал-патриоты. Но их крик наталкивается на неумолимый факт экономической зависимости каждой капиталистической страны от мирового рынка. Тогда они мигом дополняют свой первый лозунг вторым,—свободой экономического развития, и при этом заявляют, что стремятся к взаимному соглашению народов, которое обеспечит им всем совместную эксплоатацию колоний („открытые двери") и свободу подвоза („свобода морей"). Социал-империалисты отвечают им: вы выступаете на защиту независимости и целости страны,—это очень хорошо. Но ежели для безопасности страны в наше боевое время понадобится маленькое „освобождение" на востоке и небольшая „гарантия" на западе, то приходится, конечно, потребовать и их. Вы признаете заинтересованность германского пролетариата в „развитии колониальных производительных сил",—мы тоже. Ну, а если так, то эти интересы должны быть обеспечены; нельзя, ведь, предаваться иллюзорной надежде, что французские и русские капиталисты уничтожат таможни в своих колониях; ведь, англичане готовятся уничтожить в своих колониях существовавшую до сих пор свободу торговли. Значит, нужно иметь собственные колонии.

Вы хотите свободы морей? Но на чем держится несвобода их? На существовании большого английского флота, многочисленных английских опорных баз на всех морях. Кто поверит, чтобы Англия отказалась от всего этого? Если вы во имя интересов пролетариата стремитесь к свободе морей, то вы должны принять и те пути, которые ведут к ней: надо постараться парализовать английскую морскую мощь путем создания достаточно сильного германского флота, который

мог бы, опираясь на расширенную береговую линию, на завоеванные морские базы, предпринять борьбу с Англией. Значит, значит... Так поют социал-империалистические сирены.

Сколько бы ни протестовали господа Шейдеманы и Штампферы против всех этих выводов, сколько бы они ни ссылались на принципы социализма, это делу не поможет. Фактически они с первого же дня своего падения служат империализму, а теоретически они с тех пор, как стали в эпоху империализма на платформу отечества, ничего не могут выставить против империализма, кроме чистой демагогии. Но социал-империалисты, за которыми стоят не только самые логичные умы из числа творцов политики 4-го августа, но, что гораздо важнее, и вся профсоюзная бюрократия, и, что еще важнее, сама логика их точки зрения,—вряд ли будут долго допускать такую демагогию. Быть-может, тактические соображения заставят их еще на некоторое время примириться с влиянием социал-патриотов: так, недавно они голосовали за резолюцию партийной конференции. Но они недолго будут удовлетворяться подачками и, в конце-концов, возьмут социал-патриотов в ежовые рукавицы. Социал-патриотизм— это только агитационное средство, а суть его в социал-империализме. К нему-то и нужно теперь присмотреться поближе.

б) Социал-империализм.

В то время, как социал-патриотизм кладет во главу угла политики пролетариата оборону нации, защиту от угрозы национального расчленения и угнетения, социал-империализм исходит из совсем других точек зрения. Конечно, и он стремится использовать национальные инстинкты, чтобы замаскировать сущность своей политики, но суть дела заключается для него не в них. Социал-империалисты объявляют целью войны объединение Германии, Австрии, Болгарии и Турции, т.-е. объединение германских, славянских, венгерских и турецких народов в единую экономическую область Центральной Европы, несмотря на то, что со временем такое объединение не может не лишить объединившиеся народы их национальной самостоятельности. Высказываясь более или менее открыто в пользу аннексий, социал-империа-

листы приемлют вместе с тем не только уничтожение национального характера государства, но и насильственное связывание народов друг с другом. Правда, они обосновывают свою позицию национальными соображениями, а именно тем, что Германия может, якобы, избежать угрожающих ей со всех сторон опасностей только путем образования большого средне-европейского союза государств, но все-таки ясно, что все дело тут в создании более широкого базиса для империалистической политики, чем тот, которым может располагать одна Германия. Ведь, те опасности, которых социал-империалисты стараются избежать путем создания средне европейского союза, происходят не из простого факта существования Германии, а как-раз из ее стремления к империалистической экспансии. Средне-европейский союз и должен служить усилению германского империализма. Он должен стать внушительной военной силой, единой экономической территорией, которая могла бы повести успешную борьбу с такими колоссами, как английская и русская империи.

Включая в этот союз государств Турцию, германский империализм не только приобретает обширную область для своего экономического расширения, но и возможность оказывать давление на Англию, вынуждать ее к колониальным уступкам. В случае же новой мировой войны объединенная территория от Гамбурга до Багдада, хозяйство которой подготовлялось бы к предстоящей войне еще в мирное время, могла бы сопротивляться английской блокаде совсем иначе, чем это делается теперь. С таким именно историческим содержанием, а не с каким иным, родилась в огне войны проблема Центральной Европы. Все буржуазные защитники „средне-европейской идеи" без дальних слов соглашаются с этим: им прекрасно известно, что именно империалистический характер такой цели войны создает ей популярность в буржуазных кругах и, мало того, единственную возможность проведения ее в жизнь: династические и бюрократические элементы, которым будет принадлежать первое решающее слово, могут быть лишены части своей теперешней власти только в силу тех трудностей, на какие рискует натолкнуться их империалистическая политика, если они и впредь будут самостоятельно руководить ею.

Чтобы подсунуть эту средне-европейскую программу рабочим, социал-империалисты пытаются затушевать ее характер. Стараясь скрыть ее истинное происхождение ореолом гарантий от грозящих нации опасностей, они заявляют: Центральная Европа должна служить не империализму, а свободе международных сношений. „Наш ответ как политикам военного насилия, так и политикам национальной экспансии гласит: руки прочь! Обсуждайте дело, как чисто-экономическую проблему!", — воскликнул вождь австрийских социал-империалистов господин Реннер на конференции немецких социал-патриотических организаций, созванных 9-го января 1916 года для обсуждения проблемы Центральной Европы.

Иностранный империализм и политика насилия имеют целью угнетение, а программа Центральной Европы, видите ли, имеет в виду „свободный союз" Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. „Это не империализм, а нечто совсем другое",—заявляет Реннер („Попытки экономического сближения Германии и Австро-Венгрии", Берлин, 1916, изд. „Vorwärts", стр. 22). Господин Реннер слишком умен, чтобы мы могли поверить его рассуждениям. Реннер очень хорошо знает, какие изменения географической карты Балкан готовятся. Кто поверит, что „свободный союз" откажется от теперешней империалистической политики, как только получит силу и возможность провести ее в жизнь! Это так явно противоречит здравому смыслу, что вряд ли приходится полемизировать против такого аргумента.

Главная цель германского империализма, осознавшего во время войны необходимые условия своего развития, это— программа Центральной Европы, за которую высказываются все социал-империалисты. Но она—не единственная его цель. Германский империализм отнюдь не удовлетворяется мирным расширением на Ближнем Востоке, которое обеспечивается ему этой программой; он стремится и к африканским колониям. Господа социал империалисты следуют за ним и в Африку. Статьи Зеверинга и Ленша распространяются „Обществом колоний", как пропагандистские листки, а господин Носке, этот, с позволения сказать, главный специалист социал-империалистического лагеря по колониальным вопросам, высту-

пает в „Die Glocke“ со всеми аргументами колониальных политиков за необходимость колоний для Германии.

Но кто хочет колоний, кто хочет вести империалистическую политику, тот должен признать и необходимость вооружений на суше и на море. Так они и делают. И не только для будущего. Господин Квессель восхваляет в „Sozialistische Monatshefte“ создателя германского флота Тирпица и кается, что социал-демократия до сих пор вела иную политику. Но если принять во внимание возможность новых войн и необходимость подготовки к ним, то приходится признать и экономическую подготовку на случай войны; и вот господин Калиский восхваляет германскую покровительственную таможенную политику, давшую Германии возможность блестяще справиться во время войны с продовольственным вопросом. Покровительственная политика всегда и во всем! В будущую войну она обеспечит Германии самоснабжение.

Таким образом, социал-империализм—это законченная и последовательная политическая система, как в целом, так и во всех частях противоположная той политике, которую до сих пор вела социал-демократия. Социал-патриотизм пытается доказать, будто дело идет только о преходящем состоянии, которое вызвано войной и окончится вместе с нею, а социал-империализм открыто и ясно заявляет: нет, после этой войны возможны новые мировые войны, так как империалистическую политику необходимо продолжать; мы должны готовиться к этим войнам; рабочий класс должен поддерживать буржуазию и после войны.

Мы уже рассмотрели аргументы социал-империалистов, их утверждение, что экономическое развитие еще не созрело для социализма, что путь к социализму и впредь будет лежать через империализм, и что поэтому рабочий класс должен оказывать империализму поддержку. Поэтому нам больше не зачем останавливаться на вопросе об обосновании социал-империалистической политики. Рассмотрение ее последствий тоже не займет много времени.

„Перед социал-демократической рабочей партией... встает задача по возможности предупредить вредные последствия империализма, использовать в интересах пролетариата все те экономические новообразования, из которых можно из-

влечь какую бы то ни было выгоду для рабочих, усовершенствовать пролетарские организации, и, если нужно, перестроить их соответственно новым целям,—одним словом, провести рабочий класс через новый период развития, по возможности сохраняя его физическое и культурное благосостояние". Так определил задачи пролетариата Генрих Кунов в своей брошюре „Parteizusammenbruch" (стр. 19), являющейся теоретическим обоснованием социал-империализма. Мы уже видели, как думает решить эту задачу социал-империалистическая программа: покровительственные пошлины, расходы на вооружение в мирное время, участие в новых войнах в будущем,—все это называется предупреждечием со стороны рабочих вредных последствий империализма. А поскольку соединять проповедь разделения народов путем протекционных пошлин и вооруженной подготовки к новым войнам с проповедью братства народов невозможно, постольку социал-империалистическая программа ведет нас к длительному раздроблению сил международного пролетариата.

Но так как нет такого государства, весь рабочий класс которого целиком поддержал бы эту программу, то, следовательно, она ведет к расколу рабочего класса и в национальном масштабе. Практика последних двух лет ясно показывает, что это не фантазия, а печальная действительность. Даже слепому ясно, какую политическую силу сможет представлять собою такой „благополучный" рабочий класс. Если бы эта программа была принята большинством пролетариата, то он был бы обречен на бессилие и выдан с головой империализму со всеми его последствиями. Поэтому социал-империализм есть не только измена социализму, но и измена элементарнейшим будничным интересам рабочего класса. Социал-империалисты смеются над нами, как над мечтателями, которые за грезами о далеком будущем не видят насущных интересов пролетариата. Но на самом деле именно они предают эти интересы классовым врагам пролетариата и вполне заслуживают соответствующего к себе отношения.

в) Социал-пацифисты.

Последствия как социал-патриотической, так и социал-империалистической политики настолько ясны, что многие

из старых партийных вождей оказались не в состоянии так быстро переучиться и забыть все то, что знали раньше. Они попытались найти опорный пункт в старой пацифистской точке зрения Интернационала.

Старый Интернационал прекрасно понимал несогласуемость интересов рабочего класса и империалистической политики. Во многих своих резолюциях он неоднократно призывал пролетариат к борьбе против империализма. Но такая борьба предполагает прежде всего знакомство с целью, которая преследуется. Необходимо точно знать, какое именно состояние было бы желательно на месте существующего положения вещей. Цель определяет и средства борьбы. Второй Интернационал указывал на такую цель: организация международного, то-есть, в сущности говоря, междугосударственного правопорядка. В наше время все крупные столкновения между государствами разрешаются силой. Если два государства точат зубы на чужое добро, то оно достается тому, кто сильнее. Если сильный и уделит слабому кусочек, то лишь постольку, поскольку этот слабый все-таки может причинить ему беспокойство, т. е. только в меру его силы. Тут даже не требуется, чтобы они непременно вступили друг с другом в войну. Достаточно, чтобы они показали друг другу свою мощь, напомнили друг другу о своей армии. Решения третейского суда допускаются лишь в таких делах, из за которых не стоит ссориться. Для этой цели и создан в Гааге третейский трибунал, крестным отцом которого был царь.

И вот буржуазные друзья мира (их называют пацифистами, от латинского слова „pax", что значит мир) стремятся к тому, чтобы третейским трибуналам были подсудны все споры государств. В таком случае можно будет отказаться от вооружений.

Второй Интернационал усвоил себе буржуазную пацифистскую программу. Он требовал введения третейских судов, решения которых были бы обязательны для всех, постепенного сокращения вооружений с целью окончательного разоружения в будущем, установления международного права, на основании которого выносились бы решения третейских судов. От буржуазных пацифистов Интернационал отличался

только тем, что те ждали достижения этой цели от добровольного соглашения буржуазных правительств, а Второй Интернационал возлагал свои надежды на классовую борьбу, на давление организованного пролетариата.

Мировая война показала, как иллюзорны надежды на постепенное „убеждение" и на „добрую волю" буржуазии. Буржуазия каждого государства стремилась к возможно большему участию в эксплоатации мира, и так как ни одна буржуазия не доверяет прочим, то им и не оставалось ничего иного, как попытаться разрешить все свои споры войной. Значительная часть старого Интернационала, в свое время очень рассчитывавшая на рост миролюбивых элементов в буржуазной среде, и сейчас не видит необходимости поглубже всмотреться в причины крушения своих надежд; наоборот, она вновь строит их на старых развалинах. Она полагает, что война несет с собой такое опустошение и взваливает на плечи всех народов такое бремя, что они, наконец, поймут, какое невыгодное дело война. Среди буржуазии очень усилится стремление к устойчивому международному правопорядку, а пролетариат всеми силами поддержит эти пацифистские устремления, и тогда из мировой войны выйдет объединенная Европа, Европейские Соединенные Штаты.

Эту песню про постоянный мир поют не только социал-патриоты всех стран, пытающиеся примирить пролетариат с ужасами войны, продолжающейся вот уже третий год, но и противники войны, так, напр., представители центра германской партии Гаазе, Каутский, Ледебур, независимая рабочая партия Англии и другие товарищи, настроенные против войны, но не желающие видеть, какой час пробил.

Их расчеты в корне неправильны: совершенно неверно, что мировая война выгодна не для всего капитала. Война давит и уничтожает мелких капиталистов, многих средних ставит в затруднительное положение и взваливает невероятно тяжелое бремя на спину рабочих и мелкой буржуазии. Но крупные фабриканты, финансовый и крупный торговый капитал зарабатывают миллиарды на поставках, на размещении займов, на торговле предметами первой необходимости и пр. Недавно Штейнман-Бухер, экономист центрального объедине-

ния германских промышленников, доказал, что капиталистам война очень по вкусу. Но пацифисты из наших рядов говорят: зато после войны окажется, что чрезвычайно возросла мощь американского капитала, что рабочий класс больше не допустит, чтобы на его спину взваливалось все бремя. Если теперь капиталистам война по вкусу, зато последствия войны им будут очень солоны. Конечно, молодой американский капитал делает в эту войну блестящие дела, но до этого времени он был в большом долгу у Европы: во все железные дороги и шахты Америки вложены громадные европейские капиталы. Если этот долг будет уплачен, то это будет для Америки большим шагом вперед, но до преобладания над Европой ей еще далеко. Однако, если бы это и случилось, то крупные европейские капиталисты соединят свои капиталы с американскими, чтобы отстаивать свои интересы под флагом американского „отечества". А что касается второго аргумента, т.-е. того, что после войны восстанет европейский пролетариат, то это усилит ненависть капитала не к войне, а только к пролетариату.

Но, может-быть, пролетариат сможет добиться международного правопорядка даже против воли буржуазии. Здесь мы подходим к главному вопросу, — к вопросу о возможности мирного капитализма, к вопросу о выполнимости пацифистской программы вообще. Пацифистская программа предполагает, что пролетариат может заставить буржуазию перейти к мирной системе, не обладая достаточной силой, чтобы вырвать из ее рук кормило власти и устранить капитализм; ведь если бы он обладал такой силой, то он не стал бы мучиться, заставляя буржуазию обходиться без войны, а просто уничтожил бы причину всех войн — капиталистическую конкуренцию.

Если это так, то буржуазия будет продолжать господствовать и после такой пацифистской революции, будет и впредь расширять свою власть над отсталыми странами, чтобы эксплоатировать их население и расхищать их естественные богатства. Да, так оно и будет,—не раз соглашался Каутский, главный теоретик социал-пацифизма. Но если буржуазия останется у власти, то останутся в силе и законы ее развития. А эти последние заставляют каждую капиталистическую

группу стремиться к возможно большей прибыли. В погоне за ней крупный капитал пожирает мелкий.

В области внешней политики это положение означает, что крупные капиталисты Германии, Франции, Англии, России не будут иметь никаких оснований открывать свои колонии капиталистам Швейцарии, Голландии, Партугалии, Бельгии и допускать их к участию в эксплоатации Китая или Турции. И если у них разыграется аппетит по отношению к колониям малых государств, то чорта с два станут они беспокоиться о международных правах, в особенности, если эти колонии дают такую прибыль, как голландские, или обещают так много, как бельгийское Конго с его медными рудниками Катарга, или португальская Ангола с ее громадным колонизационным фондом! Кто станет заботиться о том, чтобы великие державы с ч и т а л и с ь с завоеванными пролетариатом правами народов? Уж не сделаться ли пролетариату хранителем права малых государств на эксплоатацию „их" колоний?

Но перейдем к взаимоотношениям между самими великими державами. Допустим, что под давлением пролетариата они согласятся уравнять свои колонии и предоставят друг другу равные условия эксплоатации отсталых стран. Если через несколько лет давление пролетарских армий ослабнет, а германский капитал окажется сильнее французского или американский сильнее английского, то почему бы им не попробовать опрокинуть международные постановления? Да, отвечают социал-пацифисты, но капитал не всегда будет разделен на государства, капиталы разных государств все более переплетаются между собой, германский капитал работает в Англии, английский в России и т. д., национальные картели постепенно превращаются в международные мировые картели. Все это, однако, одни разговоры.

Мировая война как раз показала, что переплетение и родственные связи капиталов слишком незначительны по сравнению с их общей массой. После войны конкуренция и экономическая борьба обострятся еще более. И если картели приходят к соглашению о ценах и о разделении мира на части для его эксплоатации, то все это только исключения, создающие перемирия, за которыми следует еще более

ожесточенная борьба. Каждый случай получить для себя особую прибыль дает части мирового картеля повод нарушить соглашение. Для того, чтобы мировые картели действительно привели к прекращению конкуренции между картелями отдельных стран, нужно, чтобы в их руках находился вес мировой капитал, чтобы капиталу, стоящему вне мирового картеля, не было никакой возможности конкурировать с ним. Но нелепо думать, чтобы пролетариат потерпел такую полную концентрацию мирового капитала в руках нескольких человек.

Вся пацифистская программа социалистов исходит из предпосылки, что пролетариат будет в состоянии заставить капиталистов держаться системы мира, созданной под давлением рабочего класса, но не будет в состоянии вырвать у них власть. Это—явная бессмыслица. Если пролетариат будет достаточно мощен, чтобы навязать капиталистам систему мира и заставить их неуклонно следовать ей, то он найдет в себе достаточно сил и для того, чтобы покончить с капитализмом, перейти к социализму и с корнем вырвать причины войны.

Если пролетариат слишком слаб для социалистической революции, то и вся пацифистская программа — полная и невыполнимая утопия. Если же он созрел для социальной революции, то смешно требовать от него, чтобы он покорно нес ярмо капитализма и равнодушно смотрел, как в это ярмо впрягаются все новые и новые народы, следя только за тем, чтобы дело не дошло до войны. Мирная программа Второго Интернационала была только мечтой о мире, мечтой пролетариата, чувствовавшего себя слишком слабым, чтобы действительно бороться за мир. Он и не боролся, а только демонстрировал в пользу мира. Кто снова подогревает подобную программу, тот или не верит в возможность дальнейшей борьбы за мир, или ставит перед ней ложную цель, вводящую в заблуждение. Длительный мир капиталистических государств—пустая утопия.

Итак, социал-пацифистская программа, рисующая картину мирного капитализма и приглашающая пролетариат к союзу с якобы-миролюбивой частью буржуазии, только затуманивает в глазах рабочего класса действительное положение

вещей и укрепляет в нем реформистские тенденции, вызвавшие крушение Второго Интернационала. Но этим не исчерпывается существо социал-пацифизма. Не выходя из рамок капитализма, он принужден защищать капиталистическое государство, покуда не сложился „международный правопорядок". И действительно, Бернштейны, Гаазе и др. заявляют: да, мы противники войны, мы стремимся к преодолению войны путем соглашения государств между собой, но пока каждое из „отечеств" не обеспечено таким пацифистским правопорядком, до тех пор оборона обязательна.

Таким образом, социал-пацифизм становится мостом к социал-патриотизму. Когда война кончится, социал-пацифизм станет тем знаменем, вокруг которого соберутся господа социал-патриоты всех стран для борьбы против интернационализма. Они не смогут защищать войну, как постоянную политику, а потому они заявят: теперь мы сообща заботимся об организации мирных учреждений, чтобы не попасть в новое неприятное положение и не быть вынужденными воевать друг с другом. Тогда они начнут громить империализм и систему вооружений, тогда они снова поднимут знамя мира, запутывая и усыпляя пролетариат, чтобы еще раз предать его, когда карточный домик пацифизма снова рухнет.

Конечно, не может быть и речи о том, чтобы такие люди, как Каутский, Ледебур, Гаазе, Бернштейн, Филипп Сноуден или Модильяни, защищающие социал-пацифистскую программу,—одним словом, чтобы весь центр Интернационала играл роль укрывателя социал-патриотизма сознательно. Они глубоко убеждены, что служат интересам пролетариата и борются против социал-патриотизма. Но в политике решающее значение имеют не намерения, а дела. Дела же социал-пацифизма именно таковы, как мы их изобразили.

(Arbeiterpolitik, I. Jahrgang, №№ 11, 12, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 24).

Трагедия 21-го октября.

Если буржуазная и социал-патриотическая пресса не может оценивать покушения товарища Фридриха Адлера на австрийского президента министров иначе, как поступок сумасшедшего, то рабочий класс заинтересован в том, чтобы понять истинные причины, заставившие спокойного, отнюдь не экзальтированного борца взять в руки револьвер. Тут дело не в пустом любопытстве, даже не в жгучей потребности вскрыть истинные причины этого поступка и защитить человека от всех упреков, которые бросаются ему не только буржуазной прессой, но и Штампферами и Аустерлицами. Раскрытие внутренних мотивов поступка Фридриха Адлера вскроет вместе с тем и их политическое значение.

Если бы трагедия 21-го октября удовлетворительно объяснялась всеобщей военной нуждой или особыми политическими и экономическими обстоятельствами Австрии, то нам не пришлось бы обращаться к вышедшему в декабре 1915 года манифесту австрийских интернационалистов, в составлении которого участвовал и Фридрих Адлер: было бы вполне достаточно буржуазных и социал-патриотических источников, прошедших через венскую цензуру.

За неделю до покушения Гуго Ганн, многолетний венский корреспондент „Frankfurter Zeitung“, телеграфировал в эту газету: „От народа, с которым обращаются, как с немым и несовершеннолетним, не приходится ожидать жертв, требуемых тремя ужасными годами войны. Нельзя загонять внутрь организма яд, накопившийся в стране в течение трех лет“. За день до покушения венская газета „Arbeiterzeitung“ писала: „Граф Штюргк парит на такой высоте, которая

избавляет его от необходимости следить за настроениями и волнениями народа, не говоря уже о том, чтобы считаться с ними. Порицание не доходит до него, критика превращается в белое пятно, политические требования не смеют провозглашаться вслух. Мы не знаем, дойдет ли до него наша жалоба; однако, в праве ли ответственный государственный деятель отмахиваться от вопроса о том, может ли долго продолжаться положение, при котором отношения между правительством и народом характеризуются неограниченной властью на одной стороне и разъедающим чувством совершенного бессилия на другой, и, главное, приличествует ли такое положение государству".

Состояние, охарактеризованное в этих выдержках, лишенных каких бы то ни было „разрушительных" тенденций, само по себе отнюдь не объясняет нам, почему Фридрих Адлер взялся за револьвер. Объяснение это не может быть найдено и в характере товарища Адлера, отличавшегося темпераментом спокойного ученого. Объяснение лежит только в тех особых условиях, в которые поставлена австрийская социал-демократия, и в которых Адлеру пришлось бороться за дело Интернационала.

Когда разразилась война, то австрийская социал-демократия, разгромленная и раздавленная, лежала без сил. От чешской социал-демократии, разъеденной национализмом, ожидать борьбы за Интернационал, разумеется, не приходилось. Польские и русинские социал-демократы искони были настроены социал-патриотически. Немецкая социал-демократия Австрии уже много лет находилась в плену у оппортунизма. Ее вожди или давно лишились способности вести самостоятельную политику благодаря непрерывным компромиссам с правительством, или были прикованы к буржуазии своим патриотизмом, отчасти великогерманского (Лейтнер, Пернерсторфер, Аустерлиц), отчасти черно-желтого (Реннер) типа. Ко всему этому присоединилась еще и политическая несамостоятельность рабочего класса, гораздо более значительная в Австрии, чем где бы то ни было.

В 1904 году Фриц Аустерлиц писал по поводу конфликта в германской партии, что в австрийской партии обществен-

ного мнения нет. Так обстоит дело и по сей день. Борьба национальностей не только мешает рабочим принимать участие в политической жизни, но и до чрезвычайности затрудняет ее понимание. Политика делается горсточкой руководителей, обсуждающих свою тактику в кафе и фракционных кабинетах. Дискуссии по организациям и в прессе на политические и тактические темы чрезвычайно редки. Мудрено ли, что немецко-австрийский рабочий класс не только не был в состоянии самостоятельно выступить помимо вождей (такой самостоятельности он никогда не имел), но даже не нашел в себе достаточно сил, чтобы хоть отчасти ободриться и собраться вокруг небольшой кучки людей, оставшихся верными Интернационалу?

Это отсутствие жизнеспособного ядра оппозиционных рабочих организаций мешало австрийской партийной оппозиции правильно понять свою задачу. Достаточно прочесть оба военных выпуска „Kampf'a" и многочисленные статьи Фрица Адлера, рассеянные в них; достаточно прочесть манифест австрийской оппозиции. До конца 1915 года она всецело стояла на платформе обороны страны. Только в манифесте, а затем в открытом письме Адлера к Гюисмансу от июня 1916 года австрийская партийная оппозиция начинает понимать, что в эпоху империализма оборона страны неразрывно связана с империалистическими целями войны. Но и теперь Адлер не решает этого вопроса для себя и для своих друзей, а заявляет: „Интернационал оценит в будущем это положение и должен будет решить этот вопрос". Можно было бы думать, что эта теоретическая неясность не имеет практического значения, хотя она и не могла не влиять парализующим образом на австрийскую оппозицию. Однако, неясность эта соединялась с отсутствием каких бы то ни было других перспектив. В январе 1915 г. в статье о германской социал-демократии Адлер писал: „Когда гремят пушки, то социал-демократии остается только молчать". Он не требовал от социал-демократии борьбы,— достаточно, если она не воскуривает фимиама работе пушек. „Интернационал действия" есть дело того будущего, которое наступит, когда кончится война („Kampf", апрель 1915 г.).

Когда война стала затягиваться, когда Фридрих Адлер

увидел, что молчать больше нельзя, то он стал требовать, но требовать все-таки не борьбы, а только социалистической пропаганды: „Силой нельзя ни предотвратить войну, ни поставить ей определенные цели. Несмотря на это, социал-демократия должна сыграть важную роль в деле восстановления мира. Одна она имела бы возможность создать такую атмосферу, которая помогла бы народам прийти к одинаковому пониманию мирных условий". И больше ничего. Не подумайте, что тут виноваты цензурные условия. В своем докладе о положении дел в Австрии, прочитанном 1-го августа текущего года в интимном кругу циммервальдистов в Цюрихе, Адлер говорил о перспективах пролетарской борьбы в Австрии во время войны и о чисто пропагандистской работе оппозиции,—говорил в духе того же глубочайшего пессимизма.

Взгляды Адлера точно отражают состояние полного разгрома, в котором находилась австрийская социал-демократия. Это подтверждается приведенной выше цитатой из „Arbeiterzeitung" об „абсолютном бессилии" партии. С другой стороны, эти взгляды не давали Адлеру и его друзьям возможности преодолеть обморочное состояние партии. Жизнь зарождается только в борьбе.

К этому настроению, еще более тягостному вследствие непрестанных, но бесцельных препирательств с партийными инстанциями, присоединились еще какие-то неизвестные нам события. 20-го октября, накануне покушения, Адлер в заседании „доверенных лиц" в Вене потребовал устройства демонстраций. Массы возложат на партию ответственность за молчание! — восклицает он. После ожесточенного спора его предложение было отвергнуто большинством голосов. Однако, чисто-пропагандистская работа, которую оппозиция вела до тех пор, не создала никакой отдельной группы действия. Фридрих Адлер больше не может молчать, не считает себя вправе молчать; если массы молчат, то он будет действовать. Он совершает свой поступок не в порыве экзальтации, а с холодным спокойствием. De profundis clamavi!

Хемницкая газета „Volksstimme" (№ 297) заявляет, что Фридрих Адлер последовал примеру Карла Либкнехта, но

она совершенно упускает из виду основную разницу в германской и австрийской обстановке и в тех путях, которыми шли эти два человека: Фридрих Адлер не имел за собой масс, не верил в их деятельность во время войны, во всяком случае, не верил, что их можно собрать и объединить обычными средствами. Поэтому он обратился к личному террору, который, однако, как мы увидим, прямо противоположен массовой тактике не только по объекту нападения, но и по своим результатам.

Глубокую трагедию человека и социалиста пережил в ночь с 20-го на 21-е октября Фридрих Адлер. Трагедию человека, ибо он поднял оружие на другого человека; трагедию социалиста, ибо он убивал человека, которого его социалистические убеждения не позволяли считать ответственным за войну. В лице премьер-министра Штюргка он хотел поразить только одного из представителей системы, господствующей во всех странах Европы и вызвавшей войну со всеми ее ужасными последствиями. Это была трагедия человека, преданного своей идее до конца. В его сердце, исходившем мукой, звучали слова древне-греческого поэта: „Не люби чрезмерно солнца, не люби чрезмерно звезд,— нет, иди, иди за мною в темную могилу".

Фридрих Адлер принадлежит к людям типа Сазонова и Каляева,— к людям, в которых революционность соединялась со слабостью, неверием и недоверием к массам. И как их поступки поставили русскую социал-демократию перед вопросом об отношении партии к политическому террору, так и поступок Адлера ставит этот вопрос перед циммервальдистским течением. Ведь, обстановка, способная породить подобные поступки, может создаться и в других странах. Глубокое человеческое сочувствие товарищу Адлеру, бывшему в наших рядах, не может помешать нам выяснить перед рабочим классом опасности, угрожающие пролетарской борьбе на том пути, на который стал Адлер. Если бы мы даже рисковали на мгновение потерять многих из своих друзей, все же мы должны сказать массам, чему учит в вопросе о политическом терроре опыт русской революции и великого пролетарского движения.

(Arbeiterpolitik, I. Jahrgang, № 20).

Против политического террора.

Когда народные массы испытывали угнетение, то из их рядов или из сочувствующих им слоев всегда выходили люди, прибегавшие к личному насилию в ответ на насилие сверху. Они нападали на отдельных официальных представителей системы угнетения, нападали для того, чтобы дать выход накопившемуся в них чувству отчаяния, или для того, чтобы отомстить за гнусные преступления. Примерами политического террора изобилует история как крестьянских волнений, так и борьбы буржуазии. История рабочего класса, процесс пролетаризации которого столь же печален, сколь неизмеримо труден процесс улучшения его положения, богата примерами индивидуальных террористических актов и целых эпох политического террора всех оттенков. Политический террор применялся в Англии во время чартистского движения, а в Германии и Австрии—в эпоху закона против социалистов. Но законченное теоретическое обоснование он получил в анархистском движении и у русских террористов.

Социал-демократия Западной и Средней Европы боролась против него в эпоху Первого и Второго Интернационалов по принципиальным и тактическим соображениям. Принципиальные соображения основывались на том, что освобождение рабочего класса возможно только как дело рук самих рабочих: только путем непрерывной классовой борьбы может пролетариат завоевать себе ту сознательность и силу, которые необходимы ему для захвата политической власти и для превращения капиталистического строя в социалистическое общество. Невозможно завоевать политическую власть путем актов индивидуального насилия. Наоборот, эти насильствен-

ные акты, как ни возмутительны бывают поводы, их вызвавшие, способны только оттолкнуть малосознательные массы и таким образом замедлить объединение рабочих в сильный и дееспособный класс. В этом заключалось тактическое обоснование отрицательного отношения к политическому террору. Но когда русская партия „Народной Воли" прибегла к системе террора и актов индивидуального насилия, то Маркс и Энгельс, отрицая эту систему для капиталистически развитых стран, признали ее правильной для России. Они признали в то время политический террор в России не потому, что там не было ни парламентаризма, ни свободы печати и собраний (в ту эпоху и в Западной и Средней Европе дело с этими свободами обстояло очень плохо), но потому, что тогда в России еще не было ни развитого капитализма, ни рабочего класса. Попытки поднять крестьян против царизма не удавались: разрозненные, чрезвычайно отсталые в культурном отношении, крестьянские массы были совершенно неспособны к борьбе. Единственной силой, противостоящей самодержавию, была интеллигенция. Слишком малочисленная, чтобы захватить Бастилию царизма путем массового нападения, она пыталась дезорганизовать, запугать его покушениями на его отдельных представителей. Ее борьба, полная самопожертвования, давала, казалось, надежду на успех, и поэтому наши вожди не поколебались признать ее и отдать ей свои симпатии. Но хотя террористическая борьба русской интеллигенции и потрясла на минуту систему самодержавия, но, в конце-концов, последнему удалось справиться с героическими борцами и усмирить их виселицами, тюрьмами и ссылками. После непродолжительной эпохи кладбищенского спокойствия. в России вместе с успехами капитализма стал появляться рабочий класс. Волнения его возбудили некоторый отзыв и в интеллигенции. Однако, постепенный процесс пробуждения пролетариата казался ей слишком медленным. Она хотела ускорить и поддержать его борьбу актами политического террора. Она хотела разложить царизм бомбами и револьверными выстрелами; она надеялась, что взрывы бомб разбудят широкие слои народа. Борьба террористической социалистической интеллигенции России вызвала горячие

симпатии европейской социал-демократии, оправдывавшей ее отсутствием легальных способов борьбы. Но русская социал-демократия решительно осудила пропаганду политического террора, видя в нем такое политическое средство борьбы, которое способно обессилить и дезорганизовать скорее революционный рабочий класс, чем царское правительство. Масса, как таковая, по мнению русской социал-демократии, не может совершать покушений. Если террорист даже хочет только подать своими актами сигнал массам, то все-таки он возбуждает в них надежды на чудесное освобождение свыше. И если в массах уже имеются сознательные элементы, не удовлетворяющиеся ролью освобождаемых и спасаемых, а желающие сами участвовать в борьбе, то пример террористического акта соблазнит их вступить на путь террора. Они тоже начнут относиться свысока к „инертной массе", которую так трудно раскачать. Путь организации масс покажется им слишком долгим, они захотят расчистить и сократить дорогу масс самопожертвованием. Террор перестает быть делом самовольно действующих личностей и становится делом особых организаций, отвлекающих от классовой борьбы лучшие, жертвенно-настроенные элементы и таким образом ослабляющих рабочий класс.

Эта точка зрения русских радикальных социал-демократов, противопоставлявших насилию отдельной личности не идею законности, а революционную массовую борьбу, не нашла сочувствия в широких кругах европейской социал-демократии. Особенно симпатизировали бомбам в России оппортунисты, требовавшие на Западе полнейшей легальности. Они-то и окрестили русских социал-демократов „доктринерами". Именно господа Штампферы в Германии, Аустерлицы и Лейтнеры в Австрии считали безумием отказываться в России от террора.

Однако, русская социал-демократия не дала сбить себя с толку. Конечно, ей и в голову не приходило поддерживать шакалов контр-революции и проклинать террористов, правда, заблуждавшихся, но все-таки жертвовавших своей идее жизнью. Но она решительно отвергала политический террор, как негодное средство борьбы. И великое испытание,—рус-

ская революция,—показало, насколько права была социал-демократия.

Период политических убийств, знаменательный как политический симптом, был в то же время результатом неверия в массовое движение пролетариата. Он не был в состоянии ускорить это движение, хотя, напр., покушение на Плеве в 1904 г. вызвало большое волнение. Потрясения русско-японской войны; нужда, вызванная ею; неустанная, хотя и не ведущая за собой немедленных видимых последствий тайная революционная агитация социал-демократов; поддержка, которую они оказывали каждому проявлению классовой борьбы,—все это создало в России настроение, вылившееся после расстрела 9/22 января 1905 г. в массовую революцию. Если эта революция и не победила одним ударом, если она и была разгромлена крестьянскими штыками благодаря поддержке, оказанной царизму русским и международным капиталом, то все же только массовому порыву этих революционных годов обязано русское рабочее движение теми колоссальными успехами, которое оно сделало за последующее десятилетие. Когда силы революции начали иссякать, то террористы попытались оживить их покушениями, как впрыскиваниями морфия. Но будучи сами продуктом поражения революции, они не были в состоянии вдохнуть в нее новые силы: они только дезорганизовали ее, сами став жертвой политической провокации.

Международное рабочее движение, как это видят теперь даже буржуазные политики, в роде лорда Коуртнея, и оппортунисты, в роде Сиднея Вебба, стоит перед великими испытаниями. Зрелость социального развития Западной и Средней Европы дает новым народным движениям возможность поставить перед собой более высокие задачи, чем когда бы то ни было. Начавшись с борьбы за мир, против дороговизны, против новых налогов, против политического бесправия, движение народных масс превратится в борьбу за социализм. Сейчас мы присутствуем при самых первых шагах этой борьбы. Мы напоминаем пролетариату слова, сказанные в Циммервальде и Кинтале и призывающие его объединить и напрячь все свои силы, выступить единой массой, единым классом. Поступок нашего товарища Фридриха Адлера не

был в духе этой современной борьбы рабочего класса, хотя и стремился содействовать ей. Мы будем следовать его преданности делу, но не его пути, который не ведет к цели. Социал-патриоты борются против политического террора. Но вырвать с корнем тенденции к нему могут только революционные интернационалисты, которые своей борьбой против империализма возродят доверие масс к собственным силам и к будущему социализму. Интернационалисты преодолеют политический террор во имя исторических задач пролетариата.

(Arbeiterpolitik, I. Jahrgang, № 20).

Под собственным знаменем.

...Переодеванью
На площади истории нет места;
Там различат тебя в потоке общем
Лишь по оружию и по гербу.
Так смело же от головы до пят
Покройся цветом знамени родного!
И испытаешь в бешеном бою
Всю силу собственных твоих стремлений,
И победишь ли ты, или падешь,—
Ты будешь биться всей своею мощью.

Ф. Лассаль, „Зиккинген".

1.

Германская социал-демократия расколота. Все старания центристов скрыть этот факт огромной исторической важности служат только лишним доказательством их непонимания, что лукавить в серьезном деле значит рисковать своей головой. Социал-патриоты не обращают никакого внимания на смехотворные попытки центра остаться „на платформе партии": они открыто основывают в Берлине собственную организацию и повсюду, где обладают большинством, приготовляются выбросить оппозицию вон. Центристы и сами видят безнадежность своей игры в прятки и втихомолку принимают свои меры. Они руководят своими организациями через „деловое сотрудничество"; недавно состоялась их новая конференция; в лице „Leipziger Volkszeitung" они обладают центральным органом. Словом, они образовали собственную партию, которая отличается от других только тем, что сама отрицает свое существование, дабы иметь возможность скрываться под видом союза преследуемых невинных младен-

цев. Это, по видимости, аморфное состояние снимает с них обязанность открыто развернуть знамя своей партии и позволяет им использовать все преимущества сумерек. Для левых радикалов такое состояние таит опасность смешения собственных рядов, а потому они обязаны ясно и открыто сказать то, что есть на самом деле, и сделать из этого все практические выводы.

„В Германии нет более единой социалистической партии, а есть три социалистических партии, именно: 1) социал-демократическая партия Германии, 2) партия социал-демократического делового сотрудничества, 3) партия „спартаковцев". Так писал в своей корреспонденции от 22-го января начальник шейдемановского генерального штаба Фридирих Штампфер. Если это утверждение и несет на себе печать спекуляции на расколе „оппозиций", то все же оно соответствует действительности. Да, некогда единая социал-демократия Германии раскололась не на две, а на три части: 1) лагерь 4-го августа (социал-патриоты и социал империалисты), 2) центр, парламентским представителем которого является „деловое сотрудничество", 3) лево-радикальное направление, охватывающее всех революционных социал-демократов-интернационалистов, которые частью объединены в группах „Интернационал" („Спартак"), „Интернационалисты-социалисты Германии" („Internationale Socialisten Deutschlands, I. S. D.") и „Рабочая Политика" („Arbeiterpolitik"), частью же действуют неорганизованно. Это трехчленное деление не искусственно, оно исторически выросло на основе глубоких программных и тактических разногласий, зачастую вопреки воле участников этих групп. На доказательстве того, что лагерь 4-го августа есть самостоятельное политическое образование, долго останавливаться не приходится. Он предал во время войны классовую борьбу и заключил гражданский мир с буржуазией. Вместо борьбы за социализм он поставил себе целью борьбу за сохранение капиталистического государства (социал-патриоты) и его превращение в империалистическую мировую державу (социал-империалисты).

Хотя лагерь 4-го августа, обманывая рабочие массы, и сохраняет название социал-демократии, но он совершенно отказался от ее существа. Тем самым отмежевание от него

всецело оправдано в глазах каждого серьезно мыслящего политика, и сторонники этой группы сами признают это, совершая такое отмежевание. Но существуют ли такие разногласия между центром партии и левыми радикалами, которые требовали бы раскола? Не идет ли здесь дело только о различиях в темпе, об оттенках темперамента и т. п.?

Легче всего ответить на этот вопрос, если кинуть взгляд на историю раскола между левыми радикалами и центром. Он начался в 1910 году, т.-е. еще перед войной. Опыт империалистической эпохи показал, что в этот период рабочий класс должен либо перейти к массовому действию, либо отказаться от движения по пути экономического и политического прогресса. Избирательное право, парламентаризм, профессиональные союзы еще не стали излишними орудиями, но явно притуплялись всякий раз, когда рабочие массы отказывались от активного действия, от активного использования своей роли, как решающего фактора производства. Большинство прежних радикалов, с Каутским, Ледебуром и Гаазе во главе, объединились против пропаганды новой тактики, имевшей целью завоевание избирательного права в Пруссии и борьбу против надвигающейся войны. Они объявили, что этот путь преждевременен и опасен, но так как им было необходимо указать пролетариату какую-нибудь дорогу, то они попытались поселить в нем надежды на некий новый либерализм, который парламентским путем сделает ему ряд уступок: они голосовали за смягчение избирательной борьбы 1911 г., что до некоторой степени уже означало гражданский мир. Этот новый либерализм должен был устранить военную опасность путем соглашения капиталистических правительств, от которых требовалось, чтобы они ограничили вооружения и впредь решали все свои споры путем третейского разбирательства. Заменив обостренную классовую борьбу и массовые действия соглашательством с либералами, поставив на место стремления к социалистическому перевороту взаимное соглашение капиталистических правительств в целях преодоления империализма, прежние радикалы, получившие с 1911 года название центра, фактически объединились с ревизионистами. Их утверждение, что ревизионизм, в сущности говоря, уже умер, и было выражением

этого факта. Каутский в своей брошюре о тактических разногласиях среди социал-демократии, Гильфердинг в своих статьях в „Neue Zeit" искали подтверждений для своего указания на смерть ревизионизма как-раз в том моменте, в котором выражалась победа его во фракции и в партийном комитете, как и во всей деятельности партии. Так центр стал одним из отцов политики 4-го августа. Он помог задавить зачатки того порыва, который если и не смог бы предотвратить войну, то безусловно создал бы сплоченное и боевое левое крыло, способное спасти Интернационал от полного крушения. Центристы усыпили массы и ввели их в заблуждение надеждами на либеральную буржуазию, на ее миролюбивые стремления, на безвредность ревизионизма. Так центр,—пускай невольно,—подготовил предательство делу пролетариата и выдачу его с головой буржуазии.

Во время войны большинство центристов перешло в лагерь 4-го августа. Меньшинство, не решившееся на этот шаг, не могло в то же время решиться и на разрыв с социал-патриотами. В то время, как лево-радикалы с первых же дней войны повели в организациях и в парламенте борьбу против ревизионизма, обернувшегося социал-патриотизмом, и против его политики предательства, центристы клянчили и просили доверия Шейдеманам, Эбертам и Легиенам, обзывая при этом всякую решительную борьбу дезорганизацией партии. Они возбуждали в рабочих надежды на обращение „заблудших братьев". Всякие более решительные действия они считали химерой. А так как им все же нужно было искать какого нибудь выхода из войны, то они опять-таки насаждали надежду на буржуазию, которая, в конце-концов, сговорится между собой, когда социал-демократы при помощи парламентских речей и обработки „общественного мнения" убедят ее в том, что война—дело невыгодное. За эту свою позицию центр партии держался с большим упорством. Поощряемый социал-патриотами, он все время взывает: Единство, единство! Борьба за право партии, т. е. за право оставаться в одной партии с социал-патриотами, предателями социализма! Он и теперь еще поддерживает надежду (смотри статьи „Bergische Arbeiterstimme"), что после войны социал-патриоты снова станут добрыми социал-

демократами. Сейчас, после полного крушения надежд на примирение капиталистических государств, центр занят разработкой планов, как кончить войну длительным умиротворением (но не преодолением) капитализма (смотри статьи Ледебура: „Три дополнения к манифесту о мире“ от 7-го января в „Leipziger Volkszeitung“ от 30/VII). Что же все это значит? Между левыми радикалами и центром имеются разногласия: 1) в программе: в то время, как левые радикалы видят не только единственно возможное логически, но и единственно актуальное историческое разрешение империалистических противоречий в социализме, центристы считают исторической целью пролетариата в ближайшую эпоху мировой истории реформу капитализма, его превращение из империалистического в мирный. Левые радикалы—это революционные социалисты, а центристы—это социал-пацифисты. Это принципиальное, прогрммное противоречие ведет за собой 2) непримиримое противоречие тактическое: разные цели порождают и разные средства, разные способы борьбы. Левые радикалы, убежденные в зрелости экономического развития и в неизбежности обострения социальных противоречий, рассматривают грядущую эпоху, как эпоху активной борьбы масс за социализм. Поэтому вся их тактика направлена на обострение и углубление каждой отдельной стычки рабочего класса с капиталом, за превращение ее во всеобщую борьбу. Они переносят центр тяжести своей деятельности на пропаганду, агитацию и организацию такой борьбы, а парламентаризм имеет для них значение лишь постольку, поскольку он содействует этим целям. Для центристов же парламентская борьба есть все еще самое главное дело, при чем пользуются они ею, как орудием влияния скорей на правительство, чем на массы. Неустанно выдавая правительству рецепты лучшей политики, они ничего не говорят о том, что делать массам; они не апеллируют к народу. Они борются за мелкие реформы (реформируя даже административные аресты), а не за принципиальный переворот. Не веря в него, не стремясь к нему, они не видят иного спасения от ужасов империалистической эпохи, как прыжок в царство пацифистской утопии. Но до тех пор, пока это царство не осуществлено, они не решаются отвергнуть обязательность защиты

существующего государства и распространяют туман вокруг всех важнейших вопросов. Как программа, так и тактика их не имеют ничего общего с левым радикализмом. Партия есть боевое объединение. Она допускает в своих рядах разногласия мнений лишь постольку, поскольку они не мешают борьбе за единые цели и одинаковыми средствами. О такой общей борьбе левых радикалов и центра не может быть и речи. Лучше всего доказала это конференция 7-го января. Левые радикалы не могли голосовать ни за план борьбы против социал-патриотов, предложенный центристами, ни за их воззвание о мире, т.-е. за их план борьбы с империализмом. Если бы левые радикалы выработали по вопросу о мире собственное воззвание, то всякому стало бы ясно, что их цели и средства прямо противоположны целям и средствам центристов. Если это так, то идея создания общей с центристами партии есть вредная утопия. Левые радикалы должны пойти на образование собственной партии, если они хотят выполнить свою историческую задачу независимо от того, благоприятствуют ли им обстоятельства, или нет.

Часть левых радикалов считает это преждевременным. Мы остановимся на их аргументах, что непосредственно приведет нас к вопросу о тех практических шагах, которые должны будут затем предпринять левые радикалы.

2.

Многие из левых радикалов заявляют: фракция делового сотрудничества значительно полевела с тех пор, как в первый раз отвергла военные кредиты, правда, обосновав свой отказ довольно оппортунистически. Могучее средство наглядного обучения на фактах и критика левых радикалов оказали свое действие. Но эта фракция еще не достаточно твердо и определенно стоит на почве интернационального социализма во всех вопросах, поставленных войной; во многих пунктах принципиальные взгляды ее еще неясны и половинчаты, тактическое поведение ее робко и нетвердо; она увядает под холодным дыханием парламентаризма („Gleich-

heit" от 7-го января 1917 г). „Конечно,—продолжает газета,—наступательно-оборонительного союза между различными группами оппозиции еще нет. Процесс самоосознания социал-демократии не может быть делом одного дня. Нужно время, чтобы проверить, взвесить, научиться; чтобы заменить старые заблуждения новыми истинами, требуется время. Конференция показала, что этот процесс идет вперед. Правое крыло оппозиции перестает бояться собственной смелости и самостоятельных выступлений. Оно больше не извиняется. Оно обвиняет. Оно не уклоняется, а принимает бой. Оно откровеннее, чем прежде, и без обычных оговорок высказало то, что есть. Оно внутренне и внешне дошло до крайней левой, и не нужно никаких постановлений, чтобы стало возможным необходимое сотрудничество от случая к случаю, по доброй воле той и другой стороны, без пожертвования принципиальными убеждениями".

Так говорит всеми нами уважаемый товарищ Клара Цеткин. Мы были бы счастливы, если бы это было так. К сожалению, это не так, и ближайшим друзьям Цеткин пришлось убедиться в этом на конференции. Центр уклонился на конференции от борьбы с социал-патриотами. Если он отклонил запрещение партийных взносов, то не потому, что он, подобно товарищу Цеткин, видел в нем плохое средство борьбы, а потому, что он считал это средство слишком крайним, потому что он хотел избежать разрыва с социал-патриотами. В своем манифесте о мире, написанном Каутским, он объявил империализму такую своеобразную „войну", что, как пишет тов. Цеткин, для представителей крайней левой было долгом совести не голосовать за этот манифест. Итак, крайняя левая не могла итти вместе с центром ни организационно, ни политически. Теперешнее обострение отношений между этими группами отражается и в статье т. Цеткин. В то время, как т. Дункер выставила на общегерманской конференции лозунг: „Врозь итти, вместе бить",—т. Цеткин настаивает только на сотрудничестве от случая к случаю, против чего никто из крайней оппозиции и не возражает, если только для этого не придется „жертвовать принципиальными убеждениями". Мнение, что центр в целом развивается по направлению к крайней левой, мы считаем

пустой иллюзией. Руководители центра—Каутский, Бернштейн, Ледебур, Гаазе—уже много лет ведут определенную политику,—политику чисто-парламентской оппозиции, борьбы за реформу империализма. Они не дети, не юноши и не темные рабочие, которых наша критика могла бы наставить на путь истины. Но, может-быть, события научат их чему-нибудь? События всегда можно толковать по-разному, и до тех пор, пока не настало время коренного переворота, вожди центра будут толковать их по-своему, пригоняя их к своим взглядам, являющимся результатом всего предшествовавшего периода мирного рабочего движения.

Но,—возражает нам часть наших друзей, рассчитывающая на обращение если не всех руководителей центра, то той массы, которая идет за ними,—тем самым вы признаете, что наша критика и уроки событий могут иметь доступ в среду рабочей массы, идущей за-центристами. Да, конечно, часть истины в этой мысли есть. Но только часть. Если за Шейдеманами стоят определенные рабочие круги, смотрящие на социализм, как на журавля в небе, которому следует предпочесть синицу буржуазных уступок, то и за центристами тоже идет часть рабочих, не чувствующая склонности к решительной борьбе. Идеология Каутского и Ледебура тоже не висит в воздухе; она опирается на настроение тех рабочих кругов, которые желают оставаться верными социализму, но в то же время боятся действительной борьбы и не верят в ее близкую возможность. Мы не сможем оказать на эти круги быстрого влияния. Но не подлежит сомнению, что зато другая часть рабочих идет за Ледебурами и Гаазе только потому, что видит в них руководителей в борьбе. От этих масс мы не должны отступаться и не отступимся.

Весь вопрос только в том, как нам завоевать их. Можем ли мы завоевать их, продолжая итти вместе с центром, подчиняясь, в качестве меньшинства, решениям его конференции? Входить в одну партию с центром мы могли бы только в этом случае. Раскол фракции рейхстага—неопровержимое тому доказательство.

Два оппозиционных направления могли сохранять организационное единство лишь до тех пор, пока меньшинство оппозиции официально подчинялось постановлениям ее боль-

шинства, против которых оно, конечно, решительно боролось на фракционных заседаниях. Но как только Либкнехт открыто пошел по своему пути, ему пришлось организационно отделиться от фракции, а за самостоятельным выступлением „восемнадцати“ 21-го декабря 1915 г. с неизбежностью последовало образование „делового сотрудничества“. Два различных направления, отличающиеся друг от друга принципиальными разногласиями, могут оставаться в одной партии только до тех пор, пока одно из них отказывается от самостоятельных открытых выступлений. Поэтому, если мы хотим оставаться в организационном единстве с центром, то либо мы, либо центристы должны отказаться от самостоятельных действий. Конечно, и товарищ Цеткин не думает, что мы должны сохранять организационную связь с центром ценой отказа от принципиальной и тактической самостоятельности, ценой отказа от своего политического лица; ведь она стремится только к сотрудничеству от случая к случаю, без пожертвований своими мнениями. Но если центристы создадут собственную партию,—а они создадут ее, хотя бы и говорили обратное,—то мы можем сотрудничать с ними от случая к случаю только при том условиии, что и мы создадим свою партию,—партию л е в о-р а д и к а л ь н у ю. Не может быть и речи о том, чтобы среди нас нашлись такие товарищи, которые бы считали лучшей тактикой положение, при котором отдельные, разрозненные левые радикалы плелись бы за организованными центристами. Оказать влияние на радикально настроенных рабочих центра может только крепко организованное ядро.

До сих пор мы действовали в лоне старой партии и могли удовлетворяться слабой связью между отдельными левыми радикалами. Но теперь, после раскола, когда во многих местах вообще невозможно будет создать никакой легальной организации, только цельная лево-радикальная партия с ясной собственной программой и собственными органами сможет собрать, удержать и увеличить разрозненные силы. Наше влияние на собственные силы, на рабочих центра, как и вообще на стоящую вне партии, но уже волнующуюся массу, не может ограничиваться одной критикой социал-патриотов: мы должны влиять на ход событий действием,

вмешательством во все вопросы общественной жизни. Это можно сделать без траты лишних сил, только сорганизовавшись в самостоятельную лево-радикальную партию. Мы не можем ждать, пока за нами будет большинство оппозиционных рабочих, так как завоевать это большинство мы будем в состоянии только тогда, когда все лево-радикальные группы объединятся на единой политической платформе.

3.

Образование самостоятельной лево-радикальной партии с исключением из нее партийного центра окажется особенно необходимым, если обратить внимание на тактические основы борьбы левого радикализма. Организационная связь с партийным центром была бы не чем иным, как продолжением внутренней борьбы, раздиравшей партию в последнее время; глубокие противоречия, таившиеся до сих пор в старой партии, перешли бы и в новую партию, в которой вновь образовалась бы широкая оппозиция. Принять центр в новую партию значило бы наперед ослабить внутренней борьбой ее боеспособность. Но нам нужно создать такую партию, в которой внутренние противоречия были бы сведены до минимума, а сила внешнего сопротивления тем самым доведена до максимума. Вспомним принципиально крайне резкую довоенную полемику между Каутским и Паннекуком по вопросу о всеобщей забастовке; вспомним страстную борьбу левых радикалов против тактики кунктаторства и замазыванья противоречий; вспомним разногласия по вопросу об империализме, обнаружившиеся в Хемнице. Во всех этих вопросах центр до сих пор ничему не научился. И если в последнем заявлении фракции „делового сотрудничества“ об отклонении военных кредитов исчезла формула о разоружении и третейских судах, то это явление того же порядка, как и исчезновение в заявлениях „делового сотрудничества“ (после гейеровской критики заявления от 15 декабря 1915 г.) формулы об обеспечении границ, а потом и всякого намека на сборону страны. Но на месте исчезнувших формул ничего положительного с точки зрения левого радикализма не появилось.

Сближение с левыми радикалами состоит не в том, чтобы во всех важнейших политических вопросах вести политику страуса. В любой обстановке нужно прямо выявлять свою точку зрения на все эти проблемы. А в особенности обязаны поступать таким образом социалистические парламентские деятели, если только они понимают, как нужно пользоваться парламентской трибуной в духе лево-радикализма. Отказываясь от этого, фракция „делового сотрудничества" лишний раз доказывает, что никаких совместных действий она с нами предпринять не может.

Несомненно, что в массовых организациях партийный центр еще не настолько размежевался с левыми радикалами, чтобы рабочие достаточно ясно осознали существенные разногласия между этими направлениями. В рабочих еще живо чувство солидарности всех элементов оппозиции, и это чувство не дает им понять всей необходимости организационного разрыва с центром. Это особенно относится к старым рабочим, еще живущим традициями совместной борьбы с ревизионизмом, в то время как более молодые рабочие уже осознали момент нового исторического противоречия между нами и партийным центром. По этой же причине главным поставщиком рекрутов центра являются круги пожилых работников, поседевших в односторонней и мелочной организационной работе. Именно эти рабочие, привыкшие к организационным задачам, пуще всего боятся нового раскола оппозиции, видя в нем ослабление новой партии. Они все еще уверены, что мощь организации зависит исключительно от числа ее членов. Левые радикалы, напротив, видят силу организаций не в числе членов, а в боеспособности; опыт закончившейся эпохи рабочего движения доказал лево-радикалам, что боеспособность и количество членов не всегда прямо пропорциональны друг другу.

Разумеется, уяснение разногласия между партийным центром и левыми радикалами представляет наибольшие затруднения там, где оппозиционные организации целиком исключены социал-патриотическими комитетами, как, напр., в Берлине, Лейпциге, Бремене. Надежды же левых радикалов на преобладающее влияние оказываются слабее всего там, где они не имели возможности вести усиленную пропаганду.

Так, в Берлине, на них теперь отзывается центристская политика старого „Vorwärts'a". Точно так же обстоят дела и в Лейпциге. А в Бремене Генке своевременно постарался заткнуть рот неудобной ему лево-радикальной критике в „Bremer Bürgerzeitung", что содействовало образованию „Arbeiterpolitik".

Однако, новая интернационалистически-социалистическая партия Германии не может быть создана путем кружков и случайных сходок. Она может явиться только плодом борьбы против центра,—борьбы, которая должна вестись на почве оппозиционных организаций, исключенных из старой партии. В наступившую сейчас переходную эпоху нужно продолжать эту борьбу, добиваясь распространения наших идей и заставляя союзы высказаться, наконец, либо за нас, либо за политику центра. Для этого нужно, чтобы левые радикалы объединялись, чтобы они приходили к соглашению друг с другом, чтобы они выдвигали против резолюций и манифестов центра свои собственные постановления. Эта борьба органическим и понятным для рабочей массы путем приведет к образованию особой партии социал-демократов-интернационалистов. Не исключена и та возможность, что центристы даже ускорят этот процесс насильственными мерами против оппозиции, „не подчиняющейся дисциплине". На это указывают события в Берлине. Бояться таких насилий нам не приходится. Благодаря им рабочие еще скорее увидят, насколько необходим разрыв с центристами.

Там же, где левые радикалы противостоят социал-патриотическому большинству, но где они формально не исключены, нужно создавать собственные лево-радикальные организации, что приведет к немедленному исключению из партии. Нужно создать собственную прессу для согласования левых радикалов между собой и для борьбы с партийным центром и социал-патриотами. В виду значительных внешних трудностей рекомендуется удовлетворяться одним общим органом на каждую сравнительно крупную область. Специальные местные задачи могли бы удовлетворяться особыми приложениями к главному органу, которые следует редактировать и печатать на местах.

Резюмируем сказанное: центральное и местные объеди-

нения левых радикалов в целях совместной борьбы за лево-радикальные идеи в оппозиционных кружках, возникших на почве раскола партии; создание самостоятельных лево-радикальных организаций там, где левые радикалы имеют против себя социал-патриотическое большинство без надежды завоевать его; участие в оппозиционных конференциях для разъяснения разногласий между радикалами и партийным центром и для требования постановлений о расколе,—вот путь к образованию лево-радикальной партии. Пусть же предстоящая конференция „делового сотрудничества" станет свидетельницей того, как левые радикалы дружно идут по этому пути к собственной партии, к борьбе под своим собственным знаменем.

(Arbeiterpolitik, II. Jahrgang, № 7, 8, 9).

Партийный центр и проблемы войны.

1. Перспективы империализма [1]).

Уже в первых дискуссиях 1911 года, ознаменовавших собою начало расхождения левых радикалов и центра, решающую роль играл вопрос о будущности империализма. Мы стояли на той точке зрения, что империализм есть политика капитализма в последний его период, предшествующий социализму. Мы не говорили, что он прямо представляет интересы всех слоев буржуазии. Он представляет интересы только руководящих кругов капитала. Но эти круги (финансовый капитал, тяжелая промышленность) приобретают в капиталистических странах все больший вес.

---

1) Если статьи Карла Каутского о проблемах войны (13, 14, 19 и 20 номера „Neue Zeit") написаны и не для подготовки конференции, созванной группой „делового сотрудничества", то все же они весьма кстати появляются накануне ее открытия. Они раскрывают все противоречия центристской политики, они обнаруживают перед оппозиционными рабочими, что „временное знамя", с невиннейшей миной подсовываемое им центристами, есть не знамя борьбы за социализм, а дырявый зонтик, заплатанный пацифистскими и социал-патриотическими лоскутьями,—зонтик, который вряд ли сможет защитить пролетариат от бурь нашего времени. Одновременно со статьями Каутского в Берне вышла брошюра Спектатора „Оборона отечества и внешняя политика социал-демократии". Спектатор—почтенный сотрудник „Neue Zeit". Он прочел больше книг, чем смог переварить. Такая ученость заслуживает почтительного обхождения. Но так как он только подслушивет, как плюет и откашливается Каутский, то пусть он не обидится, если мы будем ссылаться на него лишь в тех местах, где он „дополняет" аргументы Каутского. Если мы обращаемся к ученику только в подстрочных примечаниях, то, ведь, этого требует почтение к учителю.

Стремление направить их политику в мирную колею свободной торговли есть реакционная утопия. Но империалистическая политика – это обострение конкуренции не только на мировом рынке, но и в области мировой политики, так что если пролетариат не захватит власти, то империализм неизбежно приведет к мировой войне. Так утверждали левые радикалы.

Каутский, напротив, утверждал, что взаимное переплетение национальных капиталов—это важный фактор мира, усиливаемый миролюбивыми интересами известной части буржуазии, страдающей от империализма. Пролетариат должен оказывать поддержку буржуазному движению за мир, он должен требовать разоружения, третейских судов и пр. Он слишком еще слаб, чтобы устранить капитализм, но он в силах заставить его вести мирную политику. Мы боролись против таких взглядов и пытались доказать (достаточно назвать статьи в особом приложении к „Bremer Bürgerzeitung", появившиеся перед партийной конференцией в Хемнице в 1912 г., закончившей первую фазу дискуссии), что углубление и обострение международных противоречий, несмотря на некоторые моменты затишья, неизбежно, пока буржуазия находится у власти. Указывая на союзы между капиталистическими государствами, как на доказательство того, что соглашение возможно, Каутский забывает, что здесь дело идет только о концентрации главнейших капиталистических противоречий, которая поведет к еще более широкой и всеобщей борьбе. Соглашения о вооружениях дают только временные перемирия.

Нам нечего доказывать, что ход событий подтвердил нашу, а не Каутского, правоту. Никакого буржуазного движения за мир, которое восстало бы против войны, не появилось; империалистические коалиции только помогли сделать войну всеобщей. Наша единственная ошибка состояла в том, что, якобы переоценивая мощь империализма, мы на самом деле недооценивали ее; оказалось, что даже пролетариат не имел никакого значения, как активный фактор мира. Несколько оправившись от первых ударов войны и покончивши с первой важнейшей задачей (доказать, что политика 4-го августа прекрасно согласуется с интернационализмом, если только

вести ее из добрых „интернационалистических побуждений"), Каутский снова принялся за свои социал-пацифистские песенки. После войны у европейской буржуазии не будет средств вести империалистическую политику, противоречие ее интересов с интересами Америки объединит ее, широкие круги буржуазии восстанут против империализма и т. д. Итак: пролетарии всех стран, соединяйтесь, дабы объединить буржуазию, обломайте у розы капитализма шипы, но пусть себе она продолжает цвести!

Мы ответили на эти рассуждения Каутского в серии статей: „Государство, нация, империализм". Мы говорили, что обеднение Европы в результате войны есть только обеднение народных масс (пролетариата и мелкой буржуазии), что параллельно с ним идет обогащение руководящих капиталистических слоев; что если колониальные страны будут обещать большие прибыли, то капитал будет экспортироваться туда и впредь; что если Япония и Америка займут в результате войны господствующее положение, то они станут вести империалистическую политику; что не все страны станут в противоречие интересов с Америкой, которая сделается средоточием новой империалистической коалиции. Одним словом, нам предстоит эпоха не мира, а новых империалистических войн, и целью пролетариата должна быть не пацифистская реформа империализма, а свержение его и социальный переворот.

Каутский не ответил на все эти аргументы. „Знаете ли вы эту историю? Если знаете, то я могу еще раз рассказать ее",—так начинает один веселый помещик из старой польской комедии рассказ истории, которую его слушатели уже сто раз слышали. Вождь и теоретик партийного центра идет по стопам этого помещика. „В империализме находит свое выражение то, что характерно не для одного только империализма; это—стремление к сверхприбыли. Правда, оно неразрывно связано с капитализмом [1]). Оно исчезнет только

[1]) Многоуважаемый Спектатор! Насторожите уши и запишите это положение в своей брошюре (стр. 29): „Конечно, дело здесь (в империалистической политике) идет только о сверхприбыли, а не о самой прибыли. Но если иначе нельзя, то от сверхприбыли отказываются", и т. д. Спектатор, как кажется, считает типом современного капитали-

вместе с ним, и уничтожит его только социализм. Но империализм есть не единственное средство выжимания сверхприбыли, а только одно из этих средств. Когда этот путь закрыт, то капитал ищет себе других путей";—так, не знаю уже в который раз, рассказывает Каутский в „Neue Zeit" от 16-го февраля. Далее он указывает на те „превращения", которым начинает подвергаться империалистическая политика великих держав. Уже тем, что империалистическое государство вступает в соглашение с другим и заключает с ним союз, „оно становится на путь значительной модификации" (повторяет он, как попугай),—потому, видите ли, что по существу империализма требования каждого государства должны соразмеряться только с его аппетитами.

И вот, раз некоторые из империалистических государств вступают между собой в соглашение, чтобы вырвать добычу у другой коалиции, преследующей те же цели, то почему бы им вообще не вступить в соглашение друг с другом? „Отнюдь не исключена возможность, что настоящая война кончится общим соглашением империалистов передовых великих держав того и другого лагеря о разделе и эксплоатации мира. Империалистический интернационал может принести мир всему миру и даже при известных обстоятельствах обеспечить его, но тем планомернее и грандиознее будет в этом случае эксплоатация мира синдицированным международным финансовым капиталом".

Как видит читатель, Каутский продолжает держаться за свою иллюзию о роли империалистических союзов; он продолжает бродить, как слепой, по потрясенному войной миру, принимать боевое вооружение войны за инструменты мирного труда, грезить о капиталистическом мире и убаюкивать этой сказкой рабочих [1]). Но справедливы ли мы к Каут-

---

ста мелкого заискивающего лавочника. Крупный капитал империалистических государств будет бороться за сверхприбыль до последнего, до тех пор, пока не падет вместе с нею. Теперь, когда это подтверждено „самим" Каутским, в это, вероятно, поверит и его подголосок.

1) Добряк Спектатор приводит в доказательство реальности центристской политики даже речь господина Бетман-Гольвега и проповеди мистера Вильсона об основании „международной организации". Мы не знаем, кого поздравлять с таким каутскианцем: центр ли, господина ли Бетман-Гольвега, или Вильсона?

скому? Ведь, говорит же он, что империалистический мир всего мира есть „только одна из многих возможностей исхода войны", и что он создал бы „тем более планомерную и гигантскую эксплоатацию мира синдицированным международным финансовым капиталом". Нет, мы не пристрастны к нему. Теоретические уступки, которые он делает левым радикалам после шестилетней дискуссии, соглашаясь, что империалистический мир будет еще большим усилением эксплоатации, накладывают на его политику печать полной контр-революционности. Если бы даже он, подобно почтенному Спектатору [1]), считал неосуществимыми в более или менее ближайшем будущем какие бы то ни было социальные перевороты, перспективы которых открываются кризисами империализма, то и тогда нужно было бы отвергнуть пацифистскую агитацию, укрепляющую капитализм. Но тогда поведение Каутского соответствовало бы его взглядам на характер предстоящей эпохи, он был бы только жертвой своего понимания. Но дело обстоит не так. Каутский уверен, что экономические условия уже созрели для социализма. (Он утверждал это еще в 1915 г., возражая Кунову). Он считает объективно возможными два способа разрешения мирового кризиса, вот уже два с половиной года уничтожающего пролетариат: либо начало радикального переворота, как следствия войны, либо укрепление капитализма в результате международного соглашения и усиления его эксплоатационной мощи. Никто, по его мнению, не может сказать, которая из этих двух возможностей вероятнее. Но исход зависит также и от пролетариата, от той силы, которую он

---

1) Адъютант Каутского Спектатор наперед отвергает всякую возможность переворота в более или менее близком будущем: „Если дело идет не о моральных манифестациях, а о действительной пролетарской борьбе масс, то ее в ближайшем времени ожидать нельзя. Во всяком случае, не непосредственно после войны" (стр. 7). „Вряд ли кто из серьезных людей станет утверждать, что тотчас же после войны последует социальная революция" (стр. 25). А раз она не „начнется тотчас же", т.-е. в определенное число определенного месяца, то „серьезный", с позволения сказать, теоретик марксизма должен восхвалять господ Бетман - Гольвега и Вильсона, как провозвестников идеи мира всего мира. И все это пересыпается „марксизмом", „диалектикой" и пр.

бросит на чашу весов истории. Общее направление и характер нашей пропаганды, нашей агитации, нашего действия,— являются не только результатом обстоятельств, но и одним из факторов, определяющих силу пролетариата. И, несмотря на все это, вождь и теоретик II Интернационала, человек, на которого тысячи и тысячи людей еще смотрят, как на мастера революционной политики, ничего не делает, чтобы направить политические силы, которыми он руководит, в русло подготовки радикального переворота; наоборот, он фактически заранее становится на почву второго решения, на почву соглашения империалистических государств, которое, по его же собственному убеждению, сделает эксплоатацию мира еще более планомерной, еще более беззастенчивой.

Здесь лежит пункт непримиримого разногласия между нами, левыми радикалами, и центром. Дело идет не о теоретических хитросплетениях, а об основном направлении нашей политики. Может-быть, впоследствии окажется, что мы переоценили темп движения. Люди, более великие, чем мы, наши учителя, не раз переоценивали его. И несмотря на это, их политика, основывавшаяся на этой переоценке темпа, была правильна. Ибо если среди многих других возможностей имеется одна, обещающая разрешение социального кризиса, то каждый социал-демократ обязан строить свою политику в соответствии именно с этой возможностью, ибо только таким путем могут быть увеличены силы, действующие в этом направлении, поскольку такое увеличение зависит от социал-демократии. Надо заметить, что дело идет только о направлении пропаганды и агитации и об обострении уже существующих конфликтов. Так всю свою жизнь поступали Маркс и Энгельс. Но кто допускает возможность такого решения и не стремится к нему изо всех сил,—велики ли, или малы эти силы,—тот не имеет с марксистской политикой ничего общего, хотя бы он написал о марксизме целые библиотеки, хотя бы он был самым лучшим филологом и апологетом марксизма. Тот же, кто признал возможность разрешения мирового кризиса и все же выступает за капиталистический исход, водружая в лагере пролетариата знамя пацифизма, тот пользуется именем

марксизма для прикрытия контр-революционной по своему существу политики.

Что политика, защищаемая Каутским, объективно представляет собой не что иное, как борьбу против пробуждающихся сил Интернационала, и вводит в заблуждение социалистическую, оппозиционную рабочую массу,—это доказывается как делами центра, так и рассуждениями Каутского о недостатках лево радикальной формулы империалистической войны. Об этом в следующей главе.

2. О характере мировой войны.

Прочтя первую главу, можно сказать: да, Каутскому не хватает правильной перспективы. Но что до теперешней войны, то теперь, после 30 военных месяцев, он стоит на прочной почве. Ведь он даже в своем манифесте сослался на Циммервальд. И, в конце-концов, в практической политике важно то, что делается сегодня. Но рассуждения Каутского показывают как-раз обратное. Каутский отрицает основы единого отношения пролетариата к мировой войне.

Сперва Каутский читает нам лекцию о том, что в различных великих державах вследствие различия их экономического и политического положения существует различный империализм. Англия обладает более развитой текстильной и менее развитой тяжелой промышленностью, чем Германия и Соединенные Штаты. В ней царит свободная торговля и нет развитого милитаризма; между тем, Германия проводит протекционистскую политику, обладает постоянной армией и т. д., и т. п. (все в том же роде, уже навязшем в зубах у любого школьника):

„Тот, кто думает, что наше отношение к любому из воюющих государств и в любой период настоящей войны достаточно определяется констатированием того факта, что мы живем в век империализма, упускает из виду все эти временные и пространственные различия в характере империализма, а также и его переплетенность с другими разнообразными проблемами. Он не обращает на все это никакого внимания. Стремление свести к одной общей схеме империализма всю бесконечную полноту мотивов и тенденций

различных государств и различных классов при меняющихся обстоятельствах доводит буквально до слепоты по отношению к явлениям внешнего мира: все они представляются в полном мраке, в котором все кошки серы и все военные проблемы империалистичны".

Мы не можем требовать от Каутского, чтобы он прочел все статьи по вопросам империализма, напечатанные нами в течение последних десяти лет в „Leipziger Volkszeitung", „Bremer Bürgerzeitung" и т. д. и трактующие об особых тенденциях империализма в различных странах. Но он должен был бы, по крайней мере, знать те из них, напечатанию которых в „Neue Zeit" он сам способствовал (многие из них, как, например, статья о кризисе в Марокко, напечатаны в самой напряженной обстановке мировой политики), и которые не позволили бы ему бросать нам такие упреки. По этим вопросам писал и ван-Равенстейн, один из лучших знатоков мировой политики в наших рядах; последняя его книга „Wereldoorlog" (Zutphen, 1916, Verlag Thieme), представляющая собою сборник его статей, написанных за время войны, образцово трактует именно различия в структуре империализма разных стран.

Спорный пункт между нами и Каутским состоит не в том, слепы ли мы по отношению к различиям в характере империализма (насколько остро видит их сам Каутский, он доказал 3-го августа 1914 г., когда он не понял, о чем шло дело для Германии), и не в том, обратили ли мы внимание на доимпериалистические элементы современной империалистической войны, а в вопросе, нет ли во всех этих империализмах, несмотря на все их различия, одинаково вредных для международного пролетариата свойств, и не должен ли Интернационал с одинаковой решительностью выступить против всех их. Одним словом, вопрос в том, имеет ли мировая война единый характер. Каутский пространно доказывает, что отдельные слои буржуазии не всегда образуют единую реакционную массу. За последние десять лет мы уже читали эти прекрасные рассуждения бесконечное количество раз. Но, конечно, он повторяет их не для того, чтобы доставить нам удовольствие встречи со старыми знакомыми, а для того, чтобы подсунуть нам вывод: подобно тому, как

при различии в структуре буржуазии мы можем некоторую часть пути итти вместе с ней, так нам может быть отчасти по пути и с империализмом.

И действительно, Каутский заявляет, что центр „одинаково отвергает как обязательность безусловной оппозиции, выводимую из империалистического характера войны (которую признают левые радикалы. Прим. автора), так и обязательность (которую принимают социал-патриоты. Прим. автора) безусловной поддержки правительства, выводимую из положения об обороне страны. В каждом особом случае военной обстановки центр руководится особыми его признаками". Мы знаем, что Каутский, которому 3-го августа 1914 г. были неясны „особые признаки" характера войны со стороны Германии, впоследствии уступил силе аргументации французских „признаков", признав особое положение французских социал-патриотов (смотри его заявление в „Vorwärts" от 1-го января 1916 г.). В этом—различие между нашей позицией и позицией Каутского.

В подтверждение нашей слепоты Каутский приводит цитату из „Volksrecht" (от 5-го августа 1916 г.). Она гласит: „Малые государства, владеющие колониями, суть империалистические государства, и бельгийские пролетарии, проливающие кровь за независимость Бельгии, проливают ее, хотя бы и невольно, также и за то, чтобы бельгийская буржуазия могла сосать кровь негров Конго". Каутский возмущенно спрашивает: „Неужели владение этими колониями и независимость Бельгии связаны друг с другом так неразрывно, что нельзя бороться за одно, не сражаясь в то же время и за другое?". Конечно, то и другое не неразрывно. Но помогая Антанте достичь победы,—а иначе нельзя бороться за „независимость" Бельгии,—бельгийские пролетарии тем самым сражаются и за неотделимость Конго от Бельгии. И если Каутский спрашивает: из-за Конго ли Бельгия вступила в войну, то мы очень рекомендовали бы ему прочесть труд историка Ратгена („Prussische Jahrbücher") по вопросу о Конго и мировой войне. Можно во многом не соглашаться с Ратгеном, но не подлежит сомнению, что страх за Конго очень сильно содействовал ориентации бельгийского правительства в сторону Антанты. Того же опасались и бельгийские това-

рищи, когда Бельгия приобрела Конго. Они не питали к капиталистическому правительству Бельгии того доверия, которое одушевляет Каутского; они полагали, что возможность потери колонии, в которой одна Катанга уже представляет собою миллиардную ценность, не может не повлиять на поведение правительства.

Еще более искусственным кажется Каутскому наше утверждение, что благодаря всеобщей связи капиталистических отношений буржуазия малых государств, не владеющих колониями и даже не могущих владеть ими, тоже пользуется выгодами империализма. Мы утверждали, что, с одной стороны, эта буржуазия тоже заинтересована в победе того или другого лагеря, так как капитал ее вложен в империалистические предприятия великих держав, и что, с другой стороны, вложенные в малые государства чужие капиталы значительно влияют на позицию их буржуазии в выгодном для кредитора направлении. По мнению Каутского, все это не более как „отчаянная конструкция". И вот Каутский задает нам сокрушительные вопросы: если это так, то германский капитал, помещенный, например, в России, должен быть заинтересован в победе России, а французский капитал, помещенный в турецких предприятиях, должен быть заинтересован в победе Турции? Но все это одно притворство. Германский капитал тем лучше сможет эксплоатировать Россию, а французский—Турцию, чем больше будет мощь Германии или Франции, потому что поддержка правительства создаст для них лучшие условия эксплоатации отсталых стран.

Правительство малого государства не может защищать свой капитал, экспортируемый за море, и поэтому опирается на великие державы. Так, например, не будь германского империализма, швейцарскому капиталу вовсе не удалось бы принять участие в Багдадской железной дороге, потому что без давления Германии эта дорога и не строилась бы. Каутский спрашивает, не безразлично ли было бы для щвейцарских акционеров Багдадской дороги, если бы ею руководили англичане? Нет, не безразлично, уважаемый товарищ Каутский, потому что швейцарские капиталисты лучше знают проблему Багдадской дороги, чем вы: если в этой войне за Англией останется решительная победа, то

она вовсе не станет строить большую часть этой дороги, ибо это противоречит ее интересам. А это значительно уменьшит виды на прибыль, потому что в этом случае Багдадская дорога стала бы небольшой провинциальной веткой. Так же можно ответить и на остальные сокрушительные вопросы Каутского. Но этого и не требуется. Если бы капиталисты малых государств были так же мало заинтересованы в империалистической политике, как товарищ Каутский, если бы случилось такое чудо, что в центре капиталистического мира находились бы такие оазисы, как целые государства, обладающие высокоразвитым капитализмом, но не затронутые его современными мощными тенденциями, то и это ничего не изменило бы в самом важном факте, особенно подчеркнутом опытом войны: ни одно малое государство,— безразлично, добровольно ли оно вступило в мировую войну, или вовлечено в нее, как жертва империализма,—не может вести самостоятельной политики. Оно борется в качестве участника империалистической коалиции, играя роль слепого орудия общих интересов империализма. Этим решается и вопрос о том, может ли пролетариат малых государств вести ту же политику, что и пролетариат великих держав, или он должен держаться за свои „особые“ признаки.

„Все капиталистические государства преследуют в настоящей войне империалистические цели, если даже признать, что они вовлечены в войну против своего желания“. Все капиталистические государства! Какой слепец написал это? Это написал незадолго до смерти в одной из статей „Avanti“ Густав Экштейн, тот самый Густав Экштейн, про которого Каутский писал в некрологе, что он был мастером политической экономии, и смерть которого Каутский оплакивал, как потерю своей „правой руки“.

Оказывается, левая рука не знала того, что знала и о чем так ясно написала правая. Это доказывает только то, что более молодые теоретики центра вынуждены были после долгого колебания преодолеть то неведение фактов, которое Каутский считает своей особой марксистской заслугой. За деревьями он не видит леса, за империалистами не замечает империализма и империалистической войны. Так приходит он к своей теории особой политики рабочего класса в ка-

ждой стране, смотря по особым ее специфическим признакам, и к теории совершенно особой политики пролетариата малых государств. Возводя уничтожение Интернационала в идеал, он с гордостью заявляет, что такова была позиция и Первого, и Второго Интернационалов. „Нам нужно вернуться к признанию этой позиции, нам не нужно новых интернационалистических точек зрения и новых интернационалов".

Но, товарищ Каутский, в таком случае у вас уже есть все, что необходимо для счастья, и вы можете начать дружеское собеседование с Шейдеманом, Плехановым и Реноделем об „особых" признаках. Это будет пир, который, надо надеяться, найдет своего Платона,—пир социал-патриотов всех стран. Однако, вряд ли он будет способствовать международному пролетарскому делу.

Каутский противопоставляет „слепоте" левых радикалов свою собственную положительную точку зрения. Мы с особым удовольствием покажем ее читателю. Никогда еще ни один философ не показывался в более изодранной и замусоленной мантии, чем этот теоретик центра.

3. „Каждый особый случай—по его особым признакам".

„Верный своим традициям, марксистский центр занимает среднюю позицию и в вопросе о мировой войне. Он одинаково отвергает как обязательность безусловной оппозиции, выводимую из империалистического характера войны, так и обязательность безусловной поддержки правительства, выводимую из положения об обороне страны. В каждом особом случае военной обстановки центр руководится особыми признаками этого случая, но руководится не оппортунистически, не в зависимости от того преходящего успеха, которого можно ожидать, а принципиально, с точки зрения постоянных интересов международного пролетариата". Так определяет Карл Каутский в „Neue Zeit" от 16 го февраля военную политику центра. Чтобы освятить эту политику высшей санкцией, он ссылается на „центриста Маркса", которого он возводит, так, сказать, в предшественники Каутского. Он отрицает, что центр ведет оппортунистическую политику, политику болота. „Бо-

лото стремится к средней точке зрения только до тех пор, пока не выпало решение. Как только положение выяснилось, оно примыкает к более сильной в данную минуту стороне. Оно не в состоянии оставаться в меньшинстве". Не так поступал Маркс, который часто оставался в меньшинстве, когда нужно было отстаивать точку зрения, отвергнутую большинством. Так же, как Маркс, поступает и центр. Всегда и во всем!

Ссылка на политику Маркса настолько дискредитирована с тех пор, как на исполнение его заветов претендуют Шейдеманы и Легиены, что можно было бы оставить притязания Каутского на марксизм в покое: в конце-концов, для Маркса не более оскорбительно называться центристом, чем социал-патриотом, а мировой пролетариат должен учиться находить ответы на мудреные вопросы современности в собственной, а не в чужой голове, будь она хотя бы и львиным челом Маркса. Но так как марксистский метод—это главная наша руководящая нить в лабиринте империалистических проблем, то исследование отношения Маркса к войнам 1848—71 гг. дает нам возможность вскрыть беспринципный, оппортунистический характер политики центра. Ссылка Каутского на Маркса—такое же шарлатанство, как и ссылка на него Шейдеманов и Легиенов.

Какова была точка зрения Маркса в вопросах войны? Каутский утверждает, что она определялась прежде всего вопросом о начале войны, о том, на чьей стороне нападение и на чьей—оборона. Однако, Маркс не считал себя связанным этой точкой зрения на всем протяжении войны. Затем, принимался во внимание и вопрос об исходе войны. Смотря по тем или иным результатам ее для международного пролетариата, Маркс становился на ту или на другую сторону. Мы должны сознаться: подобная вульгаризация точки зрения Маркса не особенно удивила бы нас в устах Ледебура, который во всю свою жизнь оставался добрым демократом 1848 года, и не больше. Но для Каутского это уже слишком.

Мы еще будем иметь возможность проанализировать на конкретном случае точку зрения Маркса, воспользовавшись двумя томами нового издания тов. Рязанова, содержащими большей частью статьи Маркса и Энгельса, посвященные крымской

войне. Но пока-что дело идет только об общей характеристике, которая была ясна для нас и до выхода в свет новых изданий Маркса и отнюдь не выдумана нами специально для полемики с Каутским [1]).

Точка зрения Маркса была чрезвычайно цельна и принципиальна. Он исходил из общего характера эпохи 1848—1871 гг. В порядке дня этой эпохи стояло преодоление государственной раздробленности центральной и южной Европы. Образование единой Германии, Польши, Италии и федерации балканских государств составляло в глазах Маркса и Энгельса большой шаг вперед по пути капиталистического развития, которое, как они надеялись, и должно было в скором времени привести к социальной революции. Если какое-либо государство препятствовало этому развитию, то оно было для них врагом международного пролетариата, а война против него становилась орудием борьбы сначала за капиталистическое развитие, а затем и за социальную революцию. Маркс не спрашивал об обороне или нападении, но, желая достигнуть цели, проповедывал и нападение, как средство. В 1848 году Россия угрожала процессу объединения Германии. Маркс проповедывал агрессивную войну против России. В 1848 году Австрия защищала раздробленность Италии. Маркс и Энгельс выступали против Австрии. Восточная политика русского царя угрожала всему демократическому развитию Европы во время крымской войны 1854 г. Маркс защищал войну западных держав против России. Наполеон III становился на пути объединения Германии—в 1871 г. Маркс и Энгельс признали историческое право за Германией. Когда Германия аннексировала Эльзас-Лотарингию, Маркс и Энгельс видели таящуюся здесь опасность позднейшего усиления царизма и обратились против Германии.

Таким образом, политика Маркса и Энгельса принци-

---

1) Мы дали эту характеристику еще в 1909 году в „Bremer Bürgerzeitung, в нашей серии статей „Внешняя политика германской социал-демократии", а также в теоретическом обозрении польском „Przeglad Socialdemokratyczny" (октябрь 1909 г., „Политика империализма и пролетариат". стр. 459—475). Эти статьи уже содержат очерки той позиции, которую впоследствии развивали мы и другие представители лево-радикализма как с положительной, так и с критической сторон-

пиально определялась их основным положением о значении возникновения сильных централизованных государств в центральной и южной Европе и об опасностях, угрожавших этому прогрессивному явлению со стороны ли России (длительная опасность), или наполеоновской Франции (опасность преходящая). Маркс и Энгельс могли ошибаться и ошибались в частных вопросах (например, они переоценили движущие силы польского движения и недооценили способность австрийских славян к развитию), но политика их вполне соответствовала понятой ими общей тенденции развития; она была методически цельна и давала резко очерченные „признаки" международных условий социалистической политики. Их политика была не „средней точкой зрения", но радикальной позицией; она безоговорочно противопоставляла себя политике Прудона и его сторонников, которые заявляли, что все эти вопросы безразличны для пролетариата, что пролетариат должен ждать действия прудоновских рецептов мирового преобразования капиталистического общества. Политика Маркса была революционной политикой, потому что Маркс не только видел в ней создание предпосылок социальной революции, не только ни на минуту не отказывался от самостоятельности пролетариата, но и ставил перед пролетариатом среди всех великих потрясений, которых он ожидал от этой воинственной эпохи, единую цель — стремиться к власти. Каутскому следовало бы не тревожить великой тени Марксовой политики. Ибо, как показывает цитата, приведенная в начале этой статьи, он видит преимущество центристский политики в том, что она не выводит принципов единой политики международного пролетариата из общего характера эпохи империалистических войн. Маркс ни на минуту не упускал из виду исторических задач периода так-называемых национальных войн, т.-е. образования великих держав в центральной и южной Европе, и борьбы за демократию. Каков характер современной эпохи, каковы ее задачи? Мы, левые радикалы, отвечаем: буржуазия ставит себе задачей образование великих держав, мировых государств; но те же самые тенденции, которые являются основой этого стремления буржуазии, делают исторически возможной во всех капиталистически развитых странах победу социализма, а следова-

тельно, определяют и историческую задачу пролетариата. Какие же задачи диктуют великие исторические битвы Каутскому?

В 1911 году он еще болтал о создании Соединенных Штатов Европы, считая их хотя и капиталистическим, но мирным образованием, и видел в пролетарской революции путь к ним. Теперь он понял, что эта прекрасная цель была бы империалистична, если бы вообще была осуществима, и чувствует, что советовать пролетариату делать революции ради этой цели несколько затруднительно. Вкусив, таким образом, от древа лево-радикального познания и найдя плод горьким, он молча хоронит Соединенные Штаты Европы и остается вовсе без цели. „От случая к случаю",—вот новый лозунг, который означает не что иное, как то, что Каутский не может извлечь из нашей железной эпохи глубочайших потрясений, знаменующих рождение чего-то нового и великого, ни одной общей идеи,—ни для буржуазии, ни для международного пролетариата. Маркс и Энгельс даже в эпоху только еще слагавшихся капиталистических государств уже старались подготовить пролетариат к великим революционным задачам. Каутский же признает зрелость современных экономических условий для социалистического переворота, но не ставит его перед пролетариатом, как актуальную задачу. Соглашение капиталистических правительств,—вот цель его и всего центра. И такое малокровное и худосочное эпигонство претендует на продолжение Марксова дела и оскорбляет Маркса, называя его своим предшественником!

Но допустим, что та подделка, которую Каутский выдает за политику Маркса, истинна; допустим, что при определении международной позиции пролетариата внешняя политика Маркса исходила из вопроса: „оборона или нападение", и затем ориентировалась по результатам того или иного исхода войны. Следовали ли Каутский и весь центр этому мнимому образцу?

3 го августа 1914 года Каутский предложил воздержаться от голосования. Где была тогда оборона и нападение? Ведь, воздержание от голосования могло означать только то, что или ему было неизвестно, кто нападает и кто обороняется, или он не придавал этому критерию значения. Каутский упрекает левых радикалов в том, что именно они не

придают этому значения, что они проходят мимо этого вопроса, не обращая на него внимания. Это неверно. Декларация Карла Либкнехта от 2-го декабря 1914 г. ясно ставит этот вопрос, и мы тоже не менее ясно определили свое отношение к нему (смотри № 16 „Arbeiterpolitik“ от 7-го октября 1916 г.). Если кто не выявил своей общей точки зрения по этому вопросу, так это центр. Мы уже видели, как обстояло дело 3 го августа. Центристы вообще знать ничего не хотели об особой декларации. Впоследствии, говорят они, дипломатические документы научили их кое-чему. И Густав Экштейн в своей уже упомянутой статье в „Avanti“ пишет, что они поняли, „почему наши французские товарищи (т.-е. французские социал-патриоты.—Прим. автора) хотели в первую голову защитить свое отечество от вражеского нашествия. Даже принятие Гэдом и Самба министерских портфелей зачастую приветствовалось радикальными германскими товарищами (т.-е. германским центром, от имени которого говорит Экштейн), которые до тех пор были противниками всякого участия в министерстве, а теперь признали, что критическое положение Франции оправдывает даже такие чрезвычайные меры, как вхождение социал-демократических вождей в министерство, единственной задачей которого является оборона страны“.

Так думали центристы, по свидетельству одного из них; тем не менее, на парламентской трибуне они молчали и только в прессе пытались статьями Каутского и Бернштейна внушить всем „понимание“ политики Реноделей. И когда, наконец, в марте 1916 года центристы обрели смелость защищать свою точку зрения с трибуны, то эти храбрецы скрыли свою позицию страха и обороны, выданную Экштейном, а объяснили свою оппозицию тем, что Германия уже победила, что границы уже обеспечены. Другими словами, до марта 1916 года они считали, что в оборонительном положении находится Германия.

А как обстоит дело со вторым критерием, со значением исхода войны для международного пролетариата?

Во второй половине войны 1871 г. Маркс доказывал, что международному пролетариату выгодна победа Франции, потому что в противном случае аннексия Эльзас-Лотарингии

бросит французов в объятия царизма, а это будет угрозой для всей европейской демократии. Какого мнения держатся теперь Каутский и центр? Если их нападки на левых радикалов, не принимающих во внимание различия между разными империализмами, имеют хоть какое-нибудь значение, то только одно: либо империализм Антанты, либо империализм центральных держав является, по мнению центра, сравнительно менее опасным, и этот менее опасный империализм следует поддерживать. Ренодели, Гиндманы, Плехановы, Потресовы заявляют, что менее опасен империализм Антанты, а Ленши и Реннеры считают менее опасным империализм центральных держав. Соответственно этому они и поддерживают — одни Антанту, другие германскую коалицию.

Левые радикалы отвергают как ту, так и другую точку зрения, заявляя, что, несмотря на все различия в структуре империалистических государств, исторически прогрессивным фактором является только пролетариат. На этом они и строят свою политику. Каково же мнение центра? Каутский декламирует филиппики против положения, устанавливающего реакционность всех империализмов. Он требует различения. Но когда дело доходит до выбора, то он набирает в рот воды. Конечно, не цензура препятствует ему переменить свою точку зрения: если бы его молчание объяснялось цензурными условиями, то можно было бы установить точку зрения центра на основании всей его политической линии. Если бы победа одной из двух коалиций казалась центру прогрессивным фактором, то он должен был бы протестовать против мира без победителей и побежденных. Однако, именно такой исход войны и есть альфа и омега его политической позиции. Все разговоры о „различиях“ — только разговоры и не влекут за собой никаких политических последствий. Центр хочет мира только потому, что война—дело несладкое. Буржуазный пацифизм, усталость масс от войны,—вот что такое центр.

Кончаем. Мы показали, что во всей политике центра нет ни одной додуманной до конца идеи, что у него нет ни общего взгляда на империалистическую эпоху, ни конкретной оценки мировой войны; мы доказали, что он ничего не говорит мировому пролетариату ни о том, что ему делать теперь,

ни о том, что ему надо будет делать в будущем Политика центра есть только выражение того факта, что с тех пор, как военная усталость начала овладевать массами, с тех пор, как возникла опасность, что левые радикалы станут силой, часть социал-патриотов увидела себя вынужденной превратиться в „оппозицию".

Если 4-го августа 1914 г. Вурм заявил, что, отвергнувши военные кредиты, не дойдешь и до Бранденбургских ворот, то позднее он заметил, что и принятие кредитов тоже может стать довольно щекотливым делом. За Вурмом идут Дубейль, Дитман и другие „принципиальные" центристы. Теоретическое обоснование их позиции не может не соответствовать этой оппортунистической бухгалтерии. Они стали оппозиционерами из страха за свое влияние на массы и остаются пассивными потому, что большинство рабочей массы еще не решилось на борьбу. Противоречивая теория Каутского, отсутствие у него всякой ориентации на переворот,—все это отражает лишь фактический характер центристской политики. Если центр предлагает оппозиции временно ввести беспринципность в принцип, то это равносильно предложению оставаться пока бездеятельными. Мы не сомневаемся, что пролетариат не поблагодарит его за это. Тогда, может-быть, товарищ Каутский найдет другие „признаки" и подтвердит их другими цитатами из Маркса.

(Arbeiterpolitik, II. Jahrgang, № 9, 10, 13).

Движущие силы русской революции.

1. Солдатская революция.

Ни одна революция не похожа на предшествующую. У каждой свое лицо. Поэтому при каждом новом взрыве спрашивают: да уж революция ли это? Сравнивая революцию со старыми шаблонами, в недоумении качают головой над ее „незакономерностью". Когда 22-го января 1905 г. сотни тысяч петербургских пролетариев двинулись во главе с попом к царскому дворцу, то многие морщили нос: революция, руководимая попом?.. Точно так же разбирается и оценивается теперь революция, вспыхнувшая 9-го марта 1917 года в Петрограде. Что значат эти солдаты, толпящиеся с великим шумом на ее авансцене? Ведь внешняя причина крушения русской революции 1905—1907 гг. заключалась именно в том, что не удалось перетянуть армию на сторону восставшего народа.

Как бы ни были многообразны более глубокие причины крушения революции 1905 года, главная из них заключалась в переходе буржуазии на сторону царизма и в помощи, оказанной этому последнему заграничным капиталом. Внешней причиной ее поражения были штыки крестьян, одетых в солдатскую форму. Во время же революции 1917 года солдаты петроградского гарнизона громили арсенал, распределяли в народе оружие, оказывали сильнейшее давление на думу, и мало того, что всему этому не противодействует младшее офицерство, но пока-что ничего не слышно и о противодействии вождей армии, генералов Брусилова, Рузского, Эверта. Не наталкивает ли это на мысль, что присоединение солдатской массы к рабочим воспоследовало с согласия гене-

ралитета, и что, следовательно, эта революция является революцией военной, повторением на более широкой основе младотурецкой революции 1908 года?

Нет, это не так. Прежде всего нужно констатировать тот несомненный факт, что революция началась с рабочих беспорядков, массовых забастовок и демонстраций. Сначала солдаты во многих местах стреляли в народ. И только потом они начали присоединяться к демонстрантам отдельными отрядами, пока не вспыхнул, наконец, весь петроградский гарнизон. За рабочей революцией последовал солдатский бунт. Однако, между ним и так-называемой военной революцией нет никакого сходства. Военные революции, как, например, восстание декабристов или те революции, которые знала впоследствии история Испании, Португалии и, наконец, Турции, были государственными переворотами, производимыми офицерством, этой единственной организованной силой отсталых стран. Солдатская масса обычно вовсе не вовлекалась в борьбу, а если и вовлекалась, то лишь как пассивная, грубая сила, руководимая офицерами. В русской же революции 1917 года впереди шли солдатские массы, а не генералы. Что представляют собой эти солдатские массы? Это—крестьяне и рабочие, пережившие историю двенадцати лет революции и контр-революции и двух с половиной лет войны и потрясенные всем этим до самых глубин. Это—рабочие, еще до войны начинавшие оправляться от ударов контр-революции, строившие перед самым началом войны баррикады в Петрограде. Это—крестьяне, пролетаризованные столыпинской аграрной реформой, оторванные войной от дома и земли. Вот что такое эта солдатская революция. Война одела широкие народные массы в солдатскую форму, но она только усилила этим их революционные тенденции. Противоположность между народом и армией была уничтожена, так как народ сам превратился в армию. И еще в одном отношении война облегчила переход части армии на сторону рабочих. Большие потери в офицерском составе заставили правительство привлечь к офицерской службе учащуюся молодежь, народных учителей и т. п. Разумеется, эти демократические элементы не могли служить плотиной против проникновения в армию революционных тенденций. То, что генералитет был против этих

тенденций, не требует особых доказательств. Попытки революционной агитации подавлялись в русской армии такими же драконовскими мерами, как и во всякой другой. Конечно, Брусиловы и Эверты ничего не имели против обновления правительства либералами, что могло улучшить ведение войны. Но они прекрасно понимали, что революция не есть подходящий для этого путь. Если, тем не менее, они не послали против восставших в Петрограде войск других полков, то только потому, что в этом случае им пришлось бы считаться с возможностью перехода каждого полка, посланного в Петроград, на сторону революции. Так, по свидетельству „Times" сказал царю генерал Рузский. Роль солдат в революции, которая как-будто говорит за ее национальный, а не пролетарский характер, свидетельствует лишь об ее глубине и широте. Армия пришла в движение не по команде сверху, а благодаря электрической искре, перекинувшейся в казармы с улиц. Этим определяется весь характер этого военного восстания. Если в армии и имеются влиятельные революционно-патриотические элементы, надеющиеся одержать победу над прусским милитаризмом во главе революционных войск, то все же рабоче-крестьянская армия восстает на тридцать втором месяце войны не для того, чтобы продолжать войну еще 32 месяца. Участие армии в революции, по видимости придавшее этой революции воинственный характер, на самом деле усилит революционные стремления к миру. Здесь мы сталкиваемся с носителями империалистических тенденций, желающими использовать революцию, как путь к победе, т.-е. с империалистической буржуазией, участие которой в революции является второй характерной чертой, отличающей 1917 год от 1905.

2. Империалисты-революционеры.

Московский национально-либеральный капиталист Гучков и представитель землевладельцев консерватор Шульгин предложили в Пскове царю всемилостивейше отречься от престола. Не есть ли это повторение событий января 1905 года, когда капиталисты выплачивали рабочим жалованье за дни политических забастовок, чтобы потом, когда выяснилось,

что после своей победы над самодержавием пролетариат начнет борьбу за восьмичасовой рабочий день, броситься в объятия царизма? Или, может-быть, буржуазия убедилась в непримиримости своих интересов с интересами царизма и решилась сделать основательную революцию? Не оказались ли правы оппортунисты русской социал-демократии, утверждавшие, что революция победит только тогда, когда во главе ее станет буржуазия? Ответ на эти вопросы дают факты.

В первые месяцы революции 1905 года буржуазия еще не осознала с достаточной ясностью противоположности своих интересов и интересов пролетариата. Она надеялась, что рабочие станут вытаскивать для нее каштаны из огня. В годы войны она не повторила этой ошибки молодости. Она ни на один момент не забывала своей десятилетней борьбы с пролетариатом и на каждом шагу боязливо оглядывалась, как бы ее конфликты с самодержавием не привели в движение рабочую массу.

Нет, блаженный туман и заблуждения юной любви не коснулись постаревшей на десять лет буржуазии. Напрашивается мысль: не является ли ее участие в пролетарской революции браком по расчету? По расчету, например, сделать уступки пролетариату и зато взять в свои руки власть? Но и это не так. За последние десять лет русская буржуазия мощно сорганизовалась. Она создала картели, акционерные общества и союзы предпринимателей, организовалась во время войны в военно-промышленные комитеты; в лице Земского и Городского Союзов и Красного Креста она взяла в свои руки не только санитарное дело, но и большую часть снабжения армии. Эту работу она несла не как служанка царской военной политики; она делала ее потому, что видела в мировой войне средство удовлетворения собственных интересов.

В России за империалистической политикой стоят не такие широкие круги буржуазии, как в Англии и Германии. Но не подлежит сомнению, что эту войну поддерживают более широкие круги капиталистов, чем это было во время войны с Японией. Завоевание Константинополя и Армении, которое покончило бы с независимостью Персии, не только

открыло бы России новые рынки, но и усилило бы ее международное положение, а тем самым дало бы нуждающейся в капиталах русской буржуазии более благоприятные условия кредита. Победа над Германией облегчила бы заключение выгодного торгового договора, т. е. такого договора, который усилил бы защиту русской промышленности запретительными пошлинами и тем создал бы еще более высокую картельную ренту. С 1907 года империалистическая политика объединила буржуазию с царизмом, а в тех требованиях, которые эта политика ставила государственному устройству, буржуазия видела средство принудить царизм к уступкам во внутренней политике.

Ход войны доказал, что хотя русский милитаризм и сделал со времени русско-японской войны больше успехов, чем можно было предполагать, однако бюрократия сохранила всю свою испорченность и неспособность к разрешению колоссальных задач снабжения фронта и организации тыла. В сущности, всю работу, как уже сказано, выполняла буржуазия и ее организации. Она и надеялась, что это положение вещей получит свое политическое оформление. Она пыталась воздействовать на бюрократию уговорами, но получала в ответ только удары. Она протестовала — и снова получала удары. Тогда буржуазия решилась, наконец, немного укротить своего противника, сперва при помощи союзников, которые видели, что русская буржуазия лучше организует ведение войны, чем царские воры, и сможет дольше выдержать борьбу с Германией. Английский посол Бьюкенен демонстративно поддерживал империалистически-буржуазную оппозицию, лорд Мильнер, по открытому заявлению „Manchester Guardian“, приехал в Россию для того, чтобы убедить царя сделать ей уступки. Когда и это не помогло, то буржуазия попыталась сговориться с либеральными адмиралами и генералами, чтобы общим давлением на царя вынудить у него назначение либерального министерства. Дальше итти буржуазия не намеревалась. Почтительная угроза небольшим путчем, — его величество образумится, и можно будет бодро продолжать войну. Таков был план. О революции не думали, ее не хотели и боялись. Ее и не делали.

Еще 10-го марта буржуазия пыталась помириться с царем. К ее несчастью, царь не пошел на компромисс. К этому присоединился еще новый фактор, вставший за спиной буржуазии,—пролетариат и солдаты, сражавшиеся с самодержавием 8-го марта на улицах. Они поставили буржуазию перед совершенно новым положением. В Петрограде стоял вооруженный народ, а царь убежал, т.-е. объявил буржуазии войну. Как могла она теперь отказаться от помощи народа? Это было бы самоубийством. Буржуазия шла на семейную ссору с царем, а попала в революцию.

Революцию совершил пролетариат в рабочей блузе и солдатской шинели. „Революция, повидимому, началась как солдатское восстание, поддержанное рабочими, но дума скоро и крепко взяла власть в свои руки“,—так писал „Times“ 16-го марта. Это замечание большой английской консервативной газеты, сделанное под свежим впечатлением событий, попадает не в бровь, а прямо в глаз, и вскрывает ложь той же самой газеты, уличающей теперь русских рабочих в том, что не они завоевали власть, и заявляющей, что поэтому они должны вести себя смирно и помогать буржуазии победить немцев.

Несчастная газета ошибалась, когда 16-го марта высказывала надежду, что самые опасные дни миновали, т.-е. что революция уже кончилась. Революция только начинается, и решающую роль сыграет в ней рабочий класс. Поэтому надо бросить взгляд на то, что сделано ею до сих пор. Отсюда можно будет вывести и основные линии ее будущей политики.

3. Роль рабочего класса.

Движущей силой теперешней революции, как и революции 1905 года, является рабочий класс. Волнения мелкой буржуазии, стремление буржуазии к власти,—все это было лишь теми благоприятными условиями, благодаря которым революционный порыв пролетариата смог так быстро превратиться в революцию и, прежде всего, нанести оглушающий удар самодержавию. Без поддержки мелкой сельской и городской буржуазии пролетариат не сможет победоносно провести революцию, а если он победит буржуазию, то в

такой аграрной стране, как Россия, он не сможет надолго укрепить свою победу без помощи крестьян. Мы подчеркиваем сейчас эти моменты не для того, чтобы установить перспективы развития,—это будет задачей следующих статей,—а для того, чтобы показать, что мы вовсе не переоцениваем силы русского пролетариата.

Мы видим их пределы, но это не уничтожает того факта, что движущей силой революции 1917 года, как и революции 1905 года, была не буржуазия, а рабочий класс.

Революция 1905 года началась „крестным ходом" пролетариата к царю 22-го января, а окончилось её победоносное шествие подавлением московского восстания в декабре 1905 года. В течение 1906 г. она пыталась удержать израненными руками завоеванные позиции, но палочные удары по желудку, которые наносили ей капиталисты, и расстрелы самодержавия сокрушили ее. Петербургские рабочие еще раз подняли голову, когда в царский суд повлекли социал-демократических депутатов второй думы. Пролетарии Петербурга расстреляли последние патроны, чтобы их делегаты, проходя свой тяжкий и доблестный путь, знали, что пролетариат с ними. А затем над пролетариатом нависла мрачная ночь царской реакции, и лишь изредка доходили до него вести о вырванных из его рядов борцах, томившихся за тюремной решеткой.

Часть социал-демократии (ликвидаторы) капитулировала: частью покинула ряды партии, частью же стала на ту точку зрения, что единственная задача, стоящая перед социал-демократией, заключается в том, чтобы образовывать всякого рода организации, которые дали бы рабочему классу возможность постепенно завоевать крепкие позиции в России, окончательно покинувшей путь буржуазных революций и ставшей на путь медленного развития. Но радикалы партии, большевики, оставались верными своим революционным целям. До тех пор, пока самодержавие и буржуазия не удовлетворили крестьян, нужно стремиться к насильственному ниспровержению царизма, направлять борьбу партии на эту цель, а не на реформы, использовать все легальные возможности только для этой цели. Между этими двумя точками зрения, между ликвидаторами, считавшими революцию кон-

ченной и полагавшими своей ближайшей задачей реформы, и большевиками, имелось еще среднее направление, представленное, главным образом, Троцким. Оно не отказывалось от революции, но путь к ней видело в борьбе за частичные реформы. Когда в 1912 году, благодаря улучшению экономической конъюнктуры, рабочее движение, разгромленное в 1906—7 годах, снова стало поднимать голову и после ленской бойни стало приобретать бурный характер, то партийные споры были разрешены фактическим ходом событий. Большинство пролетариата, действительно приступившее к борьбе, ставило себе целью не реформирование самодержавия, а его ниспровержение. Оно не хотело принимать борьбу за реформы даже в качестве исходного пункта и прямо повело решительное наступление на царизм. В июле 1914 года, в последний месяц перед началом войны, Пуанкаре мог видеть в Петербурге баррикады и демонстрирующие толпы. Если бы война не обострила до такой невероятной степени всех противоречий русского общественного строя, то, быть-может, эта борьба окончилась бы не полной победой над царизмом, а только реформами. Но и в этом случае все те, кто видит путь к революции в борьбе за реформы, убедились бы, что история знает и иную диалектику что можно дойти до реформ путем революции. История уже вполне оправдала большевиков, осудив ликвидаторов и троцкистов. Насколько большевики были правы в своей политике разрыва с ликвидаторами,—доказало превращение большинства ликвидаторов в социал-патриотов.

Война сперва приостановила борьбу рабочего класса. Заграничные социал-патриоты полагали, что антивоенная позиция большевиков и их пропаганда массовой революционной борьбы не имеют никакого значения. Они считали большевиков ничтожной кучкой озлобленных царизмом идеологов, которым нечего терять. Даже когда из России стали приходить сведения о борьбе все растущей части рабочих масс, о забастовках на заводах военного снаряжения, о демонстрациях, все это казалось явлением симптоматическим, но не имеющим большого реального значения. Лозунг большевиков: „не гражданский мир, а гражданская война", казался многим центристам и „реальным политикам" преувели-

чением, которое исправит сама жизнь. По их мнению, социал-демократии вполне достаточно сохранять чистоту рук и не брать на себя ответственности за войну.

Теперь Россия горит огнем гражданской войны,—горит в буквальном смысле этого слова. Гражданская война вспыхнула против воли буржуазии. Под давлением пролетариата царь устранен и взят в плен, палачи реакции арестованы, великий князь Николай Николаевич устранен от верховного командования. Пролетариат немедленно создал советы рабочих депутатов, это орудие борьбы, выросшее в 1905 году из самых недр масс, как непосредственное представительство класса. Кроме того, он вооружился. Против кого? Как против живых еще сил старого режима, так и против нового режима буржуазии. Новый режим еще не обеспечен от реакционного переворота. Пока что побежден только царь, но демократия еще не проведена в жизнь. Не слишком ли рано вооружает радикальная социал-демократия народ для дальнейших боев? Не слишком ли рано ставит она дальнейшие требования, и притом не только в области демократии (требуя установления республики), но и в области социальной (добиваясь восьмичасового рабочего дня для пролетариата и земли для крестьянства)? Так как эти требования направлены против власть имущих не только вчерашнего, но и сегодняшнего дня, то пресса Антанты говорит о контр-революционности большевиков и вообще рабочего класса. Но достаточно одного взгляда на силы реакции и на международное положение революции, чтобы видеть, что если бы социал-демократия объявила революцию законченной, то эта революция не принесла бы рабочим и крестьянам никакой пользы.

4. Тактика рабочего класса.

„Россия радостно приветствовала новый режим, и поэтому смешно говорить о возможности восстановления господства реакции. Но экстремисты (т.-е. революционные социал-демократы—К.Р.) настаивают на опасности возвращения рабочих на фабрики и солдат к своим обязанностям". Так телеграфировал 20 го марта корреспондент „Times'a", сообщения которого,

несмотря на свое лукавство, все же лучше других дают возможность проникнуть в противоречивые течения революции. А официозная заметка в парижском „Temps'e" от 27-го марта гласит: „Теперешнему правительству не приходится особенно опасаться реакционного переворота. Но, кажется, ему приходится опасаться социалистов, которые оказываются революционерами в полном смысле этого слова". Опасность не в старом режиме, а в пролетариате,—вот лозунг, который дает русской буржуазии английский и французский финансовый капитал. Такова их точка зрения. Но русская буржуазия слишком слаба для того, чтобы немедленно рассчитаться с пролетариатом, и она пытается убаюкать его первой частью контр-революционного лозунга, т.-е. радостными кликами: старый режим умер! Никогда еще силы реакции не складывали оружия без отчаянного сопротивления. Менее всего можно ожидать этого от русских дворян и бюрократов: год за годом экономическое развитие и их собственное бездарное хозяйничание губили их положение полуфеодальных помещиков. Государственная власть—их последний якорь спасения. Она—единственный источник денег и власти для шайки бюрократических воров и кровопийц. Если они не хотят погибнуть, то им придется бороться не на живот, а на смерть. Они оглушены событиями, они еще не вполне понимают, чего им ожидать от тех или иных участников борьбы. Они хотят выждать, чтобы испуганный ростом рабочего движения буржуа сам бросился в их объятия.

Но может ли пролетариат защитить себя путем „умеренности"? Если он откажется от борьбы за хлеб, свободу и мир, то теперешние буржуа станут расточать ему хвалы; они смогут держаться против Николаев, но рабочие будут попрежнему проливать свою кровь за империализм и, в конце-концов, останутся с пустыми руками. Есть только одно средство обеспечить себя от старого режима. Это—укрепление революции окопами и баррикадами, укрепление политическое и социальное. Социальное укрепление заключается в том, чтобы пролетариат немедленно вооружился, немедленно добился выборов в городские думы, взял в свои руки административный аппарат, переселил не имеющих крова в дома богатых и выступил с драконовскими мерами против военных

спекулянтов. Органы местного самоуправления должны немедленно наладить крестьянский волостной аппарат, побудить крестьян к захвату земли и помещичьих имений, оказать им помощь в обработке земли. Большие комиссии и советы рабочих депутатов должны громко провозгласить требование, чтобы фабрики выделывали сельско-хозяйственные орудия, чтобы солдаты-крестьяне были отпущены в отпуск для обработки земли. Последнее невозможно без прекращения наступательных операций, имеющих целью обеспечить русскому капитализму Персию, Армению, Дарданеллы, и без оборонительной тактики на германском фронте.

А это ведет к политическим требованиям немедленного перемирия, мирных переговоров, восьмичасового рабочего дня, выборов в учредительное собрание на основе всеобщего равного избирательного права для мужчин и женщин, суда над Романовыми. Можно ли представить себе более действительные требования? Борьба за эти цели встряхнет пролетариат и так крепко свяжет рабочую и крестьянскую массу России с судьбами революции, что реакции не придется рассчитывать ни на темноту крестьян, ни на усталость рабочих. Однако, не есть ли все это „планы" революционных алхимиков, высиживающих свои рецепты в ученых кабинетах?—Кто внимательно следит за хаосом телеграмм из Петрограда, печатающихся в большой прессе, тот заметит, что мы только систематизировали то, что в силу необходимости уже проводится на местах радикально настроенными рабочими. „Times" от 24-го марта уже сообщал даже о требовании солдат, чтобы старшие возрасты были отпущены на полевые работы.

Иначе и быть не может. Пролетариат должен стараться использовать победу в своих интересах. Это-то использование собственной победы для собственных интересов пролетариата и есть анархия, фанатизм, экстремизм тех „неизвестных ораторов" из совета рабочих депутатов, которых так ругают „Temps" и „Times". То Антей припадает к матери-земле, чтобы набраться новых сил.

А если так, то эта „окопная" работа пролетариата рано или поздно приведет его к столкновению с „новым" правительством империалистической буржуазии, которое окажется

в одном лагере с силами старого режима. Пролетариат не стремится к немедленному свержению нового правительства, но хочет только оборониться от его слишком загребистых рук, пытающихся отнять у него все плоды победы. Но так как он не желает сдаваться на милость старых эксплоататоров, то дело, по всей видимости, дойдет до борьбы не на живот, а на смерть.

Исход этой борьбы будет зависеть от того влияния, которое получит русская революция.

5. Борьба за мир.

В центре всех вопросов революции стоит вопрос о войне и мире. Хотя исторические корни настоящей революции и лежат гораздо глубже (ведь она—результат не только войны, но и длительного процесса развала России и революционной борьбы), однако, развязала революцию именно война. Буржуазия стала в оппозицию к самодержавию, потому что надеялась вести войну лучше его; а народные массы восстали, потому что хотели бороться против ужасных последствий войны. Но не только это возникновение революции из войны ставит вопрос о ней в центре всех революционных проблем. Самодержавие пало, но новое здание еще не построено. Здесь возникает вопрос: как повлияет продолжение войны и ее исход на внутреннее строительство России? Так концентрируются все противоречия революции, все ее проблемы на вопросе: война или мир?

Империалистическая буржуазия желает войны до победного конца. Ради этой победы она и фрондировала против царизма, и способствовала созданию такого положения, которое облегчило победу революции. Проповедуя войну до победного конца, она в то же время заявляет, что служит делу демократизации России. Только достигши своих империалистических целей,—и в первую голову завладевши Константинополем и свободным проходом через Дарданеллы,—Россия, по мнению буржуазии, откроет перед собою широкие перспективы экономического развития, без которых невозможно внутреннее ее благоустройство. Разгром Австрии, поражение Германии, общая победа Антанты,—вот залог

демократического строя Европы, который обеспечит Россию от контр-революционных посягательств Германии. Поэтому каждый, кто не выступает за империалистическую войну вместе с господами Гучковыми и Милюковыми, есть предатель России. Но русский рабочий не даст одурачить себя сказками. Он слишком хорошо знаком с господами Милюковыми и Гучковыми, с крупными капиталистами, с либеральными помещиками и профессорами. Революция 1917 года не знала медовых месяцев. Все ее деятели так близко соприкасались между собой в эпоху 1907—1916 гг., что слишком хорошо познакомились друг с другом. Правда, либеральные буржуа типа Милюкова все время нападали на самодержавие, но в то же время они всегда были готовы вступить с ним в заговор против демократии. Они боролись не за свержение самодержавия, а за ограничение и модернизацию его. Еще 14-го марта, когда революция уже победила, Милюков выступал за конституционную монархию и против республики. И если, в конце-концов, центральный комитет кадетской партии объявил себя сторонником республики, то это случилось только под беспрерывно растущим давлением масс. Поэтому массы не могут доверять кадетам. Что же до господина Гучкова и его партии октябристов, то тут дело еще яснее. Начиная с 1905 года не было такого преступления самодержавия, к которому не приложила бы руку эта партия крупных капиталистов, заклятых врагов пролетариата. И они-то хотят быть защитниками демократии! Они-то собираются вести войну за обеспечение республики в России! Только борьбой против них, борьбой не на живот, а на смерть, до полного их разгрома, может быть обеспечена русская республика. Такую борьбу нужно вести и против выставляемых ими целей войны. Эти цели не только не являются предпосылкой экономического развития России, а, наоборот, в случае своего осуществления возложат на нее тягчайшее бремя. Константинополь и свобода проливов не имеют для России никакого значения. Если Россия будет жить с Турцией в мире, то она может посылать свои хлебные грузы куда и когда ей угодно. Дарданеллы нужны России только в том случае, если она и впредь будет вести хищническую империалистическую политику, если она пойдет на авантюры

в Средиземном море. Но это вызовет новые громадные вооружения и снова завяжет такие политические узлы, для рассечения которых понадобится кровь миллионов русских крестьян и рабочих.

Для достижения цели кадетов и октябристов нужна война до полного обескровления Европы, до ее полного истощения. И если эта цель будет достигнута, то русским крестьянам и рабочим придется готовиться к новым войнам. Ясно, что интересы русской революции требуют решительной борьбы с кадетами и октябристами и их правительством. Кто сидит в этом правительстве, как, например, мелкобуржуазный демократ Керенский, тот предает интересы революции, каковы бы ни были его субъективные намерения.

Да, говорят нам, мы должны бороться против империалистических целей войны, но, тем не менее, мы не можем сложить оружия, пока не побеждены прусский милитаризм и Гогенцоллерны. Если они выйдут из войны целыми, то русская республика погибнет. Мы должны до тех пор защищать штыками молодую русскую свободу, пока угрожающие ей извне опасности не будут устранены победой Антанты. Так говорят не только явные социал-патриоты Плеханов, Потресов, Чхенкели, но и центристы, как депутат Чхеидзе, Скобелев, и их приверженцы, формально признающие постановления Циммервальда. На этой точке зрения стоит большинство Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, представители народных масс Петрограда. Пресса Антанты торжествует: за исключением „экстремистов" - большевиков, этих купленных германских агентов или безумных фанатиков, все русские социалисты стоят за продолжение войны, считая ее оборонительной. И если бы социал-патриоты и центристы имели надежду сохранить большинство, которым они временно располагают в совете рабочих депутатов, то Антанта имела бы все основания прижать их к своему сердцу: работа господ социал-патриотов, как и центристов, не только идет на пользу империалистическим целям Антанты, но и на-руку Милюковым и Гучковым, т.-е. противникам революции, противникам республики. Господа социал-патриоты и центристы заявляют: да, мы против империалистических целей войны, мы против того, чтобы русские

крестьяне и пролетарии проливали кровь ради захвата Дарданелл и Константинополя. Мы хотим только защитить русскую республику от прусских штыков. Все это очень хорошо. Но если у власти останется империалистическая буржуазия, если в правительстве останутся Гучковы и Милюковы, то восторжествуют не пожелания социал-патриотов и центристов, а цели русского империализма и Антанты. Если Антанта победит при помощи русских социал-патриотов и центристов, то это будет победой империализма, а не тем миром без аннексий и контрибуций, к которому стремится совет рабочих депутатов. А если русские рабочие и крестьяне свергнут временное правительство империалистической буржуазии и откажутся от всех империалистических соглашений и обязательств, заключенных царским и признанных временным правительством, то они смогут заявить: мы обеспечили республику, которая не ставит себе завоевательных целей. Тогда они смогут сказать: кто идет против нас, тот ведет завоевательную войну,—и апеллировать к пролетариату всех стран, призывая его к заключению мира всех народов. Только тогда русская революция сможет выставить лозунг: мир народов и долой империализм; только тогда настанет 1793 год русского пролетариата и крестьянства, борьба русской революции со всеми силами мировой реакции! Мы еще увидим, имеются ли налицо необходимые предпосылки для такой революционной борьбы; сейчас мы только хотим установить, что просто смешно, когда Чхеидзе и Скобелевы кутаются в плащ Дантона. Пока-что они только помогают врагам республики,—и не только жирондистам, но и фельянам русской революции, не только кадетам, но и октябристам. В самом деле, каково истинное значение лозунга „мы продолжаем оборонительную войну"? Он означает только то, что русские солдаты пока-что попрежнему проливают кровь за империалистические цели; он означает гражданский мир внутри государства.

Совет рабочих депутатов может сколько ему угодно изо дня в день препираться с временным правительством, как об этом сообщают газеты. Но он не может сказать рабочим: защищайте свои пролетарские права, как вы защищали их в декабре 1905 г.! Потому что этим социал-патриоты и центристы страшно повредили бы ведению войны, нарушив и

ослабив производство снаряжения. Если они хотят „пока-что" защищать отечество, то они не должны настаивать на немедленной демократизации армии и уничтожении привилегий офицерства, потому что борьбой за такие цели они сразу понизят боеспособность армии. Если они хотят сохранить старый генералитет,—а устранение его, без сомнения, повредит боеспособности армии,—то они не должны говорить крестьянам: немедленно захватывайте земли помещиков. Скажи они это, и господа генералы, связанные с помещиками кровными узами, конечно, задумаются над вопросом: уж стоит ли защищать такое неблагодарное отечество?

Одним словом, пока-что социал-патриоты и центристы хотят под руководством Гучковых и Милюковых защищать отечество и молодую русскую свободу от прусского милитаризма. Но, как показывает история всех революций, эта свобода может быть защищена только в том случае, если рабочий класс и крестьянство, не дожидаясь учредительного собрания, станут сами, снизу, проводить демократию и, завладев политической властью, обеспечат ее социальными преобразованиями. Если социал-патриоты и центристы желают продолжать войну под руководством империалистической буржуазии, то они должны отказаться от этого подлинного обеспечения. Желая обеспечить революцию, они предают ее врагам. Единственной реальностью остается война за империалистические цели.

Но, к счастью для революции, ее логика сильнее социал-патриотов и центристов. Она не поддается укрощению, несмотря на все старания либеральной буржуазии и ее социалистических сподручных. Как сообщает со скрежетом зубовным большая пресса Антанты, борьба трудящихся за проведение демократии, за восьмичасовой рабочий день и за землю продолжается. Эта борьба направлена и против продолжения войны. Борцами выступают санкюлоты русской революции, ее передовые бойцы, революционные интернационалисты — социал-демократы-большевики, не затуманенные республикански-революционными иллюзиями. Рост их сил лучше всего доказывается яростью, с которой обрушиваются на них „Times" и „Temps", эти официозы европейского финансового капитала.

Ближайшие судьбы русской революции и европейского переворота, судьбы мира зависят от судеб этой политической партии. Вопрос об ее позиции и ее борьбе, к которому мы обратимся теперь, совпадает с вопросом о перспективах русской революции.

6. Позиция большевиков.

Русские революционные социал-демократы — б о л ь ш е в и к и были той группой русских социалистов, которая вела наиболее энергичную, наиболее последовательную борьбу с самодержавием и даже в самую мрачную пору реакции неуклонно стремилась к его свержению. Им, вернейшим стражам революции, нечего доказывать свое стремление защищать ее от всех врагов. Русские революционные социал-демократы, в самой резкой форме подчеркивавшие с самого начала войны ее империалистический характер и в соответствии с этим стремившиеся в Циммервальде и Кинтале к единому фронту против всех империалистических правительств, остаются на своей прежней точке зрения. Насчет этого нет никаких иллюзий и у центральных держав. Но в политике важны не намерения, а результаты. Каковы предпосылки б о л ь ш е в и с т с к о й п о л и т и к и, и какие может она иметь последствия? На этот вполне законный вопрос и надлежит дать ответ.

Во внутренней политике большевики исходят из того положения, что носителей русской революции следует искать только в рабочем классе, недовольном, беднейшем крестьянстве и мелкой буржуазии, при чем единственно последовательным и сознательным авангардом ее является рабочий класс. Поэтому демократия может быть завоевана в России только борьбой с крупным капиталом. В той стадии развития, в которой находится сейчас Россия, — в стадии, когда громадные пролетарские массы противостоят концентрированному капиталу, когда в деревнях царит величайшее недовольство, когда на окраинах России пробуждаются малые народности,—русский капитал будет стремиться заполучить в свои руки возможно большую власть и урезать демократию. Нельзя доверять его представителям, партиям кадетов и октябристов. Пролетариат должен т е п е р ь ж е,

немедленно осуществить демократию. При этом он натолкнется на сопротивление не только русского, но и иностранного капитала. Пресса Антанты пытается запугать русских революционеров призраком прусского штыка. Но пресса эта уже сама намекает (смотри выпады „Фигаро“) на то, что иностранные кредиторы в праве требовать порядка в России. Нетрудно видеть причины этого: в капиталистической стране с деятельным пролетариатом, в котором живо классовое самосознание, демократия означает напряженнейшую борьбу за восьмичасовой рабочий день, за настоящее рабочее законодательство, за политический контроль. Все это уже прямо направлено против безраздельного господства капитала, в том числе и заграничного, а этот последний играет в народном хозяйстве России большую роль. Если еще принять во внимание, что русский капитал стремится вести империалистическую политику, и что английский капитал толкает Россию по тому же пути, то станет ясно, что и тот, и другой не могут не противиться победе революции. Таким образом, борьба хотя бы за одну лишь демократию означает для русского рабочего класса не только разрыв со своим национальным капиталом, но и острейшую борьбу с капиталом мировым.

Эту борьбу предстоит вести в обстановке, когда не существует внешнего единого фронта мирового капитала, когда борьба между капиталами центральных держав и Антанты достигала величайшего напряжения. Достаточно одного взгляда на положение, чтобы увидеть, что ближайшим врагом, который всеми силами будет препятствовать проведению демократии и всячески тормозить ее, являются сами русские капиталисты. Сейчас власть в их руках. Их поддерживает английский и французский капитал. Он пользуется „германской опасностью“, чтобы оттянут процесс демократизации России, а впоследствии и остановить его. Кто объединяется с ним, тот убивает революцию. Если русский рабочий класс будет терпеть режим капиталистов и ограничит свои пролетарские цели, чтобы защитить революцию от внешней опасности, то он выдаст себя внутреннему врагу. Если же он развернет свои силы во всю ширь, то свергнет внутреннего врага.

Указание на перспективу пролетарского 1793 года служит ответом на вопрос социал-патриотов и центристов: вы хотите предать русскую революцию внешнему врагу? Большевики отвечают на это: ни внешнему, ни внутреннему!—Подобно тому, как мы не можем победить внутреннего врага революции—русский капитал—союзом с внешним врагом, мировым капиталом или какой-либо частью его, так и внешнего врага нам не победить в союзе с внутренним. Если бы мы помогали Гучковым и Милюковым в поражении Германии, мы обеспечили бы этим англо-саксонскому капиталу—сильнейшей части мирового капитала—эксплоатацию мира и расхищение России. Русский пролетариат может непосредственно бороться только с русской буржуазией.

(Arbeiterpolitik, II Jahrgang, № 13, 14, 15, 16, 18).

Гарантии.

Антанта распространяет в России слухи о грозящем наступлении немцев на Петроград, а новые русские правители помогают широкому распространению этих слухов. Не нужно создавать себе на этот счет никаких иллюзий: широкие круги мелкой буржуазии и часть рабочих верят им. Русским правителям эти слухи нужны для контр-революционных империалистических целей. Угроза германского нашествия летом 1915 года была восприемником русского социал-патриотизма. Из боязни контрибуций и препятствий экономическому развитию России часть рабочих пошла за социал-патриотами, которые говорили: с русским самодержавием мы в свое время справимся, но если остановится наше экономическое развитие, то будут подорваны и революционные силы. Итак, давайте защищать страну, несмотря на самодержавие. Такое настроение позволило буржуазии завлечь часть рабочих и использовать их сотрудничество в военно-промышленных комитетах. Теперь, когда революция сокрушила самодержавие, когда буржуазии приходится стараться спасти что можно от старого режима, а развитие революции ставит на очередь борьбу за грядущий мир, — теперь германская опасность является единственным средством, которое могло бы парализовать революционные силы пролетариата. Ясно, на чем играют русские империалисты. Лозунгом „отечество в опасности“ они хотят поддержать в рабочих воинственное настроение и использовать их ненависть к национальному угнетению для своих империалистических целей.

Однако, то, что для империалистов является только контр-революционной уловкой, для русских народных масс есть горькая действительность. Они проливали кровь за демокра-

тию, свергли самодержавие, борются за республику, от которой в опьянении первой победы ожидают спасения от всех зол. И вот им говорят: в 1871 году германское правительство, чтобы разгромить Парижскую Коммуну, предоставило французским дворянам французских солдат, находившихся в германском плену. Им говорят: Германия помогала царю преследовать русских революционеров; они пользовались полной свободой в Англии и во Франции, но в Германии за ними охотились, как за дичью. Наконец, им говорят: Германия—монархия, граничащая на западе с республикой: будет ли она терпеть еще одну республику на своих восточных границах? Германия хочет использовать революцию в России, чтобы на востоке нанести сокрушительный удар Антанте. Когда Россия будет сломлена, то Германия поможет Романовым возвратиться на престол, и за это они сделают ей ряд уступок во внешней политике. Итак, смыкайте ряды вокруг Гучкова и Милюкова! Вы защищаете революцию, вы защищаете все теперешние и будущие завоевания революции!

Повторяем: не подлежит сомнению, что эта агитация имеет большой успех в некоторой части русского рабочего класса, не говоря уже о мелкой буржуазии. Она представляет опасность для позиции наших единомышленников, большевиков, видящих лучшее средство для мобилизации русских и иностранных защитников революции в неуклонной борьбе против войны и российских империалистов.

Германские социал-патриоты, ничего не имеющие против того, чтобы революция в России привела к миру, чрезвычайно возмущены подозрениями по поводу намерений германского империализма. Они бомбардируют господина Бетман-Гольвега требованиями декларации о том, что германское правительство таких намерений не питает. И 29-го марта господин Бетман-Гольвег заявил в рейхстаге, что Германия никогда не вмешивалась в русские дела и впредь не намерена вмешиваться; если Россия желает почетного мира, она может получить его. Весьма сомнительно, чтобы это заявление господина Бетман-Гольвега устранило опасения русского народа. Народ этот подумает: государственный деятель вовсе не обязан говорить врагам правду, а если действия на востоке могут решить исход войны, получившей на западе

затяжной характер, то германское правительство не станет раскрывать своих действительных планов. Возможно ли такое разрешение войны на востоке,—решат военные специалисты. Можно сожалеть, что Шейдеманам не удалось внушить русским рабочим слепой веры в декларации германского правительства, но несомненно, что такой веры русские рабочие не питают.

Однако, господин Носке ясно сказал: „Я заявляю, что мы будем всеми силами бороться против всяческих стремлений использовать положение дел в России для завоевательных целей". Правда, господин Носке—могущественный человек. Но вот господин Носке столь же решительно требует реформы прусского избирательного права, а германское правительство пока-что весьма решительно это требование отклоняет, и мы не знаем, как ответит оно и на этот новый категорический протест господина Носке. Русская империалистическая пресса, несомненно, разъяснит это русскому народу и для иллюстрации „решительности" Носке и К°, процитирует, быть-может, одно место из „Vorwärts" а от 18-го марта, где говорится: „Мы не хотим внутренней борьбы во время войны. Политически сознательное население Германии понимает, что в том положении, в котором мы находимся, мы не можем позволить себе такой р о с к о ш и; поэтому оно выносит тягчайшие испытания, выпавшие на его долю, с таким мужеством, которое заставляет рейхсканцлера изумляться". Если социал-патриоты не могут позволить себе роскоши внутренней борьбы, то как же они могут гарантировать русскому народу что-либо, чего в данных обстоятельствах без внутренней борьбы достигнуть нельзя?

Так скажут себе русские народные массы, в которых крушение Интернационала убило веру в силу народного противодействия правительственной политике. Интернационал и пролетариат переживают первый решительный поворотный момент со времени начала войны. Героический пролетариат России свергнул самодержавие. Но если он будет предоставлен самому себе, то он не сможет добиться мира. Мир может быть осуществлен только совместными усилиями международного пролетариата. Пусть самая решительная часть русских рабочих отдаст последнюю свою каплю

крови и подобно Винкельриду всадит в свою грудь все вражеские копья, чтобы очистить путь социализму и миру,—она только истечет кровью, если ее героизм не развяжет международных сил, если международный пролетариат не покажет русским рабочим и русскому народу, что их революции не грозит опасность. А сделать это международный пролетариат сможет только в том случае, если он будет всеми силами защищать собственные интересы, совпадающие с интересами русского рабочего класса. Кто не отстаивает собственных интересов, тот ничего не может гарантировать другому. Настал р е ш и т е л ь н ы й ч а с, от которого зависит судьба международного пролетариата. Впервые с начала войны открывается близкая возможность переворота. Если в этот час рабочий класс не поймет своих интересов и не будет защищать их всеми силами, то он заплатит за это всем своим будущим.

(Arbeiterpolitik, II Jahrgang, № 14).

Германская реформация.

До сих пор германское правительство заявляло: покуда длится война,—никакой „новой ориентации", никаких внутренних реформ! Коренные реформы вызовут острую борьбу партий, потому что, давая одним, приходится отнимать у других. Такая борьба опасна для гражданского мира, для единства нации, а без гражданского мира нельзя вести войну. Эта аргументация германского правительства нашла полное сочувствие у консерваторов, свободной консервативной партии и национал-либералов, т.-е. у представителей тяжелой промышленности и землевладельцев. Только свободомыслящие, представители торгового капитала, осмелились требовать немедленных реформ, не открывая, однако, борьбы за них. С точки зрения империализма, против уклонения от борьбы тоже возражать нельзя, так что и социал-патриоты не рискнули на более или менее серьезное давление на правительство, хотя при их связи с более широкими народными массами эти успокоительные средства должны бы были казаться им особенно необходимыми.

И вдруг ветер подул с другой стороны. Свободомыслящий Мюллер-Мейнинген выступил в рейхстаге с целой филиппикой, самым энергичным образом требуя немедленных реформ и восклицая: откройте клапан! Этого мало: национал-либерал господин Штреземан, юрисконсульт Союза промышленников, пламенными словами громил господство военного абсолютизма и угрожал, что если правительство не приступит к немедленным реформам, то рейхстаг сам возьмет дело в свои руки. А социал-патриоты Носке и Давид хотя и протестовали против всех попыток сравнивать положение дел в Германии с русскими делами, но все-таки

заклинали рейхстаг и правительство считаться с настроением народа; они прочли целый поминальный список реформ, требуя их немедленного осуществления. Случилось истинное чудо: рейхстаг всеми голосами против консерваторов постановил учредить комиссию по реформе конституции, которой дано задание учесть необходимейший ремонт в гордом здании империи.

Правительство заявило устами рейхсканцлера, что оно тоже за новую ориентацию, но что оно не может так просто изменить свой взгляд на опасность нового курса во время войны,— взгляд, который до сих пор разделялся большинством буржуазных партий. Тем не менее, господин Бетман-Гольвег не ответил резким „нет".

Однако, уступит ли правительство, или нет, но если господа свободные консерваторы, национал-либералы, свободомыслящие и социал-патриоты объединятся, то они, во всяком случае, не смастерят ничего такого, что могло бы пригодиться народным массам и в „нормальное" время. Они не могут ни устранить неравенства избирательных округов при выборах в рейхстаг, ни уничтожить бесправия прусской избирательной системы. Они не могут добиться ни ответственности правительства перед парламентом, ни демократизации армии. Если бы даже высокий Союзный Совет и согласился на все эти прелести, то представители капитала никогда не предложат их ему по той простой причине, что никто не может вылезть из своей кожи, а представители германского капитала не могут дать трудящимся демократических прав. При той раздробленности национального капитала, которая существует в Германии, и особенно при том невероятном обострении социальных противоречий, которое принесла с собой война, предоставление демократических прав означало бы сдачу основных позиций народным массам, несущим бремя полуторамиллиардных налогов. Если господа буржуазные депутаты и социал-патриоты так громко кричат о новой ориентации, то их старания объясняются не тоской по демократии, а тем, что они ожидали от своего громкого крика больших выгод.

Допустим, однако, что эти господа действительно склонны провести серьезные политические реформы, и что дворяне

и бюрократия без сопротивления дадут свернуть себе шею таким дружеским парламентским способом,— чего, к слову сказать, никогда в истории не случалось. Политические реформы,— и самые основательные,—открывают дорогу реформам социальным. Их цель состоит в том, чтобы показать массам, что они могут улучшить свое положение, хотя и медленно, но зато мирным путем. Можно ли добиться этого в обстановке и условиях войны?

А как эти господа намерены реформировать государственный долг в сто миллиардов марок и распределить его по справедливости? До сих пор мы не встречали в финансово-политической литературе никаких предложений по этому вопросу. Все сделанные пока предложения имеют целью изобретение новых налогов. Если самая прекрасная девушка не может дать больше того, что у нее есть, то и самый лучший финансовый калькулятор не может уплатить стомиллиардного государственного долга, не обременяя широких масс,— не говоря уже о других последствиях войны, которые тоже будут ежедневно поглощать немалые миллиарды.

Как ни верти, а реформаторы появились с некоторым опозданием. Реформа прусского избирательного права могла быть лозунгом в 1911 году, когда господа ревизионисты и центристы задерживали борьбу за нее. Смешно выставлять ее знаменем борьбы теперь. Государственный и общественый организм требует совсем других средств лечения.

Мы ни на минуту не думаем, что государственные деятели буржуазии и Шейдеманы социал-патриотизма поймут это. Никто не может „понять", что нужно подрубать сук, на котором сидишь. Но знаменательно, что группа „делового сотрудничества" выступила с „программой реформ" как-раз в тот момент, когда крик о них раздавался из уст всех буржуазных партий и социал-патриотов. И здесь дело не только в том, что эта программа, с которой нам еще придется познакомиться, противоречит всем принципам демократии, что она касается только политических вопросов, в то время как наиболее жгучи сейчас проблемы социальные.

Самое характерное здесь то, что старые и молодые

приверженцы „делового сотрудничества“ защищают возможность безболезненных реформ и прямо заявляют, что никому не угрожают. Это доказывает, что они являются лишь левым крылом рейхстага, а не социалистическим антиподом всех буржуазных партий. Это доказывает, что они не могут быть даже той эоловой арфой, которая звенит от бурного ветра истории, не говоря уже о том, чтобы они сами поняли эту боевую песнь времени. Реформация! Реформация! — кричат они. На здоровье, господа!

Arbeiterpolitik, II Jahrgang, № 17.

Циммервальдская левая о задачах рабочего класса.

Введение.

В сентябре 1915 г. в Циммервальде состоялась конференция социалистических партий, профессиональных союзов и групп из Германии, Франции, Италии, России, Польши, Латвии, Болгарии, Румынии, Швейцарии, Голландии, Норвегии и Швеции, которая обсуждала вопросы борьбы против войны. Эта конференция опубликовала единогласно принятый манифест, декларацию солидарности с жертвами революционной борьбы против войны и учредила Интернациональную социалистическую комиссию с резиденцией в Берне, которая должна поддерживать сношения между входящими в нее партиями и согласовать их борьбу против войны. К постановлениям конференции позднее присоединилась независимая рабочая партия Англии, социалистическая партия Португалии, областная организация Haute Vienne во Франции и др. организации. Циммервальдская конференция приступает к восстановлению Интернационала, к возобновлению борьбы за интересы рабочего класса, за социализм. С радостью приветствуя этот факт, мы не можем, однако, не предупредить международные рабочие массы, что этот первый шаг был сделан очень робко и ни коим образом не доказывает, что участники конференции в своем большинстве сознают, что за этим первым шагом должно следовать.

На конференции отсутствовали официальные представители крупнейших партий в Интернационале—французской и

германской. От этих партий были представлены только оппозиционные меньшинства. Интернациональное бюро, в первую очередь предназначенное и обязанное вести борьбу против войны, отсутствовало. Почему? Манифесты Циммервальдской конференции говорили, что они „пренебрегли“ принятыми перед войной в Штутгарте, Копенгагене и Базеле обязательствами, прекратили классовую борьбу, голосовали за кредиты и отдали себя в распоряжение правительства для различных услуг, — „дали им министров в качестве заложников“. Это очень мягко сказано. Война представляет собой наиболее острую форму обдирания и угнетения рабочего класса. На фабриках и заводах, работающих „на оборону“, удлинен рабочий день, непомерно усилена интенсивность труда; капиталисты применяют повсюду женский труд и уменьшают заработную плату в то время, как цены на продукты первой необходимости неслыханно возрастают. Демократические свободы, как свобода печати, собраний и союзов, отданы в жертву грубейшей военной диктатуры. Капитал не удовлетворяется уже все увеличивающимися жертвами пота, он требует от рабочего класса крови. Кто пред лицом этого прекращает классовую борьбу, кто принимает на себя ответственность за эту войну, тот является предателем, который покидает рабочий класс в борьбе с врагом, больше того, — выдает его врагу, как бы он ни украшал прекращения классовой борьбы прекрасными фразами о защите отечества. Политическим долгом было сказать это откровенно, ибо только тогда рабочие бы знали, что не может быть мира с теми, кто выступает за политику „продержаться“.

Почему большинство социалистических вождей объединилось с капиталистами против рабочего класса? Почему они требуют от пролетариата выдерживать войну, в которой миллионы пролетариев отдают свои жизни ради войны капиталистов? Этот вопрос является у каждого рабочего, и не дав на него ответа, немыслимо вести какую-либо борьбу. Циммервальдский манифест не отвечает на этот вопрос. На него нужно ответить. Начавшееся с эпохой бурного развития капитализма обилие работы внушило рабочей аристократии сладкие надежды на мирное внутреннее и внешнее развитие.

Оппортунизм, реформизм, которые олицетворяли частью интересы рабочей аристократии, частью стремление буржуазной интеллигенции примирить пролетариат с капиталом, систематически поддерживали в рабочем классе эти иллюзии мирного врастания в социализм. Они мешали рабочему классу распознать знамение времени во все обостряющейся дороговизне, в штиле социальной политики, в ударах по демократическим свободам, в непрерывных вооружениях, во все возобновляющихся империалистических конфликтах, во все растущей военной опасности и соответственно обострить пролетарскую тактику. Борьба против начинающейся эпохи империализма застряла на слабых попытках международных протестов, которые не в состоянии были преодолеть даже ограничение национальными рамками, привычное руководящим слоям рабочего класса, хотя уже международное сплетение капитала и рабочая эмиграция, постоянная и сезонная, могла подготовить почву для международной тактики. Вместо того, чтобы пытаться расширять горизонт рабочего класса, они усиляли оппортунизм, систематически уменьшая в глазах рабочих значение международной солидарности (борьба против празднования 1-го мая), сопротивлялись всякому стремлению к международным революционным действиям, превращали Интернационал в пустую праздничную фразу. Равным образом оппортунизм старался задушить в зародыше каждую волну революционного движения. Достаточно вспомнить о борьбе против демонстраций за выборные права и идеи массовых забастовок в Германии, о борьбе против бурного стачечного движения в Англии. Немецкие оппортунисты пытались, притворяясь смиренькими, выпросить некоторые права; английские тред-юнионисты путем мирных переговоров с буржуазией—ослабить стачечное движение прежде, чем оно примет характер массовой революционной борьбы. Предавая во время войны социализм, оппортунисты надеялись получить новые уступки со стороны буржуазии. Рабочая аристократия также должна была получить часть империалистской добычи (прибыль от колоний, от господства над мировыми рынками): более высокое вознаграждение, некоторые свободы. Что все это если вообще и возможно, то за счет широких народных масс, своих и иностранных, это мало трогало оппортунистов,

выступавших теперь в качестве социал-патриотов, в качестве глашатаев предательского союза с собственной под маской защиты отечества захватывающей чужие страны буржуазией.

Циммервальдская конференция не могла всего этого сказать рабочему классу именно потому, что еще не решилась ясно и резко отгородиться от этой политики, как ни опасалась ее последствий. Ибо, заклеймив оппортунистическую тактику, она должна бы, резко от нее отгородившись, противопоставить политике оппортунизма ясную революционную политику,—политику, какую требует наша резолюция. Циммервальдская конференция не высказалась с необходимой ясностью ни о прошлом, ни о позорном настоящем, ни о будущем. Почему она этого не сделала? Большинство конференции состояло из двух групп: товарищей, которые, будучи противниками социал-патриотической политики, тем не менее, какой угодно ценой желали избежать разрыва с большими партиями, которые до такой степени не отдают себе отчета в глубине краха Интернационала, что надеются, что эти партии еще можно в целом привлечь к социализму; с другой стороны, в него входили товарищи, которые, правда, сознавали необходимость революционной политики, но в виду только начинающегося отрезвления рабочего класса считали преждевременным ставить перед ним великие цели борьбы и указывать ведущие к ним революционные пути. Одни не желали революционной борьбы, другие не понимали еще ее неизбежности или считали ее преждевременной. Представители Центрального Комитета российской социал-демократии, краевого правления социал-демократии Польши и Литвы, центральный комитет латышской социал-демократии, часть германских революционных социал-демократов, часть шведских и норвежских революционных социал-демократов, часть швейцарского представительства, образующие в Циммервальде левую, предложили конференции проект резолюции и воззвания и, исходя из вышеприведенных принципов, требовали ясной революционной политики. Они говорили нерешительным, считавшим революционную политику преждевременной товарищам: если мы, как это делает циммервальдский манифест, призываем рабочих к непримиримой классовой борьбе за мир и за социализм, если мы говорим им, что никакая

жертва не может быть слишком велика для этой борьбы, то мы должны и сказать, как эту борьбу вести. Иначе социал-демократы будут кричать: пустые слова, без содержания, бессильные, подогретые фразы,—и этим ослепят пробуждающихся. Возможно, что пройдет еще много времени прежде, чем обескровленные широкие массы поднимутся на борьбу. Но это время можно сократить, если разъяснять более сознательным рабочим причины краха Интернационала, если они на этом научатся как следует бороться, к чему призывать остальных рабочих, как под господством сабель организовать свою борьбу. Чем труднее положение, тем яснее должна быть политика социализма. Разъяснять рабочим истинное положение никогда не преждевременно. Тем, кто еще не осознал всю глубину краха, всю необходимость обострения методов классовой борьбы, нужно кричать: если вы не потрудитесь понять ужасающие уроки войны,—ваши призывы к борьбе останутся лишь вздохами о мире, а Шейдеманы, Ренодели и Плехановы будут с полным правом бранить вас бессмысленными мечтателями; тех же, кто еще надеется на обращение этих агентов буржуазии, они обведут вокруг пальца, возложив и на них ответственность за свою преступную политику.

Циммервальдская левая осталась в меньшинстве. Только четыре члена большинства поддержали ее резолюцию, подписанную восьмью делегатами, требуя передачи последней в комиссию. 19-ю голосами против 12-ти конференция решила, что еще не время намечать четкие линии пролетарской политики. Левая пыталась обострить манифест большинства. Но и это удалось лишь частично. Несмотря на это, левая решила голосовать за манифест по следующим соображениям: было бы доктринерством и сектантством отгораживаться от элементов, которые частично начинают борьбу в своих странах против социал-патриотизма, которые принуждены отражать бешеные нападки социал-патриотов и дают право надеяться, что выведут из борьбы политические заключения. Голосуя за манифест большинства, циммервальдская левая отмежевалась от его слабости и половинчатости путем следующего занесенного в протокол заявления:

„Манифест конференции не вполне нас удовлетворяет. Он

не содержит в себе характеристики ни явного, ни прикрытого еще радикальными фразами оппортунизма, который не только является виновником краха Интернационала, но и желает этот крах увековечить. Он не содержит ясных указаний относительно методов борьбы против войны. Мы будем, как и до сих пор, выступать как в прессе Интернационала, так и на его съездах за решительное занятие марксистской позиции по отношению к поставленным эпохой империализма задачам. Мы голосуем за манифест, ибо понимаем его, как призыв к борьбе, и в этой борьбе желаем итти рука-об-руку с остальными частями Интернационала".

Часть наших предсказаний уже исполнилась. Социал-патриоты в своем руководящем органе, издаваемом комиссией профсоюзов и использовываемом большинством социал-патриотической прессы, Internationale Korrespondenz, и в статье Кольбаха в „Neue Zeit", высмеивают манифест: „Каким путем вы хотите бороться за мир, краснобаи?" И в то же время правление германской партии в своем секретном циркуляре предупреждает об опасности воззвания интернациональной организации молодежи, призывающего молодую гвардию к революционной борьбе. Общие вздохи о мире они высмеивают, но призыв к революционной борьбе внушает им страх. Ибо слуги реакции—это люди дела. Пожелания мира отзвучат, но всякая тайная организация, свободно распространяющая идеи революционной борьбы, каждая уличная демонстрация, каждый голодный бунт, каждая забастовка наносят военной камарилье удары.

А что говорят социал-патриоты в ответ на уверения организаторов Циммервальдской конференции, что они ни в коем случае не желают уничтожить мостов между собой и социал-патриотизмом? Немецкое и французское правление партий кричат о расколе. Лицемеры! Социал-патриоты своей политикой раскололи международный пролетариат, но они правы, когда заявляют, что невозможно одновременно выступать против социал-патриотизма и итти с ним рука-об-руку. Так же, как II Интернационал не мог сорганизоваться, не порывая с анархизмом, который отвергал парламентскую борьбу, так не сможет организовать свои боевые ряды III Интернационал, не порывая решительно с социал-патрио-

тизмом. Это разъясняет обвинительный вой социал-патриотов против Циммервальдской конференции; эти уроки нам следует принять к сведению.

Нам следует, в выработанных в Циммервальде интернациональных рамках, на платформе входящих в Бернскую комиссию партий, исходя из Циммервальдского манифеста, оказывать поддержку всякому массовому революционному начинанию, с полной энергией приняться за работу над прояснением сознания, за создавание тайных организаций. Для этого в первую очередь необходимо, чтобы для широких кругов классово сознательных рабочих были ясны цели и средства нашей борьбы во время войны и после нее. Мы опубликовываем поэтому резолюцию и проект воззвания циммервальдской левой. Мы предлагаем рабочим взять их за основание дискуссии и призвать инакомыслящих противников социал-патриотизма ясно высказать свои взгляды. Вопрос о методах борьбы пролетариата не может быть делом небольшой горсти вождей. Освобождение рабочего класса—дело самого рабочего класса. Обсуждайте же, как это привести в исполнение. Мы не хотим внушить вам иллюзию, будто представляем уже крупную законченную силу. Мы только представители постепенно пробуждающихся частей международных рабочих масс. Но несмотря на все препятствия цензуры, каждый день из всех воюющих стран доходят до нас голоса, которые нам доказывают, что международный круг, мыслящий, как мы, и желающий действовать, как мы, гораздо шире, чем мы предполагали. И этот круг будет расширяться с каждым днем, пока не превратится в огромную, борющуюся армию. Ибо взгляды, которые мы защищаем, методы борьбы, которые мы рекомендуем пролетариату, не являются изобретенными нами чудодейственными средствами; это—взгляды, развивающиеся в пролетариате под влиянием последней войны, увеличивающихся тягот, возрастающих социальных противоречий, возрастающей реакции. Вопреки крикам социал-патриотов о невозможности интернационального революционного движения во время войны, мы видим политические демонстративные забастовки в России, демонстрации против дороговизны в Германии, забастовки в Англии и Италии; все это, правда, только попытки,

но попытки, которые при поддержке со стороны революционных элементов могут вырасти в массовую борьбу пролетариата против войны и капитализма. Слепота социал-патристов перед этими фактами доказывает только, что они их боятся; они кричат, что революция невозможна, чтобы не быть принужденными поддерживать ее первые шаги. Но ни лживые фразы социал-патриотов, ни преследования со стороны правительств не достигнут цели. Наши лозунги, сегодня называемые революционными иллюзиями, завтра—в процессе растущего революционного движения—станут общим достоянием классово сознательного пролетариата, его боевым знаменем.

Резолюция, предложенная левым крылом.

Мировая война и задачи социал-демократии.

Война, которая уже в течение года опустошает Европу, есть война империалистическая, война, ведущаяся за политическое и экономическое ограбление мира, за рынки сбыта, источники сырья, за области приложения капитала и т. д. Эта война является продуктом капиталистического развития, которое, с одной стороны, связывает весь мир в одно мировое хозяйство, с другой—создает самостоятельные национально-государственные группы капиталистов с противоположными друг другу интересами.

Попытки буржуазии и правительств затушевать этот характер мировой войны уверениями, что это вынужденная борьба за национальную независимость, являются сознательным введением в обман пролетариата, ибо война ведется именно для завоевания чужих народов и стран. Также лживы и легенды о защите демократии в этой войне, ибо империализм означает беспощадное господство крупного капитала и политическую реакцию.

Преодоление империализма возможно только путем уничтожения породивших его противоречий, т.-е. путем социалистической организации капиталистической культуры, для чего налицо все объективные условия.

При взрыве войны большинство рабочих вождей не про-

тивопоставило империализму этого единственно возможного лозунга. Опустошенное национализмом, изъеденное оппортунизмом, это большинство в момент мировой войны головой выдало пролетариат империализму, отрекшись от принципов социализма и тем самым от действительной борьбы за интересы пролетариата.

Социал-патриотизм и социал-империализм, на точке зрения которого в Германии стоит как открыто патриотическое большинство бывших социал-демократических вождей, так и якобы оппозиционный центр партии, группирующийся вокруг Каутского; который во Франции признает большинство в Англии и России часть вождей (фабианцы, Гайндман, тред-юнионисты, Плеханов, Рубанович, группа „Наше Дело"),— является для пролетариата более опасным врагом, чем буржуазные апостолы империализма, ибо социал-империализм, лицемерно прикрываясь знаменем социализма, может ввести в заблуждение несознательную рабочую массу. Беспощадная борьба с социал-империализмом является первой предпосылкой для революционной мобилизации пролетариата и восстановления Интернационала.

Задачей социалистических партий и социалистической оппозиции в социал-империалистических партиях является призывать и вести рабочие массы к революционной борьбе против капиталистических правительств, за завоевание политической власти для социалистической организации общества.

Не прекращая борьбы в рамках капитализма за каждую пядь земли, за каждую укрепляющую пролетариат реформу, не отказываясь ни от какого средства организации и побуждения пролетариата, революционные социал-демократы должны, наоборот, использовать все средства, все требуемые нашей программой-минимум реформы, чтобы обострить военный кризис, как и всякий социальный и политический кризис капитализма, превратить его в атаку на основы последнего. Эта борьба, ведомая под лозунгом социализма, сделает рабочие массы неприступными для лозунгов угнетения одного народа другим, выражающихся в криках о сохранении господства одной нации над другой, о новых аннексиях, сделает их глухими к соблазнам национальной солидарности, которая привела пролетариев на поля битвы.

Первым шагом этой борьбы является борьба против мировой войны, за скорейшее окончание всемирной бойни. Эта борьба требует отклонения военных кредитов, выхода из министерств, разъяснения капиталистически-антисоциалистического характера войны с парламентских трибун, на столбцах легальной или в случае необходимости нелегальной прессы, беспощадное преследование социал-патриотизма и использование каждого факта, вызванного последствиями войны (нужда, крупные потери и т. д.), для организации уличных демонстраций, пропаганды интернациональной солидарности в окопах, призывов к экономическим забастовкам, стремления при благоприятных условиях превратить их в политические. „Гражданская война, а не гражданский мир— наш лозунг“ [1]).

В противовес всем ложным надеждам на достижение длительного мира и начала разоружений путем каких-нибудь постановлений дипломатии и правительств, революционные социал-демократы постоянно должны повторять народным массам, что только социальная революция может принести длительный мир и освобождение человечества.

Проект манифеста, предложенный левым крылом.

Уже более года продолжается война. Миллионы трупов покрывают поля битв; миллионы калек, всю свою жизнь в тягость себе и обществу. Война произвела невероятные опустошения; она оставила после себя невероятную тяжесть налогов. Капиталисты всех стран, добывающие из пролитой крови пролетариата красное золото неслыханных военных прибылей, призывают народные массы „продержаться“. Они лгут. Ни одно капиталистическое правительство не ввязалось в войну потому, что была в опасности независимость его страны, или потому, что оно хотело освободить какой-нибудь народ. Они повели массы на бойню, чтобы подвергнуть другие народы грабежу и угнетению. Они не могут притти к соглашению, как поделить между собой еще независимые народы

[1]) Эти слова взяты из письма выдающегося вождя германской оппозиции к Циммервальдской конференции.

Азии и Африки, они озлоблены друг против друга, ибо каждый стремится вырвать у другого уже захваченную добычу.

Не за собственную свободу, не за освобождение других народов истекают кровью народные массы во всех отделениях народной бойни, называемой Европой. Новые цепи и новые тяготы принесет эта война пролетариату Европы и народам Азии и Африки.

Поэтому не „держаться" следует в этой народоубийственной войне, а, наоборот, собрать все силы, чтобы положить ей конец. Час уже настал. Первым шагом вашей борьбы должно явиться требование, чтобы социалистические депутаты, которых вы послали в парламент для борьбы с капитализмом, с милитаризмом, с обдиранием народных масс, исполнили свой долг. Чтобы эти социалистические депутаты, которые, за исключением русских, сербских, итальянских за исключением Либкнехта и Рюлэ в Германии, до сих пор попирали свой долг ногами, помогали буржуазии в грабительской войне или трусливо уклонялись от всякой ответственности,—чтобы эти депутаты или сложили полномочия, или использовали парламентские трибуны для разъяснения народу характера войны, а вне парламента помогали рабочему вести борьбу. Отклонение всех военных кредитов, выход из министерств Англии, Франции и Бельгии—вот первое требование.

Но этого мало. Ваши депутаты не могут спасти вас от бешеного зверя — войны, который пьет вашу кровь. Вы должны сами действовать. Все свои организации и газеты вы должны использовать для пробуждения изнемогающих под бременем войны широких народных масс, для убеждения их бороться против войны. Вы должны выйти на улицы и бросить в лицо господствующему классу „довольно резни!" Если он и притворится глухим, то ваш лозунг услышат недовольные массы и поспешат в ваши ряды, чтобы принять участие в борьбе.

Нужно энергично требовать немедленного прекращения войны, нужно поднять голос против угнетения одного народа другим, против раздела наций на части, что сделает каждое капиталистическое правительство, если победит и сможет продиктовать другим условия мира. Ибо если мы

предоставим капиталистам заключить мир, таким же путем, как они начали войну—не спрашивая народные массы, то новые завоевания не только усилят полицейский кулак и реакцию в победивших странах, но и посеют семя новых, еще более ужасных войн.

Низвержение капиталистического правительства— вот цель, которую должен себе поставить рабочий класс во всех воюющих странах, ибо конец войнам и угнетению одного народа другим будет положен только тогда, когда у капитала будет вырвана власть распоряжаться жизнью и смертью народов. Только освобожденные от нищеты, бедствий и господства капитала народы будут в состоянии дружелюбно, без войны, путем соглашения наладить свои взаимоотношения.

Велика цель, которую мы ставим, велики будут усилия, которые вы должны сделать, велики жертвы, которые должны принести прежде, чем она будет достигнута. Долгий путь отделяет вас от победы. Для того, чтобы повергнуть врага на колени, недостаточно будет мирных средств. Но лишь тогда, когда вы будете готовы незначительную часть тех неисчислимых жертв, какие вы приносите на полях битв ради пользы капитала, принести ради собственного освобождения в борьбе против капитала, вы будете в состоянии положить конец войне и заложить действительную основу для длительного мира, который вас, рабов капитала, превратит в свободных людей. Если же вы позволите лживым фразам буржуазии и поддерживающих ее социалистических партий удержать себя от энергичной борьбы, если удовольствуетесь вздохами о мире, не желая итти на приступ, положить свою душу и тело за великое дело, тогда капитал сможет продолжать расхищать вашу кровь и имущество, пока ему угодно. С каждым днем во всех странах растет число рабочих, думающих, как мы. По их поручению мы, представите и различных стран, собрались, чтобы послать вам этот призыв к борьбе. Мы поведем ее, взаимно поддерживая друг-друга, ибо нас не разделяют никакие противоречивые интересы. Революционные рабочие каждой страны должны считать долгом чести являться в этой борьбе примером другим, примером энергии, самопожертвования. Не трусливое ожидание того, что сделают другие, а увлечение других своим примером,—вот

путь, ведущий к возникновению могучего Интернационала, который уготовит конец войнам и капитализму.

Оба проекта были подписаны делегациями:

Центрального Комитета Российской социал-демократической рабочей партии.

Краевого правления социал-демократии Польши и Литвы.

Центр. Ком. социал-демократической партии Латвии, шведской и норвежской социал-демократической партии.

Одним представителем группы социалистов-интернационалистов Германии и одним швейцарским делегатом.

Вехи революции.

1. Могильщики революции.

Когда в августе 1914 г. II Интернационал разлетелся, как карточный домик, когда известнейшие рабочие вожди впряглись в колесницу империализма, классовая борьба прекратилась, и на ее месте воцарился мир со злейшими врагами пролетариата, и никакое злодеяние, совершонное своим правительством по отношению к „враждебному" народу, уже не вызывало протеста пролетариата,—когда произошло все это, восторжествовал реформизм. Всемирная война показала, правда, какими наивными иллюзиями являлись предсказания реформистов о становящемся, якобы, все более мирным и спокойным развитии человечества. Народы терзали друг друга, как дикие звери; все их культурное достояние было повержено в прах. Но какое это имеет значение? Внутри каждой страны осыпали похвалами мозолистую руку рабочего, подымающую молот на аммуниционных фабриках и оружие на полях сражения. В „демократических" странах рабочие вожди были приглашены в министерства, в полуабсолютических же они были по черной лестнице пропущены в передние сильных мира. Представители власти, еще вчера создававшие исключительные законы против рабочих организаций, теперь посещали помещения этих организаций и щедро расточали лестные отзывы. Правда, не были изданы никакие демократические законы, не проведены были никакие социальные реформы и даже существовавшие раньше были „временно" уничтожены во имя успешного ведения войны; правда, труд был порабощен, и тяжесть

его увеличилась в десять раз, но зато в будущем сбещались золотые горы...

Сущность реформизма составляет стремление путем сотрудничества с буржуазией добиться уступок для слоя рабочей аристократии—квалифицированных рабочих, и участия в управлении страной для их вождей. Реформизм этот, перспективы которого все ухудшались за последнее десятилетие, теперь ликовал. Рабочие организации оказались полезными для ведения войны, буржуазия будет принуждена после войны сделать им уступки; рабочие вожди доказали свой „патриотизм", буржуазия допустила их к господскому столу.

И подобно лакеям, напившимся краденым хозяйским вином, которые, развалившись в господских креслах и раскуривая господские сигары, грезят о господской жизни, рабочие вожди после каждого совещания с военными властями чувствовали себя силой, будущими господами и насмехались над старыми „иллюзиями". Революционные романтики и догматики говорили в дрезденской (1903 г.) и амстердамской резолюциях об обострении классовой борьбы и еще уверяли, что общее развитие последних десятилетий подтверждает это... но посмотрите: не являются ли Гендерсон и Тома членами правительства? Не принужден ли... Бетман-Гольвег пожимать руку Эберту и Легину? и даже в царской России не принуждено ли было правительство допустить в военно-промышленные комитеты вождя профессиональных организаций Гвоздева?!

Романтики болтали о наступлении периода революции. Но если такое потрясение, как всемирная война, не только не вызвало революции, но еще привело к тому, что рабочий класс сомкнулся вокруг патриотических знамен, что он несет все тяготы, все бедствия там—на полях сражений, и здесь—на фабриках, что он сдает добытые путем тяжелой борьбы позиции,—то мы можем радоваться, братья: революция умерла, похоронена, и ее дух никогда не воскреснет.

Научный социалист по своей природе антиреволюционен,—изрек господин Гейльман, этот Тиртей немецкого социал-империализма, а его старый проповедник Кольб торжествующе заявлял, период революции отошел в прошлое. Бывший ре-

волюционер Ленш писал, что господин Бетман-Гольвег сам производит революцию—он ниспровергает деспота всемирного рынка Англию, и современная революция пролетариата состоит в подводной войне. Бывший марксист Кунов и „австро-марксист“ Реннер доказывали, что идея революции сама по себе представляет собой вообще устаревшие бредни; социализм является организацией производства, а организацию эту отлично проводит современное государство, являющееся не классовым, а хозяйственным государством: оно теперь с нашей помощью создает предварительные условия для социализма, и мы посредством „позитивного сотрудничества“, так сказать, „внедримся“ в него. Поэтому—долой революционные иллюзии, и да здравствует политика 4-го августа!

Ту же песенку пели Тома и Жуо, Биссолати и Муссолини, Вебы и Гендерсоны, допускавшие лишь один вид „революции“: уничтожение Гогенцоллернов, да и эта должна была быть произведена Жоффром и Эгом, Брусиловым и Кадорна, а не немецким пролетариатом.

Каутские же и Лонге, Аксельроды и Турати, охранявшие „священный огонь“ социализма, поклявшиеся зорко следить, чтобы он не угас,—эти мужи центра, правда, кричали постоянно: он еще тлеет, он не погас, он горит лишь пока не так ярко, потому что вихрь относит обратно дым, и угольные копи доставляют уголь лишь амуниционным фабрикам. Они клялись всеми талисманами и всеми руническими письменами, нацарапанными в доисторические времена на священных камнях, что священный огонь когда-нибудь еще будет пылать ярким пламенем, но в то же время они умоляли теперь не дуть слишком сильно, а то слабый огонь может погаснуть, а во время войны мы не сможем достать нового угля.

Лысые и седобрадые весталки старого социалистического храма отличались от весталок социал-империализма лишь тем, что они не желали приносить жертвы новому богу гражданского мира, но возможность революционной борьбы против войны за окончание человеческой бойни казалась им бредом воспаленных мозгов. Карл Каутский заявлял, что никогда во время войны трудящиеся не имели сил совер-

шить революцию. Один из последователей Каутского (Спектатор) за месяц до начала русской революции писал буквально следующее:

„Что касается не простых демонстраций, имеющих лишь моральное значение, а настоящей пролетарской массовой борьбы, ее нельзя ожидать слишком скоро. Во всяком случае, не сразу после этой войны".

Революционная перспектива уходила у центровиков так далеко за моря и горы, что превращалась в отвлеченный религиозный догмат, в простое средство успокоения теоретической совести. Для практики, для повседневной классовой борьбы пролетариата она утратила всякое практическое значение. Война сковывает все действительные силы пролетариата: откуда же взять силы для гражданской войны? „Никакой поддержки войне, но и никакого саботажа",—эта классическая формула Лаззари, секретаря итальянской партии, лучше всего выражала политику центра, состоявшую в проклятиях, расточаемых империализму, и в парламентских протестах против всемирной войны, но не отводившую никакого места активной массовой борьбе.

Циммервальдская левая со своим лозунгом гражданской войны и революционной массовой борьбы, со своей агитацией за массовую забастовку и демонстрации, со своим требованием революционной агитации в войсках стояла одиноко на обширном поле. „Сектанты и фантазеры", революционные сорви-головы, не считающиеся с реальными возможностями,—говорили мягкие люди; „безответственные подстрекатели, революционеры из кафе",—шипели другие.

И вдруг разразился удар—русская революция!

2. Социалистические паразиты революции.

В разгаре войны, в решающий момент ее развития в Петербурге вспыхивает революция. Она совсем не смущается смертным приговором, вынесенным ей европейским социал-патриотизмом. Взрыва русской революции не задержал даже тот факт, что великий хранитель печати марксизма Каутский на основании своего устаревшего издания Плетцовского извлечения из мировой истории,

установил, что никогда во время войны не вспыхивала революция. Издание это очень устарело, т. к. и первая русская революция началась в 1905 г.—также во время войны. И посмотрите: французские, английские и бельгийские социал-патриоты, активно помагавшие царизму, все время стремившиеся убедить Европу, что он за время войны стал очень либерален и еще основательнее проделает это после нее; до сего времени заклинавшие русских социалистов приостановить борьбу с русским деспотизмом, ибо от нее может пострадать освободительница человечества — Антанта, — эти социал-патриоты теперь возликовали или сделали вид, что ликуют: пятно с души Антанты, дескать, смыто; ее нельзя уже упрекнуть в союзе с чудовищем с Невы; теперь Антанта—от Токио, через Лондон, Париж, Рим, боярскую Румынию до Петербурга включительно—является союзом демократий, единственной целью которых является уничтожение берлинского, венского и константинопольского султанов. Поэтому теперь конец революции,—она, ведь, уже победила („Вы не должны казнить царя!"); не стремитесь к слишком большим победам на внутреннем фронте, а направьте все силы на внешний! Вот песенка социал-патриотов Антанты. Да здравствует революция антантовских победителей!

Лица социал-патриотов центральных держав при взрыве русской революции сначала слегка вытянулись. Царизм низвергнут. Нельзя будет уже рисовать на стенах дикого казака, пожирающего свечи, который возбуждал такой страх. Предательский Альбион, конечно, является опаснейшим врагом немецкого империализма, но на воображение народных масс он действует не так устрашающе. И затем действительно несколько неприятно сознавать, что центральные державы являются единственными, где полуабсолютизм не принужден проводиться через скрытый механизм парламента, правительство—через финансовый капитал, как это имеет место во Франции, Англии и Соединенных Штатах Северной Америки, а царит формально и полновластно. И к тому же этот мучительный страх, что „гипнотизирующее влияние русской революции", на которое жалуется консервативная „Deutsche Tageszeitung", может привести в движение и немецкие рабочие массы.

Но умный всегда найдет какой-нибудь выход, и даже самая страшная беда может иметь свою хорошую сторону. Господа немецкие социал-патриоты решили признать в русской революции свое собственное законное дитя. Ибо что сделало ее возможной? — То, что Гинденбург разбил царские войска. Правда, Гинденбург был бессознательным орудием русской революции, т. к. совсем не имел задания основать республику на Востоке, поясняют Гейльманы, но они-то сами являлись вполне сознательными орудиями Гинденбурга, т. к. они желали победы немецкого империализма и поддерживали его. Без политики 4-го августа, поставившей массы под начальство Гинденбурга, не было бы победы при Танненберге, не было бы прорыва у Горлиц, без торжества у Горлиц не было бы свержения царизма. Вывод ясен для всякого. Когда болгарский посланник Ризов написал в „Berliner Tageblatt", что над русской революцией витает дух Маркса, это было очень некрасиво со стороны дипломата союзной державы: не дух Маркса, а дух Гинденбурга витает над русской революцией, а господа Гейльманы и Шейдеманы являются его провозвестниками; поэтому воздайте честь тем, кто ее заслужил, а вы, немецкие пролетарии, твердо придерживайтесь политики 4-го августа.

Но так как всякая услуга нуждается в вознаграждении,— русская революция должна помочь центральным державам выбраться из лужи, в которую они сели, и поскорее заключить с ними хороший мир. Ведь присоединение к войне Соединенных Штатов сделало виды на победу еще иллюзорнее, чем они были, а „серая священная подводная лодка", по определению социал-патриота Кестера, оказалась более чем проблематичным носителем мира.

Русская революция, от которой социал-патриоты Антанты ожидали ускорения победы Антанты, согласно надеждам социал-патриотов центральных держав, должна была спасти эти державы от поражения. Поэтому социал-патриоты Антанты желали обуздать революционные силы России в то время, как социал-патриоты центральных держав молились за их победу.

Бедняги! Проявив себя во время войны, как верные рабы капитала, они оказались не в состоянии понять ни сущ-

ности русской революции, ни ее последствий. Социал-патриоты рассуждали, как капиталистические правительства, желающие использовать все происходящее, все идеи, все изобретения лишь для своего кровавого дела и полагающие, что они в состоянии сделать это. По ту и по эту сторону Вогез они вели переговоры с царем или готовы были сделать это. Теперь эти гонители и предатели своей собственной революции пожелали заключить с русской революцией сепаратный мир. Но русская революция должна развиваться согласно собственным железным законам, и идея использовать ее могучие волны для маленьких мельниц воюющих держав была так же умна, как если бы кто-нибудь вздумал построить мельницу под Ниагарским водопадом.

3. Природа русской революции.

Во время первой русской революции ее вожди очень много спорили о ее характере: является ли она по своим двигательным силам буржуазной, или же пролетарской революцией? Какие окончательные выводы нужно сделать для дальнейшего ведения борьбы рабочего класса из одного и из другого ее исторического определения? Эти спорные вопросы разрешены теперь русским святейшим синодом, который, согласно старой церковной традиции, признал победительницу и объявил революцию делом божьим. Но святейший синод имеет силу разрешать лишь сомнения и вопросы своих православных верующих. Мы, остальные, должны опять возвратиться к спорному вопросу: какова природа русской революции?

Ни в одной из буржуазных революций двигающей силой не являлась крупная буржуазия. Начиная с нидерландской революции 1565 г. и кончая немецкой революцией 1848 г., господствующий слой буржуазии являлся, по словам великого Марата, упрямым ослом, которого приходилось погонять. При всех революциях буржуазия боялась окончательно порвать со старой властью, трепетала перед народными массами, которые, раз приведенные в движение, не желали довольствоваться тем, что своей кровью добыли буржуазии власть. Таким образом, если бы вопрос был в том, из кого состояли

во время революции революционные армии, чьими трупами покрывались поля сражений при гражданских войнах, то оказалось бы, что буржуазных революций вообще никогда не было. Всегда это были пролетарские и мелкобуржуазные народные массы, которые история заставляла проделывать революционные прыжки.

Русская революция 1905—1906 гг. так же, как и революция 1917 г., видела в рядах своих борцов лишь отдельных людей, принадлежавших к крупной буржуазии, и ни одного представителя ее класса. Решительные удары в 1905 г. были нанесены массовыми забастовками рабочих и попытками крестьян отнять помещичьи земли. Промышленная буржуазия не только была готова пойти на всякий компромисс с царизмом, но прямо молила о нем. Октябристы, объединившиеся с царем сейчас же после лживого манифеста 17-го октября 1905 г., являлись не только представителями дворянства, но и представителями крупной промышленной буржуазии. И если царизму удалось в 1906—1907 гг. подавить революцию, то этим он обязан, в первую голову, поддержке крупного капитала.

Быстрая победа революции в марте 1917 г., поспешность и грация, с которой именно представители крупного капитала—Гучковы, Терещенко, Коноваловы—вскочили на этого конька, создали впечатление, что именно буржуазия—в лице своих верхов—является носительницей революционной борьбы. Но мнение, что буржуазия являлась двигающей силой революции в марте 1917 г., и что эта революция, по своей исторической сущности, являлась возмущением буржуазии против царизма, неспособного победоносно вести войну,—это мнение, представителем которого под влиянием первых известий стал было даже Франц Меринг, в действительности оказалось сущим мифом. Буржуазия хотела добиться у царя империалиалистического буржуазного министерства, рабочие на улицах боролись за ниспровержение царизма. Не империалистические генералы, а рабочие и солдаты присоединились к борющемуся народу, чтобы вместе с ним добиваться хлеба, свободы и мира. И в то время, как они проливали на улицах кровь, либеральная буржуазия делала попытки заключить компромисс с династией. До разрыва с царем и образования временного правительства дело дошло лишь

тогда, когда рабочие и солдаты окружили думу. И то, что показали первые дни революции, подтверждалось с каждым днем и впоследствии. Опорой этой революции являются пролетариат и мелкобуржуазные народные массы города и деревни. Буржуазия же—это паразит революции.

Если она теперь выступает радикальнее, чем в 1905—1906 гг., то лишь потому, что благодаря десятилетней работе крота истории,—десятилетней работе, из которой $2^1/_2$ года войны можно считать за четверть века, падение царизма и победа революции, каковы бы ни были дальнейшие судьбы ее, на этот раз окончательны.

Поскольку вопрос идет об активном участии буржуазии в революционных боях, буржуазной нельзя назвать ни одну революцию, а менее всего эту русскую. Буржуазный или не буржуазный характер революции должен, следовательно, определяться по другому признаку, а именно по тому, каковы есть или каковы должны быть объективные результаты революции.

Революции XVI, XVII, XVIII и первой половины XIX вв. были буржуазными революциями, т. к. их единственным результатом было то, что они проложили дорогу капиталистическому развитию. Все политические и хозяйственные мероприятия этих революций создавали условия, при которых могли развиваться лишь капиталисты и капиталистическое хозяйство. В виду того, что дело обстояло так, и в виду того, что еще не существовало настоящего промышленного пролетариата, эти революции были буржуазными революциями и иными быть не могли. Эти революции закончились июньской битвой 1849 г. в Париже, когда буржуазия разбила наступающий вслед за ней пролетариат, пытавшийся повести революцию дальше ее буржуазных целей. Это был большей частью не фабричный пролетариат,—ему недоставало ясности мышления, он был неорганизован, но все же он представлял собой сознающую свои интересы рабочую массу, видящую в капитализме своего врага. С этого времени в Европе не было больше буржуазных революций. Буржуазия достигла власти, рычаг капиталистического развития находился в ее руках, и она ставила себе целью подавление пролетарской революции.

Эра революций, носящих чисто-буржуазный характер, наступила затем лишь в странах с молодым капитализмом: в Персии, Китае, Турции. Кто называет русскую революцию буржуазной, тот ставит Россию на одну ступень с этими восточными странами. Но Россия принадлежит к Европе. Русское сельское хозяйство, правда, носит еще несколько феодальный характер, в населении России преобладает крестьянство, но, вместе с тем, в России имеется в высшей степени развитая и сконцентрированная промышленность, с миллионным пролетариатом, уже двадцать лет ведущим жесточайшую классовую борьбу и пережившим уже раз революцию и контр-революцию,—с пролетариатом, который во время войны первый поднял знамя войны гражданской.

Как бы мало ни было процентное отношение русского рабочего класса ко всему населению России, он сыграл в этой революции, как и в предыдущей, роль, сильно превосходящую его численное значение. Это вызвано преобладанием города над деревней, овладением телеграфом и железной дорогой. Значение рабочего класса в этой революции увеличивается еще в десятки раз не потому только, что за десять лет революции и контр-революции его численность значительно возросла; не потому только, что он за эти годы невероятно многому научился, но в первую голову потому, что революция началась во время войны, исход которой зависит от производства амуниции. Даже в том случае, если бы буржуазии удалось переманить на свою сторону часть солдат-крестьян, она все же не смогла бы повторить июньских дней 1849 г., не повредив войне. До тех пор, пока она питает надежду приблизиться к своим военным целям, она будет делать уступки рабочему классу, будет пытаться покорить его не с помощью пулеметов, а с помощью социал-патриотизма.

Уступки, которые буржуазия благоволит делать пролетариату, имеют свойство не удовлетворять его. Он продолжает революцию. Он осмеливается нарушить святыню всякой буржуазии—„порядок“ на фабриках и в армии, пытаясь как здесь, так и там демократизировать правление: избрание офицеров солдатами, должностных лиц на фабриках—рабочими. И все это не когда-нибудь, в далеком будущем, а

теперь, сейчас же, во время войны, когда буржуазия видит в каждой задержке доставления прибыли и производства гранат покушение на самые основы общества. Продовольственный кризис, взвинчивание цен военными спекулянтами приведут пролетариат к требованию все более драконовских мер. Неохотное исполнение требований рабочих временным правительством будет все более с бострять конфликт между ними. Вопрос о заключении мира доведет этот конфликт до высшей точки.

Согласятся ли Милюковы и Гучковы, главным обвинением которых против царизма было то, что он не достаточно хорошо организовал человеческую бойню,—согласятся ли они теперь, под давлением рабочих масс, отказаться от своих империалистических военных целей? Согласятся ли они порвать с Англией и Францией и окончательно потерять и так уже очень слабые виды на дальнейшую финансовую „поддержку" Антанты? Империалистическая буржуазия решится на мир лишь под очень большим давлением рабочих масс, лишь в том случае, если она будет поставлена перед альтернативой: передача власти пролетариату или мир. Это давление будет состоять в борьбе рабочего класса с временным правительством,—в борьбе, которая уже начинает развиваться, и при которой все частичные конфликты сольются и превратятся в полную противоположность интересов.

Достаточно ли быстро буржуазия окажется готовой на компромисс заключения мира,—это большой вопрос. Если она этого не сделает, и, поддерживаемый недовольным крестьянством, теперь военно-организованным и сконцентрированным, пролетариат станет у власти, он не сможет сделать ничего иного, как начать проводить мероприятия для перехода к социализму. Как он может прекратить спекуляцию военных поставщиков, не захватив в свои руки банков и не организовав сельскохозяйственного производства? Как он сможет урегулировать вопрос промышленного производства, если не введет на фабриках демократизм и не поручит управление ими государственным уполномоченным?

Очутившись хотя бы на короткое время у власти, русский пролетариат не может не начать шаг за шагом проводить в производстве

социализм. Он должен будет сделать это не из логических соображений, т. к., очутившись у власти, он не потерпит над собой никаких деспотов, но под давлением нужды и стремления уничтожить ее. Но предположим, что,—а это весьма возможно,—все прибывающие силы пролетариата склонят русскую буржуазию и Антанту к миру, что подготовляющийся огромный конфликт между русской буржуазией и пролетариатом не наступит до окончания войны, и что при заключении мира буржуазия будет еще находиться у власти. Тогда перед нею встанут чудовищные задачи: доставить работу возвращающимся рабочим, оделить землей крестьян и снабдить хлебом все население. Все это она должна произвести придавленная тяжестью стомиллиардного долга в стране, производительные силы которой она не в состоянии быстро восстановить. Все грехи царизма, все последствия войны, за которую она ответственна наравне с царизмом, обратятся против нее. Если до окончания войны Милюковых и Гучковых не постигнет участь царизма,—борьба пролетариата против них начнется на другой день после подписания мира.

По своему объективному смыслу эта борьба является борьбой пролетариата за социализм. В какие переходные формы выльется в ходе борьбы социалистическое промышленное производство при временном сохранении мелкого производства в сельском хозяйстве и не закончится ли эта борьба временным поражением пролетариата,—сейчас никому не известно. Да этого и не нужно знать для определения характера совершающейся русской революции. Это—социалистическая пролетарская и вместе с тем крестьянская мелкобуржуазная революция. Это кажущееся логическое противоречие вытекает из условий русской жизни: Россия—это страна с очень отсталым сельским хозяйством и в высшей степени развитой промышленностью.

4. Русская революция и европейский пролетариат.

Капиталистическая Европа и ее социал-патриотические прихвостни заявляют: да, Россия—это совсем другое дело. Целью этой революции являлось свержение царизма или,

как выразился представитель правого циммервальдского крыла Роберт Гримм, она должна проводить на Неве основания швейцарской республики, т.-е. установить господство буржуазии с призывом на военную службу бастующих рабочих, с воспрещением демонстраций и со всеми прелестями псевдодемократии, искаженной капитализмом. А так как в Западной Европе эти прелести уже существуют, т. к. даже немецкая буржуазия теперь более или менее готова ввести их, то как социал-патриоты Антанты, так и социал-патриоты центральных держав надеются избежать у себя революции, которая так нравится им в России.

Неосновательность этих надежд обнаружилась еще во время короткого периода первой русской революции 1905—06 гг. Еще тогда пламя русской революции начало перебрасываться в Европу. Австрийское правительство в виду революционного настроения пролетариата оказалось вынужденным ввести всеобщее равное избирательное право, которому оно долго противилось. В Пруссии рабочий класс выступил на улицу, во Франции он пытался революционным путем ввести восьмичасовой рабочий день. И хотя подавление русской революции нанесло удар революционному движению других стран,—удар, который был быстро использован оппортунистами в лице реформистов и представителей центра для окончательного уничтожения начинающегося революционного массового движения, все же революционный кризис в Европе перед войной заметно обострился. Англию залила волна забастовок, какой она не видала со времен выступлений чартистов. Дороговизна, картелизация производства и расходы по вооружению поставили немецкий пролетариат перед дилеммой либо перейти к тактике революционной массовой борьбы, либо позволить отбросить себя в смысле условий существования на тридцать лет назад. Короче говоря, еще до мировой войны в Европе назревали крупные революционные столкновения. Эпоха империализма является вместе с тем эпохой начала социалистической революции, т. к. она возлагает на пролетариат такие тяготы, которые нельзя уничтожить никакими демократическими реформами, и так как состояние промышленности в главных капиталистических государствах, ее централизация

и техническое развитие делают вопрос перехода к социализму вопросом силы. Раз приведенный в движение, пролетариат Средней и Западной Европы необходимо должен повести борьбу за экспроприацию капитала и за социалистическую организацию производства.

Так стоял вопрос уже в то незапамятное мирное время сравнительно спокойного развития, которое предшествовало войне. Но теперь мы имеем за плечами больше двух с половиной лет войны с такими хозяйственными, политическими, социальными и психологическими переменами, которые вообще с трудом можно было бы провести в течение четверти века. В высшей степени централизованная промышленность, объединенное военное производство. Гигантская подготовительная работа для социализма произведена, таким образом, империализмом. Часть среднего сословия уничтожена, брошена в ряды пролетариата и проникнута озлоблением, свойственным деградирующемуся классу. Пролетариат превращен в раба колоссального производства, скован цепями милитаризированного труда; его организации обескровлены, в то время как крупный капитал благодаря всем военным переменам в производстве, напротив, механически организовался и укрепился. Демократические законы растоптаны. Чудовищная задолженность обрекает рабочих и мелкую буржуазию на существование рабов, которые половину года должны трудиться для уплаты налогов по покрытию государственного долга. Дороговизна, вызванная опустошением полей и истреблением скота и обесценением денег, вырывает у них изо рта последний кусок хлеба. Вот в каком положении очутится пролетарий, если война закончится без европейской революции, и он, наконец, возвратится с полей сражения в родной дом, на пороге которого его встретит мучительный вопрос: как достать работу? Как бы ни закончилась мировая война, — она приведет к пролетарской, к социальной революции.

Если уж русская революция в 1905 г. имела значение не только для России и выросла не на чисто-русской почве, то это нужно приписать особенностям русских отношений. Особенное положение России, полная непригодность, обнару-

женная царизмом в империалистической войне, существование недовольного крестьянства лишь ускорили взрыв революции. Вызвана же она была нуждой, голодом, возмущением войной, т.-е. общеевропейскими обстоятельствами. Как сегодня в России, точно так же завтра революция может вспыхнуть в другом из воюющих государств. Объективное положение в Европе в настоящий момент революционнее, чем когда бы то ни было. Капитал стоит на вулкане. Эра социальной революции в Европе открыта.

Злодеи, столкнувшие человечество в эту пропасть, чувствуют, как почва колеблется у них под ногами. Апрельский манифест немецкого кайзера лучше всего доказывает это. Все расчеты Антанты использовать русскую революцию в целях своей победы, как и расчеты центральных держав использовать ее для своих „мирных целей", производятся без хозяина. При настоящем положении вещей дело идет не о войне и мире, не о победе и поражении. Это — вопрос жизни и смерти европейского капитала, вопрос — социализм или капитализм, это вопрос социальной революции.

Циммервальд на распутье.

I.

Дело председателя первой и второй циммервальдских конференций Роберта Гримма, подняло вокруг себя такой шум, среди которого многие совершенно не заметили, что циммервальдское движение стоит на распутье. Вопрос о политической честности товарища Гримма, за которую, впрочем, единогласно высказалась занимавшаяся этим вопросом следственная комиссия, ни в коем случае не мог быть вопросом судьбы циммервальдского движения даже и тогда, если бы тов. Гримм играл в нем никогда не принадлежавшую ему в действительности роль его главного идейного руководителя.

Идеи существуют независимо от своих случайных носителей, и судьба их зависит не от уклонения с пути единиц, но исключительно от того, соответствует ли данная идея потребностям какого-нибудь способного к развитию класса. Дело Гримма закончено.

Но кризис, заложенный в циммервальдском движении с самого дня его зарождения и приводивший к внутренней борьбе на обоих циммервальдских конгрессах, только идет к разрешению.

Циммервальдское движение создалось в начале второго года войны из объединения итальянской партии, всех оттенков оппозиции немецкой партии, представителей только нарождающейся оппозиции французского профессионального движения и французской партии, а также русских и польских эмигрантов. Таким образом, оно с самого начала обнимало совершенно разнородные элементы. На-ряду с партиями, хотя и протестующими против войны и желающими проти-

вопоставить ей социалистический идеал, но вместе с тем отвергающими всякую мысль об агитации массовой борьбы против войны, там находились партии и группы, видящие в этой агитации важнейшую задачу социал-демократии. Это противоречие между активным и пассивным интернационализмом повело и к дальнейшим противоречиям.

В то время, как сторонники протеста, именно вследствие того, что их политика исчерпывалась протестами, считали разногласия с социал-патриотами лишь временными и преходящими, активные интернационалистические элементы обрушивались на социал-патриотов со всей силой. Они на практике убедились, что противодействие социал-патриотов еще крепче приковывает народные массы к колеснице буржуазии, чем это были в состоянии сделать репрессивные меры правительства. Поэтому перед ними весьма остро встал вопрос о причинах превращения некогда революционной социал-демократии в оплот порядка. Они увидели причину этого превращения в оппортунизме, который благодаря быстрому хозяйственному развитию при относительном политическом застое разъедал рабочее движение, и решили, что если перемена социально-политических предпосылок европейского рабочего движения может привести к уничтожению бюрократизма и бюрократических методов, то предварительным условием оздоровления международного рабочего движения является разрыв с социал-патриотами и социал-империалистами. В практической области борьба в рядах циммервальдского объединения сводилась к вопросам о массовом движении и о расколе. Формулами же борьбы в теоретической области являлись: реформирование империализма или его уничтожение в периоде социальной революции. Велась эта борьба, главным образом, большевиками, польскими марксистами и немецкими левыми радикалами, с одной стороны, и немецкими представителями центра, т.-е. направлением Гаазе, Ледебура, Каутского, — с другой.

Эта борьба носила как-будто чисто-теоретический характер до тех пор, пока народные массы делали лишь первые шаги в борьбе против войны. Русская революция необычайно обострила эти как-будто чисто-теоретические разногласия.

Во всех странах мы наблюдаем начинающееся настоящее

массовое движение, рост которого является вопросом жизни и для русской революции и для европейского пролетариата. Весьма возможно, что империалистические правительства, под давлением начинающегося пролетарского движения, заключат мир, чтобы образовать общий фронт против грозной опасности переворотов. Задача социал-демократии состоит, однако, не в том, чтобы вычислить темп движения а в том, чтобы определить направление работы и наметить цель своей деятельности. В Кинтале в резолюциях по вопросу о мире циммервальдское движение теоретически поставило своей целью уничтожение империализма. Путем, ведущим к этой цели, признало пролетарский переворот и отвергло пацифистские псевдореформы империализма, не говоря уже о так-называемом соглашательском мире, являющемся ни чем иным, как мошенническим миром империализма. Но это принципиальное знамя Кинталя было совершенно заброшено итальянской партией и центром немецкой партии, теперешней независимой социал-демократией. Они продолжали плескаться в мелкой луже мещанского пацифизма.

Это до тех пор не приводило к расколу циммервальдского направления, пока соглашательский мир не стал практическим лозунгом двух значительных социал-патриотических течений, стремящихся теперь к объединению и обладающих большой притягательной силой для всех неустойчивых элементов. Мы говорим о Стокгольмской международной конференции.

II.

Инициатива созыва этой конференции исходила от „нейтральных“ социал-патриотов — господ Брантинга, Трельстра и Стаунинга. Хотя симпатии этих господ и расходились, но их объединял взгляд, выраженный Трельстра в его письмах к Het Volk, что, если социал-патриоты своевременно не объединятся для ускорения окончания войны, они рухнут в пропасть вместе с правительствами. Но авторитет этих великих людей в малых делах даже после того, как они позаимствовали весь багаж обанкротившегося интернационального бюро, оказался слишком мал для того, чтобы заставить французских и английских социал-патриотов отка-

заться от лозунга победы над немецким империализмом. Сделать это могли лишь факты, заставившие отказаться от мысли о победе, и французское, и английское правительства, политику которых отражают собой социал-патриоты Антанты. Этот факт представляет собою развитие русской революции.

В случае, если она в дальнейшем развитии не только ослабит военную мощь России, но и вызовет движение против империализма во всех воюющих странах, английское и французское правительства откомандируют своих социал-патриотов в Стокгольм, чтобы неофициально начать мирные переговоры. Пока в этом направлении работает Петербургский совет рабочих и солдатских депутатов с согласия русского временного правительства. Но не давайте ослеплять себя лозунгом мира без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов! Этот лозунг означает или пролетарскую революцию, которая одна только в состоянии освободить народы, или же мир, который делает недействительными произведенные во время войны аннексии и заменяет их другими, производимыми на основании соглашения между правительствами. Органы большинства совета рабочих депутатов считают утопией мысль о предстоящем общеевропейском перевороте; они стоят на практической почве соглашательского мира империалистических правительств. Интернациональная деятельность Петербургского совета рабочих и солдатских депутатов направлена к достижению этого.

Мир должен быть вызван общим давлением социалистических партий. Характер этого давления, как и характер интернациональной деятельности совета рабочих депутатов и партий, к которым он обращается, определяется их внутренней политикой.

О характере политики социал-патриотического большинства совета рабочих и солдатских депутатов нам не приходится распространяться слишком долго: он сам позаботился о том, чтобы как можно ярче осветить свою политику перед международным рабочим классом. В тот самый день, когда представители совета рабочих депутатов переехали границу России с целью начать в Стокгольме переговоры о международной

акции для достижения мира, телеграф разнес по всему миру весть, что с согласия главы совета рабочих и солдатских депутатов Церетели, действующий от его имени и на его ответственность военный министр Керенский отдал приказ начинать наступление.

Это начатое с согласия социалистических вождей наступление, для которого не потребовалось даже, чтобы их союзники — лондонские, парижские и нью-йоркские капиталисты—хотя бы на иоту отступились от своих империалистических целей, доказывает, что мирная политика русских социал-патриотов представляет из себя старинное соединение меча и ветви мира. Аргументы, при помощи которых русские социал-патриоты защищают это наступление, вполне подтверждают это. Если мы хотим заставить как наших союзников, так и наших врагов считаться с нашей волей,—мы должны показать им, что мы представляем собою силу. Таким образом, силой, которую русские социал-патриоты хотят бросить на весы истории, является не революционное движение, начинающееся в других странах под влиянием русской революции, а дипломатические переговоры, опирающиеся на военные силы. Если русские социал-патриоты полагают, что их военная операция, доказав, что революция не ослабила военной мощи России, укрепит доверие рабочих масс к революции и вызовет международное пролетарское движение, то они находятся в чреватом тяжелыми ошибками заблуждении.

Рабочие всех стран жаждут мира. То, что рабочий класс не стал до сих пор решающим фактором мира, уже в течение нескольких месяцев следует приписывать не националистическому желанию „продержаться“ в войне, а исключительно чувству бессилия, взрощенному в нем социал-патриотической политикой. Русская революция была для европейских рабочих светлым лучом: она доказала силу пролетариата в борьбе с одной из клик, начавших войну; она указала ему путь к окончанию войны. Повсюду массы пришли в движение. Из Германии и Франции, из Австрии и Англии люди, стоящие на различнейших точках зрения, сообщают, что в настроении масс произошел перелом, и что они го-

товы перейти к действию. И вместо того, чтобы сделать все возможное для того, чтобы соответственной деятельностью внутри страны показать пролетариату всего мира пример самостоятельной политики; вместо того, чтобы порвать империалистические договоры, сициал-патриотическое большинство в России, связав себе и части пролетариата руки своим вступлением в капиталистическое правительство, становится игрушкой империалистов Антанты, вынуждающих его к новому наступлению. Отсутствие веры в пробуждение рабочего класса, зависимость от империализма Антанты, вот что складывается на политику большинства совета рабочих депутатов, эта политика могла в лучшем случае повести к подготовлению соглашательского, т.-е. мошеннического, мира империализма.

Между тем, эта политика потерпела полное банкротство. Вместо того, чтобы доказать военную мощь России, она окончилась полной неудачей наступления: расстрелом русской артиллерией по приказу русских социал-патриотов целых русских дивизий. Она повека к восстанию петроградского пролетариата и к его кровавому подавлению войсками, верными социал-патриотическим вождям. Это не мешает, однако, запятнанным кровью пролетариата русским социал-патриотам продолжать разыгрывать из себя „объединителей“ международного пролетариата.

Церетели и Дан хотят путем дипломатических переговоров убедить господина Ллойд-Джорджа понизить свою „цену мира“. Но они все же достаточно смыслят в мировой политике для того, чтобы понимать, что заигрывать с чортом опасно. Они боятся одни войти в зал переговоров с империалистическими дельцами. Они хотят иметь за собой грозные, рычащие народные массы. Революцию в Европе они считают утопией, но небольшой спектакль революционного характера—возможным и полезным. Поэтому они стараются сломить сопротивление Ренодель и Гендерсона. Они хотят при помощи воззвания к английским и французским рабочим массам привести их в Стокгольм и здесь добиться от них согласия на соглашательский мир. Но для этого нужны партнеры из центральных держав. Французские социал-па-

триоты милостиво выдают немецкой оппозиции, независимой социал-демократии, свидетельство в том, что она действительно представляет собой социалистическую партию. Но они не хотят признать в ней фактора параллельной силы, потому что, ведь, Тома—министр, что же по сравнению с ним значит партия, „не имеющая прямого влияния" на правительство? Вот Шейдеман—это другое дело. Хотя он и не министр, а лишь может им скоро сделаться, но, во всяком случае, он вертится в прихожей господина Бетман-Гольвега. Хотя Ренодели и очень ругают Шейдеманов, но все же считают их сильным фактором немецкого рабочего движения. И Церетели тоже. Между русскими и французскими социал-патриотами в отношении к немецким имеется лишь та разница, что Ренодели требуют, чтобы Шейдеманы торжественно отреклись от продолжения своей политики в то время, как Церетели заявляют, что достаточно будет вместе принести присягу, что они не желают впредь иметь ничего общего с империалистическими филистерами.

Очень возможно, что, несмотря на все искусство французских социалистических патриотов уклоняться, старания русских социал-патриотов увенчаются успехом. Русская революция, которая, несмотря на политику русских социал-патриотов, очень сильно влияет на французские народные массы, заставит французское правительтсво и французских социал-патриотов, в конце-концов, примириться со Стокгольмской конференцией. Тогда наступит всеобщая взаимная амнистия социал-патриотов. Социал-патриоты соберутся вместе для „протеста" против империалистического правительства.

III.

Не будет ли это нашей победой? Не следует ли нам использовать положение, чтобы подогнать социал-патриотов на общую конференцию? Не из фракционной ли вражды большевики, польские марксисты, болгарские тесняки, шведские левые социалисты и немецкие левые радикалы заявляют: мы не пойдем на конференцию с социал-патриотами, мы даже выступим из циммервальдского объединения в том случае, если большинство пойдет на такую конференцию?

Нет, это не фракционная вражда, не теоретическая предвзятость. Это—хладнокровная оценка международного положения. То обстоятельство, что социал-патриоты всех стран в течение трех лет вели политику гражданского мира и поддерживали империалистические правительства, ни в коем случае не являлось результатом какого-то преходящего военного психоза. Оно являлось результатом того, что большинство пролетарских вождей в период мирной эпохи Второго Интернационала сделались настоящими оппортунистами, и что они нашли в слое хорошо оплачиваемых рабочих благодарную почву для политики обманчивых реформ.

Разве все это прошло безвозвратно? Разве могут социал-патриоты из мелкобуржуазных реформаторов превратиться в людей пролетарского дела? На этот вопрос не может быть двух ответов. Ренодели, Гендерсоны, Тома, Шейдеманы и Адлеры под давлением обстоятельств могут вполне порвать со своими правительствами; они могут отважиться на протестующие фразы и жесты, но они не могут руководить массовым движением. Русская революция дала этому разительный пример. Чхеидзе и Скобелевы были оппортунистами еще до войны. Но варварские русские отношения не давали им возможности ни надеяться на реформы, ни поддерживать правительства. Когда рабоче-солдатские массы свергли царское правительство, при чем произошло это без всякого поощрения со стороны оппортунистов, эти последние не были еще политически связаны. Они не имели за собой шейдемановского прошлого. Несмотря на это, они ведут политику, которая на каждом шагу вредит революции и подготовляет почву для контр-революции, и, наконец, переходят к кровавому усмирению революционных рабочих. Европейские социал-патриоты сейчас ведут явно к о н т р-р е в о л ю ц и о н н у ю п о л и т и к у. Завтра, когда массы выступят против нее, они будут стремиться втиснуть это движение в умеренные границы и навязать ему в виде окончательной цели не захват политической власти, а „давление“ в целях достижения реформы империализма. В этой политике они будут поддержаны неустойчивыми элементами, как Гаазе, Лонге, Модилиани, которые, как показывает меморандум немецких независимых, имеют в виду лишь исправление этой лучшей из всех систем, и это в такое трудное время.

На конференции, созываемой советом рабочих депутатов, образуется социал-патриотическое центристское большинство, которое в области программы выскажется за реформы, а в области дела—за политику бессильных демонстраций. Немецкие, английские и французские социал-патриоты вместе с независимой германской социал-демократией, пацифистской английской Independent Labour Party и итальянским партийным большинством наложат на конференцию свою печать, хотя бы центристские элементы были более чем убеждены, что они идут на конференцию для борьбы с социал-патриотами. Но не должны ли мы итти на конференцию, чтобы через головы Шейдеманов и Реноделей обратиться к стоящим за ними рабочим массам? Но в Стокгольме массы будут отсутствовать. Налицо окажутся лишь вожди, ведущие главную работу за кулисами и явно разыгрывающие комедию братания. Мы обращаемся к массам, заранее заявляя, что не имеем с стокгольмским обманом ничего общего, и дискредитируя каждый шаг этих миротворцев, Циммервальдская конференция должна решить, станет ли Циммервальд краеугольным камнем прежнего Интернационала,—Интернационала действия, или он является лишь временным убежищем для революционных социал-демократов и утомленных войной оппортунистов. Нам не страшен этот вопрос. Только в процессе великой массовой борьбы, приближение которой мы уже видим, создается Интернационал действия, и мы можем хладнокровно ожидать, изберет ли он своим исходным пунктом уже существующее временное объеденение, или в будущем построит себе собственное здание.

Циммервальд, как блок революционных социал-демократов - интернациналистов с неустойчивыми элементами, стоит перед ликвидацией. Эти элементы готовятся заключить блок с международным социал-патриотизмом. Если они окажутся большинством в циммервальдском объединении,—это объединение можно считать несуществующим. Если же они окажутся в меньшинстве, тогда лишь Циммервальд станет центром настоящей борьбы. Одно из двух!

Что значит отказ от защиты отечества?

I.

Все расширяющиеся круги оставшихся верными социализму элементов как в воюющих, так и в нейтральных странах пришли к заключению под влиянием войны, под ее ударами, что если пролетариат в эпоху империализма не откажется от защиты отечества, то он выдаст себя головой буржуазии.

Добровольное признание защиты отечества означает собой приостановку классовой борьбы, гражданский мир, развал Интернационала не только на время войны, но и длительное разоружение пролетарского Интернационала перед капитализмом.

Признав, что в его интересах защита прочности капиталистического государства, пролетариат должен и в мирное время быть за вооружения, должен поддерживать свою буржуазию против чужой в конкуренции на мировом рынке, ограничить борьбу за улучшение своего положения,—одним словом, вместо усиления классовой борьбы—установить длительный гражданский мир.

Эту необходимость во Франции и Германии предвидели такие последовательные социал-патриоты, как Эрве, Кольб, Гейне и др., и они открыто выступили за превращение интернациональной социал-демократии в реформистские партии. Этот отказ социал-демократии от роли органа классовой борьбы таит в себе смерть Интернационала в мирное время. Протестуя против него, все более увеличивающиеся рабочие ряды в момент войны чутьем начинают понимать, что признание принципа защиты отечества, как добровольного несения

политического долга, а не навязанной мощью государства необходимости, в корне ошибочно. Теоретический анализ сущности империалистической эпохи, сделанный революционными марксистами, убеждает в правильности этого пролетарского чувства.

Левое крыло Циммервальда ясно доказало, что в империалистическую эпоху нет у пролетариата жизненных интересов, заставляющих его стоять за защиту отечества („оборону"). Так-называемая защита отечества нисколько не означает борьбы за сохранение уже существующего государства. Как раз наоборот: каждое развитое капиталистическое государство стремится к расширению своих границ. Пролетариат, думая, что защищает независимость своей нации, на самом деле помогает порабощению других. Бельгийские рабочие, проливая свою кровь за независимость своего государства, помогают не только сохранить бельгийское Конго в руках бельгийской буржуазии, но тем самым помогают Антанте, в лагере которой Бельгия воюет, удержать сотни миллионов индусов и египтян под кнутом англичан. И если, наприм., Швейцария, затронутая Германией, стала бы на сторону Франции (а генерал Вилле открыто заявил, что затронутая одной стороной Швейцария тотчас станет на другую), то рабочие Швейцарии помогли бы увеличить добычу Антанты и удержать миллионы людей в зависимости от капитала Англии, Франции и России. Или же они помогли бы отдать Сербию, Турцию и Польшу в жертву немецкому капиталу. Свою независимость Швейцария потеряла бы во всяком случае и сделалась бы маленьким членом империалистического синдиката. Она помогла бы надеть цепи другим народам и сама вышла бы из войны обремененная цепями. Сражаясь на стороне одной коалиции, она должна была бы после войны бояться мести другой. Чрезвычайные военные издержки поставили бы ее в дальнейшую финансовую зависимость от своих более крупных союзников. В мировой империалистической войне исчезает независимость не только некоторых великих держав (не говоря о маленьких государствах), но демократия там, где она существует. Это доказывает практика войны в Англии и Франции, где в силу военной необходимости принесены в жертву милитаризму

все демократические свободы: печати и собраний, свобода союзов, мощь парламента и т. д. А когда после войны рабочая масса попытается защититься от тягот этой войны, чрезмерно окрепший в военное время капитал всеми силами будет бороться против восстановления демократических прав, потому что эти права будут в руках пролетариата могучим орудием борьбы с неслыханной тяжестью последствий войны.

Также и экономические интересы пролетариата не требуют защиты отечества, не оправдываются ею. И страх перед контрибуциями не оправдывает ее. Самая большая вынужденная в начале войны контрибуция была бы только незначительной частью того, что стоила война до сих пор и чего ни одна нация не сможет возместить другой, потому что все изнемогли за время войны. Жесточайшее порабощение рабочего народа вследствие такого вражеского вторжения, — принудительный труд бельгийцев и поляков, разве это не есть то самое, чего требуют воюющие правительства от собственного населения? Разве не были уничтожены во Франции, Германии и Англии право стачек и свобода передвижения, т.-е. введены принудительный труд и принудительная переброска рабочей силы на работу в военной промышленности? Это ясно доказывает, что путем признания защиты отечества, путем поддержки собственной буржуазии во время войны пролетариат ни своей национальной независимости, ни прав демократии, ни своих экономических интересов защитить не может. Поддерживая буржуазию в ее войне, пролетариат по окончании ее станет рабом буржуазии. Во всяком случае, при указанных обстоятельствах признание защиты отечества означает выдачу пролетарских интересов капиталу.

II.

Это становится, как выше сказано, ясным все более широким рабочим кругам во всех воюющих странах. Левые радикалы в Германии, т.-е. интернациональная группа (называемая также „Спартак"), с Либкнехтом, интернациональные социалисты Германии с Борхардтом, группа „Рабочей политики", с Книфом во главе, циммервальдцы во

Франции, группирующиеся вокруг „Комитета Восстановления Интернациональных Отношений", радикальные русские социал-демократы под руководством Ленина, польские социал-демократы, голландские марксисты в лице Гортера, Пеннекука, Ванкопа, Роланд Гольст, шведские радикальные социал-демократы с вождем Хеглундом, левое крыло американской социал-демократии и т. д.,—все они отклоняют социал-патриотизм (оборончество), т.-е. защиту отечества.

Что же означает это отклонение защиты отечества? На этот счет распространены в рабочих кругах самые разнообразные взгляды. Одни говорят: отклонение защиты отечества—это отклонение военных кредитов в парламенте. Но это очевидный вздор: отклонение военных кредитов в парламенте будет только выражением протеста пролетариата против войны, это не есть борьба против сокрушающих пролетариат последствий ее. Отклонение военных кредитов имеет значение либо вступления в борьбу вне парламента, либо никакого.

Другие говорят: это значит отказ от службы во время войны. Но и это неверно: нет у пролетариата, который в мирное время вел только мирную борьбу за маленькие улучшения своего положения той силы, которая позволила бы ему отказаться без дальних слов от военной службы в случае войны. А единичные отказы от службы со стороны наиболее сознательных пролетариев привели бы только к их уничтожению военной властью. Мы никоим образом не утверждаем, что эти акты личного самопожертвования лишены всякого революционного значения, но личные акты — дело личностей, а не партии.

Третьи думают, что отклонение защиты отечества означает для пролетариата борьбу за разоружение и отказ от фабрикации военного снаряжения. Это неправильно. У пролетариата, как слитного целого, как класса, нет выбора в предложении своей рабочей силы. Военная промышленность привлекает все больший капитал, и не желающим умереть голодной смертью миллионам пролетариев остается заняться производством братоубийственных орудий. А разоружение, с одной стороны, невозможно при капитализме: господствующий класс буржуазии ни под каким давлением

не выпустит из рук последнего средства своего господства — вооруженной силы. С другой — вовсе не в интересах борющегося за социализм пролетариата уничтожение всеобщей воинской повинности, пока существует капитализм. При уничтожении ее буржуазия будет держать против пролетариата под ружьем толпу наемников в форме полиции и т. п. А пролетарии будут безоружны. И когда нужда и обострение классовых противоречий вовлекут в революционную борьбу большие части народных масс, набираемые при всеобщей повинности из тех же масс, целые части армии пойдут с оружием, данным им буржуазией в бой с ее защитниками.

Судьбу социальной революции решит в конечном счете борьба пролетарской и буржуазной частей армии. Даже и после революции мы не сможем тотчас положить оружия. Буржуазия будет искать случая сразиться с победоносным пролетариатом. Мы должны будем удержать ее силой оружия. Возможно также, что социализм победит не во всех капиталистических странах сразу. Тогда капиталистические правительства стран, в которых пролетариат еще не победил, объявят войну социалистическим странам, и победоносный пролетариат их принужден будет противостоять им с оружием в руках. Своими революционными армиями они должны будут помочь победе социализма в капиталистических странах.

Очевидно, что отклонение защиты отечества не означает ни голого отклонения военных кредитов, ни отказа от военной службы и военного производства, ни лозунга разоружения.

Теория революционного марксизма, как понимает его циммервальдская левая, указывает, что отклонение защиты отечества есть не что иное, как общая революционная политика пролетариата в эпоху империализма.

III.

Главный вопрос пролетарской политики в эпоху империализма—это вопрос войны и мира. Мировая война не только уничтожит теперешние скудные достижения пролетарской классовой борьбы. Последствия этой войны (военные из-

держки, чрезмерная мощь организованного капитала, дороговизна, дальнейшие вооружения) страшно усложнят условия классовой борьбы. Как видно на примере настоящей мировой войны, борьба с империализмом, ведомая только парламентарными способами, совершенно лишена перспектив. Важнейшие решения империализма принимаются не в парламентах, а в тайных кабинетах крупных финансистов, дипломатии и милитаризма.

Требование явной демократической дипломатии не богаче видами на будущее, чем требования нравственной проституции: грабители не совещаются на базаре.

Но если бы пролетариат даже мог принимать решения, то и тогда мы—в меньшинстве. В борьбе с империализмом парламентская трибуна имеет значение только издалека видного места, на котором социал-демократы могут перед лицом народа сорвать маску с лживой игры империализма. Стоящие за ним силы могут быть сражены только действенностью рабочей массы. Если чемпионы империализма увидят рабочую массу, вышедшую на улицу без страха сабель и ружей, они побоятся возможности войны. А выстрелившие ружья и сабельные удары могут потянуть за собой не только обострение борьбы и массовые забастовки. Они могут ослабить дисциплину войск, колеблющуюся больше всего в столкновениях народа с солдатами, когда им наглядно демонстрируют, что они в угоду капитала осуждены быть палачами своих отцов и братьев. Социал-демократия только тогда является мирным фактором, когда при каждой возможности войны она, поставив на карту все, противоставит империализму рабочие массы. Но такая политика требует прежде всего решительного отказа от политики компромиссов с капиталом: нельзя сегодня вести шашни с капиталом, а завтра призывать рабочих к демонстрациям и массовой забастовке.

Далее эта политика требует социально-революционного воспитания масс. Оно состоит в жесточайшей борьбе с национализмом, который втолковывает теперь рабочему классу, что ему необходим империализм; оно состоит в беспощадном разоблачении социал-реформистского обмана, выдающего каждую мелкую реформу за крупное завоевание, уговари-

вающего народ в том, что пролетариату есть уже что защищать, кроме цепей, в разъяснении, что капитализм уже создал хозяйственные предпосылки для социализма, что теперь время каждую борьбу за реформы, каждую борьбу с изъянами капитала расширить и углубить в борьбу за политическую власть. Только при такой агитации и действенности пролетариат может накопить моральную и политическую силу, позволяющую ему претворить в дело теоретическое отклонение защиты отечества. Это дело выявится при грозящей опасности войны, в усиливающейся борьбе пролетариата: от демонстрации через всеобщую забастовку к восстанию. Мы не говорим этим, что социал-демократии удастся при всяких условиях вызвать рабочие массы на самые энергичные средства обороны. Может статься, что доверие рабочих к самим себе, ненависть к капитализму еще недостаточно велики. Тогда борьба может временно остановиться на ступени демонстраций. Буржуазия сможет сбить нас с ног быстрыми ударами, прежде чем мы достаточно окрепнем, и она сможет начать войну. Но наша борьба тогда уже встряхнет народ, покажет ему, что война направлена против его интересов. Не с розами в дулах ружей, не с патриотическими песнями пойдут тогда пролетарии на войну, возможную, как показывает опыт этой мировой войны, только при величайшем самопожертвовании солдат. В тылу останутся ропщущие массы, не прекращающие борьбы ни на минуту и в мгновенье ока создающие себе подпольные революционные организации.

Каждое поражение усилит разложение в войсках, пока оно при растущей массовой борьбе в тылу не превратится в революцию в армии.

Революционная политика перед войной породила бы революционную политику во время войны. Только она одна и может ее породить.

Пролетариат, слишком слабый, чтобы предотвратить войну, мог бы с помощью растущего социального кризиса обратить войну в кризис капитализма, в социальную революцию. Отклонение защиты отечества означает сознательную работу в пользу социальной революции. Только в этой работе лежит отражение грозящих рабочему классу опасно-

стей капитализма. Если бы даже капитализму удалось во время войны еще раз справиться с революционным кризисом, то этот кризис заставил бы капитализм из опасения новых вспышек не слишком тяжелый груз взвалить на пролетариат. Взволнованный, потрясенный этим кризисом народ сумел бы бороться против дороговизны, против сдирания шкуры на фабриках, против политической реакции и национального угнетения. А самое важное—это то, что вспыхнувшая в одном месте борьба разольется через границы и укрепит доверие друг к другу рабочих разных наций, потому что только дело, не бумажные резолюции вызывает доверие. Сама эта борьба является средством защиты демократии и экономических и культурных интересов пролетариата, представляющих единственный интерес пролетариата в национальном вопросе. Только эта борьба способна после частичных поражений и побед социализма пробить брешь в толще капитализма и таким путем привести его к концу.

IV.

Империалистическая эпоха продолжается уже 30 лет, она в течение последних 15-ти лет изо дня в день ухудшала возможности социальных реформ, довела профсоюзную борьбу путем создания трестовых магнатов и союзов предпринимателей до мертвой точки, отбросила назад демократические завоевания, все же пролетарское массовое действие было к началу войны лишь в первой стадии развития. Переход от мирного времени, когда центр тяжести рабочего движения лежал в работе представителей пролетариата, при забастовках и парламентской борьбе, мог совершиться только весьма медленно. Часть вождей социал-демократии—центр под руководством Каутского, Лонге и т. д.—привыкла к мирному движению, боялась работы на пользу революционной массовой борьбы, не верила в нее. Другая часть—реформисты—видела в крохотных успехах единственную реальную возможность, была заведомо оппортунистической, сознательно работала над уничтожением революционного характера рабочего движения, над превращением его в реформистское. Только совсем маленькая часть—левые радикалы — видела в массовых действиях главное

орудие пролетарской борьбы в эру империализма. Центр, как и оппортунисты, старался затоптать ростки новой революционной ориентировки. Таким образом, их теперешнее сваливание вины на массы, что массы были слишком слабы в августе 1914 года, чтобы бороться против войны,—бесстыдное лицемерие, потому что они сделали все, чтобы лишить эту массу подъема, кастрировать ее, и, не довольствуясь тем, что при объявлении войны не пошли впереди нее, перешли в лагерь буржуазии, помогали ей в имериалистической хищнической войне. Теперь под флагом защиты отечества они борются всеми силами с размахом просыпающегося революционного сознания пролетариата.

И все-таки он пробуждается во всех странах. Самые решительные части его стекаются под знамя социальной революции, превращения кризиса войны в социалистический кризис войны. Они мобилизуют пролетариат, ставя конечной целью своей борьбы с дороговизной, военным рабством, продолжительностью войны революционную действенность масс. Они поддерживают беспорядки на почве дороговизны, агитируют за забастовку в военной промышленности, организуют демонстрации за мир, демонстрационные забастовки, ведут революционную агитацию в войсках. Вот это и есть в воюющих странах отклонение защиты отечества на практике.

Какова эта практика в еще нейтральных странах, показывает деятельность наших шведских, румынских (до войны) и голландских товарищей (трибунистов). Хеглунд не довольствовался теоретическим изустным признанием отклонения защиты отечества, в своей борьбе он не дожидался решения партийного съезда. Он агитировал за массовую забастовку на случай войны, организовал для этой цели левое крыло шведской социал-демократии. Голландские товарищи не дожидаются, когда придет война, чтобы голосовать против кредитов. Они идут на улицу с требованием демобилизации. Они не хотят войны и потому протестуют против могущих привести к ней шагов. Раковский в Румынии не составлял ежедневно трех петиций правительству с нудными рецептами изжития дороговизны без вмешательства в борьбу пролетариита. Он повел массы на улицы, рискуя даже столкновением с войсками.

Все они знают, что когда хотят использовать наличную силу пролетариата, пусть даже небольшую сейчас, в качестве мирного фактора, то надо решиться апеллировать к рабочим массам, сила которых может расти только в борьбе. Они прекрасно знают, что пролетариат маленьких стран бессилен удержать даже эти страны от войны, и не ему, конечно, окончить мировую войну. Но они думают о будущем. Если они теперь своими действиями поднимут и укрепят нравственную мощь пролетариата, то война не сломит передовых отрядов его, и он останется верен знамени социализма. Он соединится с пробуждающимся пролетариатом воюющих стран на борьбу за окончание войны, за социализм. И потому, что они понимают социализм не как сборник хороших интернациональных советов, которые можно экспортировать, потому, что знают, что интернациональному социализму служат делом,—они задают себе вопрос: кто знает, а может-быть, эта наша до конца доведенная борьба, это напряжение всех наших сил, может, они будут тем последним толчком, который разбудит революционную борьбу в воюющих странах.

Если мы должны умереть завтра за интересы капитала,—отчего не решиться нам сегодня на все, чтобы показать интернациональному пролетариату после 30 месяцев войны, что социализм жив, что он не фраза на конгрессах, происходящих где-то там высоко и далеко, а такая действительность, за которую борются со всей и всякой энергией.

Отрицание защиты отечества—или фраза, или начало революционного действия масс. Только тогда сможет пролетариат с полным успехом отклонить защиту отечества, когда он уничтожит самые отечества, т.-е. господство буржуазии.

Но чтобы это когда-нибудь действительно совершилось, пролетариат должен уже сейчас везде в воюющих и нейтральных странах изо дня в день углублять свои противоречия с буржуазией и крепнуть в тысячах все обостряющихся действий.

Библиотека
Института В. И. Ленина

Цена **2** руб. **50** коп.